

**ТРУДЫ ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ**

ТОМ ДВЕСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

**SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA**

VOLUME TWO HUNDRED FOURTEENTH

Москва / Moscow
2018

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

PUBLISHED SINCE 1765

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

МОСКВА
№ 6/2018

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS OF THE VEO OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS

OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY
OF RUSSIA

VOLUME TWO HUNDRED FOURTEENTH

MOSCOW
Nº 6/2018

УДК 33

ББК 65

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

214-й том Научных трудов Вольного экономического общества России — специальный выпуск, посвященный Всероссийскому экономическому собранию, которое состоялось 12 ноября 2018 года в Колонном зале Дома Союзов. Издание опубликовано при поддержке Международного Союза экономистов.

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation, «Scientific Works of the Free Economic Society of Russia» are included in the «List of leading scientific journals and publications» produced in the Russian Federation in which basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Volume 214 of the Scientific works of the Free Economic Society of Russia is a special issue marking the Russian National Economic Assembly held on November 12, 2018 at the Hall of Columns of the House of Unions. The publication was supported by the International Union of Economists.

UDK 33

BBK 65

© Вольное экономическое общество России, 2018

© The Free economic society of Russia, 2018

ISBN 978-5-94160-196-7

ISSN 2072-2060

Главный редактор Научных трудов ВЭО России

БОДРУНОВ С.Д.

Президент ВЭО России, Президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционный совет Научных трудов ВЭО России

АСАУЛ А.Н.

Член Президиума ВЭО России, директор АНО «Институт проблем экономического возрождения», заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

ГЕОРГИЕВ Р.М.

Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель декана факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

ГЛАЗЬЕВ С.Ю.

Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, член Координационного совета Международного Союза экономистов, академик РАН, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРИНБЕРГ Р.С.

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРИШИН В.И.

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДАВЫДОВ В.М.

Член Правления ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей иberoамериканского мира, заместитель Председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЫНКИН А.А.

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ИВАНТЕР В.В.

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Координационного совета Международного Союза экономистов, заместитель академика-секретаря, руководитель секции экономики отделения общественных наук РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

- ЛЕМЕЩЕНКО П.С.** Член Международного комитета ВЭО России, Заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)
- ПЕТРИКОВ А.В.** Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова — филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ПОРФИРЬЕВ Б.Н.** Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- САМЕДЗАДЕ З.А.** Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Союза экономистов Азербайджана, председатель Комитета Милли Меджлиса (Парламента Азербайджана) по экономической политике, промышленности и предпринимательству, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)
- СИЛИН Я.П.** Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

СОРОКИН Д.Е.

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЭСКИНДАРОВ М.А.

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН Ю.В.

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГЭЛБРЕЙТ ДЖ.

Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса (США)

НОЛАН П.

Член Международного комитета ВЭО России, профессор, директор Центра о развитии Кембриджского университета (Великобритания)

Редакционная коллегия Научных трудов ВЭО России

- АЛЕКСЕЕВ А.В.** Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия)
- БОБИНА А.В.** Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)
- БАРСУКОВ И.Е.** Член Правления ВЭО России, декан факультета управления ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ), ученый секретарь экспертного Совета ВЭО России по программе независимая оценка качества экономического образования, к.э.н. (г. Москва, Россия)
- ВЕРЕНИКИН А.О.** Член Правления ВЭО России, директор по аспирантуре экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ГОЛОВ Р.С.** Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЗАРАСОВ Р.С.

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЕВ А.А.

Вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития им С.Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

МАНЮШИС А.Ю.

Член Правления ВЭО России, первый проректор Международного университета в Москве, председатель экспертного Совета ВЭО России по программе независимая оценка качества экономического образования, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РАТНИКОВА М.А.

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

Editor-in-Chief of Transactions of the Free Economic Society of Russia

BODRUNOV S.D. President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Council of Transactions of the Free Economic Society of Russia

ASAUL A.N. Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at Autonomous Non-Profit Organization Institute of Economic Revival Problems, Honorary Scientist of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economic, Professor (Saint Petersburg, Russia)

GUEORGUIEV R.M. Vice President of the International Union of Economists, Deputy Dean of the Faculty of Economics and Business Administration at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

GLAZIEV S.Yu. Vice President of the VEO of Russia, adviser to the President of the Russian Federation, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academician at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

- GRINBERG R.S.** Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- GRISHIN V.I.** Vice President of the VEO of Russia, Rector at Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- DAVYDOV V.M.** Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academic Adviser of the Institute of Latin America at the Russian Academy of Sciences, President of the Association of Ibero-American World Researchers, Deputy Chairman of the National Committee on BRICS Research, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- DYNKIN A.A.** Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the International Committee at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, member of the Presidium of the Presidential Council for Science and Education, member of the Presidium at the Russian Academy of Sciences, Secretary-Academician at the Department of Global Problems and International Relations at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

IVANTER V.V.

Full member of the Senate at the VEO of Russia, Academic Adviser at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Deputy Secretary-Academician, Head of Economic Section at the Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

LEMESHCHENKO P.S.

Member of the International Committee at the VEO of Russia, Head of the Theoretical and Institutional Economics Department at the Belorussian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus)

PETRIKOV A.V.

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head at the All-Russian Nikonov Institute of Agricultural Problems and Informatics (branch of the Federal Research Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories – All-Russia Research Institute of Agricultural Economy), Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

PORFIRIYEV O.N.

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

- SAMEDZADE Z.A.** Vice President of the International Union of Economists, President of the Azerbaijani Union of Economists, Chairman of the Committee for Economic Policy, Industry and Business at Milli Majlis (Parliament of Azerbaijan), Doctor of Economics, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan).
- SILIN Ya.P.** Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia).
- SOROKIN D.Ye.** Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the Academic Council at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, Academic Adviser at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- ESKINDAROV M.A.** Vice President of the VEO of Russia, Rector at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Education, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- YAKUTIN Yu.V.** Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Ekonomicheskaya Gazeta Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

GALBRAITH J. Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor at the University of Texas (USA)

NOLAN P. Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor, Director at the Centre of Development Studies, Cambridge University (United Kingdom)

Editorial Board of Transactions of the Free Economic Society of Russia

ALEXEYEV A.V. Member of the Board of the VEO of Russia, Editorial Director at Mir Peremen International Academic and Social Journal, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

BOBINA A.V. Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Academic Conferences and Nationwide Projects at the VEO of Russia, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

BARSUKOV I.Ye. Member of the Board of the VEO of Russia, Dean of the Management Faculty at the Academy of Public Administration, Academic Secretary of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Candidate of Economics (Moscow, Russia).

VERENIKIN A.O. Member of the Board of the VEO of Russia, Director for Postgraduate Education at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

GOLOV R.S.

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), member of the Expert Council for Education and Science at the State Duma, Editor-in-Chief of Economics and Management in Machine-Building journal, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia).

DZARASOV R.S.

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head of Political Economics Department at Plekhanov Russian Economic University, Leading Research Associate at the Central Institute of Economics and Mathematics at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

ZOLOTAREV A.A.

Vice President of the VEO of Russia, President of Saint Petersburg and Leningrad Region interregional organization of the VEO of Russia, member of the Presidium at the International Union of Economists, Executive Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Executive Vice President of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of Saint Petersburg, Candidate of Economics (Saint Petersburg, Russia)

MANYUSHIS A.Yu.

Member of the Board of the VEO of Russia, First Vice Rector at the International University in Moscow, Chairman of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

RATNIKOVA M.A.

Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President, Executive Director at the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia).

Содержание

- 23** **ВСЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ**
52 *С.Д. Бодрунов*
Стратегия прорыва: ресурсы и возможности
71 *С.Ю. Глазьев*
О неадекватности денежно-кредитной политики
и задаче рывка в экономическом развитии
128 *А.Н. Клепач*
Российская экономика: трудный путь вверх
199 *А.Н. Шохин*
Деловой климат в России: возможности для рывка
215 *С.И. Морозов, Е.А. Ильдутов, А.В. Михеев*
Тенденции социально-экономического развития Ульяновской
области
234 *В.В. Ивантер*
Странности российского экономического развития и способы
повышения темпов экономического роста
249 *А.В. Мурычев*
Российская экономика: стратегия прорыва
264 *Р.С. Голов*
Всероссийский экономический диктант: интеллект как основа
сильной и процветающей экономики
- 315** **СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНОГО ФОРУМА
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ:
АБАЛКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ И СЕКЦИИ ЭКОНОМИКИ
ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН**
316 *А.А. Широ*
О настройке экономической политики на рост
323 *Я.М. Миркин*
Российская экономическая модель

- 370 **А.Д. Некипелов**
Некоторые соображения о возможностях ускорения роста
российской экономики
- 380 **Е.Б. Ленчук**
Стратегическое планирование как инструмент ускорения
экономического развития
- 400 **М.Ю. Головнин**
Внешние факторы экономической динамики России и меры
экономической политики
- 421 **М.В. Ершов**
О некоторых рычагах развития экономики
- 432 **А.В. Бузгалин**
Нужны ли российской экономике глубокие изменения?
- 450 **А.В. Петриков**
Экономический рост в сельском хозяйстве России: факторы
и проблемы
- 470 **Н.И. Масленников**
Экономическая политика: риски 2019 года
- 513** **Требования к научным статьям для публикации**

Contents

- 23** **RUSSIAN NATIONAL ECONOMIC ASSEMBLY**
52 ***S.D. Bodrunov***
Strategy of Breakthrough: Resources and Opportunities
- 71 ***S.Yu. Glazyev***
On the Incoherence of Monetary Policy with the Task
of Economic Development Breakthrough
- 128 ***A.N. Klepach***
Russian Economy: the Hard Way to the Top
- 199 ***A.N. Shokhin***
Business Climate in Russia: Opportunities for Breakthrough
- 215 ***S.I. Morozov, E.A. Ildutov, A.V. Mikheev***
Trends of Socio-Economic Development of Ulyanovsk Region
- 234 ***V.V. Ivanter***
Irregularities of Russia's Economic Development and Methods
of Raising Economic Growth Rate
- 249 ***A.V. Murychev***
Russian Economy: a Breakthrough Strategy
- 264 ***R.S. Golov***
Russian National Economic Test: Mental Capacity as a Basis
Of Strong and Prosperous Economy
- 315** **SCIENTIFIFC FORUM OF THE FREE ECONOMIC**
SOCIETY OF RUSSIA: ABALKIN READINGS
- 316 ***A.A. Shirov***
Setting of Economic Policy to Growth
- 323 ***Y.M. Mirkin***
Russian Economic Model

- 370 **A. D. Nekipelov**
Some Reflections on Possibilities of Accelerating Growth
Of Russian Economy
- 380 **Ye.B. Lenchuk**
Strategic Planning as a Tool to Accelerate Economic Growth
External Factors of Russia's Economic Dynamics and Economic
- 400 **M.Yu. Golovnin**
Policy Measures
- 421 **M.V. Yershov**
On Some Mechanisms of Economic Development
- 432 **A.V. Buzgalin**
Does the Russian Economy Need a Deep Change?
- 450 **A.V. Petrikov**
Economic Growth in Russian Agriculture: Factors and Problems
- 470 **N.I. Maslennikov**
Economic Policy: Risks-2019
- 515 Requirements for publication of academic papers**

ВСЕРОССИЙСКОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
СОБРАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ
ПРАЗДНИКУ «ДЕНЬ ЭКОНОМИСТА»

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА:
СТРАТЕГИЯ ПРОРЫВА

12 ноября 2018 года

Колонный зал Дома Союзов

RUSSIAN NATIONAL
ECONOMIC ASSEMBLY
MARKING ECONOMIST DAY

PLENARY SESSION RUSSIAN
ECONOMY: A BREAKTHROUGH
STRATEGY

November 12, 2018

Pillar Hall of the House of the Unions

Вольное экономическое общество России при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации традиционно проводит Всероссийское экономическое собрание, посвященное профессиональному празднику «День экономиста», который учрежден решением Правительства РФ в дату основания ВЭО России.

Всероссийское экономическое собрание и общероссийская высшая общественная экономическая премия «Экономист года» — главные события цикла мероприятий ВЭО России, связанных с празднованием Дня экономиста, таких как Всероссийский экономический диктант, Всероссийский конкурс научных работ молодых ученых-экономистов, десятки научных конференций в Москве и регионах, общественная премия «Экономическая книга года», Всероссийский конкурс экономической журналистики и многих других.

Всероссийское экономическое собрание на тему: «Российская экономика: стратегия прорыва» состоялось 12 ноября 2018 года в Колонном зале Дома Союзов.

Цель собрания: обсуждение предложений экспертного сообщества по обеспечению реализации целей и задач экономической части послания Президента России Федеральному Собранию РФ и Указа Президента России от 7 мая 2018 г., консолидация усилий в решении задач модернизации российской экономики.

Организатором Собрания выступило Вольное экономическое общество России при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Участвовали представители экономической общественности, лидеры российской экономической науки, реального сектора отечественной экономики, видные государственные и обще-

ственные деятели, представители администраций субъектов РФ, молодежных организаций и иностранные гости.

В адрес Всероссийского экономического собрания поступили приветствия.

От председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентины Матвиенко, председателя Российского исторического общества Сергея Нарышкина, уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Бориса Титова, президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации Сергея Катырина, председателя Федерации Независимых Профсоюзов России Михаила Шмакова, глав администраций субъектов Российской Федерации, руководителей академических, образовательных, общественных институтов и посольств иностранных государств.

* * *

The Free Economic Society of Russia (the VEO of Russia) with the support of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation traditionally hosts the Russian National Economic Assembly celebrating the Economist Day, a professional holiday established by the decision of the Government of the Russian Federation on the foundation date of the VEO of Russia.

The Russian National Economic Assembly and the Russian National Higher Public Economic Award “Economist of the Year” are the main events of the cycle of activities held by the VEO of Russia within the celebration of the Economist Day, including the Russian National Economic Test, Russian National Young Economist Contest, dozens of scientific conferences in

Moscow and the regions, the Economic Book of the Year public prize, Russian National Economic Journalism Contest, and many others.

The Russian National Economic Assembly on the topic “Russian Economy: A Breakthrough Strategy” was held on November 12, 2018 at the Pillar Hall of the House of the Unions.

Purpose: discussing the proposals of the expert community to ensure the implementation of the economic goals and objectives of the Address by the President of Russia to the Federal Assembly of the Russian Federation and the Decree of the President of Russia dated May 7, 2018, consolidation of efforts in solving the challenges of the Russian economy modernization.

The Assembly **was organized** by the Free Economic Society of Russia with the support of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. It was attended by representatives of the economic community, leaders of the Russian economic science, the real sector of the domestic economy, prominent officials and public figures, representatives of the Russian regional authorities, youth organizations, and foreign guests.

The Russian National Economic Assembly received welcome speeches from

Chairwoman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation Valentina Matviyenko, Chairman of the Russian Historical Society Sergey Naryshkin, Presidential Commissioner for Entrepreneurs’ Rights Boris Titov, President of the Russian Federation Chamber of Commerce and Industry Sergey Katyrin, Chairman of the Federation of Independent Trade Unions of Russia Mikhail Shmakov, heads of Russian regional administrations, heads of academic, educational, public institutions and embassies of foreign countries.

В.И. МАТВИЕНКО

Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации

VALENTINA I. MATVIYENKO

Chairwoman of the Federation Council
of the Federal Assembly
of the Russian Federation

От имени Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и от себя лично приветствую участников Всероссийского экономического собрания и поздравляю с профессиональным праздником — Днем экономиста.

Сегодня, благодаря эффективному взаимодействию государственных и общественных деятелей, представителей российской экономической науки, экспертов-практиков, в нашей стране происходит существенное преобразование экономики в результате развития новых направлений хозяйственной деятельности, роста экономического потенциала субъектов Российской Федерации, расширения области международного сотрудничества.

Реализация мероприятий, посвященных Дню экономиста, будет способствовать укреплению авторитета специалистов в области экономики, формированию профессиональной этики и ответственности, а также эффективной профессиональной ориентации молодого поколения.

Уверена, что высокий представительский уровень Всероссийского экономического собрания и конструктивность дискуссии в рамках пленарного заседания позволят выработать предложения о поддержке социально-экономических

преобразований в нашей стране и об обеспечении долгосрочного сбалансированного пространственного развития Российской Федерации.

Особое поздравление — лауреатам Общероссийской Высшей общественной экономической премии «Экономист года», чьи достижения на благо общества и государства удостоены высокой оценки.

Желаю всем реализации намеченных планов и новых успехов.

* * *

On behalf of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation and on my own behalf, I welcome the participants of the Russian National Economic Assembly and congratulate you on your professional holiday, the Economist Day.

Nowadays, thanks to the effective interaction of state and public figures, representatives of the Russian economic science, practicing experts, our economy is undergoing a significant transformation as a result of the development of new areas of economic activity, the growth of the economic potential in the constituent entities of the Russian Federation, and the expansion of international cooperation.

The implementation of events marking the Economist Day will promote the prestige of specialists in the field of economics, the development of professional ethics and responsibility, as well as the effective professional orientation of the young generation.

I am confident that the high representative level of the Russian National Economic Assembly and the constructive discus-

sion within the plenary session will make it possible to work out a number of proposals for supporting social and economic transformations in our country and for ensuring the long-term balanced spatial development of the Russian Federation.

I extend special congratulations to the laureates of the Russian National Higher Public Economic Award “Economist of the Year” whose achievements for the benefit of society and the state were highly appreciated.

I wish you all fulfilment of your plans and new successes.

С.Е. НАРЫШКИН

Председатель Российского исторического общества, председатель совета фонда «История Отечества»

SERGEY E. NARYSHKIN

Chairman of the Russian Historical Society, Chairman of the Board of Istoriya Otechestva Foundation

Дорогие друзья!
Приветствую организаторов и участников Всероссийского экономического собрания и поздравляю вас с прошедшим профессиональным праздником — Днем экономиста.

Экономическая наука, как и история, способна не только находить ответы на фундаментальные вопросы настоящего, но и в определенной степени проектировать будущее. Рассчитываю, что интеллектуальный потенциал отечественной экономической мысли будет в этой связи особенно востребован.

Уверен в том, что успех социально-экономического прорыва может быть достигнут лишь совместными усилиями государства, экспертного сообщества и ответственного бизнеса. Отрадno, что Всероссийское экономическое собрание традиционно выступает в качестве площадки их трехстороннего диалога. Это позволяет надеяться на глубокие и значимые результаты предстоящей дискуссии.

Желаю участникам Всероссийского экономического собрания продуктивного общения, новых профессиональных достижений и успехов.

* * *

Dear Friends,
I welcome facilitators and participants of the Russian National Economic Assembly and congratulate you on your professional holiday, the Economist Day.

Economic science, like history, is capable of not only finding answers to the fundamental questions of the present, but also, to a certain extent, designing the future. I expect that the intellectual potential of Russian economic thought in this regard will be in particular demand.

I am confident that the success of the social and economic breakthrough can be achieved only by joint efforts of the state, the expert community and responsible business. It is gratifying that the Russian National Economic Assembly traditionally serves as a platform for their tripartite dialog. This gives hope that the upcoming discussion will bring deep and meaningful results.

I wish the participants of the Russian National Economic Assembly productive communication, new professional achievements and success.

Б.Ю. ТИТОВ

Уполномоченный
при Президенте Российской Федерации
по защите прав предпринимателей

BORIS YU. TITOV

Presidential Commissioner
for Entrepreneurs' Rights
of the Russian Federation

Уважаемые коллеги!

Приветствую участников Всероссийского экономического собрания, посвященного профессиональному празднику «День экономиста», и номинантов Общероссийской высшей общественной премии «Экономист года».

В прошлом 2017 году авторский коллектив программы среднесрочного социально-экономического развития России до 2025 года «Стратегия роста» был удостоен премии «Экономист года» в номинации «За практический вклад в развитие экономики страны». «Стратегия роста» была отмечена как инновационный формат стратегического документа в новейшей истории России.

Тема собрания в этом году: «Российская экономика: стратегия прорыва». Вопрос Стратегии, которая даст рост экономике страны, стоит в настоящее время наиболее остро для всех нас — для общества, бизнеса и государства.

Всероссийское экономическое собрание Вольного экономического общества России — важнейшая площадка для диалога государства, науки, предпринимателей и экспертов с целью получения консолидированной оценки экономической ситуации в стране, выработки мер эффективного развития экономики России.

Сердечно поздравляю участников и гостей Всероссийского экономического собрания, всех членов ВЭО России с Днем экономиста и желаю успехов в дальнейшем формировании сильной экономики России!

* * *

Dear Colleagues,
I greet the participants of the Russian National Economic Assembly marking the professional holiday, the Economist Day, and the nominees of the Russian National Higher Public Economic Award “Economist of the Year.”

Last year of 2017, the task force of the Growth Strategy Mid-Term Social and Economic Development Program of Russia till 2025 was awarded the “Economist of the Year” award in the “Practical Contribution to the Development of the Country’s Economy” Category. The Growth Strategy was distinguished as an innovative format of a strategic document in the modern history of Russia.

The topic of this year Assembly is “Russian Economy: a Breakthrough Strategy.” The issue of the Strategy that will give growth to the country’s economy is currently most acute for all of us: society, business and the state.

The Russian National Economic Assembly under the auspices of the Free Economic Society of Russia is the most important platform for the dialog of the state, science, entrepreneurs and experts in order to obtain a consolidated assessment of the economic situation in the country, to work out measures for the effective development of the Russian economy.

I warmly congratulate the participants and guests of the Russian National Economic Assembly, all members of the VEO of Russia on the Economist Day and wish you success in further development of a strong Russian economy!

С.Н. КАТЫРИН

Президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации

SERGEY N. KATYRIN

President of the Russian Federation Chamber of Commerce and Industry

От имени Торгово-промышленной палаты Российской Федерации приветствую участников Всероссийского экономического собрания, посвященного празднованию Дня экономиста.

Этот профессиональный праздник — дань уважения всем, кто посвятил свою жизнь служению экономической науке, признание заслуг российской экономической школы, отечественных специалистов, экспертов, чьи усилия направлены на развитие экономического потенциала страны, укрепление позиций национальной экономики на мировой арене.

Сегодняшнее Собрание является авторитетной площадкой для открытого и конструктивного обсуждения проблем, вызовов и путей решения актуальных задач, стоящих перед экономикой нашей страны.

Желаю участникам Собрания успешной плодотворной работы, направленной на укрепление делового взаимодействия!

* * *

Оn behalf of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, I welcome the participants of the Russian National Economic Assembly marking the Economist Day.

This professional holiday is a tribute to all those who have dedicated their lives to economics, recognizing the merits of the Russian economic school, Russian specialists and experts whose efforts are aimed at developing the country's economic potential, strengthening the position of the national economy in the world.

Today's Assembly is a distinguished platform for an open and constructive discussion of the issues, challenges and ways to solve actual problems facing the economy of our country.

I wish the participants of the Assembly successful and fruitful work aimed at strengthening business interaction!

М.В. ШМАКОВ

Председатель Федерации
Независимых Профсоюзов
России

MIKHAIL V. SHMAKOV

Chairman of the Federation
of Independent Trade Unions
of Russia

Уважаемые участники Собрания!

От имени Федерации Независимых Профсоюзов России сердечно приветствую организаторов и участников Всероссийского экономического Собрания, посвященного Дню экономиста, а также лауреатов Общероссийской высшей экономической премии «Экономист года – 2018».

Профессия экономиста является одной из самых уважаемых и ответственных профессий в обществе и государстве. Слишком много для страны и ее граждан зависит от полета и качества экономической мысли, практического внедрения выводов и открытий ученых-экономистов, позволяющих конструктивно вести хозяйство страны, предприятия, семьи...

Отрадно отметить, что многих отечественных экономистов, как и представителей других отраслей научного знания, просветителей и государственных деятелей, объединила в Вольном экономическом обществе великая идея служения своему Отечеству.

Для Федерации Независимых Профсоюзов России – одной из крупнейших общественных организаций страны, особенно близок социально-трудовой аспект многогранной

деятельности Вольного экономического общества. Мне хорошо запомнилось выступление на Первой конференции российского нобелевского движения Председателя Общества семьи Нобелей, доктора Майкла Нобеля, который отметил «социальный аспект как альфу и омегу деятельности Нобелей», а понимание социальной ответственности бизнеса как «требование налаживать цивилизованные формы управления производством и справедливое вознаграждение служащих...».

Приведенная цитата — не что иное, как попытка осмысления принципов социального партнерства, развитие мысли о необходимости заботы на деле, а не на словах, о социальной справедливости, дающей надежду миллионам наименее работников на существенное повышение заработной платы и пенсий, последовательное приближение их размеров к международным стандартам. Именно эти проблемы находятся в центре внимания профсоюзов в их борьбе за социально-трудовые права трудящихся.

Уверен, что очередное Всероссийское экономическое собрание станет значительным событием в процессе развития научного и промышленного потенциала России, поможет нашей стране в реализации амбициозных экономических и научных целей, поставленных Президентом Российской Федерации.

Желаю организаторам и участникам Всероссийского экономического собрания успешной реализации намеченных решений, крепкого здоровья и благополучия. Примите мои искренние поздравления российским экономистам с профессиональным праздником!

Dear Participants to the Assembly,
On behalf of the Federation of Independent Trade Unions of Russia I send warm greetings to facilitators and participants of the Russian National Economic Assembly marking the Economist Day and the laureates of the Russian National Higher Public Economic Award “2018 Economist of the Year.”

Economist is one of the most respected and responsible professions for society and the state. The country and its people depend greatly on the freedom and the quality of economic thought, the practical implementation of the findings and discoveries of economic scientists, which allow them to constructively manage the economy of a country, an enterprise, a family...

I’m pleased to point out that the great idea of serving the Fatherland brought together in the Free Economic Society many Russian economists, as well as representatives of other branches of scientific knowledge, enlighteners, and officials.

Being one of the largest public organizations in the country, the Federation of Independent Trade Unions of Russia particularly welcomes social and labor aspects of the multifaceted activities of the Free Economic Society. I remember well the First Conference of the Russian Nobel Movement and the speech by the Chairman of the Nobel Family Society, Dr. Michael Nobel, who drew attention to the “social aspect as the alpha and omega of the Nobel activity,” and the understanding of business social responsibility as “a requirement to establish civilized forms of production management and fair remuneration of employees...”

The above quotation is nothing more than an attempt to understand the principles of social partnership, development of the idea of the need for care in real deeds and not in words about social justice, which gives hope to millions of employees for a substantial increase in wages and pensions, their consis-

tent approximation to international standards. These particular issues are in the center of attention of the trade unions in their struggle for the social and labor rights of workers.

I am confident that the next Russian National Economic Assembly will become a significant event while developing the scientific and industrial potential of Russia; it will help our country in implementing the ambitious economic and scientific goals set by the President of the Russian Federation.

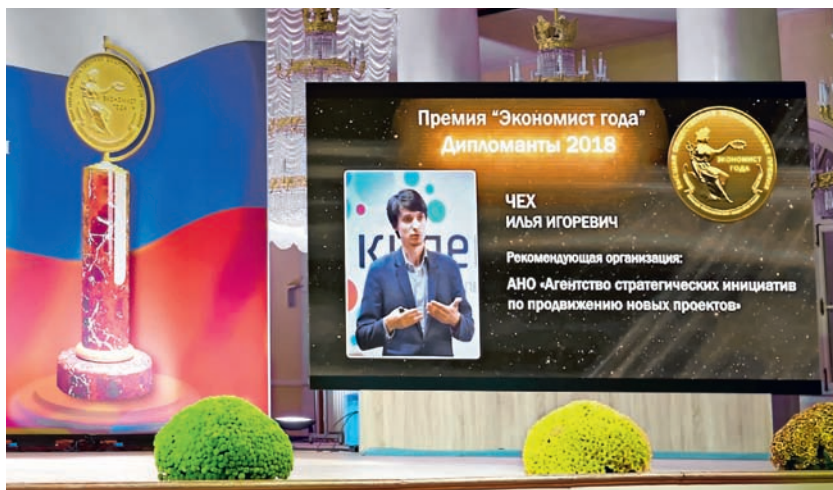
I wish the facilitators and participants of the Russian National Economic Assembly successful implementation of their decisions, good health and well-being. Please accept my sincere congratulations to Russian economists on their professional holiday!

На пленарном заседании с докладами выступили президент Вольного экономического общества Сергей Дмитриевич Бодрунов, действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Виктор Викторович Ивантер, член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей» Александр Васильевич Мурычев, вице-президент ВЭО России, советник Президента РФ, академик РАН Сергей Юрьевич Глазьев, член Правления ВЭО России, заместитель Председателя (главный экономист) Внешэкономбанка Андрей Николаевич Клепач, руководитель фракции ЛДПР Владимир Вольфович Жириновский и губернатор Ульяновской области Сергей Иванович Морозов.

В рамках работы Всероссийского экономического собрания состоялась церемония награждения Общероссийской высшей общественной экономической премией «Экономист года». В 2018 году на нее претендовало 137 человек.

Лауреатами премии «Экономист года» в 2018 году стали следующие лица:

Генеральный директор ООО «Моторика» Илья Игоревич Чех признан лауреатом премии «Экономист года» за разработку и реализацию социально значимого проекта «Моторика», связанного с решением важной гуманитарной проблемы — технологий протезирования верхних конечностей детей и взрослых, и обеспечением бесплатного протезирования, в том числе по государственной программе социальной защиты. Проект «Моторика» призван решить проблему создания технологий протезирования верхних конечностей для детей и взрослых, а также обеспечить бес-

платное протезирование, в том числе по государственной программе социальной защиты.

Начиная с 2015 года компания установила более 500 активных механических протезов кисти и предплечья, 10 инновационных биоэлектрических протезов предплечья и, пока в тестовом режиме, — два многосхватовых современных протеза с внешним источником энергии. Разработаны уникальные методики реабилитации. Операции дорогостоящие. Но компания согласовала условия бесплатного протезирования по государственной программе социальной защиты, сотрудничает с Фондом Социального Страхования, Министерством труда и социальной защиты, Минпромторгом и Агентством стратегических инициатив. Команда Ильи Чеха верит, что при помощи современных средств реабилитации можно не только вернуть людям основные возможности — брать, держать, взаимодействовать с окружающим

миром — но и в чем-то превзойти возможности обычного человека.

Генеральный директор ФГАУ «Фонд новых форм развития образования» Марина Николаевна Ракова признана лауреатом премии «Экономист года» за разработку и реализацию просветительского социально значимого инновационного образовательного проекта «Разработка и реализация новой модели дополнительного образования детей в форме детских технопарков „Кванториум“». Технопарки „Кванториум“ – это уникальные учебные программы и технологии, новое современное оборудование и материалы для технического, экономического, интеллектуального развития детей. На базе проекта «Кванториум» формируется сообщество молодых и заслуженных ученых, представителей технологических стартапов, а также руководителей крупных промышленных предприятий и госкорпораций.

Разработанная при активном участии Марины Раковой модель образования делает их внедрение доступным для тиражирования. На сегодняшний день проект представлен в 37 российских регионах. Уже работает 51 технопарк. До 2021 года в регионах России на условиях софинансирования из федерального бюджета должны быть созданы еще 85 таких площадок. А к 2025 году «Кванториум» будет присутствовать в каждом крупном городе России. Количество обучающихся составит 600 тысяч человек, а всего в мероприятиях проекта будут задействованы порядка 5 миллионов детей.

Генеральный директор АО «ПО „УОМЗ“ Производственное Объединение «Уральский оптико-механический завод имени Э.С. Яламова» Анатолий Владимирович Слудных признан лауреатом премии «Экономист года» за создание и реализацию программы инновационного развития предприятия, перевод производства на новую техно-

логическую базу, за разработку и налаживание серийного выпуска высокотехнологичной продукции военного и гражданского назначения и трансфер специальных технологий в гражданскую сферу. Работая на предприятии с 2004 года, Анатолий Слудных прошел путь от менеджера отдела экспорта специальной техники до генерального директора.

Под его руководством на предприятии ведется работа по техническому перевооружению, строятся высокоавтоматизированные производства, осваивается современное оборудование. Численность сотрудников завода превышает две с половиной тысячи человек. Предприятие является ведущим в России разработчиком и производителем оптико-локационных станций для боевых самолетов и вертолетов, а также специальной техники для оснащения надводных кораблей ВМФ России. В последние годы активно ведутся высокотехнологичные разработки продукции двойного и гражданского назначения. Это медицинское оборудование и светотехника мирового уровня, уникальные лазерные микроскопы и многое другое.

Председатель Правления АО «ЮниКредит Банк», доктор экономических наук Михаил Юрьевич Алексеев признан лауреатом премии «Экономист года» за формирование и реализацию программы кредитования предприятий реального сектора экономики, сельхозпроизводителей, программу ипотечного кредитования и поддержку социально-культурных проектов. Он стоял у истоков формирования российского рынка ценных бумаг и внес существенный вклад в создание современного фондового рынка в нашей стране. Под его руководством ЮниКредит Банк стал одним из лидеров банковской сферы России и сегодня входит в топ-7 наиболее прибыльных российских банков.

Финансовая организация взаимодействует с Министерством сельского хозяйства по вопросам льготного кредитования сельхозпроизводителей, реализует проект «Свободная касса» для стимулирования, а также оказания помощи предприятиям малого и среднего бизнеса по внедрению онлайн-касс, активно сотрудничает со многими российскими благотворительными организациями, имеющими четко структурированные программы. В 2018 году АО «ЮниКредит Банк» продолжил поддержку ряда государственных социально-значимых проектов: государственное субсидирование авто- и ипотечного кредитования, поддержка семей с двумя и более детьми и предоставление выгодных условий лицам, получающим бюджетные выплаты.

Работу Всероссийского экономического собрания освещали: официальный партнер — «Российская газета», генеральный информационный партнер — ИА ТАСС, ин-

формационные партнеры: Общественное телевидение России (ОТР), еженедельник «Экономика и жизнь», телеканалы «Россия 24», «РБК», «НТВ», «Звезда», а также ИА РИА (Россия сегодня), журнал «Эксперт», журнал «Профиль», Finam.ru, Financial One и газета «Московская правда».

* * *

The plenary session was addressed by Sergey Dmitriyevich Bodrunov, President of the Free Economic Society; Viktor Viktorovich Ivanter, Full Member of the Senate of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences; Aleksandr Vasilyevich Murychev, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Executive Vice President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, a Russian national public organization; Sergey Yuryevich Glazyev, Vice President of the VEO of Russia, Advisor to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences; Member of the Board at the VEO of Russia, Deputy Chairman (Chief Economist) of Vneshekonombank Andrey Nikolayevich Klepach; Head of the LDPR faction Vladimir Zhirinovskiy and Governor of Ulyanovsk Region Sergey Ivanovich Morozov.

The Russian National Economic Assembly hosted a ceremony of awarding the Russian National Higher Public Economic Award “Economist of the Year” with 137 nominees in 2018.

The 2018 Economist of the Year Award was granted to: Ilya Igorevich Chekh, Director General, OOO Motorika (LLC) was awarded the Economist of the Year prize for the development and implementation of a socially significant project, “Motorika”, connected with the solution of an important humanitarian problem – prosthesis of the upper extremities of children

and adults, and the provision of free prosthetics, including under the public social protection program. The “Motorika” project is designed to solve the problem of creating upper extremities prosthesis technologies for children and adults, as well as to provide free prosthetics, including under the public social protection program.

Since 2015, the company has installed over 500 active mechanical hand and forearm prostheses, 10 innovative bioelectric forearm prostheses, and, while in test mode, two multi-grip modern prostheses with an external source of energy. The company has developed a few unique methods of rehabilitation. The operations are expensive. But the company has agreed the terms of free prosthetics under the public social protection program; it collaborates with the Social Insurance Fund, the Ministry of Labor and Social Protection, the Ministry of Industry and Trade and the Agency for Strategic Initiatives. The team led by Ilya Chekh believes that modern rehabilitation means will allow people not only to return their main abilities: to take, to hold, to interact with the outside world, but also to exceed in some way the capabilities of common people.

Director General at the Foundation for New Forms of Education Development, a Federal State Independent Institution, Marina Nikolayevna Rakova was awarded the Economist of the Year prize for the development and implementation of socially significant innovative educational project “Development and Implementation of New Additional Children’s Education Model – Kvantorium Kids Technological Clusters.” Kvantorium technological clusters offer a unique curriculum and technology, new modern equipment and materials for the technical, economic, and intellectual development of children. A community of young and distinguished scientists, representatives of technology start-ups, as well as heads of large industrial enterprises and state corporations is being shaped based on the Kvantorium project.

The education model was developed with the active participation of Marina Rakova. This initiative enables the rollout of technological clusters for children. To date, the project is presented in 37 Russian regions. 51 technological clusters have already been running. Until 2021, 85 more sites should be created in the regions of Russia on the terms of co-financing from the federal budget. By 2025, Kvantorium will be present in every major city in Russia with 600 thousand students, and all project activities will involve about 5 million children.

Director General at E.S. Yalamov Ural Plant for Optical Mechanics, Production Association, Anatoliy Vladimirovich Sludnykh was awarded the Economist of the Year prize for the setting up and implementation of the enterprise innovative development program, the transfer of production to a new technological base, for the development and establishment of mass production of high-tech military and civil products and the transfer of special technologies to the civilian sphere. Working at the enterprise since 2004, Anatoly Sludnykh grew from a manager at the special equipment export department to the general director.

He guides the technical re-equipment of the company, construction of highly automated production facilities, and introduction of modern equipment. The plant has more than two and a half thousand employees. The company is the leading Russian developer and manufacturer of optical-location stations for combat aircraft and helicopters, as well as special equipment for surface vessels of the Russian Navy. In recent years, the enterprise has been actively developing high-tech dual-use and civil products, including medical and lighting equipment of world level, unique laser microscopes, and much more.

Chairman of the Board, AO UniCredit Bank (JSC), Dr. Sc. (Econ.) Mikhail Yuryevich Alekseyev was awarded the Econ-

omist of the Year prize for the development and implementation of a lending program for enterprises in the real economy, agricultural producers, a mortgage lending program, and support for social and cultural projects. He was at the forefront of the development of the Russian securities market and made a significant contribution to the shaping of a modern stock market in our country. Under his leadership, UniCredit Bank has become one of the leaders in the Russian banking sector entering, nowadays, Top7 of the most profitable Russian banks.

This financial institution cooperates with the Ministry of Agriculture on preferential loans to agricultural producers, implements the Free Cash Fund project to stimulate and help small and medium-sized businesses to introduce online cash desks, and actively cooperates with many Russian charity organizations with clearly structured programs. In 2018, AO UniCredit Bank continued to support several state socially significant projects: state subsidies for vehicle and mortgage lending, support for families with two or more children and provision of favorable conditions to people receiving budget payments.

The Russian National Economic Assembly was covered by *Rossiyskaya Gazeta* as the official partner, TASS Information Agency as the general information partner, Public Television of Russia, *Ekonomika i Zhizn* weekly newspaper, Rossiya 24, RBK, NTV, Zvezda TV channels, RIA (Russia Today) Information Agency, *Ekspert* magazine, *Profil* magazine, Finam.ru, Financial One, and *Moskovskaya Pravda* newspaper as information partners.

СТРАТЕГИЯ ПРОРЫВА: РЕСУРСЫ И ВОЗМОЖНОСТИ¹

STRATEGY OF BREAKTHROUGH: RESOURCES AND OPPORTUNITIES²

С.Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, Президент
Международного Союза экономистов, директор
Института нового индустриального развития
имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

S.D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, President of the
International Union of Economists, Director of
the Institute of the New Industrial Development
named after S.Y. Vitte, dr.sc.econ., professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены актуальные проблемы современного социально-экономического развития России. Показана необходимость и целесообразность их разрешения через активизацию технологического развития. Это требует пересмотра ориентиров и мер государственной

¹ Подготовлено по материалам доклада (вступительного слова) на Всероссийском экономическом собрании (12 ноября 2018 года, г. Москва, Колонный зал Дома Союзов).

² Prepared based on the materials of a report (welcome speech) at the All-Russian Economic Meeting (November 12, 2018, Moscow, the Hall of Columns of the House of The Unions).

экономической политики, прежде всего — ее монетарной, промышленной и структурной составляющих. Сделан вывод о наличии ресурсов и возможностей для совершения «рывка» в развитии, рекомендован в этой связи пересмотр приоритетов государственного регулирования экономики.

ABSTRACT

The article highlights the topical problems with regard to Russia's present socio-economic development. The author shows the need for and expediency of solving them through more active technological development. It requires reconsidering the benchmarks and measures of state economic policy, and its monetary, industrial and structural elements first of all. The author draws the conclusion the resources and opportunities for making a “breakthrough” in development being available and recommends the revision of priorities with regards to state economic regulation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социально-экономическое развитие, технологическая революция, экономическая политика, прорывное развитие, экономический рост.

KEYWORDS

Socio-economic development, technological revolution, economic policy, breakthrough development, economic growth

ВВЕДЕНИЕ

Экономика России уже в течение ряда лет практически не развивается. Виной тому комплекс внутренних и внешних причин, анализ которых — тема отдельного исследования. С позиций практических требуется концептуальное решение комплекса вопросов относительно возможности (целесообразность очевидна) и инструментов стимулирования ускорения развития, запуска экономического роста.

Осознает важность и востребованность решения указанных задач и политическое руководство России. В майском указе президентом поставлена задача возобновления экономического роста страны. До 2024 года нам необходимо в два раза снизить бедность, увеличить ожидаемую продолжительность жизни, обеспечить естественный рост численности населения, войти в число пяти крупнейших экономик мира. Все это — непростая комплексная задача и достойный вызов. И главная проблема, по нашему мнению, это не только преодолеть кризис в отечественной экономике, но и устранить технологическое отставание России от развитых стран.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Чтобы догнать мировых экономических лидеров по показателям роста, мы должны ежегодно увеличивать свой внутренний валовый продукт на 4–5% и более, если мы говорим о догоняющем или опережающем развитии. В то же время Банк России и Минфин России на ближайшие годы прогнозируют темпы роста ВВП РФ в районе 1,5–2%. Таким образом, необходимо искать резервы роста, на что нацеливает нас и президентский указ, да и сама жизнь.

Какие новые решения можно было бы сформулировать? На каких направлениях нам надо сосредоточиться, чтобы обеспечить необходимый экономический рост? И не просто рост, но рост качественный, повышающий уровень жизни населения, обеспечивающий формирование здоровой нации и массового креативного класса?

Выступая на пленарном заседании XXII Петербургского международного экономического форума, Владимир Путин

главными факторами роста назвал новые компетенции и знания людей, передовые технологии и коммуникации. А рывок в экономике, социальной сфере, науке и образовании обозначил как национальные приоритеты. «В своем развитии мы намерены опираться на наш человеческий, творческий, кадровый потенциал, готовы учиться и адаптировать лучшие мировые практики и, конечно, использовать собственный успешный опыт решения сложнейших структурных задач», — отметил Президент России³.

Правительству совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации поручено разработать национальные программы в сфере демографии, здравоохранения, экологии, образования, науки, культуры, цифровой экономики, строительства жилья, безопасных и качественных автомобильных дорог, улучшения городской среды, повышения производительности труда и поддержки занятости, развития малого и среднего предпринимательства и поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы, а также — международной кооперации и экспорта.

По всем этим направлениям нам необходимо в кратчайшие сроки осуществить прорыв формата «экономического чуда». Возможно ли это? Автор полагает, что да. Однако это требует широкого и повсеместного использования преимуществ нового технологического уклада.

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОРЫВНОГО РАЗВИТИЯ
Одна из ключевых характеристик современной мирохозяйственной системы — ее развитие в условиях четвертой

³ Цитируется по стенограмме выступления на форуме.

промышленной революции. Безусловно, оказывает влияние этот системный феномен и на российскую экономику. Нам необходимо опережающее развитие производств нового технологического уклада, иначе «прорыв» осуществить не удастся. Технологическое отставание трансформируется в отставание экономическое и — в дальнейшем — приведет к утрате страной роли одного из мировых лидеров.

Заметим, что нынешний переход к новоукладным технологиям (резко и принципиально отличающимся от предыдущих) сопровождается превалированием в новых технологиях знания над материальной основой [1]. А это влечет за собой драматическое расширение использования их в качестве базовых, переход на применение таких технологий, которые я называю «знаниеемкими», которые имеют в основе «знания» и «емкость» и имплементируют в себе воплощенные определенные технологические решения.

Речь идет об объединении и синергетическом взаимном усилении нано-, био-, генно-, инфо- и когнитивных технологий, интегрированных на базе единой — цифровой — платформы и формирующих ядро нового технологического уклада. Надо четко осознать, что весь мир в ближайшие десятилетия перейдет к такому укладу, который составит основу экономики будущего. И у нас есть, в отличие от «азиатских тигров» второй половины XX века, создававших свое «экономическое чудо» в условиях предыдущего технологического уклада, огромные заделы в наличии и продвинутости новоукладных технологий и соответствующих знаний — причем не только пятого, но и шестого уклада.

Далее, технологии нового поколения значительно, на порядки относительно менее капиталоемки и фондоемки, чем технологии предыдущих укладов, где в производственных

издержках доминируют материалы. Плюс — что всем вам хорошо известно — выделяя в новом информационно-когнитивно-коммуникативном продукте его информационную составляющую (как сублимированное знание), мы понимаем, что она обладает свойством распределения издержек и не имеет такой затратности на условную единицу применения при масштабировании, как материальный продукт эпохи любого из предыдущих технологических укладов. Это позволяет получать результат от перехода к таким технологиям практически сразу при их внедрении, что резко сокращает и глобальные издержки, и период первоначальных инвестиций, связанных с переводом экономики на новую технологическую базу.

К такой новой цифровой инфокоммуникативно-когнитивной экономике мы в состоянии перейти, и можем, не откладывая, в ближайшие годы начать реальную реиндустриализацию сразу на вот этой, новой технологической основе [3, 4]. Каковы же инструменты осуществления этой трансформации?

В оценке «прорывности» или нужности конкретных технологий поможет многими нелицеприятно упоминаемый рынок с его спросом на конкретные вещи, который будет двигать вперед, «прорывать», «тащить за собой одеяло» экономики, обозначая и обеспечивая потребности общества, нынешние и перспективные. В последние годы проводится много исследований на эту тему. Почему? Потому что непрерывно формируется общественный запрос на конкретные технологии.

И формирует его та часть общества, которая уже в них заинтересована: это либо реципиенты этих технологий в качестве конечных потребителей, либо реципиенты из бизнеса,

который использует эти технологии, либо — те люди, которые управляют созданием технологий — конструкторы, инженеры, и т.д. Этот интегральный запрос и показывает нам направление, условно говоря, «главного удара» при цифровизации нашей экономики.

Общественный этот запрос покажет и другое — куда люди понесут свои деньги, где и в какой мере они будут этими технологиями и соответствующими продуктами пользоваться. Фактически, особенно на предпринимательском уровне — во что они будут инвестировать. И здесь, при внимательном подходе, может быть достигнута мощная синергия государственных и частных инвестиций.

РЕСУРСЫ ДЛЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО «РЫВКА»

Так достаточно ли у нас сил и возможностей, чтобы использовать позитивные глобальные факторы и упомянутые выше нами преимущества? Мы слышим, что — да, верно, надо думать о цифровизации экономики, наращивании инвестиций в реальный сектор, инновациях и т.д. Но — сначала следует сделать экономику устойчивой, застраховаться резервами от всего, что только может случиться. По этому поводу можно сказать — застраховаться от всего и вся невозможно. В принципе. И, более того, сами резервы — нашу страховку — пожалуй, учитывая конфликтогенность нынешнего периода ломки мироуклада, стоило бы страховать. И лучшая страховка здесь — развитая национальная экономика.

Я не столь сильно убежден в том, что для того, чтобы широко развернуть реиндустриализацию на новой технологической основе, начать активно инвестировать в прорывные направления, нам надо добиваться еще более «твердой»

устойчивости экономики. Скорее надо двигаться параллельно, по возможности — даже больше акцентируя внимание на технологическом развитии, «подтягивая» под него государственную, финансовую и технологическую инфраструктуру. Ведь сам «процесс пользования» информационно-когнитивнокоммуникативными технологиями практически сразу дает приток денег в эти отрасли. И именно их стоило бы приоритетно поддерживать институтами частно-государственного партнерства, модернизацией финансовой и банковской системы, мерами налогового стимулирования и другими форматами новой промышленной политики [2, 5].

Не менее важный фактор эффективного перехода к новому укладу — модернизация социальной сферы на новом технологическом уровне. Приведу еще одно высказывание президента Владимира Путина: «Мы намерены строить нашу политику вокруг человека, его благополучия, интересов и запросов. Убежден, только та страна может быть сильной и успешной, где люди могут в полной мере реализовать все свои способности. Для этого нам предстоит продолжить модернизацию экономики и создание современных рабочих мест, обеспечить рост доходов граждан, сделать отечественное здравоохранение и образование одними из лучших в мире».

Уже сегодня мы видим, как изменяется характер труда как компоненты производственного процесса, в нем растет интегрально-творческая компонента. Проще говоря — в новом, «знаниеемком» производстве завтрашнего дня главная роль принадлежит человеку и его творческим способностям.

В грядущем мире технологическое развитие ведет к тому, что человек должен будет постоянно совершенствоваться в творческом процессе, постигать новое, переучиваться, соз-

давая мир вокруг себя и созидая самого себя. И на каждом этапе развития технологий потребуются все более и более творчески мыслящие люди. В результате «главным продуктом» в новом индустриальном обществе следующего поколения станет творческий человек. Подчеркну, не материальный продукт, а именно творческий человек.

Отсюда — и наше обязательство перед будущими поколениями совершенствовать образование, развивать интеллектуальную сферу приложения сил общества. В это тоже надо инвестировать. И — не откладывая, учитывая, что риски потерь в этой сфере весьма и весьма трудновосполнимы. И могут стать критичными для нашей экономики — ведь в прорыв надо идти не только с резервами, но и с подготовленными кадрами. На все это нужны не только понимание и воля. Нужны и деньги.

Правительственные экономисты подсчитали, что на выполнение майского указа президента необходимо за несколько лет дополнительно изыскать 8 триллионов рублей. Есть ли они у нас? Я вижу здесь много аспектов, которые можно было бы обсуждать.

К примеру, 8 триллионов рублей — это 120–125 миллиардов долларов по текущему курсу. А у нас сегодня в резервах почти 500. Причем ни один из кризисов нам не обошелся дороже, чем в 300 млрд. Если мы потратим хотя бы часть резервов на то, чтобы разумно выстроить промышленную политику в том ключе, который вербально уже обозначил президент, — у нас будут большие результаты в ближайшие 5–7 лет, и не нужно будет потом поддерживать бесконечными резервами, как подпорками, велосипед нашей экономики, потому что она перестанет шататься, встав в правильную колею, — колею нового технологического уклада.

Огромные средства, существенно превышающие наши золотовалютные резервы, находятся на руках у населения. Еще больше — размещенные в банках на коротких депозитах деньги того же населения и бизнеса. И т.д. Нужны меры и действия по вовлечению этих средств в программу модернизации отечественной экономики. Какие — в общем-то они известны, обсуждалось неоднократно. Необходимо эти меры и инструменты более решительно использовать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объективный анализ позволяет положительно оценить перспективы нашего развития. У нас сегодня в целом есть и понимание, что делать, и возможности благоприятного развития экономики и решения поставленных не только лидером страны, но и, в общем-то, самими вызовами развития цивилизации, задач. Но что мы должны признать — «дорогу осилит идущий». Необходим отход от идеологем неоклассического представления о государстве, как о «ночном стороже», необходима существенная активизация экономической политики.

Мы все привыкли работать в рамках возможностей и не до конца осознаем, что при переходе к новоукладным технологиям наши возможности становятся намного шире. Причем «ширина» этого «коридора возможностей», как часто говорят, такова, что мы сможем достаточно уверенно, если действовать разумно, перейти в новый технологический уклад теми ресурсами, которые сегодня у нас имеются, обеспечив стране ускоренный экономический рост. Осуществить прорыв в новое общественное устройство XXI века в качестве одного из лидеров, а не периферийно-догоняющей экономики.

* * *

INTRODUCTION

Russia's economy has been demonstrating little if any development over the past several years. The blame for that lies with a group of causes, the analysis of which is a topic of a separate study. From the point of view of practice, we need a conceptual solution for the set of issues with regards to opportunities (the expediency is obvious) and tools for encouraging the acceleration of development and launch of economic growth.

The political leadership of Russia is aware of the importance of and need for solving these problems. In his May decree, the President set a task of economic growth resumption. By 2024, we have to reduce poverty rate twofold, raise the life expectancy, ensure the natural growth in population, and join the Top5 largest economies of the world. These issues constitute an arduous and complex task, as well as worthy challenge. The main problem, in our opinion, lies in not only overcoming the crisis in Russian economy, but closing the gap in technological development that exists between Russia and developed countries as well.

TOP PRIORITY TASKS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

To catch up with global economic leaders in terms of growth, we should raise the domestic GDP by 4–5% minimum annually, if we talk about the overtaking or outstripping economic development. However, The Bank of Russia and Finance Ministry forecast GDP growth rate on the level of about 1.5–2% for the years to come. Thus, it is necessary to look for reserves of growth. Both the presidential decree and the life itself focus our attention on this very task.

What new solutions could be formulated? What areas should we focus on to ensure the required economic growth? Moreover, it should be not just simple growth, but qualitative one raising the living standards of Russian people, as well as promoting the formation of healthy nation and creative community large in number.

Speaking at the plenary meeting of the 22nd Saint Petersburg International Economic Forum (SPIEF), Vladimir Putin quoted new competencies and knowledge of people, advanced technologies and communications as the key factors of growth, as well as denoted a breakthrough in economy, social sphere, science and education as the task of top national priority. “In our development, we intend to rely upon the human, creative and talent potential, are ready to learn and adjust the world best practices, and certainly use our own proven track record of accomplishing challenging structural tasks”, the Russian President said⁴.

He charged the government and public authority bodies of the constituent territories of the Russian Federation with the task of evolving national programs in the spheres of demographics, healthcare, environmental protection, education, science, culture, digital economy, construction of housing and safe motor roads of high quality, improvement of urban environment, raising labor productivity and support of employment, development of small and medium business, support of individual entrepreneurial initiative, as well as international cooperation and export.

In all these areas, we must make a breakthrough of “economic miracle” format. Is it possible? The author believes that it is.

⁴ Cited by the verbatim report at the forum.

However, it will require extensive and common use of the advantages offered by the new technological setup.

ROLE OF TECHNOLOGIES IN PROMOTION OF BREAKTHROUGH DEVELOPMENT

One of the key aspects of modern global economic system lies in its development in conditions of the fourth industrial revolution. Naturally, this systemic phenomenon affects Russia's economy as well. We need the outstripping development of production typical for the new technological setup. Otherwise, the "breakthrough" is impossible. The technological gap translates into economic one, which will lead to our country losing the role of one of the global leaders.

It stands to mention that the current transition to the technologies of new setup (starkly and fundamentally different from the previous ones) is accompanied by the prevalence of knowledge over material basis in new technologies [1]. It leads to dramatically extensive use of them as basic ones and switchover to the application of technologies that I call "knowledge-intensive." They are rooted in notions of "knowledge" and "intensive" and encapsulate certain technological solutions.

The matter is question is about the combination and synergy of nano-, bio-, gene-, info- and cognitive technologies integrated on the basis of a single – digital – platform that forms the nucleus of new technological setup. We should come in grips with the fact that the whole world will switch over to this setup in the coming decades, and this setup will form the foundation of future economy. Unlike "Asian tigers" working their "economic miracle" in the second half of 20th century in conditions of the previous technological setup, we have a serious head start in availability and advanced level of new technologies and the re-

spective knowledge, typical of not only the fifth, but sixth setup as well.

Subsequently, the technologies of new generation are much more (by times) capital-intensive and fund-intensive if compared to the technologies of previous setups with materials dominating in manufacturing costs. Besides, marking out the information element (as sublimated knowledge) in the new IT, cognitive and communicative product, we understand – everybody is aware of it – that it possesses the properties of costs distribution and features no such costs per unit of output in scaling, as the material product typical for any of the periods of previous technological setups had. It allows for obtaining the result from the transition to such technologies almost immediately with their implementation, which reduces both the global costs and period of initial investments associated with the conversion of economy into a new technological base.

We are capable of making a transition to this digital information-communicative-cognitive economy and can begin real re-industrialization right now, in the years immediately to come on this new technological basis [3, 4]. What are the tools for making this transformation?

The “notorious” market with its demand for certain things criticized by many people will help us in analyzing the “break-through nature” or need for specific technologies. It will move forward, “break through,” bear-lead the economy, identifying and meeting the public needs, both current and long-term ones. A lot of research activities devoted to this topic have been carried out in recent years. Why? It is because the demand for specific technologies is continuously being formed.

It is formed by the part of society that is already interested in them. These are either the recipients of these technolo-

gies among end-users, or recipients from business using these technologies, or the people that control the process of creating technologies – designers, engineers, etc. This integral demand shows, figuratively speaking, “the point of main effort” in digitization of our economy.

This public demand will show another thing to us as well – where the people will bring their money to, and to what extent they will use these technologies and respective products. As far as the entrepreneurial level is concerned, it is the question of what they will invest in. Here, in case of attentive approach, we can achieve powerful synergy of public and private investments.

RESOURCES FOR TECHNOLOGICAL AND ECONOMIC “LEAP”

Do we have enough of strengths and capabilities for using the positive global factors and the abovementioned advantages? We hear that, yes, we should think about economy digitization, buildup of investments in real sector, innovations, etc. However, we should first make the economy sustainable and insure it against all what may happen by way of creating reserves. One can say that it is impossible to insure against everything. It is fundamentally impossible. Moreover, the very reserves – our insurance policy – probably ought to be insured as well, taking into account the conflictogenic nature of the present period that features the destruction of the old global setup. Developed national economy looks to be the best insurance here.

I am not so strongly convinced in the fact that we should make the economy even more sustainable to double down on reindustrialization on the new technological basis and start investing in breakthrough areas more actively. It is rather that we ought to steer the parallel course, even focusing more on technological development, if possible, and adjusting the state,

financial and technological infrastructure to it. It is because the very process of using the information-communicative-cognitive technologies almost immediately results in inflow of money into these industries. These sectors ought to enjoy top priority in terms of being supported by the institutes of public-private partnership, upgrade of financial and banking system, measures of tax incentives and other formats of new industrial policy [2, 5].

Equally important is the factor of effective transition to a new setup – modernization of social sphere on a new technological level. Let me quote one more statement made by Vladimir Putin: “We intend to build our policy around people, their welfare, interests and needs. I am sure that only the country, where people can unlock their potential of talents and skills to the full extent, is capable of becoming strong and prosperous. To do that, we are to continue the modernization of our economy and creation of modern jobs, ensure the growth of people’s incomes, and make domestic healthcare and education rank among the best ones in the world.”

Even today, we see how the nature of labor as the component of production process is changing, how the integral-creative element of it is growing. Put it more bluntly, the main role in the new knowledge-intensive production of tomorrow belongs to people and their creative abilities.

In the world of future, technological development makes people continuously perfect themselves in creative process, grasp new knowledge, and retrain creating both new environment and themselves. Each new stage of technological development will require people who think increasingly more creatively. Eventually, creative individual is to become the “main product” in the new industrial society of the next generation.

Hence, our commitment to the next generations lies in improving the education system and developing the intellectual sphere of action in the modern society. This sphere also requires investments. Moreover, it should be done right now taking into account that possible losses are hard to be made up for. These risks may become critical for our economy, as the country ought to start the breakthrough with not only reserves, but skilled personnel as well. Thus, not only understanding, but also will is required for it. Money is needed too.

The economists from the government have calculated that the state has to find additionally 8 trillion rubles for executing the May decree of the President over the next several years. Do we have this amount of cash? I see many aspects that could be discussed here.

For instance, the amount of 8 trillion rubles is equal to \$120–125 billion at the current rate of exchange, while we have almost \$500 billion in reserves. Moreover, no crisis has cost us more than \$300 billion. If at least a part of these reserves is spent for setting the industrial agenda in the reasonable way that the President has denoted, we will see good results within the next 5–7 years. Thus, we will not have to support the bicycle of our economy using reserves as shores, as it will stop staggering and get into the right groove, the one of new technological setup.

Enormous financial resources significantly outweighing our gold and currency reserves are now in the hands of households. Moreover, we see higher amount of cash belonging to households and business on short-term deposits in banks, etc. We require certain measures and actions aimed at involving this money in the program of economic modernization. We have discussed these measures many times. We should be firmer in using these tools.

CONCLUSION

The fact-based analysis makes it possible to take a favorable view of our development outlook. In general, we are aware of what should be done, as well as have opportunities for favorable economic development and accomplishment of tasks set not only by the President, but by civilizational challenges as well. However, we must admit that a “journey of thousand miles begins with one step.” It is necessary to shift away from the paradigm of the neoclassical vision of state, as a “night watchman,” and make economic policy more active.

We are not accustomed to working within the boundaries of capacity and cannot fully realize that the opportunities become ampler during the switchover to the technologies of a new setup. Moreover, the width of this “window of opportunities,” as the popular phrase goes, is such that we can act firmly enough, if the reasonable approach is used, switch over to the new technological setup with the help of resources that we have today, ensuring accelerated economic growth for the country, and make a breakthrough to the new structure of society that we will have in the 21st century, as one of the leaders, instead of peripheral and catching-up economy.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. — Москва-Санкт-Петербург-Лондон: Культурная революция, 2018. — 432 с.
2. Вертакова Ю.В., Плотникова Н.А., Плотников В.А. Промышленная политика России: направленность и инструментарий // Экономическое возрождение России. — 2017. — № 3 (53). — С. 49–56.
3. Ленчук Е.Б. Технологический аспект новой индустриализации России // Экономическое возрождение России. — 2018. — № 2 (56). — С. 68–73.

4. Максимцев И.А. Цифровые платформы и цифровые финансы: проблемы и перспективы развития // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2018. — № 1 (109). — С. 7–9.
5. Мантуров Д.В. Подходы к реализации и инструменты промышленной политики в зарубежных странах: возможен ли трансфер опыта // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2018. — № 4 (112). — С. 7–15.

Bibliographical References

1. Bodrunov, S.D. Noonomics: Monograph. — Moscow — Saint Petersburg — London: Cultural Revolution, 2018. — P. 432.
2. Vertakova, Ju.V., Plotnikova, N.A., Plotnikov, V.A. Industrial Policy of Russia: Focus and Tools // The Economic Revival of Russia. — 2017. — № 3 (53). — P. 49–56.
3. Lenchuk, E.B. Technological Aspect of New Industrialization in Russia // The Economic Revival of Russia. — 2018. — № 2 (56). — P. 68–73.
4. Maksimtsev, I.A. Digital Platforms and Digital Finance: Problems and Prospects of Development // Izvestiya of the Saint Petersburg State University of Economics. — 2018. — № 1 (109). — P. 7–9.
5. Manturov, D.V. Approaches to Implementation and Tools of Industrial Policy in Foreign Countries: Is Transfer of Experience Possible? // Izvestiya of the Saint Petersburg State University of Economics. — 2018. — № 4 (112). — P. 7–15.

**О НЕАДЕКВАТНОСТИ
ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ
ПОЛИТИКИ
И ЗАДАЧЕ РЫВКА
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ**
**ON THE INCOHERENCE
OF MONETARY POLICY
WITH THE TASK
OF ECONOMIC
DEVELOPMENT
BREAKTHROUGH**

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, советник
Президента Российской Федерации,
академик РАН

S.YU. GLAZYEV

Vice President of the VEO of Russia, advisor
to the President of the Russian Federation,
Academician of the Russian Academy
of Sciences

АННОТАЦИЯ

Проводимая Банком России денежно-кредитная политика исходит из универсальных рекомендаций МВФ, которые не соответствуют как условиям воспроизводства российской экономики, так и особенностям современного периода структурных изменений мировой экономики. Происходящая смена технологических и мирохозяйственных укладов сопровождается кардинальными изменениями в составе определяющих экономический рост производств, а также в системе институтов управления воспроизводством экономики. Возникающие при этом возможности рывка в развитии российской экономики могут быть реализованы только при соответствующей денежно-кредитной политике, ориентированной на кредитование перспективных направлений экономического роста в пределах имеющихся факторов производства. В статье критикуется проект Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020–2021 годов (далее – ОНЕГДКП) как неадекватный современным знаниям о закономерностях экономического развития и возможностям роста российской экономики. Обосновывается альтернативный подход к проведению денежно-кредитной политики, ориентированный на обеспечение опережающего развития российской экономики.

ABSTRACT

The monetary policy pursued by the Bank of Russia is based on universal recommendations of the IMF that do not agree both with the conditions of Russian economic reproduction and the challenges typical for the modern period of structural changes in global economy. The changeover in technological and global economic setups taking place today is followed by radical changes in the industries that determinate economic growth, as well as the system of governance over the economic reproduction. The opportunities of economic breakthrough that arise today can be converted in Russia only in case of pursuing the respective mon-

etary policy aimed at crediting the promising areas of economic growth within the limits of existing production factors. The article criticizes the draft of Guidelines for the Single State Monetary Policy in 2019 and for the period of 2020–2021 (hereinafter referred to as GSSMP), as being irrelevant to the state-of-the-art knowledge in the field of economic development laws and Russia's economic growth opportunities. The author substantiates an alternative approach to monetary policy aimed at the advanced development of the Russian economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический рост, устойчивое экономическое развитие, замещение технологических укладов, мирохозяйственные уклады, денежно-кредитная политика, факторы производства.

KEYWORDS

Economic growth, sustainable economic development, replacement of technological setups, global economic setups, monetary policy, production factors.

Осуществление поставленной Президентом России задачи «прорывного научно-технологического и социально-экономического развития»¹ требует проведения системной макроэкономической политики, нацеленной на стимулирование инвестиций в перспективных направлениях роста нового технологического уклада. Ее важнейшей составляющей является денежно-кредитная политика, обеспечивающая финансовую составляющую расширенного воспроизводства экономики.

Современный экономический рост немислим без постоянного расширения кредита в целях финансирования инно-

¹ Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204.

вационной и инвестиционной активности хозяйствующих субъектов. По своей сути создаваемый государством кредит призван авансировать рост производства, без его последовательного наращивания развитие экономики невозможно. При этом кредитная ставка процента не должна превышать рентабельности производства, Й. Шумпетер называл ссудный процент налогом на инновации². В противном случае создаваемый государством кредит будет использоваться на финансирование спекуляций во вред развитию реального сектора экономики. Именно это происходит в российской экономике.

Завышение процентных ставок сверх уровня рентабельности большинства предприятий реального сектора влечет сокращение производства и инвестиций при перетоке денег на валютно-финансовые спекуляции. Отток денег из реального сектора в банковский создает иллюзию профицита ликвидности, который отсасывается Центральным банком (ЦБ) из экономики. В отличие от общепринятой уже два столетия мировой практики создания кредитных ресурсов национальными центральными денежными властями, Банк России изымает деньги из экономики, искусственно сжимая кредитование производственной сферы. Тем самым он блокирует рост инвестиционной и инновационной активности, делая невозможным развитие экономики.

Чтобы правильно оценить политику Банка России, следует разобраться в роли и месте денежно-кредитной политики в обеспечении воспроизводства современной экономики.

² Шумпетер Й. Теория экономического развития / Пер. В.С. Автономова. — М.: Прогресс, 1982.

ЗНАЧЕНИЕ КРЕДИТА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Расширение кредита особенно важно в периоды структурных изменений экономики, когда хозяйствующие субъекты не имеют возможностей для быстрого обновления стремительно устаревающих основных фондов. Именно поэтому все ведущие страны мира с 2014 года стремительно наращивают объемы денежного предложения (рис. 1, 2), обеспечивая кредитование модернизации и роста производства под символические ставки процента (рис. 3).

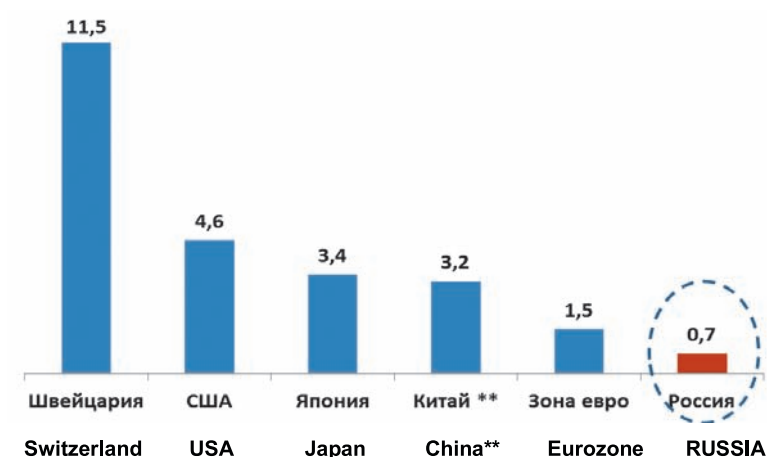

Рис. 1. Прирост денежной базы ряда валют, 2007–2015 гг., разы*

* Рассчитано в долларах США по соответствующему курсу.

** Данные за 2007 г. – июнь 2015 г.

Источник: центральные банки соответствующих стран

Figure 1. Growth in monetary base for some currencies, 2007–2015, times*

* Calculated in USD at the respective exchange rate.

** Data for 2007 – June 2015

Source: central banks of the respective countries

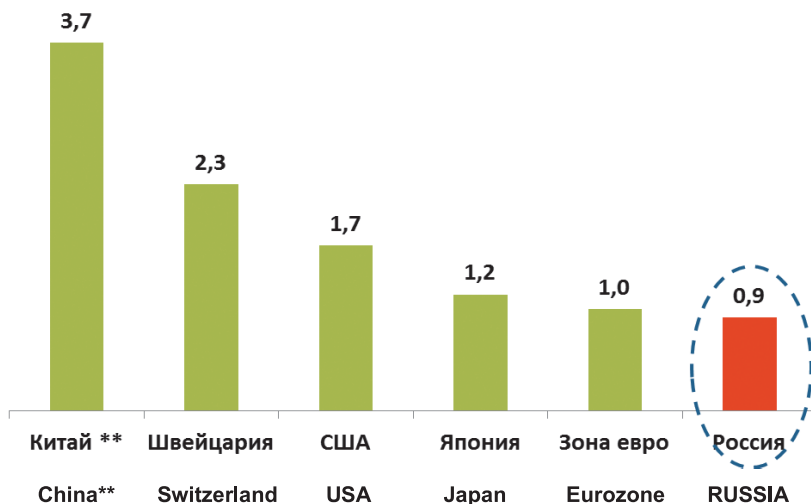

Рис. 2. Прирост денежной массы (M2), 2007–2015 гг., разы*

* Рассчитано в долларах США по соответствующему курсу.

** Данные за 2017 г. – июнь 2015 г.

Источник: центральные банки соответствующих стран

Figure 2. Growth in monetary stock (M2), 2007–2015, times*

* Calculated in USD at the respective exchange rate.

** Data for 2007 – June 2015

Source: central banks of the respective countries

Тем самым они стимулируют инвестиционную и инновационную активность своих хозяйствующих субъектов, облегчая им создание производств нового технологического уклада и обеспечивая его опережающий рост.

Источником этого стремительного расширения кредита в передовых и успешно развивающихся странах является денежная эмиссия, направляемая на финансирование уста-

новленных государством приоритетных направлений социально-экономической политики.

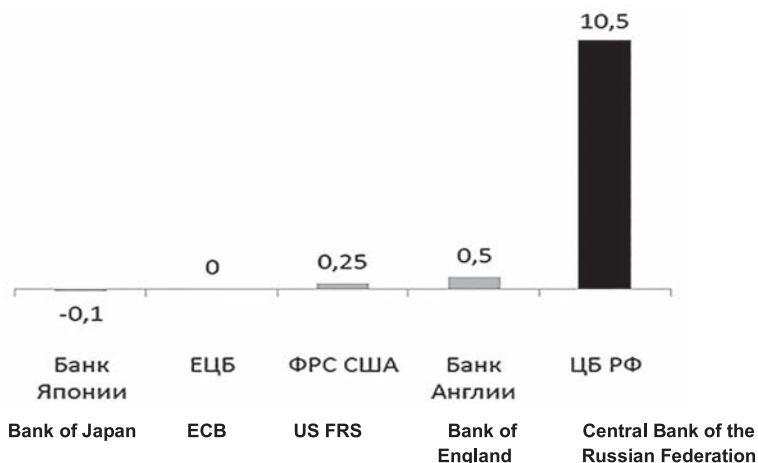

Рис. 3. Реальный уровень ключевых ставок центральных банков в ряде стран (июль 2016, %)

Источник: центральные банки соответствующих стран

Figure 3. Real level of central bank key interest rates in some countries (July 2016, %)

Source: central banks of the respective countries

Денежные власти ведущих стран научились создавать деньги под долговые обязательства государства и бизнеса для финансирования расширенного воспроизводства экономики. Сегодня в условиях структурного кризиса они прибегают к значительной денежной эмиссии для стимулирования инвестиций в освоение нового технологического уклада. Ее основным каналом является покупка ЦБ низкодоходных долговых обязательств государства с целью

финансирования дефицита бюджета. В рамках политики «количественного смягчения» ФРС США и ЕЦБ эмитируют деньги также под приобретение обязательств крупных банков и корпораций. Китай и другие успешно развивающиеся страны «печатают» деньги под инвестиционные планы экономических агентов в соответствии с централизованно устанавливаемыми приоритетами (рис. 4–7).

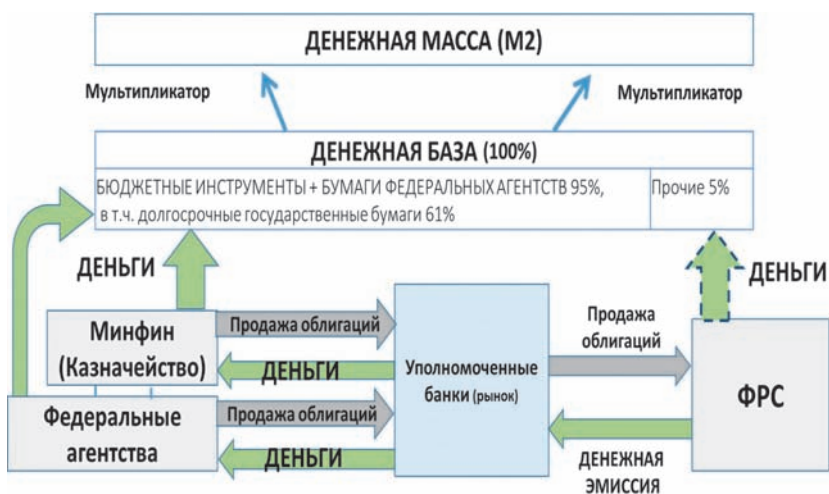

Рис. 4. Схема денежной эмиссии в США

Источник: Ершов М. по данным ФРС США

В отличие от Банка России центральные банки-эмитенты резервных валют обеспечивают широкое предложение дешевых кредитных ресурсов по квази нулевым процентным ставкам. Это не приводит к инфляции благодаря направлению кредитов на финансирование инвестиций в модернизацию и рост производства, вследствие чего снижаются

издержки и растет предложение товаров, а значит – повышается покупательная способность денег.

Рис. 5. Механизм формирования денежного предложения ЕЦБ

Источник: Ершов М. по данным ЕЦБ

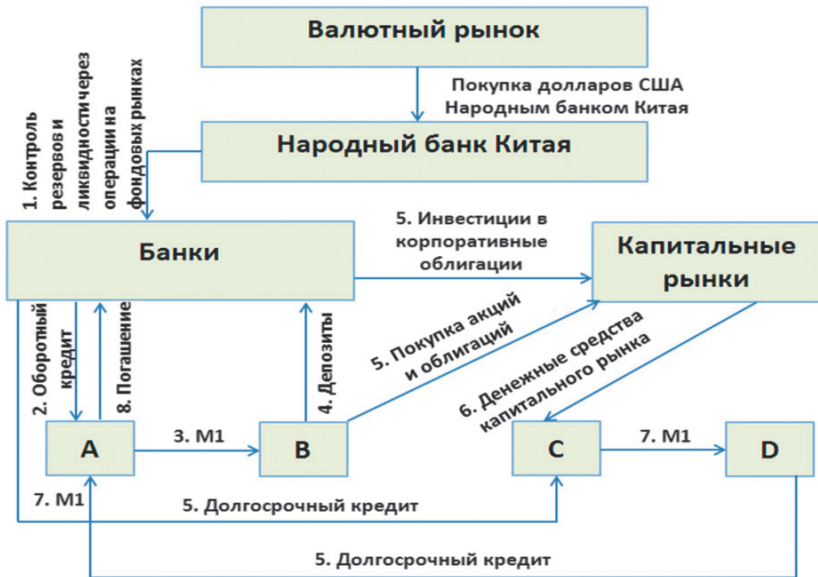

Рис. 6. Схема организации денежного предложения в КНР

Источник: Yu Yonging, 2017

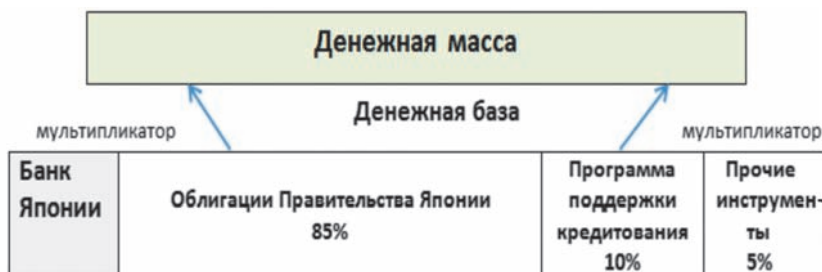

Рис. 7. Механизм формирования денежного предложения Банком Японии
Источник: Ершов М. по данным Банка Японии

Опыт Китая демонстрирует широкие возможности использования целевой денежной эмиссии для кредитования роста инвестиций и производства без инфляционных последствий. Так, 10-кратный рост ВВП в Китае с 1993 по 2016 годы сопровождался ростом инвестиций в 28 раз, денежной массы и банковского кредита производственной сфере – соответственно в 19 и 15 раз. На единицу прироста ВВП приходится почти три единицы прироста инвестиций и около двух единиц прироста денежной массы и объема кредита. Это иллюстрирует действие механизма роста китайской экономики: увеличение экономической активности, измеряемое ВВП, обеспечивается опережающим приростом инвестиций, большая часть которого финансируется за счет расширения кредита государственной банковской системы. Несмотря на многократное опережение роста денежной массы по отношению к росту производства, инфляция в Китае за весь период бурной монетизации экономики оставалась в пределах 4–7%.

Низкая инфляция обеспечивалась постоянным повышением эффективности и объемов производства товаров бла-

годаря удержанию денежных потоков в следующем контуре: кредитная эмиссия — рост инвестиций — увеличение объемов и эффективности производства — рост массы товаров при снижении удельных издержек их производства и цены единицы потребительской стоимости — увеличение доходов — расширение сбережений — рост инвестиций. Достигалось это путем привязки кредитов государственных банков к инвестиционным проектам развития производства при соблюдении валютных ограничений на операции с капиталом, «сквозной» ответственности органов государственной власти за достижение индикаторов роста производства и инвестиций, а также системной борьбе с коррупцией.

Аналогичные способы использования эмиссии фиатных денег для кредитования роста инвестиции успешно применяются в Японии, Индии, Вьетнаме, Ю. Корее, Малайзии, Сингапуре и других успешно развивающихся странах. Их характерной чертой является опережающее наращивание целевой кредитной эмиссии для финансирования инвестиций в соответствии с определяемыми государством приоритетами. За счет этого достигалось резкое увеличение нормы накопления при низких доходах и сбережениях населения. Основным источником финансирования капитальных вложений в развитие всех стран, совершивших экономическое чудо, была и остается целевая кредитная эмиссия.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИСХОДНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ОНЕГДКП

Судя по опубликованному проекту ОНЕГДКП до 2021 г., руководство Банка России не знакомо ни с закономерностями долгосрочного развития экономики, ни с современной практикой передовых и успешно развивающихся стран

в использовании инструментария денежно-кредитной политики для обеспечения экономического роста. Оно также не представляет себе реальных возможностей развития российской экономики, занижая ее потенциал до текущего объема производимой продукции. Связано это с весьма популярными, но поверхностными и нереалистичными представлениями о развитии экономики и взаимозависимости денежного предложения, инфляции и роста производства. Основанные на этих представлениях ОНЕГДКП будут сдерживать развитие российской экономики, обрекая ее на нарастающее технологическое отставание и деградацию.

В основе логики ОНЕГДКП лежит «Концепция равновесного состояния экономики и отклонения от него основных макроэкономических переменных (разрывов)», в котором «экономика может находиться сколько угодно долго в отсутствие реализации в ней различных шоков, приводящих к краткосрочным отклонениям экономики от него» (с. 25; *здесь и далее указание на соответствующую страницу проекта ОНЕГДКП на период 2019–2021 гг.*). Согласно этой концепции, «в долгосрочном равновесии все ключевые показатели в экономике растут с постоянным темпом, который определяется фундаментальными факторами. То есть долгосрочное равновесие – это не конкретная точка, а устойчивая траектория, по которой движется экономика. При проведении денежно-кредитной политики в рамках режима таргетирования инфляции в долгосрочном равновесии потребительские цены растут с темпом, соответствующим целевому уровню инфляции, а темпы роста экономики равны потенциальным и определяются темпами роста производительности факторов производства, а также скоростью технологического развития» (с. 25).

Это представление столь же далеко от реальности, как популярная в СССР политэкономия социализма или теория оптимального функционирования экономики. Авторами ОНЕГДКП оно принимается на веру как некая абсолютная истина, не требующая доказательств. В реальности состояния долгосрочного равновесия не существует. Экономическому развитию свойственен нелинейный, неравновесный и часто неопределенный характер. Под влиянием НТП постоянно открываются новые технологические возможности, раздвигающие прежние ограничения экономического роста. Подходящим для описания долгосрочного развития экономики образом является не устойчивая траектория, а волнообразное движение, при котором этапы быстрого роста в восходящих фазах длинных волн Кондратьева перемежаются со структурными кризисами, опосредующими смену технологических укладов.

В экономической науке хорошо изучены деловые, инвестиционные, научно-производственные циклы, доказана ключевая роль НТП и инноваций в обеспечении экономического развития, внедрение которых вызывает отклонения от гипотетического состояния равновесия и создает новые аттракторы движения экономики. Последняя движется от одного аттрактора к другому, никогда не достигая равновесного состояния под влиянием непрерывно генерируемых хозяйствующими субъектами нововведений. В современном представлении об инновационном развитии экономики равновесное состояние выглядит как нелепая умозрительная абстракция, теоретически допустимая в статичной экономике Средневековья, в которой не было кредита, а новаторы преследовались инквизицией.

Уже более 50 лет академической наукой концепция равновесного состояния экономики отвергнута как не отражающая действительности и вводящая в заблуждение лица, принимающие решения. Ни в одной из развитых и успешно развивающихся стран эта концепция не применяется на практике и используется в идеологических целях для оправдания нужной крупному капиталу политики дерегулирования экономики. Доказывая вредность государственного вмешательства, которое якобы мешает равновесному росту экономики, финансовый капитал подчиняет своим интересам максимизации прибыли факторы производства, в том числе путем создания противоречащих концепции равновесия монополий.

Концепция равновесия заложена в мейнстриме экономической мысли, навязывающей общественному сознанию наукообразное представление о логичности и естественности либеральной глобализации. Такой подход свойственен религиозному мышлению, у которого в данном случае есть свои носители «абсолютного знания» в лице МВФ и других международных организаций и регуляторов, реализующих глобальные интересы финансового капитала США и других стран-эмитентов мировых валют в безграничной экспансии за счет искусственного ограничения возможностей национального кредита в других странах. Практическое применение этого подхода в России и других постсоциалистических государствах так же, как до этого во многих странах Африки и Латинской Америки, неизменно приводило к деградации экономики и подчинению ее воспроизводства интересам транснациональных корпораций, рефинансируемых эмитентами доллара и других мировых валют.

ОШИБОЧНАЯ ТРАКТОВКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ РОСТА ЭКОНОМИКИ

Неадекватность теоретических представлений о развитии экономики влечет ошибочные оценки ее фактического состояния и возможностей развития. Авторы ОНЕГДКП считают, что «в условиях открытой экономики временные отклонения от равновесия могут быть связаны как с изменениями внутренних экономических условий, так и с изменениями со стороны внешнеэкономической конъюнктуры. Реакция со стороны макроэкономической, в том числе денежно-кредитной, политики на реализацию шоков позволяет минимизировать их последствия для экономики и способствовать ее скорейшему возвращению к своему долгосрочному равновесию» (с. 25). Однако, поскольку оно существует только в авторском воображении, планируемые в ОНЕГДКП меры не возвращают экономику в состояние равновесия, а ориентированы на удержание ее текущего состояния, которое авторами трактуется как равновесное. Так, авторы документа считают, что «увеличение внутреннего и внешнего спроса обеспечивало рост экономики на уровне, соответствующем долгосрочному потенциалу с учетом ее текущей структуры. По оценкам Банка России, годовой темп прироста ВВП в 2018 г. составит 1,5–2%» (с. 42). Они также заключают, что «продолжился рост российской экономики темпами, которые оцениваются Банком России как соответствующие ее долгосрочному потенциалу» (с. 36). И далее, переходя к прогнозу, авторы пишут: «под влиянием всех указанных факторов темпы роста экономики по итогам 2019 г. составят 1,2–1,7%, оставаясь вблизи потенциальных» (с. 52).

Воображаемый авторами гипотетический равновесный рост экономики закладывается в целевой прогноз, под кото-

рый планируются меры денежно-кредитной политики и который, таким образом, становится самоосуществляющимся. Оценивая эффективность проводимой политики, авторы ОНЕГДКП утверждают, что «...экономический рост происходил без нарастания избыточного инфляционного давления, чему способствовала денежно-кредитная политика. Изменения ключевой ставки обеспечивали сохранение привлекательности рублевых сбережений и рост кредита экономике в соответствии с увеличением доходов. В результате увеличение потребительского и инвестиционного спроса не опережало возможности расширения предложения» (с. 36).

В действительности рост экономики был замечен только авторам ОНЕГДКП, находясь в пределах статистической погрешности. Вызванное резким удорожанием кредита и сохранением неподъемных для большинства производственных предприятий условий кредитования падение инвестиций и доходов населения повлекло снижение производства намного ниже потенциального уровня. Вопреки мнению авторов ОНЕГДКП, возможности расширения предложения товаров и услуг весьма значительны, составляя не менее 25% прироста ВВП при существующем состоянии факторов производства.

Согласно статистическим данным, загрузка основных производственных фондов в промышленности не превышает 60%, включая новые мощности, введенные в течение последних пяти лет (рис. 8).

Остаются значительные возможности расширения использования земельных и водных ресурсов. Имеющиеся данные опросов предприятий свидетельствуют о значительной скрытой безработице, позволяющей нарастить выпуск продукции на 20–25%, не прибегая к соответствующему

увеличению персонала, за счет роста производительности труда при повышении загрузки простаивающих мощностей. Безграничный объем предложения рабочей силы из постсоветских государств Средней Азии, а также приток высококвалифицированных работников из Украины превышает в настоящее время спрос на трудовые ресурсы со стороны российских работодателей. У российской экономики нет также ограничений роста по состоянию сырьевой базы: выпуск продукции может быть увеличен в несколько раз при комплексной переработке экспортируемых в настоящее время сырьевых товаров. Не является сдерживающим фактором и научно-технический потенциал, используемый, судя по объемам НИОКР, едва ли на треть.

Рис. 8. Уровень загрузки производственных мощностей, в %

Источник: ИНП РАН

Таким образом, судя по загрузке основных факторов производства, потенциал роста российской экономики составляет только за счет экстенсивного расширения: около 40%

прироста промышленного производства, включая более 50% прироста выпуска машиностроительной и химической продукции; не менее 20% прироста выпуска сельскохозяйственной продукции; около 15% прироста оказания транспортных и строительных услуг. При интенсификации использования производственных ресурсов за счет НТП речь может идти об удвоении ВВП в течение десятилетия. Иными словами, российская экономика может расти с темпом не менее 7% ежегодного прироста ВВП в краткосрочной, а при 15% приросте инвестиций и в долгосрочной перспективе. Главным лимитирующим фактором является искусственно созданный дефицит кредитных ресурсов, не позволяющий связать в производственном процессе незадействованные факторы производства. Об этом свидетельствует и линейная статистически значимая зависимость, сложившаяся в российской экономике между приростом ВВП и денежной массы (рис. 9).

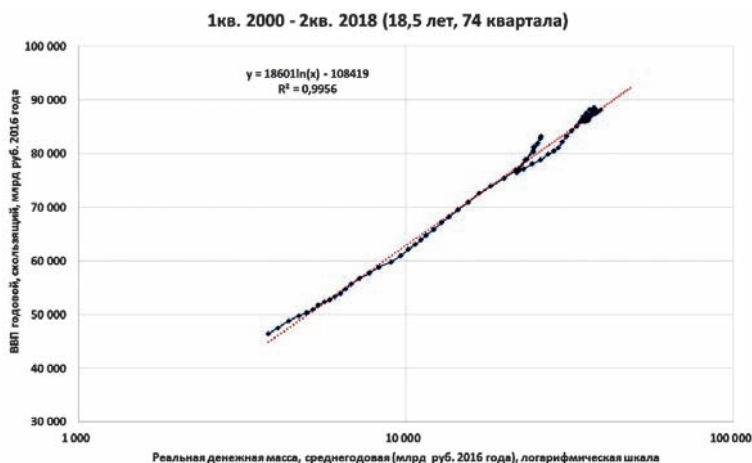

Рис. 9. Взаимосвязь ВВП России и реальной денежной массы

Источник: С. Блинов

Если бы объем кредита не был бы лимитирующим фактором роста, то динамика денежной массы не коррелировала бы со столь высокой статистической значимостью с приростом ВВП и не образовывался бы профицит ликвидности при повышении процентных ставок.

Мнимый профицит ликвидности

Вследствие неприемлемо высоких для большинства отраслей обрабатывающей промышленности процентных ставок, превышающих уровень рентабельности производства (рис.10), загрузка производственных мощностей падает по мере возврата предприятиями кредитов и соответствующего сокращения оборотных средств.

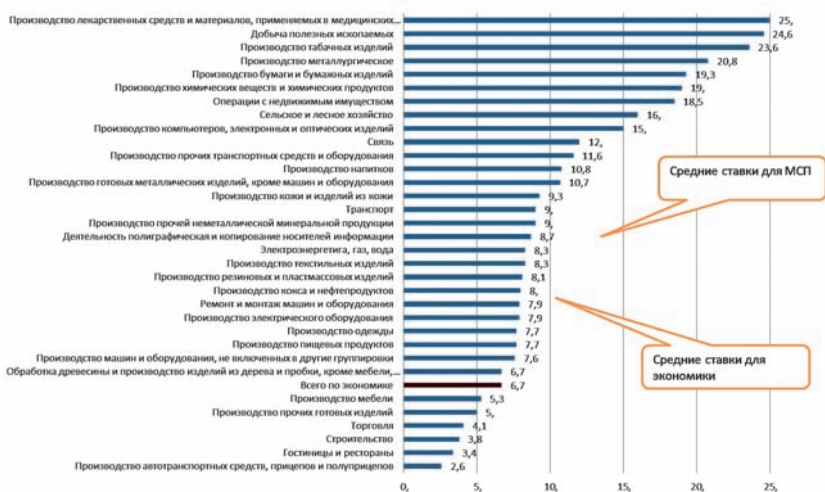

Рис. 10. Уровень рентабельности продаж по видам деятельности и ставки по кредитам (на конец 2017 г.)

Источник: ИНП РАН

Ориентируясь на ключевую ставку, банки не снижают процентные ставки, сокращая кредитование производственных предприятий. Вследствие этого у них образуются избыточные средства, воспринимаемые авторами ОНЕГДКП как структурный профицит ликвидности, который ЦБ собирается изымать: «В условиях профицита ликвидности банковского сектора Банк России использовал в качестве основного инструмента денежно-кредитной политики депозитные аукционы на неделю. В 2018 г. объемы привлекаемых на них средств существенно выросли. Так, в 2017 г. средний объем привлечения средств на недельных депозитных аукционах составил 0,8 трлн руб., а в январе — августе текущего года — около 2,5 трлн рублей. Увеличились и объемы размещения купонных облигаций Банка России (КОБР) на срок 3 месяца... В начале 2018 г. объем КОБР в обращении составлял 0,4 трлн руб., а на 01.09.2018 — уже 1,4 трлн рублей» (с. 14).

Таким образом, Банк России изъял из экономики около 4 трлн руб., планируя продолжать эту практику в предстоящие три года. В совокупности, начиная с 2014 года, как было показано выше, ЦБ изъял из экономики более 10 трлн руб., фактически перестав рефинансировать коммерческие банки. Соответственно сократились оборотные средства и инвестиции предприятий, для финансирования которых привлекались банковские кредиты. Результатом такой политики стало сокращение производства и прекращение экономического роста. При этом авторы ОНЕГДКП не видят очевидной связи между повышением процентной ставки сверх уровня средней рентабельности реального сектора экономики и профицитом ликвидности. Вопреки здравому смыслу они не видят «...признаков влияния банковской ликвидности на операции банков на кредитном и депозитном

рынках» (с. 87). Это все равно что не видеть признаков голода при массовом недоедании населения на том основании, что на полках магазинов наблюдается профицит запредельно дорогих для потребителей товаров.

Находясь в плену собственных представлений о якобы равновесном развитии экономики вблизи ее долгосрочного потенциального уровня, авторы ОНЕГДКП отрицают возможности ЦБ «воздействовать на производительность факторов производства и внедрение технологий инструментами денежно-кредитной политики» (с. 6). Как пишут авторы, «попытки стимулировать экономический рост мерами денежно-кредитной политики в текущих условиях через необоснованное снижение ключевой ставки могут иметь масштабные негативные последствия. В краткосрочном периоде снижение ключевой ставки создаст стимулы для роста кредитования и повышения инвестиционного и потребительского спроса. Чтобы данный рост не имел инфляционных последствий, он не должен опережать возможности расширения производства. Значительно увеличить производство за счет имеющихся мощностей в настоящее время невозможно, поскольку экономика функционирует на уровне, близком к потенциальному. Столкнувшись с увеличением спроса, компании будут конкурировать за трудовые ресурсы, повышая заработную плату. Это будет также способствовать расширению потребительского спроса. При этом для увеличения основных фондов во многих отраслях за счет реализации инвестиционных проектов потребуется время. В результате увеличение внутреннего спроса при отсутствии внутренних возможностей для его удовлетворения приведет к существенному ускорению инфляции...» (с. 6).

В действительности, как было показано выше, экономика функционирует намного ниже потенциального уровня и существуют огромные возможности увеличения производства, не выходя за имеющиеся ресурсные ограничения. В этой ситуации экономическая наука рекомендует наращивать денежное предложение, результатом которого становится рост выпуска продукции при снижающейся инфляции. И наоборот, следование ОНЕГДКП ведет к росту издержек вследствие снижения загрузки производственных мощностей, что влечет повышение цен при падающем объеме выпуска товаров, а также падение конкурентоспособности национальной экономики, платой за которое является девальвация рубля.

К сожалению, авторы ОНЕГДКП руководствуются поверхностными представлениями о взаимосвязи динамики денежной массы, инфляции и производства, следствием которых являются неверные суждения о причинно-следственных механизмах денежно-кредитной политики.

ОШИБОЧНАЯ ТРАКТОВКА ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

Авторы ОНЕГДКП исходят из поверхностного представления о линейной прямо пропорциональной зависимости между денежной массой и инфляцией. Такая зависимость имеет место только для гипотетического равновесного состояния экономики, в котором «...в условиях повышения спроса (за счет зарплат и кредитов) при недостатке предложения отечественных товаров цены на них возрастут» (с. 6). Авторы исходят из того, что «денежно-кредитная политика воздействует на отклонения темпа роста экономики от потенциального, но не на сам экономический потенциал» (с. 6). Однако, как уже говорилось выше, экономика никогда

не пребывает в состоянии равновесия и в реальной действительности взаимосвязь денежной массы и инфляции может быть и прямо противоположной, меняясь в зависимости от управления денежными потоками. И при использовании денежной эмиссии на кредитование производственных инвестиций денежная политика прямо воздействует на увеличение производственного потенциала.

Если исключить из ранее процитированного фрагмента ОНЕГДКП ошибочное утверждение от том, что «увеличить производство за счет имеющихся мощностей невозможно», то логика рассуждений об инфляционных последствиях расширения кредита меняется на противоположную. Если кредит направляется на пополнение оборотного капитала под имеющийся спрос на выпускаемую продукцию, то результатом станет расширение выпуска товаров и снижение условно-постоянных издержек их производства, благодаря чему, при прочих равных, произойдет снижение цен. Аналогичный эффект будет достигнут при использовании кредита на финансирование инвестиций в целях расширения и модернизации производства. Именно такие последствия имели место в последние годы на рынке сельхозпродукции в результате расширения кредитования ее производства под разумный, не превышающий его рентабельность процент.

Международный опыт успешного экономического развития свидетельствует о ключевом значении расширения кредита для финансирования производственных инвестиций. Все без исключения страны, совершившие рывок в своем развитии, начинали его с масштабного кредитования инвестиций в освоение передовых технологий в перспективных направлениях экономического роста. Таблицы 1 и 2 иллюстрируют положительную обратную связь между расшире-

Таблица 1 / Table 1

Масштаб кредитования экономического рывка в странах мира
The scale of crediting economic breakthrough in countries worldwide

	Южная Корея South Korea	Сингапур Singapore	Китай China	Гонконг Hong Kong	Индия India
1950	х	х	х	х	15,6
1955	х	х	х	х	18,9
1960	9,1	х	х	х	24,9
1963	16,6	7,2	х	х	25,8
1970	35,3	20	х	х	24,8
1978	38,4	30,7	38,5	х	36,4
1980	46,9	42,4	52,8	х	40,7
1990	57,2	61,7	86,3	х	51,5
1991	57,8	63,1	88,7	130,4	51,3
2000	79,5	79,2	119,7	136	53
2009	109,4	93,9	147,5	166,8	72,9
2010	103,2	83,9	172,3	199	76,2

Источник: Я. Миркин / Source: Ya. Mirkin

нием кредитной эмиссии и ростом инвестиций в странах экономического чуда последних десятилетий. Правильно определив приоритетные направления развития национальной экономики, денежные власти этих стран предоставили целевые низкопроцентные долгосрочные кредиты своим хозяйствующим субъектам для инвестиций в передовые технологии. Последовавшее вслед за этим расширение выпуска пользующихся спросом на мировом рынке товаров обеспечило рост доходов и сбережений, создававших основу дальнейшего наращивания инвестиций. При этом инфляция в этих странах оставалась умеренной, а в некоторые периоды цены даже снижались, несмотря на бурный рост денежной массы. Так, в период особенно быстрого роста в КНР (до

10% ежегодного прироста ВВП) денежная масса росла до 40% в год при снижающихся ценах на бытовую технику и другие промышленные товары.

Таблица 2 / Table 2

Повышение нормы накопления в периоды экономического рывка

Rise in savings ratio in period of economic breakthrough

	Япония Japan	Южная Корея South Korea	Сингапур Singapore	Малайзия Malaysia	Китай China	Индия India
1950	х	х	х	х	х	10,4
1955	19,4	10,6	х	9,2	х	12,5
1960	29	11,1	6,5	11	х	13,3
1965	29,8	14,9	21,3	18,3	х	15,8
1970	35,5	25,5	32,6	14,9	х	14,6
1975	32,5	26,8	35,1	25,1	х	16,9
1980	31,7	32,4	40,6	31,1	28,8	19,3
1985	27,7	28,8	42,2	29,8	29,4	20,7
1990	32,1	37,3	32,3	33	25	22,9
1995	27,9	37,3	33,4	43,6	33	24,4
2000	25,2	30	30,6	25,3	34,1	22,7
2005	23,3	28,9	21,3	20,5	42,2	30,4
2009	20,6	29,3	27,9	20,4	46,7	30,8
2010	20,5	28,6	25	20,3	46,1	29,5

Источник: Я. Миркин / Source: Ya. Mirkin

Таким образом, денежно-кредитная политика создает условия для экономического роста и обеспечивает увеличение экономического потенциала путем расширения кредита. Разумеется, для этого в экономике должны быть свободные ресурсы, для связывания которых в производственном процессе предприниматели привлекают кредиты. В российской экономике все необходимые для расширения производства ресурсы имеются в избытке. Судя по масштабам произошедшего после резкого повышения процентных

ставок сжатия рефинансирования Банком России, падения производства и инвестиций, дефицит кредитных ресурсов для расширения производства до потенциального уровня составляет около 14 трлн руб. Если эти деньги будут направлены на кредитование роста производства, можно ожидать повышения темпов прироста ВВП до 10% в 2019–2021 годах при удержании инфляции вблизи целевого уровня в 4%.

Но даже если в экономике задействованы все производственные ресурсы и она функционирует на потенциальном уровне, расширение кредита на цели разработки и внедрения новых технологий позволяет повысить этот потенциальный уровень. Именно так происходит переход от экстенсивного экономического роста к интенсивному, главным фактором которого становится НТП. Этот фактор обеспечивает подавляющую часть прироста производства в развитых странах. Расширение его предложения достигается за счет увеличения расходов на НИОКР, образование, развитие информационной инфраструктуры, половина которых финансируется за счет кредита. Поэтому монетизация экономики растет пропорционально уровню технического развития стран, использующих расширение кредита для финансирования инноваций. При этом чем эффективнее работает система целевого кредитования инвестиционной и инновационной активности, тем быстрее может происходить неинфляционное расширение кредитной эмиссии и выше уровень монетизации (рис. 11).

Все развитые и успешно развивающиеся страны в ответ на начавшийся в 2008 году мировой кризис для поддержания экономической и особенно – инвестиционной активности стали проводить политику количественного смягчения, сопровождавшуюся резким увеличением денежной базы

при снижающихся вплоть до нуля процентных ставках. Это позволило им избежать депрессии, типичной для подобных периодов структурных кризисов экономики, опосредующих смену технологических укладов. При этом инфляция оставалась на низком уровне.

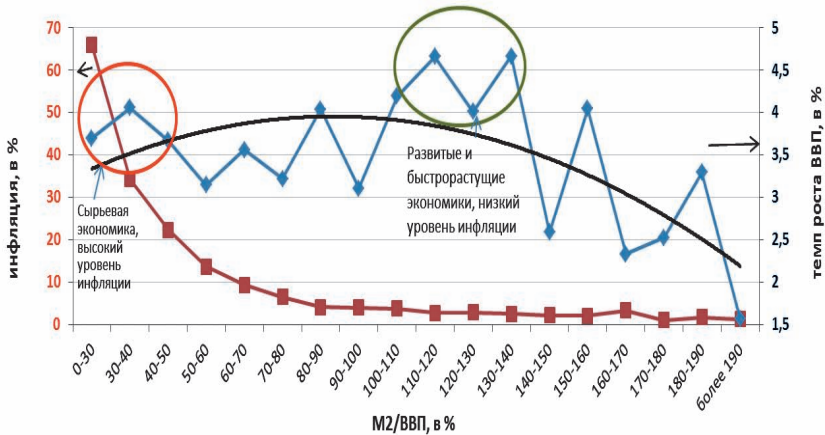

Рис. 11. Зависимость прироста ВВП и инфляции от монетизации экономики (усреднение по 203 странам, 1992–2012 гг.)

Источник: МВФ

Россия оказалась единственной страной из группы ведущих 20 стран, которая ответила на кризис ужесточением денежной политики, вследствие чего оказалась в стагфляционной ловушке. Повышение процентных ставок и сжатие кредита повлекло спад объемов и рост издержек производства, а также резкое сокращение инвестиций, следствием чего стало снижение конкурентоспособности экономики и девальвация рубля, усугубившаяся манипуляциями спекулянтов после перехода к режиму свободного плавления его обменного курса. В результате образовалась инфляци-

онная волна, которую удалось погасить только через три года путем искусственного сжатия спроса ценой прекращения развития экономики и падения доходов населения. Через некоторое время после кризиса к подобной политике с такими же последствиями перешли денежные власти Бразилии, в результате чего разразился острый социально-политический кризис, сопровождавшийся импичментом главе государства.

Авторы ОНЕГДКП не понимают, что инфляция может расти не только при увеличении денежной массы в условиях полного использования экономического потенциала, но и при снижении денежной массы в реальных условиях функционирования экономики. Это происходит вследствие роста издержек из-за падения загрузки производственных мощностей, а также девальвации национальной валюты из-за снижения конкурентоспособности национальной экономики в связи с сокращением инвестиций в ее развитие. Статистические исследования зависимости между динамикой денежной массы и инфляцией, проведенные по большому количеству стран, свидетельствуют о том, что инфляция может расти как при увеличении, так и при снижении объема денежной массы (рис. 12, 13). Это говорит о том, что для каждого состояния экономики существует свой оптимальный уровень монетизации, при котором достигается минимальная инфляция. Он соответствует потребности экономики в кредитовании ее расширенного воспроизводства в рамках имеющихся ресурсных ограничений.

Вопреки мнению авторов ОНЕГДКП о том, что снижение инфляции до целевого уровня автоматически создает условия для устойчивого развития экономики, в действительности для каждой экономической системы существует свой

уровень инфляции, при котором достигаются максимальные темпы экономического роста (рис. 14, 15).

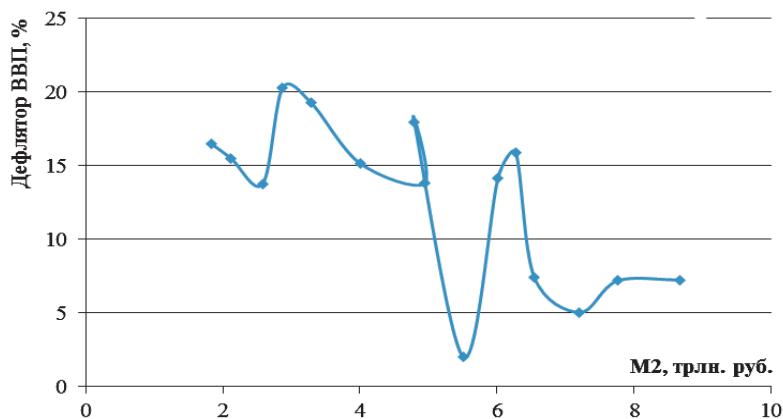

Рис. 12. Связь между темпом инфляции и объемом денежной массы в России, 2001–2015 гг.

Источник: Р. Нижегородцев, Н. Горидько

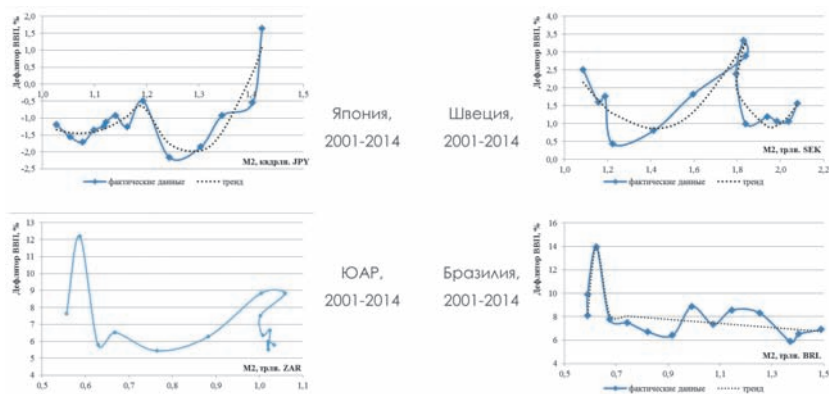

Рис. 13. Связь между темпом инфляции и объемом денежной массы в странах мира, 2001–2014 гг.

Источник: Р. Нижегородцев, Н. Горидько

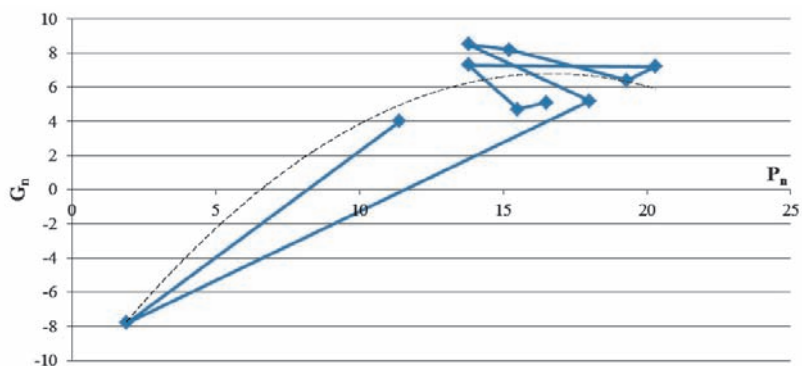

Рис. 14. Статистическая зависимость между темпами роста ВВП и уровнем инфляции в России, 2001–2010 гг.

Источник: Р. Нижегородцев, Н. Горидько

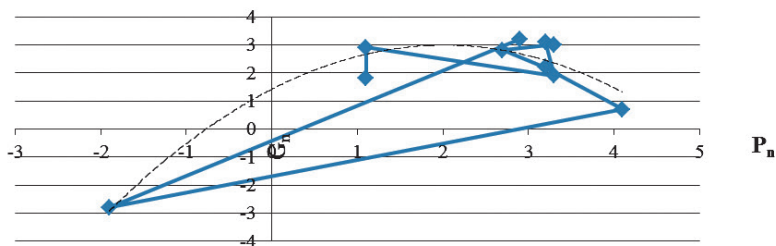

Рис. 15. Статистическая зависимость между темпами роста ВВП и уровнем инфляции в Канаде, 2001–2010 гг.

Источник: Р. Нижегородцев, Н. Горидько

Он может зависеть от эффективности регулирования экономики, ее технического уровня, конкурентоспособности, инфляционных ожиданий. Низкая инфляция действительно облегчает хозяйствующим субъектам планирование инвестиций и способствует накоплению сбережений. Но в отсутствие их достаточного для расширенного

воспроизводства экономики объема роста экономики может и не произойти.

Существует много примеров стран с низкой инфляцией и низкими темпами экономического роста. И наоборот, есть немало примеров стран с двузначной инфляцией и высокими темпами экономического роста. При этом наблюдается достаточно высокий инфляционный фон, который не поддается подавлению мерами денежной политики. Так, высокая коррумпированность государственного управления, как правило, сопровождается высокой инфляцией. Увеличение кредитной эмиссии в условиях коррумпированного госсектора и слабого валютного контроля может повлечь рост валютных спекуляций и вывоза капитала. В этом случае, как показал российский опыт расширения кредитной эмиссии в 2008 г. в целях спасения крупных банков, которые полученные от ЦБ кредиты направили на покупку валюты, увеличение денежной массы может сопровождаться повышением инфляции и не приводить к росту инвестиций и производства. Чтобы добиться трансформации выделяемых кредитов в инвестиции, необходимо контролировать их использование на предмет соответствия целям кредитования и эффективности финансируемых за их счет инвестиций.

Хотя авторы ОНЕГДКП утверждают, что «для разработки прогноза Банк России использует современные макроэкономические модели» (с. 8), никаких ссылок на описание этих моделей не приводится. По-видимому, речь идет о стандартных эконометрических моделях общего равновесия, которые давно отвергнуты научным сообществом как неадекватные реальной экономической динамике и непригодные для достоверного прогнозирования. Поскольку авторы ОНЕГДКП упорно игнорируют факт низкой загруженности

производственных мощностей, скорее всего, они оперируют моделями, интерпретирующими уровень безработицы как показатель близости экономики к гипотетически равносному уровню. В этом случае все оценки операционных целей и инструментов денежно-кредитной политики нельзя считать обоснованными. Они лишь отражают субъективные оценки авторов, для подкрепления которых они манипулируют расчетами по неадекватным реальности примитивным моделям, подгоняя расчеты к желаемым результатам с целью придания наукообразности приводимой аргументации.

НЕАДЕКВАТНОСТЬ ОПЕРАЦИОННЫХ ЦЕЛЕЙ И ИНСТРУМЕНТОВ ЦЕЛЯМ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Закладываемые в ОНЕГДКП ориентиры экономического роста явно не соответствуют установке Президента Российской Федерации о выводе экономики страны на траекторию опережающего развития. Даже в оптимистическом сценарии «темпы прироста ВВП в 2019 г. будут несколько выше уровней базового сценария и составит 1,5–2%» (с. 59). Это существенно ниже прогнозируемого в 3,9% среднемирового темпа экономического роста и более чем втрое ниже КНР и других стран Юго-Восточной Азии, куда перемещается центр развития мировой экономики.

Как было показано выше, основные производственные фонды российской экономики загружены на 60%, и она не имеет ограничений роста ни по одному из факторов производства. Отрицательный разрыв выпуска составляет не менее 25%, а потенциально возможные темпы экономического роста – от 7 до 10% ежегодного прироста ВВП на период до 2021 года в зависимости от выбора воспроизводственной модели – экстенсивной, или интенсивной.

Главной причиной невыполнения, поставленной Президентом России, задачи опережающего развития является ограничительная денежная политика, проводимая в силу субъективных представлений Совета директоров Банка России о возможностях роста российской экономики. Она стала основной причиной рецессии, перешедшей в длительную стагнацию экономики, а также нарастающего падения инвестиций в основной капитал на фоне существенного прироста производства инвестиционных товаров с 2014 г. Ежегодно наблюдаемая разница в 50% между темпами прироста этих показателей (с. 42) свидетельствует о том, что не объективные ограничения прироста факторов производства, а искусственно созданные Банком России ограничения кредитной эмиссии стали ключевой причиной прекращения роста российской экономики.

К сожалению, в ОНЕГДКП не рассматриваются отличающиеся от субъективных представлений руководства Банка России научно обоснованные подходы к проведению денежно-кредитной политики: «Банк России рассматривает два основных сценария среднесрочного прогноза развития экономики: базовый и с неизменными ценами на нефть» (с. 46).

Согласно ОНЕГДКП, «темпы прироста кредита экономике, а вслед за ним и денежной массы сложатся вблизи оценок базового сценария, составив 8–12% в 2019 г. и 7–12% в среднесрочной перспективе» (с. 59); «в 2019–2021 гг. требования к экономике и денежная масса будут увеличиваться годовым темпом 7–12%» (с. 54); «темпы прироста требований к организациям в 2019–2021 гг. составит 6–10%» (с. 55); «...годовые темпы прироста валового накопления основного капитала составят 3–3,5% в 2020 г. и 3,5–4,5% в 2021 г.» (с. 53).

Этот прирост планируется достигнуть без увеличения кредитов со стороны Банка России. Последний останется нетто-заемщиком банковской системы, высасывая из нее от 3 до 5 трлн. руб.: «Банк России и далее будет абсорбировать избыточные средства с помощью депозитных аукционов и размещения КОБР» (с. 17). С учетом стабилизационных фондов правительства всего денежные власти изымают из экономики в разные годы прогнозного периода от 16 до 26 трлн руб. При этом сворачивается не только рефинансирование коммерческих банков, но и специальные инструменты рефинансирования, за счет которых финансируются кредиты малому и среднему бизнесу, льготные кредиты для расширения несырьевого экспорта, гарантированные правительством инвестиционные проекты: «по мере повышения доступности рыночного фондирования Банк России планирует продолжить реализацию стратегии выхода из применения специализированных инструментов рефинансирования» (с. 49).

Чистый вклад денежных властей в развитие российской экономики соответствует объему изымаемых из нее денег и составляет около 20 трлн руб. искусственно сокращенной экономической активности. Аналогичную оценку дает расчет разрыва выпуска между потенциально возможным и фактическим объемом ВВП исходя из загрузки основных факторов производства. По сравнению с потенциально возможным темпом прироста ВВП реализация ОНЕГДКП повлечет искусственное замедление экономического роста более чем на 5%, что соответствует 5 трлн руб. недопроизведенной продукции в будущем году и 18 трлн руб. на предстоящие три года. При этом инвестиции в основной капитал в течение всего прогнозного периода остаются ниже уровня 2014 г., в котором Банк России перешел к политике сжатия кредита. Устойчивое

падение инвестиций в течение семи лет при том, что их объем остается вдвое ниже уровня 1990 г. и явно недостаточен даже для простого воспроизводства экономики, будет иметь катастрофические последствия для России. Нарастающее технологическое отставание уже не только от передовых, но и развивающихся азиатских стран в скором времени повлечет очередной виток девальвации рубля и новую инфляционную волну. В рамках заложенных ОНЕГДКП принципов денежные власти ответят на это новый циклом ужесточения денежной политики с теми же негативными последствиями: падением экономической активности и доходов населения. ОНЕГДКП обрекают Россию на скольжение вниз по спирали сужающегося воспроизводства вследствие заложенной в ней отрицательной обратной связи: повышение процентных ставок — сжатие кредита — падение инвестиций — технологическая деградация экономики — снижение ее конкурентоспособности — девальвация рубля — всплеск инфляции — повышение процентных ставок... Наряду с этой долгосрочной отрицательной обратной связью между денежной политикой и развитием экономики действует отрицательная краткосрочная связь: повышение процентных ставок — сжатие кредита — сокращение оборотного капитала предприятий — падение производства — сокращение доходов — снижение спроса — падение производства — рост издержек — повышение инфляции — повышение процентных ставок...

ПРИВЕДЕНИЕ ОНЕГДКП В СООТВЕТСТВИИ С ЦЕЛЯМИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Для выхода из порочного круга сужающегося воспроизводства и деградации российской экономики необходим

переход к денежно-кредитной политике, ориентированной на рост инвестиций и опережающее развитие экономики. Согласно научно обоснованным рекомендациям, опирающимся на знание закономерностей развития экономики и реальные возможности роста производства в России, она должна предусматривать целевое наращивание кредита на финансирование инвестиций в перспективных направлениях развития российской экономики в объеме не менее 10 трлн руб. в год. Предоставление этих средств хозяйствующим субъектам должно вестись в формате частно-государственного партнерства посредством специнвестконтрактов в соответствии с стратегическими и индикативными планами социально-экономического развития, предусмотренными Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ). Для контроля за целевым использованием этих денег могут применяться современные цифровые технологии, позволяющие контролировать их обращение посредством криптографических средств и блокчейна.

* * *

Executing the mission of “technological and socio-economic development breakthrough”³ set by the President requires systemic macroeconomic policy aimed at encouraging investments in the promising areas of new technological setup growth, with monetary policy ensuring the financial element of expanded economic reproduction being its most important part.

³ Decree “On national targets and strategic objectives of the Russian Federation for the period till 2024” dated May 7, 2018, No.204.

The economic growth in the modern world is impossible without continuous credit expansion for the purpose of financing innovative and investment activities of economic entities. Fundamentally, the credit created by the state is meant for pre-funding the production growth, and economic development is impossible without its continuous expansion. That said, the loan interest rate should not exceed production profitability. Joseph Schumpeter called lending rate an innovation tax⁴. Otherwise, the credit created by the state will be used for financing speculations, which is detrimental to the real sector of economy. This very process is the one that we see in the Russian economy today.

Increasing interest rates over the level of profitability that the majority of enterprises working in real sector can boast of leads to decline in production and investments, while the money is used for monetary and financial speculations instead. The outflow of funds from the real sector to the banking one creates an illusion of liquidity surplus, which is drawn off from the economy by the Central Bank. Unlike the practice of creating credit resources by the national financial authorities that has been used globally for two centuries, the Bank of Russia withdraws cash from economy artificially squeezing the crediting of production sphere. Thus, the growth of investment and innovative activities is blocked making economic development impossible.

To analyze the policy pursued by the Bank of Russia in the right way, one has to gain insight into the role and place of monetary policy in ensuring modern economic reproduction.

⁴ J. Schumpeter. *Theory of Economic Development* / translated by V.S. Avtonomov. M.: Progress Publishers, 1982.

IMPORTANCE OF CREDIT FOR ECONOMIC DEVELOPMENT

Credit expansion is especially important in the periods of structural economic changes, when economic entities have no resources for the quick replacement of fixed assets that dramatically become outdated. That is why all leading countries have been rapidly building up the money supply since 2014 thus securing the crediting of modernization and production growth at merely symbolical interest rate (Figure 1, 2, 3).

Thus, they encourage the investment and innovative activity of their economic entities facilitating the creation of enterprises with new technological setup and securing its breakthrough growth.

As for the source of this credit expansion, the advanced and successfully developing countries find it in money emission steered into financing the priority areas of socio-economic policy identified by the state.

The monetary authorities of leading countries have learned how to create funds against the debentures of state and business for financing expanded economic reproduction. Today, in the conditions of structural crisis, they resort to serious money emission for encouraging investments in the management of new technological setup. Its main channel lies in the purchase of low-profit state debt securities by the Central Bank for the purpose of financing the budget deficit. Within the framework of “quantitative easing” policy, the US Federal Reserve System (FRS) and European Central Bank (ECB) also emit money for purchasing the debt securities of major banks and corporations. China and other successfully developing countries “print” cash against investment plans of economic agents in line with priorities set in centralized manner.

Unlike the Bank of Russia, the central banks, emitters of reserve currencies, secure large supply of cheap credit resources at

quasi-zero interest rates. It does not lead to inflation due to the fact that credits are allocated for financing investments in modernization and growth of production, so the costs are reducing, while the supply of goods is rising, thus increasing the purchasing power of money.

The experience of China demonstrates ample opportunities of using targeted money emission for crediting the growth of investments and production without inflation consequences. For instance, the 10-fold GDP growth in China observed over the period from 1993 to 2016 was followed by the growth in investments by 28 times, as well as increase in money stock and bank credits to the industrial sphere by 19 and 15 times respectively. Almost three units of growth in investments and about two units of growth in money stock and crediting volume account for each unit of GDP growth. It is a good illustration of economic growth mechanism observed in China – increase in economic activity measured by GDP is secured by proactive growth in investments, and the major part of this growth is financed by way of credit expansion by the state banking system. Despite the manifold money supply outstripping growth in relation to increase in production, the inflation rate in China has remained within the limits of 4–7% over the whole period of explosive economy monetization.

Low inflation was ensured by continuous rise in efficiency and volumes of commodity production due to retaining cash flows in the following contours: loan issue – increase in production output and efficiency – growth in commodity weight with reduction in relative costs of producing them and value proposition unit price – rise in incomes – growth in savings – increase in investments. It was achieved by way of pegging the credits of state banks to investment projects dealing with production

development in compliance with currency restrictions for capital transactions, “pass-through” liability of state authorities for meeting the target figures of growth in production and investments, as well as systemic anti-corruption efforts.

Similar methods of using fiat money emission for crediting the investment growth are successfully practiced in Japan, India, Vietnam, South Korea, Malaysia, Singapore and other developed and emerging countries. Their typical feature lies in outstripping the build-up of targeted credit emission for financing investments in accordance with priorities set by the state. Thus, the authorities of these states achieved rapid growth in savings ratio with low incomes and savings of the population. Targeted credit emission has always been and is the main source of financing capital investments in the development of all countries that have worked an economic miracle.

INVALIDITY OF GSSMP BASIC PREMISES

Judging by the published draft of GSSMP for the period till 2021, the top managers of the Bank of Russia are familiar with neither objective laws of long-term economic development, nor best practices of advanced and successfully developing countries that use the tools of monetary policy for ensuring economic growth. Besides, they do not understand the real development capacity of Russia’s economy understating its potential to the current output of products. The reason behind it lies in very popular, yet cursory and unrealistic views of economic development and interdependence of money supply, inflation and production growth. Based on these superficialities, GSSMP will hinder the development of the Russian economy dooming it to increasing technological inferiority and degradation.

The logic of GSSMP is based on the “Concept of economy’s equilibrium condition and deviation of the main macroeconomic variables (gaps) from it.” “The economy may be in this state for any period of time in case of absence of various shocks that lead to short-term deviations from it” (p. 25; henceforth the reference to the respective page of draft GSSMP). According to this concept, “key economic indicators are growing in this condition at a constant pace, which is determined by fundamental factors. It means that long-term equilibrium is not a specific point, but a steady path that the economy follows. While pursuing monetary policy within the framework of targeting inflation in the long-term state of equilibrium, the consumer prices are rising at a pace that is in line with target inflation rate, while the economic growth rate is equal to potential ones and depend on the factor productivity growth rate, as well as the rate of technological development” (p. 25).

This conception is as far from reality as the political economy of socialism popular in the USSR, or the theory of optimum economic performance. The authors of GSSMP, however, take it for granted, as some self-evident absolute truth. The nature of economic development is non-linear, unbalanced and often uncertain. The science and technology progress continuously opens new technological opportunities pushing the former limits of economic growth. The long-term economic development can be described not as a steady path, but a wave-like movement with stages of rapid growth in upward swings of Kondratyev’s long waves alternating with structural crises causing the replacement of technological setups.

The economic science has studied very well the business, investment, as well as research and production cycles, and proved the key role of science and technology progress and innovations

in ensuring economic development. Their implementation causes deviations from hypothetical state of equilibrium and creates new attractors of economic movement. The economy moves from one attractor to another never reaching the state of equilibrium under the influence of new developments continuously generated by economic entities. In terms of modern innovative economic development concept, the equilibrium looks like awkward contemplative abstraction, theoretically allowable in static economy of the medieval period, when there was no credit, while innovators were pursued by the Inquisition.

The concept of the economic equilibrium state has been rejected by academic science for over 50 years as inadequate and confusing for decision makers. It is practiced in no one of developed and successfully developing countries, but is used for ideological purposes to justify the economic deregulation policy that big business needs. Proving the maleficence of state interference that allegedly hinders the equilibrium economic growth, the financial capital gears production factors to its needs for maximizing the profits, often by way of creating monopolies that do not agree with the equilibrium concept.

The concept of equilibrium is behind the mainstream economic thought that imposes on public conscience a pseudo-scientific idea about liberal globalization being logical and natural. This approach is pertaining to religious thinking with the IMF and other international organizations and regulators being the “absolute knowledge” holders of this religion. These organizations serve the global financial capital interests of the US and other states, emitters of global currencies, and render aid to them in their boundless expansion at the expense of imposing artificial restrictions on national credit in other countries. The use of this approach in Russia and other post-socialist states, like in many

countries of Africa and Latin America before, would inevitably lead to the degradation of economy and subordination of its reproduction to the interests of transnational corporations refinanced by the emitters of US dollar and other global currencies.

ERRATIC INTERPRETATION OF ECONOMIC GROWTH OPPORTUNITIES

The inadequateness of theoretical concepts dealing with the development of economy leads to erratic estimations of its actual state and development opportunities. The authors of GSSMP believe that “in the conditions of open economy, temporary deviations from equilibrium may be associated with both changes in internal and external economic conditions. The response on the part of macroeconomic and monetary policy to the shocks makes it possible to minimize their consequences for economy and ensure its rapid return to long-term equilibrium” (p. 25). However, as it exists only in the authors’ imagination, the measures listed in GSSMP do not bring the economy back into the state of equilibrium, but are aimed at maintaining its current state, which the authors interpret as equilibrium. For instance, the authors believe that “increase in domestic and external demand ensured economic growth on the level of long-term potential with the economy’s current structure taken into account. According to the estimates of the Bank of Russia, the GDP annual growth rate will amount to 1.5–2% in 2018” (p. 42). They also conclude that “Russian economy continues to grow at the pace that is estimated by the Bank of Russia as corresponding to its long-term potential” (p. 36). Proceeding to forecasts, the authors write: “under the influence of all factors specified, the economic growth rate will amount to 1.2–1.7% following the results of 2019 being close to potential values” (p. 52).

This hypothetical equilibrium economic growth imagined by the authors is downloaded to the target forecast used for planning the measures of monetary policy. Thus, this forecast becomes self-fulfilling. Analyzing the efficiency of policy pursued, the authors stressed that “...economic growth took place without the intensification of excessive inflation pressure due to monetary policy. The changes in the key interest rate maintained the attractiveness of ruble savings and growth of credit to the economy in line with increase in incomes. Consequently, the rise in consumer and investment demand did not outpace the supply expansion opportunities” (p. 36).

In reality, the economic growth was noticed only the authors of GSSMP being inside the margin of statistical error. The drop in investments and incomes of the population caused by dramatically more expensive borrowing and retaining of crediting conditions unaffordable for the majority of enterprises has led to decrease in production on the level much lower if compared to potential one. Contrary to the belief of the GSSMP authors, the opportunities of expanding the supply of commodities and services look substantial enough amounting to minimum 25% of the GDP growth with production factors being in the current state.

According to statistical data, the load of fixed production assets in industry does not exceed 60%, including new capacities that have been commissioned over the past five years.

There are substantial opportunities for using more of land and water resources. The results of polls among enterprises show the existence of substantial latent unemployment that allows for building up the output by 20–25% without the respective staff increase, but by way of raising the labor productivity and loading idle capacities. Boundless labor supply from the post-Soviet states of Middle Asia, as well as the inflow of skilled

workers from Ukraine exceeds today the demand for labor resources on the part of Russian employers. Russia's economy also faces no limitations of growth in terms of raw materials base: the output of products can be increased by several times in case of comprehensive processing of raw materials exported today. The scientific and technological potential is not a constraining factor either, as it can be raised by almost one third.

Thus, judging by the utilization of main production factor, the growth potential of Russia's economy, at the expense of extensive expansion alone, accounts for about 40% of gain in industrial production, over 50% of gain in engineering and chemical output, minimum 20% of gain in agricultural output, and about 15% of gain in transport and construction services. In case of more intensive use of production resources thanks to technological advances, the GDP can be raised twofold within the next decade. Put it otherwise, Russia's economy can grow minimum at a pace of 7% of annual gain in GDP in the short term, and in the long term as well, provided the growth in investments by 15%. The key limiting factor lies in the artificially created shortage of credit resources that does not allow inclusion of inoperative production factors into the production process. The evidence of it can be found in linear statistically significant relation between the growth of GDP and monetary stock.

If the volume of credit had not been the factor limiting growth, the dynamics of monetary stock would not correlate to gain in the GDP with so high statistical significance forming liquidity surplus in case of raising interest rates.

IMAGINARY LIQUIDITY SURPLUS

Due to interest rates, unreasonably high for the majority of manufacturing industries and exceeding the level of production prof-

itability, the utilization of production facilities is dropping as the enterprises repay loans, and their current assets reduce in volume.

Looking to the key rate, the banks would not reduce their interest rates restricting lending for industrial enterprises. Consequently, they have excessive funds that the authors of GSSMP perceive as structural liquidity surplus, which the Central Bank intends to withdraw: “In the conditions of liquidity surplus in banking sector, the Bank of Russia has used depositary auctions for the period of 1 week as the main tool of monetary policy. In 2018, the funds raised during them have substantially grown. For instance, the average volume of fundraising at the week-long depositary auctions amounted to 0.8 trillion rubles in 2017 and about 2.5 trillion rubles in January-August of the current year. The flotation of coupon bonds issued by the Bank of Russia for the period of 3 months has also increased... The value of coupon bonds in circulation amounted to 0.4 trillion rubles in early 2018, and as much as 1.4 trillion rubles as of 01.09.2018” (p.14).

Thus, the Bank of Russia withdrew from the economy about 4 trillion rubles planning to continue this practice during the next three years. Starting from 2014, as was shown above, the Central Bank has withdrawn from the economy over 10 trillion rubles actually stopping the refinancing of commercial banks. Therefore, the working capital and investments of the enterprises that were financed using borrowed funds reduced. This policy resulted in drop in production and cessation of economic growth. Moreover, the authors of GSSMP do not see the obvious relation between the increase of interest rate over the level of average profitability in real sector and liquidity surplus. Contrary to reason, they do not see “...the signs of bank liquidity’s influence on the oper-

ations of banks in credit and deposit markets” (p. 87). It is the same as failing to see the signs of hunger, when the people are starving on the grounds of surplus of goods, expensive for the consumers, observed on the store counters.

Being in grip of ideas about the alleged equilibrium economic development close to its long-term potential level, the authors of GSSMP deny the ability of the Central Bank “to influence the factor productivity and implementation of technologies by monetary policy tools” (p. 6). As they write, “the attempts to stimulate economic growth by monetary policy measures in the current conditions through the unreasonable reduction of the key interest rate may lead to large-scale negative consequences. In the short term, the reduction of key interest rate will create stimuli for growth in crediting and rise of investment and consumer demand. This growth should not outpace the opportunities of output expansion to avoid inflation consequences. It is currently impossible to raise the production seriously at the expense of existing capacities, as the economy is functioning on the level that is close to its potential one. Facing the growth in demand, the companies will compete for labor resources raising salaries. It will lead to the increase of consumer demand. At the same time, the increase in fixed assets in many industries at the expense of implementing investment projects will require time. Thus, the growth in domestic demand without internal opportunities for meeting it is to lead to a substantial acceleration of inflation...” (p. 6).

In reality, as it has been shown above, the economy is functioning on the level that is much lower than the potential one, and there are serious opportunities for increasing the output without going beyond the existing resource limits. In this situation, the economic science recommends building-up money

supply, which results in output growth with inflation decreasing. Alternatively, following the clauses of GSSMP leads to the rise in costs, which results in price increase with reduction in output, as well as lower competitiveness of national economy and devaluation of ruble.

Unfortunately, the authors of GSSMP are guided by the cotton-candy view of the interrelation among the dynamics of monetary stock, inflation and production, and therefore demonstrate poor judgment about the cause-and-effect mechanisms of monetary policy.

WRONG INTERPRETATION OF THE INTERDEPENDENCE OF MACROECONOMIC PARAMETERS

The authors of GSSMP rely upon the cotton-candy view of linearly proportional dependence between the monetary stock and inflation. This dependence exists only for a hypothetical equilibrium state of economy, in which “...in the conditions of high demand (at the expense of salaries and credits) with shortage of domestic products supply, their prices will rise” (p. 6). The authors are guided by the idea that “monetary policy has impact on the deviation of economic growth rate from the potential one, instead of the economic potential itself” (p. 6). However, as it has been said before, the economy never finds itself in equilibrium, and the interdependence between the monetary stock and inflation may actually be precisely the opposite changing depending on the cash flow management. Using money emission for crediting production investments, the monetary policy has a direct effect on increase in production potential.

If we strike out of GSSMP’s fragment cited before the incorrect assertion about “increase in output at the expense of existing capacities being impossible,” the logic of reasoning about inflation

consequences of credit expansion is reversed. If the credit is used for the replenishment of working capital in line with demand for output products, it will result in rise in output and drop in relatively fixed costs that will lead, all other things being equal, to the reduction of prices. The same effect will be achieved in case of using the credit for financing investments for the purpose of expansion and modernization of production. These very consequences took place in the past years in the agricultural market due to expansion in crediting production at a reasonable interest rate that did not exceed the level of its profitability.

The international experience of successful economic development speaks for the key importance of credit expansion for financing investments in production. All of the countries having made a breakthrough in economic development started it with large-scale crediting of investments in advanced technologies in the promising areas of economic growth. Tables 1 and 2 illustrate positive inverse relationship between the expansion of credit emission and growth in investments in the countries having worked economic miracle over the past decades. Having identified the right priority areas of national economy, the monetary authorities of these states provided targeted long-term loans at low interest rate to their economic entities for investments in advanced technologies. The growth in the output of products in demand in the global market that ensured the rise in incomes and savings laying the foundation for further building-up of investments. The inflation in these states remained moderate, and even reduced in some periods despite the explosive growth of monetary stock. For instance, during the period of rapid growth in China (up to 10% of annual gain in GDP), the monetary stock was increasing by up to 40% annually with dropping prices of household appliances and other industrial products.

Thus, the monetary policy creates the conditions for economic growth and ensures the increase in economic potential by way of expanding credit. Naturally, the economy should have free resources for it, and entrepreneurs attract loans to build them into the production process. In the Russian economy, all resources required for the expansion of production are in excess supply. Judging by what has happened after the dramatic increase in interest rates and decrease in refinancing by the Bank of Russia, as well as drop in output and investments, the deficit of credit resources for expanding production to potential level amounts to about 14 trillion rubles. If this money is used for crediting the production growth, we may expect the rate of gain in GDP of up to 10% in 2019–2021, while the inflation will remain on the level of about 4%.

However, even if all production resources are involved, and the economy is functioning on the potential level, the expansion of credit for the development and implementation of new technologies allows for raising this potential level. This is how the transition from extensive to intensive economic growth takes place with scientific and technological progress being its key factor. This factor ensures the bulk of gain in output in developed countries. The enlargement of its supply is achieved due to increase in expenses for R&D, education, development of IT infrastructure, half of which are financed by credits. That is why the monetization of economy is growing proportionally to the level of technological development in the states using credit expansion for financing innovations. That said, the more effectively the system of target crediting investment and innovative activities works, the more rapid non-inflation expansion of credit emission may be, and the higher the monetization level is.

In response to the global crisis of 2008 and for sustaining the economic and especially investment activity, all developed countries started pursuing the policy of quantitative easing, followed by heavy increase in monetary base and drop in interest rates up to zero. It enabled them to avoid depression typical for such periods of structural economic crises mediating the change of technological setups. The inflation was maintained on a low level.

Russia turned out to be the only country among the 20 leading states that responded to crisis by way of tightening the monetary policy and found itself in a stagflation trap. The rise of interest rates and credit squeeze led to the drop in output and increase in costs, as well as dramatic reduction in investments, which resulted in drop in economic competitiveness and devaluation of ruble. The manipulations of speculators after the transition to floating exchange rate made matters even worse. Consequently, an inflation wave formed up, and the authorities managed to stop it only three years later by way of artificially squeezing the demand at the cost of cessation of economic development and drop in people's incomes. After a while, the monetary authorities of Brazil started pursuing similar policy with the same consequences. It resulted in acute socio-political crisis followed by impeachment.

The authors of GSSMP do not understand that inflation may grow not only in case of increase in monetary stock in the conditions of using the whole economic potential, but in case of drop in monetary stock in the real conditions of economy's functioning as well. It takes place as a result of drop in costs due to decrease in capacity utilization, as well as devaluation of national currency caused by the drop in competitiveness of national economy due to reduction in investments in its development.

The statistical studies of relationship between the dynamics of monetary stock and inflation in many countries show that inflation may grow in case of both increase and drop in monetary stock volume. Consequently, for each state of the economy, there is its own optimal level of monetization allowing for achieving the minimum of inflation. This level is in line with the requirements for demand for crediting its reproduction within the existing resource limits.

Contrary to the opinion of authors of GSSMP, who believe that the drop in inflation to target level automatically creates the conditions for sustainable economic growth, for each economic system, there is actually its own inflation level allowing for achieving maximum economic growth rate.

It may depend on the effectiveness of economy regulation, its technical level, competitiveness, and inflation expectations. Low inflation really makes it easier for economic entities to plan investments and promotes accumulation of savings. However, in case of their insufficient volume for expanded economic reproduction, there may be no economic growth.

There are many examples of countries with low inflation and economic growth rate. Alternatively, there are many examples of states with two-digit inflation and high economic growth rate. At the same time, high enough inflation background is observed, and it cannot be suppressed by measures of inflation policy. For instance, the high level of corruption is followed by the high level of inflation as a rule. Raising credit emission in the conditions of corrupted state sector and weak currency control can lead to growth in currency speculations and outflow of capital. In this case, as Russian experience of credit emission expansion in 2008 for the purpose of saving major banks showed, increase in monetary stock may be followed by rise in inflation and fail to lead to

growth of investments in production, as the banks used the money obtained from the Central Bank for buying currency. To attain the transformation of credits into investments, the Central Bank should verify their use for being in line with the goals of crediting and efficiency of investments financed by these loans.

Though the authors of GSSMP say that “the Bank of Russia is using modern economic models for working out the forecast” (p.8), any references to the description of these models are missing. It seems that these are standard econometric models of general equilibrium, which have been long rejected by the academic community as irrelevant to real economic dynamics and unfit for credible forecasting. As the authors persistently ignore the fact of low capacities utilization, they are likely to use the models interpreting unemployment level as an indicator of economy being close to the hypothetical equilibrium level. In this case, the estimates as to the operating objectives and mechanisms of monetary policy cannot be considered sound. They just reflect the subjective estimates of the authors, who manipulate calculations and use primitive models to substantiate them adjusting the calculations to intended results for the purpose of making their reasoning sound pseudo-scientific.

INCOHERENCE OF OPERATING OBJECTIVES AND TOOLS WITH GOALS OF OUTSTRIPPING ECONOMIC DEVELOPMENT

The guidelines of economic growth listed in GSSMP are obviously not in compliance with the Russian President’s setting for placing the country in a trajectory of outstripping growth. Even according to the optimistic scenario, “the rate of gain in GDP in 2019 will be slightly higher than the level of basic scenario and amount to 1.5–2%” (p. 59). It is much lower than the predicted world average economic growth rate of 3.9%, and thrice lower

than the one of China and other countries of South-East Asia, where the center of global economic development is moving.

As it has been shown above, the basic production assets of the Russian economy are loaded to 60%, and it has no growth limitations in terms of production factors. The negative output gap amounts to no less than 25%, while potentially possible economic growth rate is 7–10% of annual gain in GDP for the period till 2021 depending on the chosen reproduction model – extensive or intensive.

The main reason behind the failure to fulfill the task of outstripping development set by the Russian President lies in restrictive monetary policy pursued due to subjective beliefs of the Board of the Bank of Russia about the growth capacity of the Russian economy. It has become the key reason behind the recession that turned into long-term stagnation, as well as increasing drop in fixed capital investments on the background of substantial gain in production in investment goods since 2014. The 50% difference between the growth rates of these indicators observed annually (p. 42) shows that the key reason behind the cessation of economic growth lies not in the objective limits of gain in production factors, but in credit emission restrictions artificially created by the Bank of Russia.

Unfortunately, the authors of GSSMP do not consider scientifically grounded approaches to pursuing monetary policy different from subjective beliefs of the management of the Central Bank: “the Bank of Russia considers two main scenarios of medium-term economic growth forecast – the basic one and the one with fixed oil prices” (p. 46).

According to GSSMP, “the growth rates of credit to economy and monetary stock will be close to the basic scenario estimates, i.e. 8–12% in 2019 and 7–12% in the medium term” (p.59); “in

2019–2021, the economic requirements and monetary stock will grow by 7–12% annually” (p.54); “the gain in requirements to organizations in 2019–2021 will amount to 6–10%” (p.55); “... annual rate of gain in gross fixed capital formation will reach 3–3.5% in 2020 and 3.5–4.5% in 2021” (p.53).

This growth is expected to be achieved without the increase in credits on the part of the Bank of Russia. The latter remains the net borrower of banking system sucking 3–5 trillion rubles out of it: “the Bank of Russia will further absorb surplus funds by way of depositary auctions and placing coupon bonds” (p.17). Taking the stabilization funds into account, the monetary authorities withdraw from the economy 16–26 trillion rubles in different years of forecast period. Moreover, they curtail not only the refinancing of commercial banks, but special refinancing tools used to finance the credits to small and medium-sized business, preferential credits for expanding non-resource exports, and investment projects guaranteed by the government as well: “in the course of rise in market funding, the Bank of Russia plans to continue implementing the strategy of exiting from the use of special refinancing tools” (p. 49).

The net contribution of monetary authorities to the development of the Russian economy is equal to the funds withdrawn from it and amounts to about 20 trillion rubles worth of artificially reduced economic activity. Similar result is produced by the calculation of output gap between the potential and actual GDP volume based on utilization of key production factors. If compared to a potentially possible GDP growth rate, the implementation of GSSMP will lead to an artificial slowdown of economic growth by slightly over 5%, which corresponds to 5 trillion rubles worth of products failed to be manufactured next year, and 18 trillion rubles over the three coming years. The

investments in fixed capital will remain lower than the level of 2014 during the whole forecast period (in 2014 the Bank of Russia switched over to the policy of credit squeeze). Stable drop in investments over the next seven years, and their volume being lower than the level of 1990 and insufficient for simple economic reproduction will lead to the catastrophic consequences for Russia.

Increasing technological inferiority if compared not only to the developed, but to the emerging Asian countries as well, will soon result in a new round of ruble devaluation and new inflation wave. Within the framework of principles listed in GSSMP, the monetary authorities will respond to it with a new cycle of tightening their monetary policy with the same negative consequences: drop in economic activity and incomes of the population. The authors of the document doom Russia to spiral slide down of shrinking reproduction due to the inverse relationship listed in it: rise in interest rates — credit squeeze — drop in investments — technological degradation — devaluation of ruble — surge of inflation — rise in interest rates... Along with this long-term inverse relationship between monetary policy and economic development, there is a short-term inverse relationship: rise in interest rates — credit squeeze — reduction in working capital of enterprises — drop in production — reduction in incomes — drop in demand — drop in production — increase in costs — rise in inflation — rise in interest rates...

ADJUSTMENT OF GSSMP TO THE GOALS OF RUSSIAN ECONOMY'S OUTSTRIPPING GROWTH

To exit from the vicious loop of shrinking reproduction and degradation, the Russian economy needs transition to a monetary policy focused on the growth in investments and outstripping

economic development. According to evidence-based recommendations founded on the knowledge of economic development laws and real opportunities for production growth, it is necessary to envision target build-up of credit for financing investments in promising economic areas in the amount of no less than 10 trillion rubles annually. These funds should be provided to economic entities in the format of public-private partnership by way of special investment contracts in accordance with strategic indicative plans of socio-economic development envisioned in Federal Law “On strategic planning in the Russian Federation” (#172-FZ dated June 28, 2014). The intended use of this money can be controlled by modern IT technologies that make it possible to monitor its circulation by way of cryptographic aids and blockchain.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ТРУДНЫЙ ПУТЬ ВВЕРХ

RUSSIAN ECONOMY: THE HARD WAY TO THE TOP

А.Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель Председателя (главный экономист) Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к.э.н.

A.N. KLEPACH

Deputy Chairman (Chief Economist) — Member of the Board of the State Development Corporation “Bank for Development and Foreign Economic Affairs” (VEB), Head of Chair for Macroeconomic Policy and Strategic Management of M. Lomonosov MSU, Ph.d in Economics

АННОТАЦИЯ

Российская экономика может выйти на темпы устойчивого роста около 3–4% в год при условии перехода к стимулирующей денежной и бюджетной политике в масштабах, превышающих параметры, заложенные в национальных проектах. Это означает отход от накопления избыточных государственных сбережений и модификацию бюджетного правила. Создание механизма «длинных денег» по доступным для

бизнеса ставкам предполагает значительную докапитализацию институтов развития, изменение их модели поведения в сочетании с завершением формирования эффективной системы частных пенсионных сбережений. В долгосрочном плане – экономический рост может быть устойчивым, только опираясь на опережающие инвестиции в человеческий капитал, науку и технологии и транспортную инфраструктуру, при этом ставка на экспорт должна быть дополнена продолжением активной политики импортозамещения и преодоления структурных окон уязвимости. Институциональные преобразования, направленные на защиту частной собственности и предпринимательской свободы, должны быть совмещены с эффективными механизмами общественной координации и стратегического планирования. Соединение этих двух начал и принципа справедливости может обеспечить устойчиво высокие темпы развития и новое качество роста.

ABSTRACT

The Russian economy can demonstrate a sustainable pace of growth of 3–4% per year only on condition on transition to the stimulating monetary and budget policy on the scale exceeding the parameters of the national projects. This means easing of the current budget rule with an end of excessive savings accumulation. Creation of the “long money” mechanism with affordable interest rates requires a massive capitalization of development institutions, change in their behavior model and completion of formation of the effective private pension savings system.

Long-term economic growth can be sustainable only if there is leading investment into human capital, science, technology, and transport infrastructure. Export supporting policy must be accompanied by the prolongation of active import substitution policy. Institutional changes directed to property protection and entrepreneurial freedom must be combined with effective mechanisms of public coordination and strategic planning. A combination of these two principles with the principle of justice provides high and sustainable growth rates and a new quality for the growth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический рост, денежная и бюджетная политика, бюджетное правило, структурные сдвиги, общественная координация.

KEYWORDS

Economic growth, monetary and budget policy, budget rules, structural change, public coordination.

Последнее десятилетие стало периодом низких, почти стагнационных темпов роста.

Российская экономика выросла за последние семь лет на 6,7% при росте мировой экономики на 27,6%. Сейчас вновь ставится задача совершить прорыв в экономическом развитии, и российская экономика должна выйти на темпы роста, опережающие мировые. Какие структурные и институциональные преобразования для этого необходимы и какие уроки мы должны извлечь из опыта предыдущих, так и не состоявшихся прорывов?

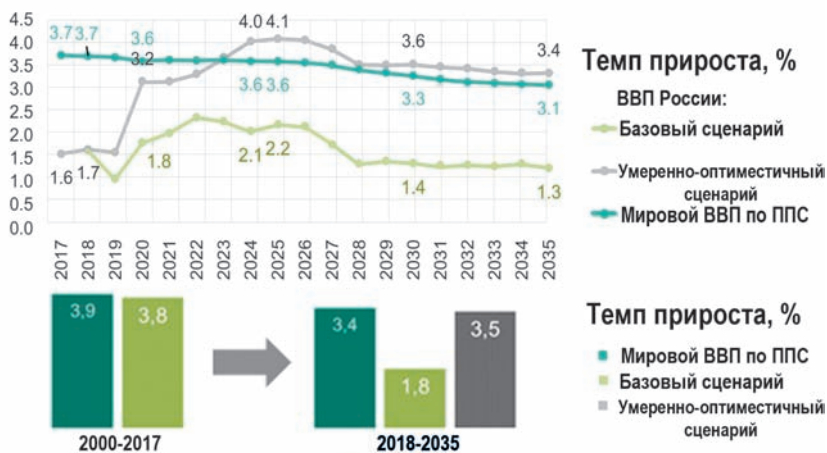
ПРОБЛЕМА ТЕМПОВ РОСТА: КАК ОБОГНАТЬ МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ? Хотя все ожидают некоторого замедления роста мировой экономики, ее темпы в среднесрочной перспективе держатся на уровне 3,5–3,6% (по паритету покупательной способности), и только при взвешивании национальных экономик по номинальному ВВП они снижаются до 2,9–3%. Структура лидерства меняется. Темпы роста Китая замедляются, хотя по-прежнему превышают 6%, но в целом в Юго-Восточной Азии, и особенно в Индии и Индонезии, они в среднесрочной перспективе будут достаточно высокие. Индия — за 7%, Индонезия — 5–6%, причем это 260 миллионов человек. Когда ставится задача выйти на 5-е место в мире по размерам экономики, надо смотреть не только на европейские, но и на азиатские экономики, где не только Индия, размеры экономики

которой уже превышают российскую, но и Индонезия в скором будущем может обогнать нас. При таком окружении надо действительно иметь темпы роста не ниже 3–4%.

В целом при консервативном варианте прогноза, который можно считать базовым, соответствующим сложившимся тенденциям, темп роста российской экономики не превысит 1,3–2,5% (нижняя кривая). Вместе с тем при умеренно-оптимистичном сценарии, предполагающем перелом инерции торможения, российская экономика может выйти на темпы роста соответствующие, и в отдельный период (скорее, за 2022 годом) даже превышающие темпы роста мировой. Умеренно-оптимистичный вариант, предложенный Институтом исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, носит во многом прорывной характер и предполагает значительные структурные и институциональные преобразования, при условии модификации действующего бюджетного правила и модели таргетирования инфляции. Вместе с тем это сбалансированный вариант, не предполагающий инфляционного перегрева экономики и избыточного импорта.

Темпы роста, выше или ниже мировых, — это не только мера количественного соотношения, но и качественный вопрос — как Россия вписывается в мировую динамику, что она может дать миру, каково наше место в международном разделении труда и какой опыт развития мы можем предложить? Для кого мы можем быть примером или антипримером? Казахстан уже вплотную приблизился по уровню душевого ВВП к России и при сложившейся динамике за 2–3 года может нас обогнать (табл. 1). В отличие от первой половины 2000-х годов в 2014–2018 годах разрыв между Россией и развитыми странами по уровню ВВП на душу населения вновь увеличился.

Умеренно-оптимистичный сценарий позволяет приблизиться к динамике мировой экономики

Источники: МВФ, ИНВ, расчеты Института Внешэкономбанка

Место страны в мировой истории определяется не только размерами территории и экономики, но и тем, какую модель развития она может предложить, насколько она может быть привлекательной и для своего населения, и для других стран. Отставание от мировой динамики означает не только уменьшение нашего веса в мировой экономике, но утрату способности быть лидером, примером и для самих себя, и для своих соседей. Это может стать угрозой для внутренней стабильности и доверия российского общества к элите и властям.

Есть и достаточно приземленный вопрос: при опережающем развитии стран Азиатско-Тихоокеанского региона именно они могут стать окном возможности для ускорения роста российской экономики, путем интенсивного наращивания российского экспорта в восточном направлении.

Таблица 1

Сравнительные темпы роста российской и мировой экономики

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	прирост за 7 лет, %
ВВП, % роста								
Россия	3,7	1,8	0,7	-2,5	-0,2	1,5	1,7	6,7
Казахстан	5,0	6,0	4,3	1,2	1,1	4,0	3,8	28,2
Беларусь	1,7	1,0	1,7	-3,8	-2,5	2,4	3,4	3,7
Украина	0,2	0,0	-6,6	-9,8	2,4	2,5	3,5	-8,2
США	2,2	1,8	2,5	2,9	1,6	2,2	2,9	17,3
Еврозона	-0,9	-0,2	1,4	2,1	1,9	2,4	1,9	8,8
Мир	3,5	3,5	3,6	3,5	3,3	3,7	3,7	27,6
ВВП по ППС на душу населения, тыс. долл.								
Россия	25,6	26,5	27,2	26,7	27,0	27,9	29,0	13,4
Казахстан	22,3	23,7	24,8	25,0	25,2	26,3	27,5	23,3
Беларусь	17,8	18,3	19,0	18,4	18,1	18,9	20,2	13,3
Украина	8,5	8,7	8,8	8,0	8,3	8,8	9,2	7,7
США	51,5	53,0	55,0	56,7	57,8	59,8	62,5	21,3
Еврозона	36,7	37,3	38,5	39,7	40,8	42,0	43,9	19,4
Мир	14,1	14,6	15,3	15,8	16,2	17,0	17,8	26,4
ВВП по ППС на душу населения (Россия = 100%)								
Россия	100	100	100	100	100	100	100	
Казахстан	87,1	89,4	91,4	93,6	93,5	94,3	94,7	
Беларусь	69,5	69,1	69,8	68,8	67,1	67,7	69,5	
Украина	33,3	32,8	32,3	30,0	30,9	31,4	31,6	
США	201,2	200,1	202,4	212,1	214,4	214,4	215,3	
Еврозона	143,4	140,8	141,9	148,4	151,2	150,6	151,1	
Мир	55,0	55,2	56,2	58,9	60,2	60,8	61,3	

Источник: Расчеты Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ по данным IMF

Конечно, «черный лебедь мировой конъюнктуры» может принести неприятные сюрпризы в виде очередной мировой рецессии, возможно, уже в 2019–2020-х годах, и вместо мягкого торможения произойдет новая рецессия. Однако как бы ни упали темпы роста мировой экономики, Россия вряд ли останемся тихой гаванью из-за чувствительности к падению мировых цен и уязвимости к оттоку капитала. Хотя устойчивость российской экономики к колебаниям цен на нефть в последние годы повысилась, она остается достаточно высокой и при этом асимметричной. Повышение цен на нефть оказывает слабое влияние на ускорение роста, во многом из-за стерилизационного эффекта бюджетного правила, но падение цен ведет к торможению экономической активности. По оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ. РФ, если цены на нефть в 2019 году опустятся в среднем выражении до 54 долл. за барр. (вместо запланированных в бюджете 63,4 долл. за барр.), то рост ВВП может замедлиться на 0,3–0,5 проц. пункта, курс рубля окажется ниже на 8–9%, а инфляция повысится с 4,6 до 5,4%. Федеральный бюджет может потерять 1 трлн доходов, но останется профицитным.

Риски внешнеэкономической конъюнктуры еще в большей степени повышают востребованность перехода к новой, более сложной и устойчивой модели развития, устойчивой не в смысле сглаживания эффекта зависимости от колебаний цен на нефть, а в смысле повышения внутренней глубины и емкости российской экономики. В этой связи ставка на форсированное наращивание экспорта, при всей правильности курса на его опережающее развитие и диверсификацию, объективно повышает чувствительность российской экономики к возмущениям мировой конъюнктуры.

УРОКИ РАЗВИТИЯ И ПРЕДЕЛЫ БЮДЖЕТНОГО ПРАВИЛА И ТАРГЕТИРОВАНИЯ ИНФЛЯЦИИ. Мы брали обязательство совершить прорыв фактически еще в 2008 году, когда принимали так называемую «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития до 2020-го года». Основные задачи, которые там ставились, по переходу к инновационному социально-ориентированному развитию и достижению 5-го места в мировой экономике, актуальны и сейчас. Потом были майские указы 12-го года, где тоже ставилась задача прорыва. Сейчас прошло 6 лет, у нас новый, но теперь уже один указ, всеобъемлющий, и тоже ставится задача прорыва. Под него подводится определенная база в виде национальных проектов и различных стратегических планов. Но, прежде чем совершать новый прорыв, хорошо бы понять, почему у нас не получилось прорыва в 2008 и в 2012–2018 годах. Напротив, вместо ускорения мы стагнируем и отстаем от мировой экономики.

В наибольшей степени не выполнены целевые параметры Указов 2012 года в части результатов макроэкономического развития. Производительность труда в экономике в целом выросла на 4% (2018 к 2011 г.) против цели в 50%, норма накопления повысилась (по методике Росстата) до 21,4% ВВП против целевых 27%, реальная заработная плата увеличилась на 16% вместо 40–50%, создано и модернизировано 17,1 млн рабочих мест против планировавшихся 25 млн. В то же время заработная плата целевых категорий бюджетников вышла в основном на планировавшийся уровень, целевые показатели в здравоохранении превышены в среднем на 32%, достаточно высокий уровень выполнения целевых показателей (около 95%) по линии демографической политики и совершенствования госуправления. По оценке

Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, целевые показатели выполнены в среднем почти на 90%, но при этом степень их выполнения в различных сферах, особенно в экономическом развитии, крайне неравномерна, да и социально-экономический вес целей очень разный. При этом общая динамика зачастую искажает реальную картину. В частности, доля высокотехнологичных и наукоемких секторов (по методике Росстата) в ВВП выросла с 21,8% в 2011 г. до 23,1% в 2017 г., или на 6%, при целевом ориентире роста на 30%. Однако этот прирост в основном произошел за счет финансовой сферы и транспорта, тогда как доля основных высокотехнологических отраслей в ВВП, напротив, понизилась с 12,1 до 11,8% ВВП.

Понятно, что свою негативную роль в отставании от намеченных целей сыграли санкции, падение цен на нефть в 2014–2015 годах. Однако значительный вклад внесли внутренние барьеры. Каковы они?

Во-первых, все опросы отмечают низкий уровень предпринимательских ожиданий и доверия бизнеса к проводимой политике. Отток капитала в прошедшем году достиг 68 млрд долл. и в целом за пять лет Россия экспортировала 327 млрд долл., что составило более пятой части всех инвестиций в основной капитал. Российский бизнес традиционно предпочитает инвестировать за рубеж значительную часть своих доходов. Говоря научным языком, национальные сбережения постоянно превышают накопление капитала. В 2011 году сбережения достигали 29,4% ВВП и превышали накопление капитала на 4,8% ВВП. В 2012–2017 годах они сократились до 25–27% ВВП и сейчас, по предварительной оценке, вернулись к уровню 29% ВВП. При этом разрыв с накоплением капитала вначале уменьшился до 2,6–3% и в

прошедшем году вновь вместе с оттоком капитала возрос до 6% ВВП. Таким образом, возможности резкого увеличения нормы накопления есть. Проблема в отсутствии достаточных стимулов как со стороны бизнеса, так и со стороны государства, которое само активно экспортирует капитал, инвестируя Фонд национального благосостояния в зарубежные активы. Низкий уровень доверия или инвестиционной решимости бизнеса — это комплексная проблема. Объяснить его только неудовлетворительным инвестиционным климатом, вряд ли правильно. Климат для разных групп бизнеса и разных регионов страны очень разный. Тем более, что индекс Doing business, который во многом показывает состояние дел в столице, радикально улучшился. В то же время и крупный, и средний бизнес отмечают возросшее силовое давление и риск утраты собственности.

Повышение доверия и понимания проводимой экономической политики, стабильность правил регулирования и контроля, усиление защиты собственности могут способствовать существенному повышению склонности бизнеса к инвестициям и предпринимательству. Определенным фактором снижения инвестиционных рисков могла бы стать реализация на практике Закона о гарантиях инвестиций (проект которого разработан) в сочетании с механизмом СПИК 2.0 (специнвестконтрактов).

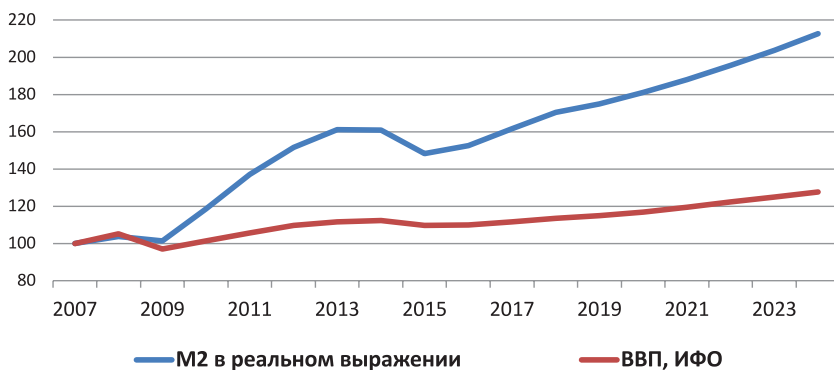
Во-вторых, недостаточный спрос и дороговизна капитала, вызванные во многом избыточными государственными сбережениями и сверхжесткой денежно-кредитной политикой, остаются ведущими факторами, препятствующими росту. Опросы предприятий традиционно ставят дефицит спроса на первое место среди факторов, ограничивающих производство и инвестиции.

Денежные ограничения — важный, но отнюдь не главный фактор низких темпов роста, что проявляется в слабой эластичности прироста ВВП от прироста реальной денежной массы. Действительно, в 2014–2015 годах денежная масса (M2) в реальном выражении сократилась на 7,9% (в среднегодовом выражении), тогда как ВВП всего на 2,5%, а ее реальный рост в 2016–2018 годах на 15,1% сопровождался приростом ВВП всего на 3,6%. При этом дисбаланс процентных ставок и прибыльности реального бизнеса за последние годы возрос, и высокие реальные процентные ставки действительно угнетают деловую активность. Банковская система ориентирована на предложение денег тем, кто в нем не особо нуждается — «Газпрому», ЛУКОЙЛу, «Роснефти» и другим первоклассным заемщикам. Тогда как перекредитованные предприятия аграрного и оборонного высокотехнологического секторов имеют ограниченный доступ к кредиту. Почти треть и более всей системы государственной поддержки села — это субсидирование процентных ставок, то есть, по сути дела, банковского сектора. Значительная часть денежного предложения идет на оздоровление банковской системы и не стимулирует экономический рост. Структурный профицит ликвидности (не исключаяющий его одновременного дефицита для значительной части бизнеса) может на рубеже 2021–2022 годов смениться структурным дефицитом с учетом увеличения заимствований со стороны государства в рамках бюджетного правила.

Несмотря на низкий, по официальным оценкам, уровень безработицы, российская экономика характеризуется значительным уровнем свободных мощностей (около 40% в промышленности) и при условии расширения кредитной поддержки и повышения доступности кредита (снижение

ставок и ослабление пруденциальных требований) может значительно повысить выпуск. В том числе более динамично, чем разные оценки потенциального ВВП. Опережающий, по сравнению с потенциальным, рост экономики означал бы не ее перегрев, а повышение уровня использования производственных ресурсов, своеобразный возврат «спросового долга» и создание условий для увеличения инвестиций, а тем самым в перспективе — и уровня потенциального ВВП.

Динамика ВВП и М2 в реальном выражении, 2007 = 100

Источник: Прогноз института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, IMF

По оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, пакет стимулирующих мер (преимущественно денежно-кредитного и бюджетного характера) мог бы ускорить экономический рост в 2019 году на 0,6 проц. пункта и в 2020–2022 годах на 0,9–1,3 проц. пунктов. В сочетании с мерами структурного характера, эффект которых проявится в более долгосрочной перспективе, устойчивый экономический рост мог бы повыситься после 2023 года (при уве-

личении и потенциального ВВП) на 1,9–2,1 проц. пункта по сравнению с базовым вариантом прогноза, предполагающим продолжение нынешней сверхжесткой бюджетной и денежной политики.

Как переломить ситуацию?

Назрело не повышение, а снижение процентных ставок Банка России, так как их увеличение не оказывает сдерживающего влияния на инфляцию, а тормозит экономику. Основные риски здесь связаны с потенциальным ослаблением курса рубля, но и здесь Банк России может более гибко использовать при необходимости разные инструменты, а не только повышение процентных ставок.

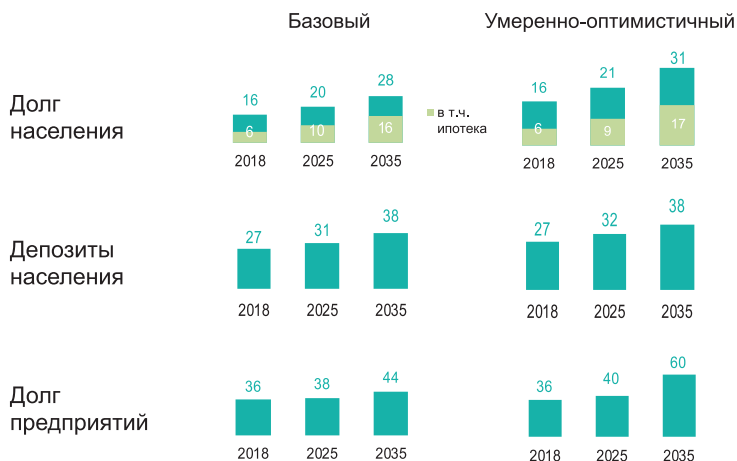
Наряду с высокими процентными ставками значительный сдерживающий эффект для экономического роста оказывает ужесточение Банком России пруденциальных норм. Регуляционная деятельность, связанная с правилами оценки рисков и формирования резервов для банков и для частных пенсионных фондов, нацелена, что справедливо, на повышение надежности банковской и пенсионной систем, расчистку их от слабых финансовых структур, но это делается без учета негативных последствий для реального бизнеса. В этой связи необходим поиск баланса между мерами повышения надежности и работоспособности финансовой системы, который сейчас все же сдвинулся в противоположную сторону от предпринимательства.

В условиях дороговизны и высоких рисков банковского кредитования мощным среднесрочным и долгосрочным фактором повышения вклада финансовой системы в ускорение роста экономики и повышение качества структурных сдвигов могла бы стать докапитализация «квазибанковской системы» или системы институтов развития при усилении

стратегической направленности ее деятельности в соответствии с приоритетами государства. В настоящее время государственные институты развития, и особенно Внешэкономбанк, находятся фактически в менее благоприятных финансовых условиях, чем коммерческие банки, в силу отсутствия доступности к средствам населения и Банка России. Часть избыточных сбережений государства и денежных властей, включая Банк России, целесообразно направить на приоритетные стратегические проекты через институты развития по ставке сопоставимой с уровнем инфляции, что позволило бы уже в среднесрочной перспективе значительно ускорить рост экономики и оздоровить финансовое состояние бизнеса.

Параметры развития банковского сектора (% ВВП)

Умеренно-оптимистичный сценарий предполагает существенное облегчение доступа предприятий к банковским кредитам за счет снижения процентных ставок и удлинения сроков кредитования

Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭО.РФ

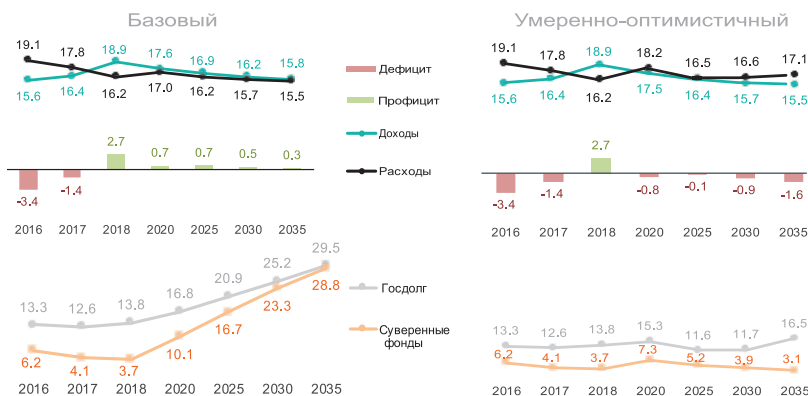
По оценке Института исследований и экспертизы Внешнеэкономбанка, инвестирование через институты развития в приоритетные проекты средств Фонда национального благосостояния и Банка России в размере около 1% ВВП (около 1 трлн рублей) повысило бы траекторию роста российской экономики на 0,3–0,4 проц. пункта и позволило бы запустить ряд важных прорывных инфраструктурных и высокотехнологичных проектов, а также проектов улучшения качества городской среды.

В долгосрочной перспективе такая двухзвенная финансовая модель позволила бы существенно увеличить финансовую глубину российской экономики, особенно кредитное плечо бизнеса до уровней, сопоставимых с европейскими странами.

Модификация бюджетного правила фактически уже началась, но бюджетная конструкция остается сверхжесткой. По бюджетному правилу расходы бюджета на 2019–2021 годы должны были быть существенно более низкими (на 0,5–0,6 проц. пунктов ВВП), чем то, что сейчас заложено. Бюджет является профицитным на весь планируемый период, но одновременно государство планирует увеличивать заимствования и платить достаточно высокие проценты (более 8 процентов годовых). Уже сейчас Фонд национального благосостояния фактически превысил 7% ВВП и к 2025 году возрастет до почти 17% ВВП (к 2035 г. — до 29% ВВП), при этом его прирост более чем на 2/3 будет финансироваться увеличением госдолга. Вместо того чтобы вкладывать в свою экономику и благосостояние россиян, планируется инвестировать в активы других стран, с которыми, как известно, у нас крайне «дружеские» отношения.

Развитие бюджетной сферы (% ВВП)

При стоимости нефти около 60\$ за баррель текущее бюджетное правило становится сверхконсервативным и приводит к избыточному профициту в базовом сценарии

Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

Если мы решаем финансировать модернизацию здравоохранения, образования, науки, транспортной инфраструктуры, то те расходы, которые сейчас заложены на трехлетку в бюджет, нужно как минимум увеличивать на 1,5%, а в перспективе и до 2% ВВП. Это означает, что от профицитного бюджета мы должны переходить к дефицитному и существенно менять бюджетное правило. Естественно, что это нельзя сделать сразу, потому что даже те средства, которые сейчас запланированы в нацпроектах, нуждаются в подготовке необходимой нормативной, экономической и организационной базы. Модификация бюджетного правила (например, повышение базового уровня расходов на 5–10 долл. за баррель и учет эффекта изменения валютного курса) — это задача как минимум следующего бюджетного года, но необходимые решения надо начинать готовить уже сейчас.

Несмотря на профицит бюджета, проведено повышение налогов (НДС) для малого и среднего бизнеса, а также высокотехнологичных секторов целесообразно рассмотреть вопрос дополнительных налоговых льгот, или перераспределить часть налоговых поступлений с федерального в региональные и муниципальные бюджеты. Это дало бы дополнительный импульс развитию экономики и ее регионального городского звена.

Таким образом, без существенного, кардинального рывка в мощности финансовой системы и ее переориентации на активное, но здоровое кредитование бизнеса и домашних хозяйств экономический рывок и выход на темпы роста 3 и более процентов невозможен.

БЮДЖЕТНЫЙ И СТРУКТУРНЫЙ МАНЕВРЫ В ЭКОНОМИКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ. Все согласны, что для долгосрочного устойчивого роста важны не столько бюджетные и денежные стимулы, а, как принято говорить институциональные и структурные преобразования. В 2008–2012 и в 2012–2018 годах, они так и не стали реальным приоритетом государственной политики, не получив необходимой финансовой и, прежде всего, бюджетной поддержки. В отличие от предыдущих попыток на национальные проекты в 2019–2024 годах запланировано выделение значительных ресурсов.

По оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, планируемое финансирование нацпроектов из всех источников должно достичь в 2019 году 2,9% ВВП, увеличившись в 2021–2023 годах до 3,7–3,9% ВВП, при этом средства федерального бюджета с 1,6% ВВП в 2029 году (9,5% всех расходов федерального бюджета) должны возрасти до 1,8–2% ВВП.

Таблица 2

Расходы на национальные проекты (% от ВВП)

Национальные проекты (программы)	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Итого расходы из всех источников:	2,9	3,6	3,7	3,9	3,7	3,1
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	0,7	0,9	1	1,1	1	0,6
Безопасные и качественные дороги	0,6	0,6	0,7	0,6	0,7	0,7
Экология	0,2	0,5	0,6	0,7	0,7	0,6
Демография	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,3
Здравоохранение	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2
Цифровая экономика	0,2	0,4	0,3	0,2	0,2	0,2
Жилье и городская среда	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Международная кооперация и экспорт	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1
Образование	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Наука	0,05	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	0,1	0,04	0,1	0,1	0,1	0,1
Культура	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02	0,01
Производительность труда	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Итого расходы из всех источников:	2,9	3,6	3,7	3,9	3,7	3,1
федеральный бюджет	1,6	1,7	1,8	2	1,9	1,6
бюджеты субъектов и внебюджетные фонды	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8
внебюджетные источники	0,6	1,3	1,2	1,2	1,1	0,7

Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

Каков результирующий макроэкономический эффект всех национальных проектов на рост экономики, хотя не одним только ВВП измеряется конечный эффект всех национальных проектов? Повышение НДС понижает траекторию роста российской экономики примерно на 0,4 проц. пункта. Это плата, которую приходится платить за увеличение бюджетных расходов на национальные проекты при сохранении бюджетного правила. Однако чистый позитивный вклад реализации национальных проектов (с учетом организационных и других лагов и повысившихся налогов), по оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, составляет 0,5–0,7 проц. пункта ВВП. Это значимый, хотя и непрорывной результат.

Каковы бы ни были количественные оценки вклада нацпроектов, возникает вопрос — достаточно ли ресурсов и мероприятий для реального экономического прорыва или нет и как изменится качество российской экономики?

Наибольший макроэкономический эффект имеют инвестиции и расходы на развитие транспортной инфраструктуры, на что приходится почти 40% всех ресурсов национальных проектов, или 11 трлн рублей за шесть лет (нацпроект «Безопасные и качественные дороги», «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры»). Это позволит увеличить финансирование развития транспортной инфраструктуры (преимущественно бюджетное) с 1,3% ВВП в 2017 году до 1,6–1,7% в 2021–2023 годах. Все государственные и частные инвестиции на развитие транспортной инфраструктуры оцениваются в 2021–2024 годах в 1,8–1,9% ВВП (без трубопроводного транспорта).

Консервативный сценарий реализации национальных проектов развития транспортной инфраструктуры делает

упор на доведение содержания автодорог до нормативного уровня, цифровизацию автомобильного движения, улучшение транспортной инфраструктуры 104 городов (включая строительство обходов городской территории), развитие аэропортов (особенно в Восточных регионах страны), запуск строительства скоростной автодороги Москва — Казань и скоростной железной дороги Москва — Казань (на участках Железнодорожный — Гороховец), а также железнодорожного проекта «Северный широтный ход». Нацпроект обеспечивает значительный рывок в развитии транспортной инфраструктуры, но не позволяет решить поставленную ранее задачу удвоения вводов автодорог до 2022 года и не достигает, хотя и вплотную приближается, пикового уровня инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры (без трубопроводного транспорта), оценивающийся в 2% ВВП в 2010 году.

Умеренно-оптимистичный сценарий предполагает увеличение государственных и частных инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры на 1,0–1,5 проц. пункта ВВП дополнительно к базовому варианту нацпроектов в 2021–2024 годах. Среди основных дополнительных транспортных проектов можно выделить следующие:

- переход от строительства скоростной железной дороги Москва — Нижний Новгород и далее до Казани, к комплексному строительству высокоскоростного российского участка транспортного коридора «Евразия» (Берлин — Москва — Астана — Пекин);
- строительство ряда высокоскоростных железнодорожных магистралей Москва — Санкт-Петербург, Казань — Самара, Москва — Ростов — Адлер;
- комплексный проект организации скоростного железнодорожного движения на существующих магистра-

лях (и при необходимости строительстве новых путей), особенно в Сибири (Омск — Новосибирск — Томск — Барнаул — Кемерово — Новокузнецк);

- строительство крупных автомобильных коридоров, в том числе международного транспортного коридора «Запад — Восток» (включая проект «Меридиан»), скоростного транспортного коридора граница Эстонии — Санкт-Петербург — Казань, скоростного транспортного коридора «Северо-Западная хорда» и «Юго-Западная хорда»;
- увеличение объемов дорожного строительства в рамках параметров, отмеченных в поручении Президента Российской Федерации от 22.12.2012 № Пр-3410, к 2022 году в два раза по сравнению с периодом 2003–2012 годов;
- реализация крупных транспортных проектов, направленных на расширение добычи природных ресурсов и увеличение экспортных поставок, таких как строительство железнодорожной магистрали Соликамск (Пермь) — Сыктывкар — Архангельск (проект Белкомур) с учетом возможного расширения Архангельского порта и/или строительство железнодорожной магистрали, соединяющей Индигу, Сосногорск, Троицко-Печорск, Полуночное и Сургут (проект Баренцкомур) совместно с проектом строительства глубоководного порта Индига, дополнительное увеличение пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей для перевозки дополнительных объемов угля на экспорт (включая второй Северомуйский тоннель);
- создание масштабной сети межрегиональных и местных авиалиний с соответствующей инфраструктурой;

- реконструкция ключевых водных путей (Волга, Дон, Лена).

Фактически этот оптимистичный сценарий предполагает полную реализацию основных проектов и целей государственной программы и Стратегии развития транспортной инфраструктуры до 2030 года.

Наряду с транспортными проектами значительным долгосрочным макроэкономическим и особенно качественным эффектом обладают проекты по развитию сфер образования, здравоохранения, науки и технологий, хотя в среднесрочном периоде их вклад в макроэкономическую динамику невелик.

Нацпроекты по здравоохранению, образованию, науке позволяют переломить сложившуюся в последние годы негативную тенденцию сокращения относительного уровня расходов (к ВВП) на развитие человеческого капитала. Расходы на образование и здравоохранение в части бюджетной системы достигали пика примерно в 2010–2013 годах (табл. 3).

В развитии образования нацпроект по относительному уровню финансирования (к ВВП) в бюджетном секторе не позволяет выйти на пиковое значение 2010 года и фактически закрепляет сложившийся уровень. При этом, конечно, надо учитывать изменение качественных параметров образования в направлении развития новых, в т.ч. цифровых технологий обучения, образования одаренных детей, поддержки ведущих университетов и выхода их на мировой уровень. Однако для достижения конкурентоспособного с развитыми странами уровня относительный уровень расходов на образование как в части сопоставимой с мировым уровнем оплаты труда, так и особенно затрат на оборудование и об-

Таблица 3

Структурный маневр в сторону развития инфраструктуры и инвестиций в человека

Показатель, % ВВП	Сценарий	Отчет					прогноз					
		2010	2013	2017	2021	2025	2030	2035	2040	2045	2050	2055
Расходы на образование	1	5	4,7	4,4	4,5	4,6	4,8	5,1	4,9	5,3	6	6,9
	2											
в т.ч. расходы бюджетной системы	1	4,1	3,9	3,5	3,6	3,5	3,7	3,9	3,9	4,1	4,5	5
	2											
Расходы на здравоохранение	1	5,6	5	5,3	5,5	5,5	5,5	5,5	5,8	6,7	7,4	7,9
	2											
в т.ч. расходы бюджетной системы	1	3,7	3,2	3,1	3,4	3,4	3,4	3,4	3,6	4,1	4,5	4,5
	2											
Внутренние затраты на исследование и разработку	1	1,1	1	1,1	1,1	1,3	1,4	1,5	1,3	1,8	2,3	2,9
	2											
в т.ч. расходы государственного сектора	1	0,72	0,68	0,68	0,76	0,7	0,79	0,76	0,76	0,9	1,09	1,16
	2											
Инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры без трубопроводного транспорта	1	2	1,9	1,7	1,8	1,9	2,2	2,3	2,8	3,4	4	3,9
	2											

1. Консервативный сценарий

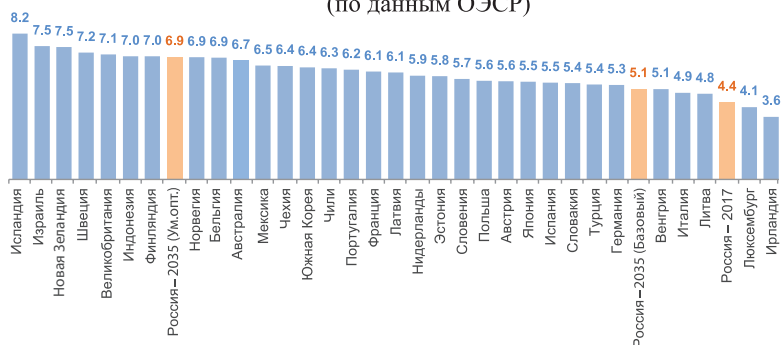
2. Умеренно-оптимистичный сценарий

Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

щежития должен быть радикально повышен (как минимум на 0,3–0,6 проц. пунктов ВВП в среднесрочной перспективе). Сейчас основные фонды в образовании (в долларовом выражении) на одного учащегося в 3 раза уступают уровню Португалии и в 9 раз — Франции. Чтобы сократить этот разрыв нужны многократные усилия.

Общие расходы на образование, в % к ВВП (2014–2015 гг.)

(по данным ОЭСР)

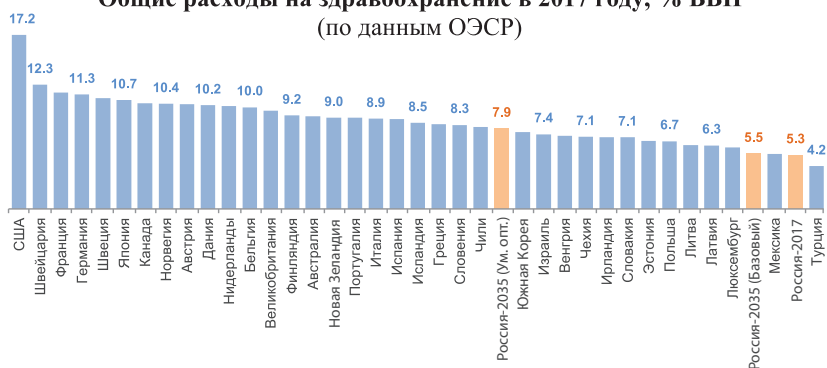
Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

В здравоохранении, как мы отмечали, ранее удалось превысить целевые параметры предыдущего нацпроекта (Указа Президента РФ 2012 года), однако относительный уровень финансирования в бюджетной сфере понизился в 2011–2017 годах на 0,6 проц. пункта ВВП. Нацпроект позволяет несколько поднять планку и стабилизировать ее на уровне 3,4% ВВП, что уступит пиковому уровню 2010 года. Для того чтобы приблизить финансовые параметры сферы здравоохранения к уровню развитых стран уже в среднесрочной перспективе относительный уровень финансирования необходимо поднять на 0,2–0,7 проц. пункта ВВП, особенно в части развития капитальных затрат. Сейчас основные фонды

в здравоохранении на душу населения в России (в долларовом выражении) уступают уровню Греции втрое, Израилю — в шесть раз и в 10 раз Франции.

По мере выполнения основных целевых показателей национальных проектов в образовании и здравоохранении надо запускать новые программы, которые могли бы приблизить эти сферы по оснащенности оборудованием, качеству и доступности услуг к мировому уровню, что потребует и значительного увеличения относительного государственного и частного финансирования. При этом надо учитывать, что демографическая динамика (старение населения и увеличение в среднесрочной перспективе детских возрастов) потребует увеличения и численности занятых, в отличие от тенденции последних лет к ее сокращению.

Общие расходы на здравоохранение в 2017 году, % ВВП
(по данным ОЭСР)

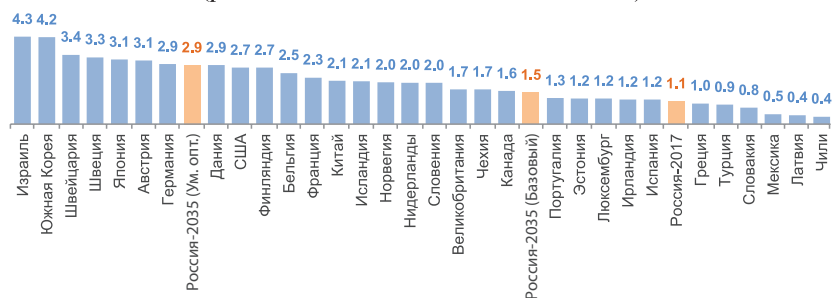
Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

Несмотря на заявленный еще в 2008 году приоритет развития науки и технологий и перехода к инновационной модели развития государственные и частные расходы на НИОКР примерно стабильны уже десять лет (около

1,08–1,13% ВВП, с учетом оборудования — около 1,4% ВВП). Это существенно ниже целевых параметров, которые в свое время принимались в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития и других программных документов. Наряду с постоянной бюджетной экономией на фундаментальной науке (за исключением 2017–2018 годов, когда форсированно пришлось выполнять Указ в части целевого уровня зарплаты ученых), основное отставание связано с тем, что не удалось создать условия для интенсивного вложения частного бизнеса (в том числе и госкомпаний) в развитие науки и технологий. «Принуждение к инновациям» не сработало. Постепенные изменения в лучшую сторону со стороны частного бизнеса наметились только с введением в последние годы антироссийских технологических санкций, что заставило крупные компании начать поворачиваться лицом к отечественной науке.

Общие расходы на НИОКР, в % к ВВП (2015–2016 гг.)

(рассчитано на основе данных ОЭСР)

Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

Национальный проект по развитию науки позволяет сдвинуть ситуацию — поднять государственное и частное

финансирование до 1,2–1,25% ВВП, запустить создание сети научно-образовательных центров мирового уровня и центров развития технологических компетенций, а также впервые за долгие годы дать импульс обновлению приборной базы научных центров. Это важный позитивный сдвиг. Но для того, чтобы он соответствовал требованиям мировой конкуренции и вызовам новой волны научно-технической революции уровень и государственных, и особенно частных расходов на исследования и разработки должен быть резко повышен. Без научно-технологического прорыва не может быть прорыва экономического, и при сложившихся тенденциях мы начнем уступать в технологической гонке не только научно-технологическим лидерам Запада, но и Китаю, и Азиатским странам.

Опережающее развитие науки, образования и здравоохранения, а тем самым и увеличение производственного и человеческого капитала является ключевым долгосрочным фактором повышения производительности труда. При этом и в долгосрочной и особенно в среднесрочной перспективе есть серьезное пространство для повышения производительности труда за счет оптимизации производственного процесса и сокращения избыточной занятости.

В целом, по оценке Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ, развитие транспортной инфраструктуры через прямые и косвенные эффекты будет способствовать ускорению экономического роста в умеренно-оптимистичном сценарии в период 2019–2035 годы в среднем на 0,7 п.п. против 0,3 п.п. в базовом сценарии.

Ежегодный рост ВВП за счет инновационной компоненты (опережающего увеличения инвестиций в развитие на-

уки, образование и технологии) составляет 1,2 п.п. в период 2019–2035 гг. (против 0,4 п.п. в базовом сценарии). В результате удастся в большей степени сократить отставание от развитых стран по производительности труда. Производительность труда в России повысится с 42% от уровня Евросоюза в 2015 году до 60% к 2035 году, а по отношению к США — с 36 до 50%.

Таблица 4

Вклад различных факторов в рост ВВП

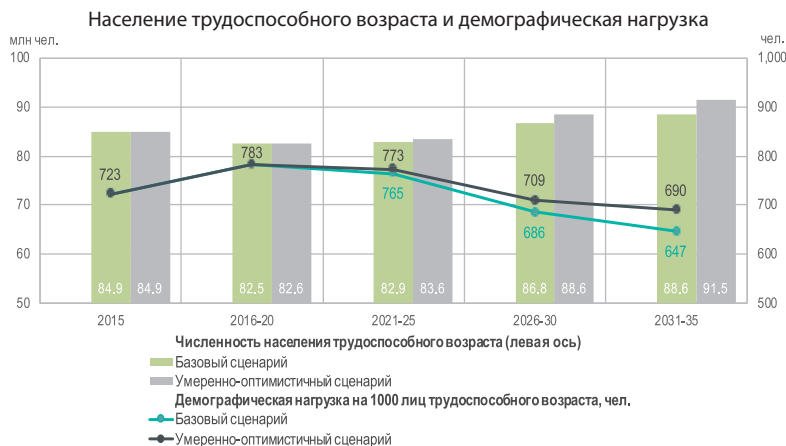
Сценарий	ВВП потенциальный, %	Совокупная производительность				Труд		Транспорт	Капитал
		всего	догоняющее развитие	расходы на НИОКР	расходы на образование	всего	расходы на здравоохранение		
1	1,8	0,6	0,4	0,1	0,2	0,1	0,1	0,3	0,9
2	3,6	1,3	0,2	0,5	0,6	0,4	0,3	0,7	1,2

1. Консервативный сценарий

2. Умеренно-оптимистичный сценарий

Источник: Оценки Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

Демографическая ситуация - один из ключевых факторов, ограничивающих рост российской экономики, однако демографическая нагрузка на экономику понизится

Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

Рост производительности труда позволяет компенсировать негативный эффект сокращения трудоспособного населения, тем более что благодаря увеличению пенсионного возраста картина с балансом трудовых ресурсов существенно изменилась, так как население трудоспособного возраста возросло, а демографическая нагрузка на занятых понизилась.

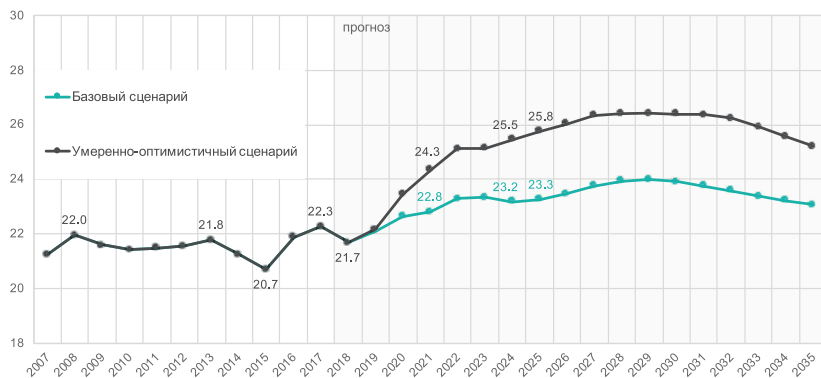
Таблица 5

Изменение структуры использования ВВП (%)

Показатель	2017	2018–2020		2021–2025		2026–2030		2031–2035	
	отчет	1 сц.	2 сц.	1 сц.	2 сц.	1 сц.	2 сц.	1 сц.	2 сц.
ВВП, темп прироста	1,6	1,5	2,1	2,2	3,6	1,7	3,7	1,3	3,4
Валовое накопление основного капитала	22,3	22,1	22,5	23,2	25,2	23,8	26,3	23,4	25,9
Потребление домашних хозяйств	52,1	51	50,8	53,2	52,7	54,7	55,1	56,5	58,4
Экспорт	26	30,1	30,2	27,7	27	26,4	24,6	25,4	22,6
Импорт	20,6	21,8	22	22,3	22,9	22,2	22,7	22	22,4

Устойчивое повышение темпов роста производительности труда и экономики предполагает существенное повышение нормы накопления, хотя это не должно идти в ущерб доходам населения. Сбалансированный уровень для российской экономики, по нашей оценке, это 26–27% ВВП с последующим умеренным понижением в 2030–2035 годах.

Насколько нужно увеличить накопление основного капитала (% ВВП)

Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ: БАЛАНС ЛИДЕРСТВА. Конечно, структура экономики будет меняться в пользу отраслей высокого передела, человеческого капитала, ИКТ и НИОКР. Новая волна научных и технологических открытий ведет к повышению доли сферы услуг и усилению ее интеллектуальной составляющей.

Доля промышленности в ВВП в ценах 2017 года останется на уровне 23% в базовом сценарии (как в 2016 году) и снизится до 19% в умеренно-оптимистичном (к тому же часть добавленной стоимости промышленности учитывается в сфере торговли), при этом ее вклад в интеллектуальную составляющую экономики значительно превышает ее вклад в ВВП. В структуре промышленного производства прогнозируется значительное снижение доли добывающих отраслей при повышении доли машиностроения (особенно в умеренно-оптимистичном сценарии).

Таблица 6

Структура производства добавленной стоимости по основным секторам экономики

Показатель (в текущих ценах, в % от итога)	Сценарий	2017	2020	2025	2030	2035
		100	100	100	100	100
Добавленная стоимость		100	100	100	100	100
Научные исследования и разработки	1	1,4	1,4	1,6	1,9	2,2
	2		1,5	2,4	3,5	4,9
Информационно-коммуникационные технологии, образование, здравоохранение	1	7,8	8,0	8,5	9,1	9,8
	2		8,1	10,0	12,5	14,9
Отрасли машиностроения	1	2,9	2,9	3,0	3,2	3,2
	2		3,0	3,3	3,5	3,7
Топливо-энергетический комплекс (ТЭК)*	1	17,1	17,5	17,0	16,1	15,4
	2		17,3	15,6	14,1	12,5
Сырьевой сектор**	1	4,9	5,0	4,9	4,8	4,7
	2		5,7	5,5	5,2	5,0
Транспорт***	1	6,3	6,2	6,3	6,3	6,4
	2		6,4	6,9	7,0	6,8
Оптовая и розничная торговля	1	13,0	12,5	12,1	11,8	11,5
	2		12,3	11,2	10,5	9,5
Прочие сектора	1	50,8	50,8	50,9	50,9	50,7
	2		50,1	49,0	47,2	45,5

1. Консервативный сценарий

2. Умеренно-оптимистичный сценарий

* Включая торгово-транспортные наценки

** Без химического производства и деревообработки

*** Включая обслуживание ТЭК

Источник: Оценки Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

Если сейчас высокотехнологичный сектор, по оценке Росстата, производит 11,8% ВВП (добавленной стоимости, без учета транспорта и финансовой сферы), то к 2030 году он даст 19–20% и превысит долю топливно-энергетического сырьевого секторов.

Для структурного сдвига в сторону высокотехнологичных наукоемких производств и услуг необходимо создание новых производств, а где-то восстановление уже умерших, которые способны преодолеть ряд накопленных структурных и технологических уязвимостей российской экономики.

Это программы:

- восстановления производства редкоземельных и редких элементов и сплавов;
- современных топливных элементов и накопителей и сверхпроводящих устройств;
- катализаторов нового поколения, композитных материалов мирового уровня, высоких переделов нефте- и газохимии, вкл. производство средств защиты растений;
- робототехники, в т.ч. медицинского направления, для подводных работ и добычи полезных ископаемых;
- нового поколения отечественной СВЧ-электроники, биоэлектронных компонентов, лазерной техники и квантовых технологий;
- нового поколения авиационной техники с использованием искусственного интеллекта и гиперзвука (в т.ч. производства совместно с Китаем широкофюзеляжного самолета), скоростного вертолета, экранопланов;
- тяжелой ракеты для освоения космоса и нового поколения космических аппаратов связи, навигации, дистанционного зондирования земли и исследования глубокого космоса;

- техники для скоростного железнодорожного движения;
- реакторов на быстрых нейтронах;
- отечественных программных продуктов для работы с большими базами данных, сверхмощных вычислений, моделирования и конструкторских работ;
- развертывание производства и использования технологий биофагов, искусственной пищи.

Модернизация промышленности и сельского хозяйства и значительное повышение их конкурентоспособности не может решаться только в рамках реализации национального проекта по поддержке экспорта (инструментами экспортных субсидий и льготных займов, тем более с учетом ограничений по ВТО). Необходим более широкий спектр системных мероприятий. В частности, до 2024 года необходимо завершить формирование нового инвестиционного режима в автомобильной промышленности взамен прекращающейся промышленной сборки, провести финансовое оздоровление ведущих предприятий ОПК, включая предоставление предприятиям ОПК длинных заемных средств по доступным ставкам для реализации проектов диверсификации (и конверсии).

Несмотря на быстрое развитие новых секторов одним из становых хребтов (российской экономики на долгие годы останется топливно-энергетический комплекс, при этом он сам становится одним из драйверов инновационного высокотехнологического развития. При опережающем росте экспорта продуктов переработки сырья и новых наукоемких товаров и услуг значительную часть нашего экспорта будут составлять доходы от углеводородов. Причем есть реальная возможность наращивания объемов экспорта нефти, газа и угля. И при всей важности высоких технологий у тради-

ционного ресурса есть значительный потенциал развития, который необходимо использовать.

Углеводороды до 2030 года, а возможно, и далее, останутся главными энергоносителями; при снижении доли нефти в общем объеме производства первичных топливно-энергетических ресурсов на 5–6% к 2035 г. увеличится доля газа (на 3–4%) и угля (на 1–2%).

В базовом сценарии прогнозируется снижение добычи нефти до 535 млн тонн с потенциалом роста экспорта по базовому сценарию. Использование современных методов интенсификации добычи и освоение трудноизвлекаемых запасов будет способствовать рекордным уровням добычи нефти со стабилизацией на уровне 560–550 млн тонн и увеличению экспорта по умеренно-оптимистичному сценарию.

Значительный потенциал роста добычи и экспорта газа в условиях существенного увеличения поставок в восточном направлении и спроса на реализуемые проекты СПГ, несмотря на ограничения спроса трубопроводного газа на европейском рынке.

Внедрение передовых технологий: новый технологический уровень в топливно-энергетическом и сырьевом комплексах, а также в потреблении энергоресурсов.

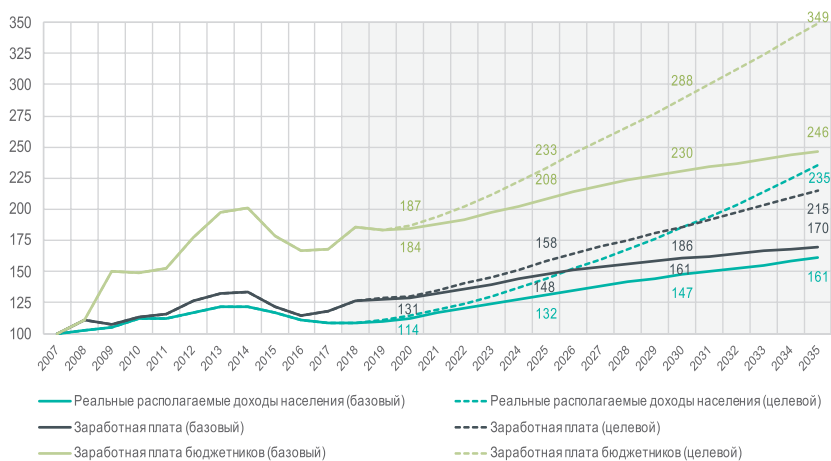
Важная роль внутренних цен на электроэнергию и газ, относительно пониженных по сравнению с мировыми.

Ускорение экономического роста фактически предполагает обновленную промышленную и аграрную политику, развивающую успешный опыт, полученный в результате мероприятий 2008–2018 годов по развитию этих секторов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ — ЧТО ОН ДАСТ ЧЕЛОВЕКУ? За 2014–2017 годы реальные доходы населения значительно сократи-

лись и образовался накопленный социальный долг. Его вернуть можно только в условиях достаточно динамичного развития экономики и переориентации ее социальных сдвигов в сторону принципов справедливости. Уровень не только бедности, но именно неравенства становится значительной угрозой для дальнейшего развития и социальной стабильности общества.

Динамика реальных доходов населения и заработной платы (2007 = 100)

Источник: Оценки и прогноз Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ

При параметрах, заложенных в бюджет, мы получим в 2019 году падение реальной заработной платы в бюджетной сфере. Нужно менять правила индексации. И не только их менять количественно, но нужно вообще выработать некоторые правила и приоритеты. Не просто соотношения целевых категорий бюджетников и региональной заработной платы (200, 100% к средней по регионам), а выработать новую устойчивую на будущее модель. При этом

надо наконец устранить такие ошибки, как выравнивание зарплаты и младшего и среднего медицинского персонала на уровне 100% к региональной, что противоречит разнице в уровне сложности труда (разница обычно порядка 40%). В перспективе ориентиры по заработной плате в научном секторе, врачам, учителям должны быть сопоставимы с зарплатой, которую получают в европейских странах, иначе нам не избежать утечки мозгов, которую пережила Украина и балтийские страны. В балтийских странах средний доход выше, чем у нас, но и отток образованного населения на порядок выше.

От межрегиональной дифференциации все же надо переходить к единому социальному стандарту на всей территории России, который дальше регионы могут видоизменять, но, тем не менее, должно быть экономически обеспеченное единое пространство и здоровья, и воспитания, и обучения.

Для поддержания доходов пенсионеров умеренно-оптимистичный сценарий предполагает более высокую индексацию пенсий. Предусмотренное повышение пенсий на 1000 рублей до 2024 года будет вести к ухудшению их соотношения с заработной платой. Поэтому надо возвращаться к привязке пенсий к росту заработной платы (с некоторым опережением). Это в активном варианте социальной политики позволит повысить коэффициент замещения с 32% в 2024 году до 35% к 2035 году (против стабильного коэффициента замещения 32–33% в базовом сценарии).

При сохранении текущей структуры распределения населения по уровню доходов, доля лиц с доходами ниже прожиточного минимума на прогнозном периоде должна снизиться почти в 2,7 раза. Доля населения ниже прожи-

точного минимума в оптимистичном сценарии уменьшается с 13,2% в 2017 году до 7,1% в 2024 году и до 4,8% в 2035 году (5,8% в базовом сценарии). Доля среднего класса поднимется с 21% в 2017 году до 29% в 2024 году и до 50% в 2035 году (40% в базовом сценарии). Активная политика, направленная на изменение параметров распределения населения по уровню доходов, может снизить долю бедных еще ниже и причислить к среднему классу более половины населения.

Для России крайне важен не только отраслевой и социальный, но и **пространственный вектор развития**. Есть ли возможность капитализации российского пространства или нужна, как предлагается, ставка преимущественно на города и агломерации? Мы делаем большой упор на институты, на денежную политику, на отрасли, но мы забываем, что Россия — это все-таки уникальная страна, с точки зрения пространства. Это не проклятье, это огромное преимущество. Но как с этим пространством работать?

Все наше пространственное развитие (90-е и 2000-е годы) характеризуется сокращением населения за Уралом, за исключением Якутии, Тюмени и Ханты-Мансийского округа. Удельный вес всех Средне- и Восточно-Сибирских регионов, кроме Западной Сибири, в экономике России также сокращается. Вместо того чтобы прирастать Сибирью и Ледовитым океаном, как говорил Ломоносов, мы прирастаем Москвой, Санкт-Петербургом и Тюменью. Это та модель, которая сложилась и не позволит сделать рывок и поднять страну. Москва и Питер — это ключевые инновационные и финансовые центры и во многом пример качества городской среды для страны, но они крайне капиталоемки и уперлись в свои пределы.

Поворот на Восток — это не только поворот к Китаю, к азиатским рынкам, но это поворот к своим сибирским регионам. Без создания там новых центров и локомотивов развития опережающее развитие России в целом невозможно. Причем речь должна идти не только о точечном развитии (городов), но и о комплексном развитии территорий, чтобы людям там хотелось жить и можно было и в деревне, и в небольшом городе иметь достаточно достойные условия и для жизни, и для работы. Это потребует в том числе и создания на уровне макрорегионов механизма маневра ресурсами и межрегиональной координации.

Поэтому соединение, как мне кажется, такой и новой финансово-бюджетной политики, и новой технологической, структурной политики, и новой пространственно-региональной политики позволит действительно создать как новую экономику, так и новый образ России.

«Соединение несоединимого» не может идти только в рамках рыночных механизмов. За прошедшие годы так и не удалось сформировать работающую систему стратегического управления развитием. Стратегический подход во многом отторгается нашим управлением, которое построено на решении точечных, оперативных задач. Чтобы быть конкурентоспособными, нам нужно выйти на системное стратегическое управление более эффективное, чем в Китае и других странах, строящих свое развитие с учетом долгосрочной перспективы.

Каковы бы ни были поражения и достижения прошедших лет, у России есть все необходимое для нового подъема, для нового «Русского чуда».

* * *

The past decade has become a period of low, almost stagnant growth rate.

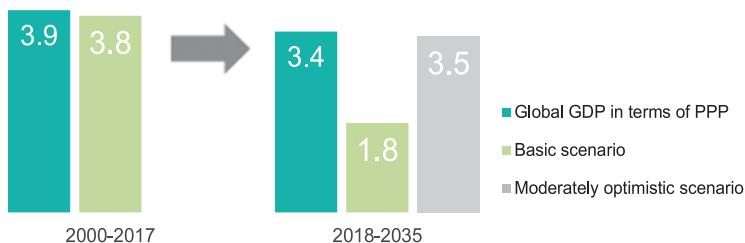
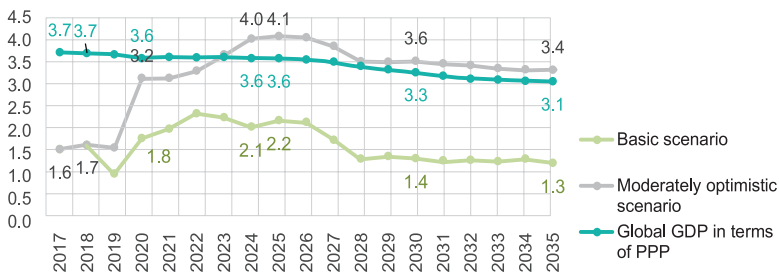
Over the past seven years, the Russian economy has grown by 6.7% against the global economic growth of 27.6%. Now, the task of economic development breakthrough has been set again, and the Russian economy should reach the growth rate exceeding the global one. What structural and institutional reforms are required for it? What lessons should we draw from the previous breakthroughs that have failed?

PROBLEM OF GROWTH RATE: HOW TO OUTPACE GLOBAL ECONOMY?

Though everybody expects some slowdown in global economic growth, its rate in the medium term keeps up on the level of 3.5–3.6% (in terms of purchasing power parity), and drops only with regard to national economies being weighted in terms of nominal GDP. The structure of leadership is changing. The growth rate of China slows down, yet still exceeds 6%. South-East Asia in general, especially India and Indonesia, will demonstrate high enough rate in the medium term — over 7% for India and 5–6% for Indonesia (260 million people). The task of reaching the 5th position in the world in terms of economy size requires viewing not only European economies, but Asian ones as well, as India's economy exceeds the Russian one in size, while Indonesia may soon outpace Russia in this indicator. In such surrounding, Russia has to keep the growth rate on the level of 3–4% minimum.

In general, the conservative variant of forecast, or basic one that complies with present trends, envisions Russian economic growth rate of 1.3–2.5% maximum (lower curve). However, in

case of a moderately optimistic variant of scenario suggesting the reversal of slowdown inertia, Russia’s economy may reach the growth rate that is equal to, and even outstripping in a certain period (mostly likely after 2022) the global one. The latter variant suggested by the Institute for Research and Expertise at Vnesheconombank (VEB) is of breakthrough nature to a large extent and envisions serious structural and institutional changes with modifications in existing budget rule and inflation targeting model. However, it is a balanced variant suggesting neither “overheating” of inflation, nor excessive imports.

Source: IMF, HIS, calculations of the Institute for Research and Expertise at VEB

The growth rate, higher or lower than the global one, is not only a quantitative ratio measure, but the indicator of quality as well showing how Russia fits into global dynamics, what it can give

to the world, what place in the international division of labor we hold, and what development experience we can offer. What kind of example do we set — good or bad? Kazakhstan has come very close to Russia in terms of per-capita GDP and may outpace us in 2–3 years in case the dynamics remains the same (Table 1). Unlike the first half of the 2000s, the gap between Russia and developed states in terms of per-capita GDP has risen again in 2014–2018.

The place of a country in the world history depends not only on the sizes of its territory and economy, but on the development model it can offer — to what extent this model can be attractive for the country’s population and other states. The lag behind global dynamics means not only the drop in our weight in global economy, but the incapability of being a leader and setting examples for us and our neighbors. It may pose a threat to domestic stability and trust in elite and authorities on the part of Russian society.

There is also a mundane enough issue. In case of outstripping development demonstrated by the countries of the Asia-Pacific region, these very states may open a window of opportunities for the acceleration of Russia’s economic growth due to intensive increase of Russian export eastward.

Naturally, the “black swan of global market environment” may bring a nasty surprise in the form of new global recession, even as early as in late 2019–2020, leading to new recession instead of a smooth slowdown. However, irrespective of how the global economic growth rate drops, Russia will hardly remain a serene harbor due to being vulnerable to a drop in global prices and capital outflow. Though the resilience of Russian economy to oil price fluctuations has risen recently, it remains low enough and asymmetric. The rise in oil prices has a low impact on acceleration of growth, to a large extent due to the sterilizing effect of budget rule, yet the drop in prices leads to slowdown of economic

Table 1

Comparable growth rates of Russia's and global economy

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Increase in 7 years, %
GDP, % of growth								
Russia	3.7	1.8	0.7	-2.5	-0.2	1.5	1.7	6.7
Kazakhstan	5.0	6.0	4.3	1.2	1.1	4.0	3.8	28.2
Belarus	1.7	1.0	1.7	-3.8	-2.5	2.4	3.4	3.7
Ukraine	0.2	0.0	-6.6	-9.8	2.4	2.5	3.5	-8.2
USA	2.2	1.8	2.5	2.9	1.6	2.2	2.9	17.3
Eurozone	-0.9	-0.2	1.4	2.1	1.9	2.4	1.9	8.8
Globally	3.5	3.5	3.6	3.5	3.3	3.7	3.7	27.6
Per-capita GDP in terms of PPP, thousand USD.								
Russia	25.6	26.5	27.2	26.7	27.0	27.9	29.0	13.4
Kazakhstan	22.3	23.7	24.8	25.0	25.2	26.3	27.5	23.3
Belarus	17.8	18.3	19.0	18.4	18.1	18.9	20.2	13.3
Ukraine	8.5	8.7	8.8	8.0	8.3	8.8	9.2	7.7
USA	51.5	53.0	55.0	56.7	57.8	59.8	62.5	21.3
Eurozone	36.7	37.3	38.5	39.7	40.8	42.0	43.9	19.4
Globally	14.1	14.6	15.3	15.8	16.2	17.0	17.8	26.4
Per-capita GDP in terms of PPP (Russia=100%)								
	100	100	100	100	100	100	100	
Russia	100	100	100	100	100	100	100	
Kazakhstan	87.1	89.4	91.4	93.6	93.5	94.3	94.7	
Belarus	69.5	69.1	69.8	68.8	67.1	67.7	69.5	
Ukraine	33.3	32.8	32.3	30.0	30.9	31.4	31.6	
USA	201.2	200.1	202.4	212.1	214.4	214.4	215.3	
Eurozone	143.4	140.8	141.9	148.4	151.2	150.6	151.1	
Globally	55.0	55.2	56.2	58.9	60.2	60.8	61.3	

Source: Calculations of the Institute for Research and Expertise at VEB using IMF's data.

activity. According to the Institute for Research and Expertise at VEB, if oil prices drop to \$54 per barrel in average annual terms (instead of \$63.4 planned in the budget), GDP growth may slow down by 0.3–0.5 percentage points, the exchange rate of ruble will reduce by 8–9%, while the inflation is to rise from 4.6% to 5.4%. The federal budget may lose 1 trillion rubles in revenues, yet remain a surplus one.

The risks of external economic conditions raise even more the demand for transition to a new, more complex and sustainable development model (sustainable not in terms of smoothing the effect of dependence upon oil price fluctuations, but in terms of the rise in inner depth and capacity of Russia's economy). In this context, the focus on stepped-up increase in exports raises the vulnerability of Russia's economy to the disturbances of global market environment, though the course set for outstripping development and diversification is correct.

LESSONS OF DEVELOPMENT, LIMITS OF BUDGET RULE AND INFLATION TARGETING

We actually entered into commitment of making a breakthrough back in 2008, when the so-called “Concept of Long-Term Socio-Economic Development for the Period till 2020” was approved. Its main tasks dealing with transition to innovative socially-oriented development and reaching the 5th position in the global economy are relevant today as well. Then, the presidential decrees of May 2012 followed, also setting the task of breakthrough. 6 years passed, and now we have a new comprehensive decree setting a mission of breakthrough again. It is backed up by a certain foundation in the form of national projects and various strategic plans. However, before making a new breakthrough, we should understand why we failed both in 2008

and 2012–2018. Moreover, our economy stagnates and falls behind the global one instead of accelerating.

The targets of 2012 decrees have not been met to the full extent, in particular the ones of macroeconomic development results. Labor productivity in general has grown by 4% (from 2011 to 2018) against the target of 50%. The standard of accumulation has risen (according to the Federal State Statistics Service – Rosstat) to 21.4% of GDP against the target of 27%. Real wage has increased by 16% instead of 40–50%. Only 17.1 million jobs have been created and upgraded instead of 25 million ones planned. At the same time, the salary in the target segments of public sector workers has mostly reached the target level. The targets in healthcare have risen by 32% on the average. High enough level of meeting targets (about 95%) is observed in the demographic policy and improvement of state governance. In general, according to the Institute for Research and Expertise at VEB, the targets have been met to almost 90% on the average, yet the degree of their being met in various spheres, especially the one of economic development, is uneven, while the targets vary in socio-economic weight. Moreover, the general dynamics often distorts the real picture. In particular, the share of high-tech and knowledge-intensive sectors (according to Rosstat) in GDP grew from 21.8% in 2011 to 23.1% in 2017, or just by 6% against the target of 30%. This growth, however, takes place mostly in financial sphere, while the share of the main high-tech industries dropped from 12.1% to 11.8% of GDP.

It is clear that sanctions and drop in oil prices in 2014–2015 played their negative role as to falling behind the targets. However, the internal barriers also made their contribution to it. What are they?

First, the results of all polls show low the level of entrepreneurs' expectations and confidence of business in the policy pursued. Last year, the capital outflow reached \$68 billion, while in general Russia has exported \$327 billion over the past 5 years, which amounts to over one fifth of all investments in equity. Russian business traditionally prefers to invest the major part of incomes abroad. Speaking in scientific language, national savings continuously exceed capital accumulation. In 2011, savings reached 29.4% of GDP exceeding capital accumulation by 4.8% of GDP. In 2012–2017, they dropped to 25–27% of GDP and recently have come back to the level of 29%. The gap between savings and capital accumulation first reduced to 2.6%–3%, yet rose last year to 6% of GDP along with capital outflow. Thus, there is a chance for rapid increase in the standard of accumulation. The problem lies in the lack of stimuli on the part of both business and state that is active in exporting capital investing the National Welfare Fund (NWF) in foreign assets. The low level of trust or investment commitment on the part of business is a complex problem. It can hardly be explained by the unsatisfactory investment climate alone. For different business groups and regions the climate is different. Moreover, Doing Business Index that shows the situation in the capital has seriously improved. At the same time, both the big and medium business mention increasing pressure and risk of losing property.

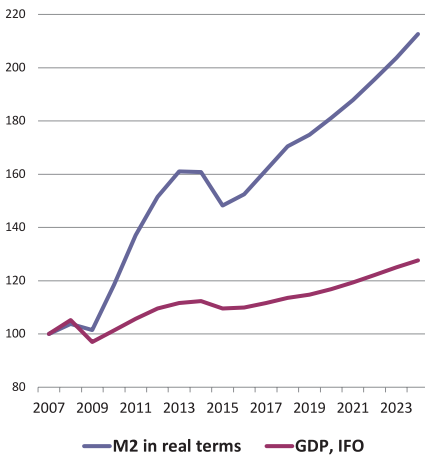
Enhancement of confidence in and understanding of economic policy pursued, stability of regulation and control rules, and stronger property protection may make business more inclined to investments and entrepreneurship. A certain factor causing the drop in investment risks may lie in the implementation of the Bill on Investment Guarantees (its draft has been developed) in combination with the mechanism of SIC 2.0 (special investment contracts).

Second, the insufficient demand and high cost of capital, caused by excessive state savings and super-tight monetary policy, remain the main factors preventing growth. The results of surveys among enterprises show that shortage in demand is traditionally leading among the factors restricting production and investments.

Monetary restraints constitute a very important, yet not the key factor of low growth rate, which is in evidence in the low elasticity of gain in the GDP against the real monetary stock growth rate. Indeed, in 2014–2015, the monetary stock (M2) in real terms reduced by 7.9% (in average annual terms), while the GDP grew by 2.5% alone. In 2016–2018, its real increase by 15.1% was followed by gain in the GDP of just 3.6%. At the same time, the disproportionality between interest rates and profitability of real business has risen over the past years, and high interest rates actually suppress the economic activity. The banking system is focused on supply of money to the corporations that do not actually need it — Gazprom, LUKOIL, Rosneft and other prime-rated borrowers — while borrowing-back enterprises of agricultural and defense sectors have limited access to loans. Almost one third of all system dealing with state support to agriculture lies in subsidizing interest rates, i.e. actually the banking sector. A significant part of monetary supply is used for the recovery of banking sector and therefore does not encourage economic growth. Structural liquidity surplus (that does not rule out its deficit for a substantial part of business) may give way to structural deficit at the turn of 2021–2022 with the increase in public borrowing within the framework of budget rule.

Despite the low (according to official estimates) rate of unemployment, Russia's economy features a serious level of available capacities (about 40% in industry), and therefore can raise the output seriously on condition of extending credit support

and increasing credit availability, and do it more dynamically if compared to various estimates of potential GDP. The economic growth, outstripping if compared to potential one, would mean not the “overheating” of economy, but a rise in the level of industrial resources utilization, a sort of comeback to “demand debt,” and creation of conditions for increase in investments, and therefore the level of potential GDP in the longer term.

Source: Forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB, IMF

According to the estimates of the Institute for Research and Expertise at VEB, a package of incentives (predominantly of monetary and budget nature) could accelerate economic growth by 0.6 percentage points in 2019 and 0.9–1.3 percentage points in 2020–2022. In combination with structural measures with effect to be seen in a longer term, sustainable economic growth rate could rise after 2023 (in case of increase in potential GDP) by 1.9–2.1 percentage points if compared to the basic variant of forecast, which suggests the continuation of present tough budget and monetary policy.

How can the situation be reversed?

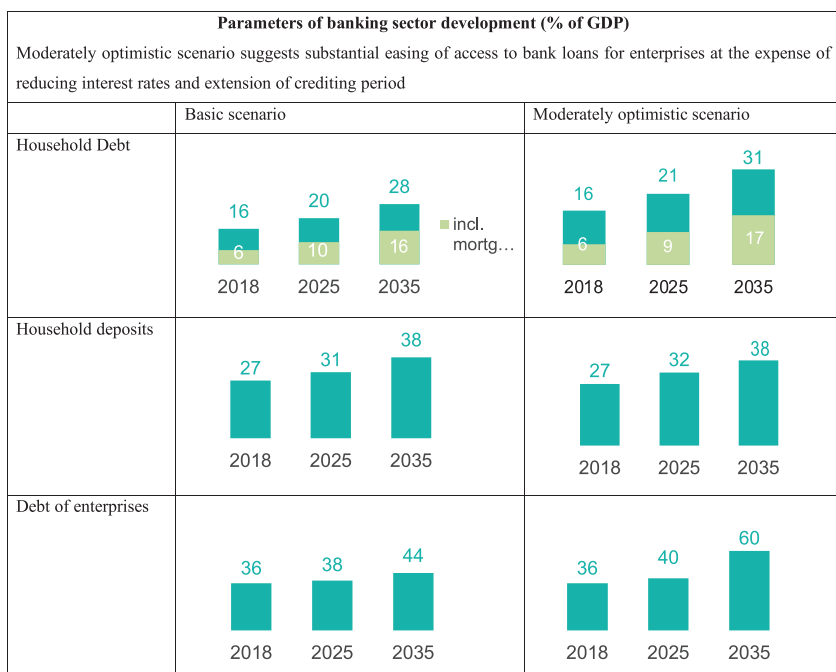
It is high time to reduce, instead of raising, the interest rates of the Bank of Russia, as their increase has no restraining effect on inflation and slows the economy down. The main risks here lie in the potential depreciation of ruble, yet the Bank of Russia can use other tools, different from raising interest rates, in a more flexible way.

The enhancement of prudential standards by the Bank of Russia makes a serious restraining impact on economic growth, along with high interest rates. The regulatory activities dealing with rules of risk assessment and creation of provisions for banks and private pension funds are aimed (which is correct) at raising the reliability of banking and pension systems, clearing them of weak financial structures, yet it is done without the negative consequences for real business taken into account. In this context, we should look for the balance between the measures of raising the reliability and working capacity of financial system, which has shifted towards the side, opposite to the one of business.

In the conditions of expensive bank lending and its high risks, increase in the capitalization of “quasi-banking system” or system of development institutions could become a powerful medium- and long-term factor for raising the contribution of financial system to economic growth acceleration and the quality of structural changes in case of enhancing its strategic focus in line with the state’s priorities. At present, the state development institutions, especially VEB, face less favorable financial conditions if compared to commercial banks, as they have no access to household savings and the funds of the Bank of Russia. It looks expedient to direct some excessive savings of the state and monetary authorities, including the Bank of Russia, to strategic projects of high priority through the development institutions at the interest rate,

comparable with the inflation rate, which would allow a substantial acceleration of economic growth and improvement of the financial condition of business as early as in the medium term.

According to the estimate of the Institute for Research and Expertise at VEB, investing the money of National Welfare Fund and the Bank of Russia in the amount of about 1% of GDP (about 1 trillion rubles) in projects enjoying priority via the development institutions would raise Russia's economic growth rate by 0.3–0.4 percentage points and make it possible to launch a number of breakthrough infrastructure and high-tech projects, as well as the ones that deal with raising the quality of urban environment.

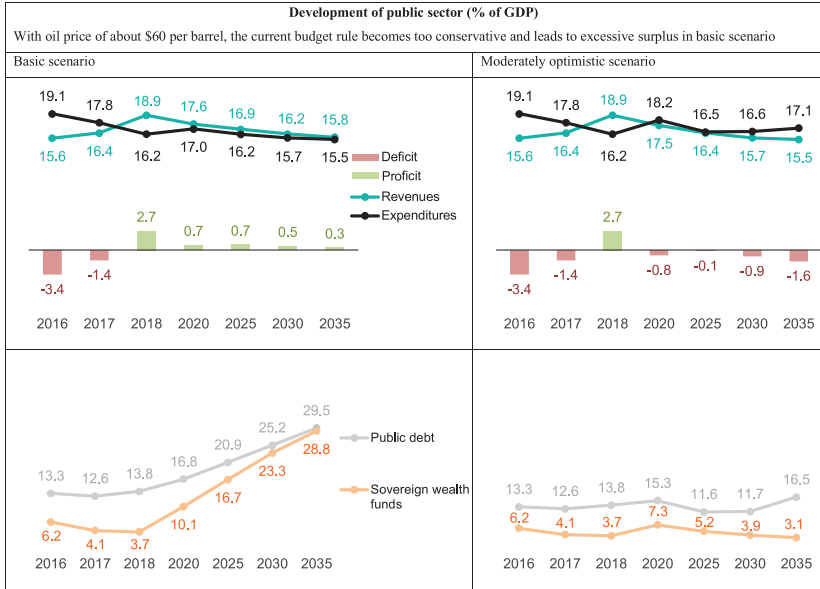

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

In the long term, such a two-tier financial model would allow a substantial increase in the financial depth of Russian economy, especially the credit leverage of business, to the levels comparable to the ones of European countries.

The modification of budget rule has actually begun, yet the budget structure remains ultra rigid. According to budget rule, the expenditures for 2019–2021 are to be substantially lower (by 0.5–0.6 percentage points of the GDP) than the figures included into the budget today. The budget is a surplus one for the whole planning period, yet the state expects to raise borrowings and pay sufficiently high interest rates (over 8% annually). Even now, the size of National Welfare Fund has actually exceeded 7% of GDP and will grow to almost 17% of GDP by 2025 (to 29% of GDP by 2035). Moreover, over 2/3 of this gain will be financed by way of increase in public debt. Instead of investing in national economy and welfare of Russians, the authorities plan to invest in the assets of foreign countries that we have “unfriendly” relations with.

If we decide to finance the upgrade of healthcare, education, science, and transport infrastructure, the expenditures that are now included into the budget for the three-year period should be raised by 1.5% minimum, and 2% of GDP in a longer term. It means that we must switch over from the surplus budget to the deficit one and make some serious amendments to the budget rule. Naturally, it cannot be done at once, as even the funds intended for national projects require the preparation of necessary regulatory, economic and institutional framework. The modification of budget rule (for instance, raising the basic level of spending by \$5–10 per barrel and taking into account the effect of exchange rate change) is a task of the next budget year as minimum, yet the required decisions are to be worked out as early as today.

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

Despite the budget surplus, the taxes (VAT) have been raised. It is expedient to consider the issue of introducing tax benefits for medium and small business, as well as high-tech sectors, or redistribute a part of tax revenues redirecting them from federal to regional and municipal budgets. It would give added momentum to the development of economy and its regional, city link.

Thus, economic breakthrough and growth rate of 3% minimum are impossible without dramatic increase in the power of financial system and refocusing it on active, yet healthy crediting of business and households.

BUDGETARY AND STRUCTURAL MANEUVERS IN ECONOMY: OPPORTUNITIES AND LIMITS OF NATIONAL PROJECTS

Everybody agrees that long-term sustainable growth requires not so much the budget and monetary incentives as institutional and structural reforms. In the periods of 2008–2012 and 2012–2018, these reforms failed to become the priority of state policy having garnered no financial and budgetary support that was required. Unlike previous attempts, the authorities have planned the allocation of substantial resources for national projects in 2019–2024.

According to estimate of the Institute for Research and Expertise at VEB, the planned financing of national projects from all sources is to reach 2.9% of GDP in 2019 and rise to 3.7–3.9% of GDP in 2021–2023, while the federal funds are to increase from 1.6% of GDP in 2029 (9.5% of total federal budget expenditures) to 1.8–2% of GDP.

What is the resulting macroeconomic effect of all national projects on economic growth (though the final effect of all national projects is not measured by % of GDP alone)? The rise in VAT reduces the pattern of Russian economic growth by about 0.4 percentage points. It is the price that we have to pay for raising budget spending and keeping the budget rule the same. According to estimate of the Institute for Research and Expertise at VEB, however, the net positive contribution of national projects (with organizing and other lags, as well as increase in taxes taken into account) amounts to 0.5–0.7 percentage points of GDP. It is a tangible result, though not a breakthrough.

No matter what quantitative estimates are as to the contribution of national projects, a question arises — are there enough resources and activities for real economic breakthrough, and how will the quality of Russia's economy change?

Table 2

Expenditures for national projects (% of GDP)

National projects (programs)	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Total spending from all sources:	2.9	3.6	3.7	3.9	3.7	3.1
Comprehensive plan of upgrading and expanding mainline infrastructure	0.7	0.9	1	1.1	1	0.6
Safe roads of high quality	0.6	0.6	0.7	0.6	0.7	0.7
Ecology	0.2	0.5	0.6	0.7	0.7	0.6
Demographics	0.5	0.5	0.5	0.4	0.4	0.3
Healthcare	0.2	0.3	0.3	0.2	0.2	0.2
Digital economy	0.2	0.4	0.3	0.2	0.2	0.2
Housing and urban environment	0.1	0.1	0.1	0.2	0.2	0.2
International cooperation and export	0.1	0.1	0.1	0.2	0.2	0.1
Education	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1
Science	0.05	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1
Small business and support of individual entrepreneurial initiative	0.1	0.04	0.1	0.1	0.1	0.1
Culture	0.01	0.01	0.02	0.02	0.02	0.01
Labor productivity	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01
Total spending from all sources:	2.9	3.6	3.7	3.9	3.7	3.1
Federal budget	1.6	1.7	1.8	2	1.9	1.6
Budgets of constituent entities and extra-budgetary funds	0.6	0.6	0.7	0.7	0.7	0.8
Non-budgetary sources	0.6	1.3	1.2	1.2	1.1	0.7

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

The maximum macroeconomic effect lies with investments in and spending for the development of transport infrastructure,

which accounts for almost 40% of all resources allocated for national projects or 11 trillion rubles over the next 6 years (national project “Safe Roads of High Quality”, Comprehensive Plan of Upgrading and Expanding Mainline Infrastructure). It will allow increase in financing (predominantly public one) of transport infrastructure development from 1.3% of GDP in 2017 to 1.6–1.7% in 2021–2023. The total public and private investments in development of transport infrastructure in 2021–2024 are estimated at 1.8–1.9% of GDP (without pipeline transport).

The conservative scenario of implementing national projects for development of transport infrastructure is focused on bringing motor roads to standard level, digitization of traffic, improvement of transport infrastructure in 104 cities (including the construction of bypasses), development of airports (especially in eastern regions), construction of highway Moscow-Kazan and rapid transit railway Moscow-Kazan (section Zheleznodorozhny — Gorokhovets), as well as the launch of Northern Latitudinal Railway project. The national project ensures a serious leap in development of transport infrastructure, yet does not make it possible to accomplish the task of raising twice the number of motor roads commissioned before 2022. Moreover, it does not ensure (though comes close to) the peak level of investments in the development of transport infrastructure (without pipeline transport) estimated at 2% of GDP in 2010.

The moderately optimistic scenario envisions the increase in public and private investments in development of transport infrastructure by 1.0–1.5 percentage points of GDP additionally to the basic variant in 2021–2024. The list of key additional transport projects includes:

- Switchover from building rapid transit railway Moscow — Nizhny Novgorod — Kazan to complex construction of

Russian high-speed part of Eurasia transport corridor (Berlin-Moscow-Astana-Beijing);

- Construction of rapid transit railroads Moscow — Saint Petersburg, Kazan-Samara, Moscow-Rostov-Adler;
- Comprehensive project of high-speed traffic on existing rail mainlines (and construction of new lines if required), especially in Siberia (Omsk — Novosibirsk — Tomsk — Barnaul — Kemerovo — Novokuznetsk);
- Construction of major motor corridors, including international transport one West-East (including Meridian project), as well as high-speed transport corridors Estonian border — Saint Petersburg — Kazan, Northwestern Chord and Southeastern Chord;
- Increase in the volume of road construction within the limits of parameters set in Presidential Instruction No.Pr-3410 dated 22.12.2012 by two times by 2022 if compared to the period of 2003-2012;
- Implementation of major transport projects aimed at growth of mineral resource production and increase in export supplies, like construction of rail mainline Solikamsk (Perm) — Syktyvkar — Arkhangelsk (Belkomur project) with the possibility of expanding Arkhangelsk port and/or construction of railway linking Indiga, Sosnogorsk, Troitsko-Pechorsk, Polunochnoye and Surgut (Barentskomur project) jointly with project on construction of Indiga deep-water port, increase in traffic capacity of Baikal-Amur and Trans-Siberian railways for haulage of additional volumes of coal for export (including the second North-Muya tunnel);
- Creation of large-scale network of interregional and local airlines with the respective infrastructure;
- Reconstruction of key water ways (Volga, Don, Lena).

Actually, this optimistic scenario envisions complete implementation of key projects and achievement of key goals of state program and Strategy of Transport Infrastructure Development for the Period till 2030.

Along with transport projects, the ones dealing with development of education, healthcare, science and technologies have a substantial long-term macroeconomic and especially qualitative effect, though their contribution to macroeconomic dynamics is not so serious.

The national projects in the fields of healthcare, education and science allow for reversing the existing negative trends of reduction in relative (against GDP) level of spending for human capital development. The peak level of spending for education and healthcare was achieved in 2010–2013 (Table 3).

In terms of relative financing level (against GDP) in public sector, the national project on the development of education does not make it possible to reach the peak value of 2020 and actually nails down the existing state of things. Naturally, we should take into account the changes in qualitative parameters of education, development of new, including digital, technologies, education of talented kids, and support to leading universities aimed at propelling them to the world level. However, to make Russia competitive with developed countries, the relative level of education spending (both in terms of labor payment comparable with world standards and expenses for equipment and hostels) should be dramatically raised (by 0.3–0.6 percentage points of GDP minimum in the medium term). In terms of fixed assets in education (in USD terms) per one student, Russia is currently inferior to Portugal (3-fold gap) and France (9-fold). Serious efforts are required to narrow this gap.

Table 3

Structural maneuver towards development of infrastructure and human investments

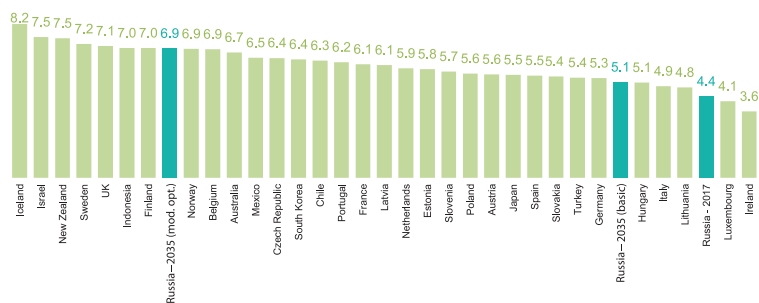
Indicator, % of GDP	Scenario	Report					Forecast				
		2010	2013	2017	2021	2025	2030	2035			
Education spending,	1	5	4.7	4.4	4.5	4.6	4.8	5.1			
	2								4.9	5.3	6
including the ones of budget system	1	4.1	3.9	3.5	3.6	3.5	3.7	3.9			
	2								3.9	4.1	4.5
Healthcare spending,	1	5.6	5	5.3	5.5	5.5	5.5	5.5			
	2								5.8	6.7	7.4
including the ones of budget system	1	3.7	3.2	3.1	3.4	3.4	3.4	3.4			
	2								3.6	4.1	4.5
Domestic costs of R&D,	1	1.1	1	1.1	1.1	1.3	1.4	1.5			
	2								1.3	1.8	2.3
including the spending of public sector	1	0.72	0,68	0,68	0.76	0.7	0.79	0.76			
	2								0.76	0.9	1.09
Investments in development of transport infrastructure (without pipeline transport)	1	2	1.9	1.7	1.8	1.9	2.2	2.3			
	2								2.8	3.4	4

1. Conservative scenario

2. Moderately optimistic scenario

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

Total education spending, % of GDP (2014—2015)
(data of OECD)

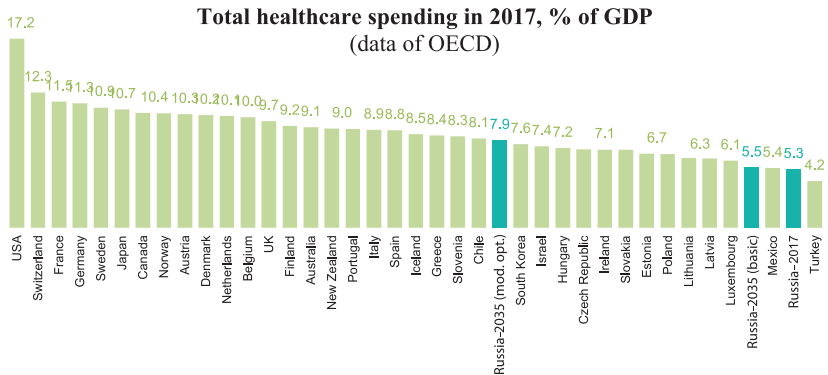

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

As was mentioned above, the target parameters of previous national project (Presidential Decree of 2012) in healthcare have managed to be raised, yet the relative level of financing in public sphere dropped by 0.6 percentage points of DGP in 2011–2017. The national project allows for raising the bar slightly and stabilizing it on the level of 3.4% of GDP, which is lower than peak value of 2010. In order to draw the financial parameters in healthcare nearer to the level of developed countries, we ought to raise the relative level of financing by 0.2-0.7 percentage points of GDP in the medium term, especially with regards to capital cost development. In terms of fixed assets per capita in healthcare (in USD terms), Russia falls behind Greece (3-fold gap), Israel (6-fold), and France (10-fold).

As long as the targets of national projects are met, we should launch new programs in education and healthcare, which could draw these spheres nearer to the world standards in terms of equipment, as well as quality and availability of services, which will require a serious rise in relative public and private financing. Moreover, one should take into account that demographic

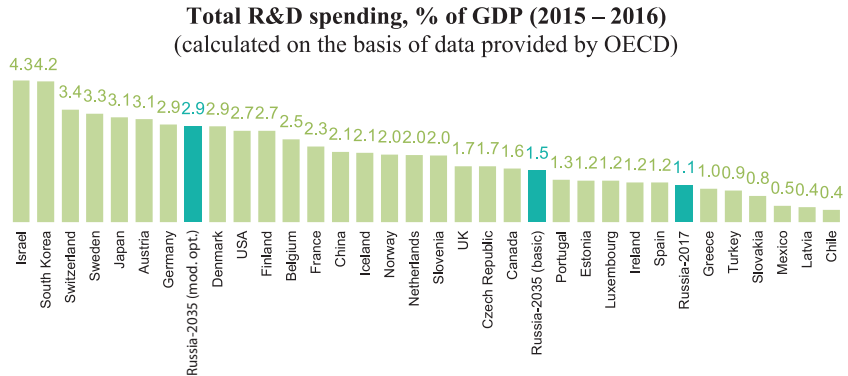
dynamics (ageing of population and infant age increment in the medium term) will require increase in number of employed, contrary to the recent downward trend.

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

Though the development of science and technologies, as well as transition to innovative development model, were declared as priorities back in 2008, public and private R&D spending remains stable for 10 years already (about 1.08–1.13% of GDP, and about 1.4% of GDP with equipment taken into account). These figures are substantially lower than target parameters that have been approved in the Concept of Socio-Economic Development and other policy documents. Along with continuous budget saving on fundamental science (except for the period of 2017–2018, when the authorities had to execute the Decree with regards to target level of scientists' salaries), the main reason behind this lag lies in failure to create the conditions for intensive investments of private business (including state corporations) in development of science and technologies. "Compulsion to innovations" did not work. Gradual changes for the better on the part

of private business have taken shape only recently, after the introduction of anti-Russian technological sanctions, which makes major companies turn their face towards domestic science.

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

The national project on development of science makes it possible to get the things rolling — raise the public and private financing to 1.2–1.25% of GDP, start to create the network of research and education centers meeting the world standards and centers for development of technological competencies, as well as give an impetus to updating the instrument base of research centers for the first time in years. It is a very important change for the better. However, the level of public and especially private R&D spending should be hiked to meet the requirements of world competition and challenges that the new wave of technological revolution throws down. Economic breakthrough is impossible without a leap in the field of science and technologies, so we will start falling behind not only the leading countries of the West, but China and Asian states as well, in case the existing trends persist.

The outstripping development of science, education and healthcare leading to increase in industrial and human capital is a key long-term factor for raising labor productivity. Moreover, there are serious opportunities for raising labor productivity at the expense of upgrading production process and reducing excessive employment both in the long and especially medium term.

According to the estimate of the Institute for Research and Expertise at VEB, the development of transport infrastructure through direct and indirect effects will promote in general the acceleration of economic growth over the period of 2019–2035 by 0.7 percentage points on the average in moderately optimistic scenario against 0.3 percentage points in basic scenario.

The annual growth in GDP at the expense of innovative component part (outstripping increase in investments in development of science, education and technologies) amounts to 1.2 percentage points in the period of 2019–2035 (against 0.4 percentage points in basic scenario). Thus, we will manage to close the gap with developed countries in labor productivity to a large extent. The labor productivity in Russia will rise from 42% of the level typical for the EU in 2017 to 60% by 2035 and from 36% to 50% with regards to the USA.

Table 4

Contribution of different factors to GDP growth

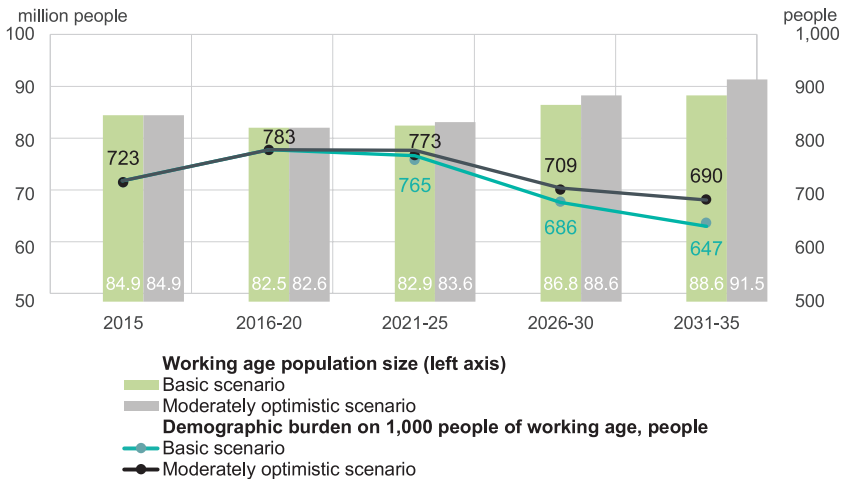
Scenario	Potential to GDP, %	Total productivity				Labor		Transport	Capital
		Total	Catching-up development	R&D spending	Education spending	Total	Healthcare spending		
1	1.8	0.6	0.4	0.1	0.2	0.1	0.1	0.3	0.9
2	3.6	1.3	0.2	0.5	0.6	0.4	0.3	0.7	1.2

1. Conservative scenario
2. Moderately optimistic scenario

Source: Estimates of the Institute for Research and Expertise at VEB

Demographic situation is one of the key factors limiting Russia's economic growth, yet demographic burden on the economy will drop.

Working age population and demographic burden

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

The growth in labor productivity allows for making up for the negative effect of reduction in working age population. Moreover, the balance of manpower resources has seriously changed owing to retirement-age increase, as the working age population has grown, while the demographic burden on employed people has dropped.

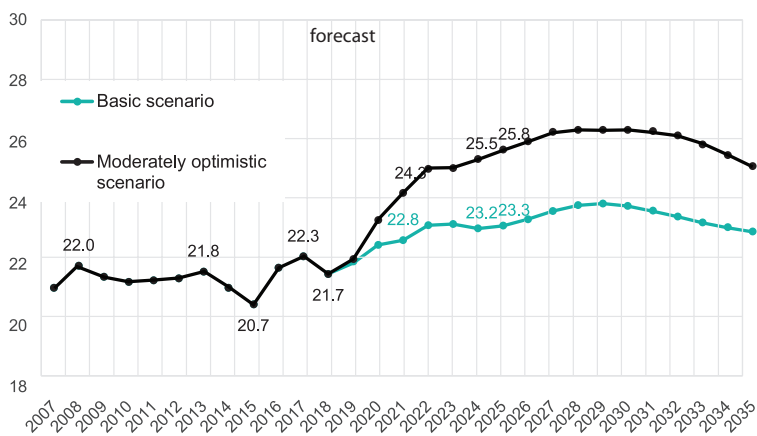
Sustainable increase in growth rate of labor productivity and economy suggests substantial rise in accumulation standard, yet it should not happen to the detriment of household incomes. We estimate the balanced level for Russia's economy at 26–27% of GDP with subsequent moderate reduction in 2030-2035.

Table 5

Pattern of changes in GDP use (%)

Indicator,	2017	2018–2020		2021–2025		2026–2030		2031–2035	
	report	1 scen.	2 scen.	1 scen.	2 scen.	1 scen.	2 scen.	1 scen.	2 scen.
GDP, growth rate	1.6	1.5	2.1	2.2	3.6	1.7	3.7	1.3	3.4
Gross fixed capital formation	22.3	22.1	22.5	23.2	25.2	23.8	26.3	23.4	25.9
Household consumption	52.1	51	50.8	53.2	52.7	54.7	55.1	56.5	58.4
Export	26	30.1	30.2	27.7	27	26.4	24.6	25.4	22.6
Import	20.6	21.8	22	22.3	22.9	22.2	22.7	22	22.4

How much fixed capital formation should be raised (% of GDP)

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

TRADITIONAL AND NEW SECTORS OF ECONOMY: LEADERSHIP BALANCE

Naturally, the economic structure will change to the advantage of high-value-added industries, human capital, ICT, and R&D. The new wave of scientific and technological discoveries leads to the increase in share of service sector and rise in its knowledge intensity.

The share of industry in GDP in prices of 2017 will remain on the level of 23% in basic scenario (like in 2016) and reduce to 19% in moderately optimistic one (furthermore, a part of industrial value added is recognized in the sphere of trade). Moreover, its contribution to the knowledge-intensive element of economy substantially exceeds the one to GDP. As far as industrial production structure is concerned, dramatic decline in the share of extractive industries is forecasted with growth in share of engineering (especially in moderately optimistic scenario).

While the high-tech sector, according to Rosstat, produces now 11.8% of GDP (value added, without transport and financial sphere), it will produce 19–20% by 2030 thus exceeding the shares of FEC and natural resources sector.

The structural change toward high-tech and knowledge-intensive production and services requires the creation of new production facilities (or restoration of “dead” ones), capable of grappling with the structural and technological problems making the Russian economy vulnerable.

These are the programs dealing with:

- Restoring the production of rare-earth and rare elements and alloys;
- Modern fuel cells and accumulators, as well as superconducting devices;

Table 6

Structure of high value-added production across major industry sectors

Indicator, (in current prices, % of result)	Scenario	2017	2020	2025	2030	2035
R & D	1	100	100	100	100	100
	2	1.4	1.4	1.6	1.9	2.2
Information and communication technologies, education, healthcare	1	7.8	8.0	8.5	9.1	9.8
	2		8.1	10.0	12.5	14.9
Engineering industries	1	2.9	2.9	3.0	3.2	3.2
	2		3.0	3.3	3.5	3.7
Fuel & energy complex (FEC) *	1	17.1	17.5	17.0	16.1	15.4
	2		17.3	15.6	14.1	12.5
Natural resources sector **	1	4.9	5.0	4.9	4.8	4.7
	2		5.7	5.5	5.2	5.0
Transport ***	1	6.3	6.2	6.3	6.3	6.4
	2		6.4	6.9	7.0	6.8
Wholesale and retail trade	1	13.0	12.5	12.1	11.8	11.5
	2		12.3	11.2	10.5	9.5
Other sectors	1	50.8	50.8	50.9	50.9	50.7
	2		50.1	49.0	47.2	45.5

1. Conservative scenario

2. Moderately optimistic scenario

* Including trade and transport margins

** Without chemical production and woodworking

*** Including TEC service

Source: Estimates of the Institute for Research and Expertise at VEB

- Catalyzers of new generation, composite materials of world level, high value added products of petroleum and gas chemistry, including crop protection agents;
- Robotic technologies, including the ones for medicine, underwater works and mining;
- New generation of domestic microwave electronics, bio-electronic components, laser equipment and quantum technologies;
- New generation of aeronautical equipment using artificial intelligence and hypersonic technologies (including the production of jumbo jet jointly with China), high-speed helicopter and ground-effect vehicles;
- Heavy-lift rocket for space exploration and new generation of space craft for communication, navigation, remote probing of Earth and deep-space investigations;
- Equipment for rapid transit railway traffic;
- Fast-neutron reactors;
- Domestic software for working with large databases, ultra fast computing, modeling and design engineering;
- Launching production and using technologies of biophages and artificial food.

The problems of upgrading industry and agriculture, as well as substantial rise in competitiveness, cannot be solved within the framework of implementing the national project on promoting export alone (by the tools of export subsidies and easy loans, especially taking into account WTO restraints). We need a wider range of systemic activities. In particular, it is necessary to complete before 2024 the introduction of new investment regime in automotive industry to replace the one of industrial assembly, and financial recovery of leading enterprises of military-industrial complex (MIC), including the provision of long-term credits

to them at affordable interest rates for implementing diversification (and conversion) projects.

Despite the rapid development of new sectors, FEC will remain one of the pillars of Russian economy for years to come. Moreover, it turns into one of the innovative and high-tech development drivers. In the conditions of outstripping growth in export of raw material processing derivative products and knowledge-intensive goods, hydrocarbon revenues will account for a substantial share of our export. Moreover, there is a real opportunity for building up the export of oil, gas and coal. Though advanced technologies are of high importance, traditional resources can boast of serious development potential, which should be used.

- Hydrocarbons will remain the key energy materials by 2030 and probably beyond. With the drop in the share of oil in production of primary fuel and energy resources by 5–6%, the shares of gas and coal will rise by 2035 (by 3–4% and 1–2% respectively);
- The basic scenario forecasts the decline in oil production to 535 million tons with potential growth in export. Using modern methods of improved recovery and development of resources hard to recover will promote the record levels of oil extraction with stabilization on the level of 560–550 million tons and growth in export in line with moderately optimistic scenario;
- Substantial potential of growth in production and export of gas in the conditions of serious increase in eastward supplies and demand for LNG projects being implemented, despite the restraint of demand for pipeline gas in the European market;
- Adoption of advanced technologies: new technological level in FEC and energy consumption;

- Important role of domestic power and gas prices, relatively lower if compared to the global ones;

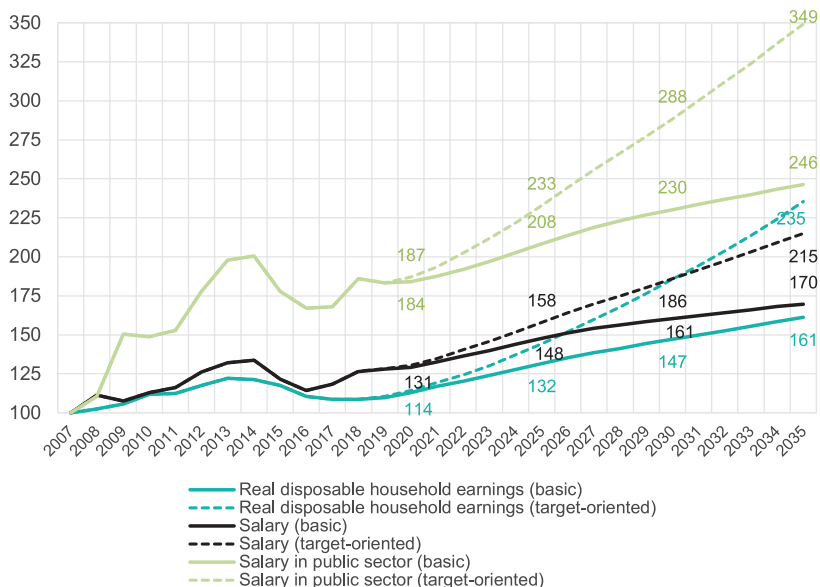
The acceleration of economic growth actually suggests the updated industrial and agricultural policy using the successful experience gained in the process of measures taken in 2008-2018 to develop these sectors.

ECONOMIC GROWTH — WHAT ARE ITS BENEFITS FOR PEOPLE?

Over the period of 2014–2017, real earnings of the population have seriously reduced to form accumulated social debt. It can be repaid only in the conditions of dynamic enough economic development and refocusing social changes towards the principles of justice. The rate of not so much poverty, as inequality poses a serious threat to further development and social stability of the Russian society.

With parameters included into the budget, we will get the drop in real wage in public sector in 2019. Indexation rules should be changed. Moreover, we ought to not only change them quantitatively, but work out some new rules and priorities. I mean not only the relationship of public sector workers categories and salaries in regions (200,100% against the average regional one), but development of a new sustainable model for the future. That said, we should also rectify such mistakes as leveling-off the salaries of junior and mid-level medical staff on the level of 100% of the regional one, which contradicts to job complexity (the difference is about 40% as a rule). In the longer term, the reference level of salaries in science, healthcare and education should be comparable with the European one. Otherwise, we cannot avoid the brain drain that Ukraine and Baltic countries have suffered from. In Baltic countries, the average income is higher if compared to Russia, but the outflow of population is also a sequence higher.

Dynamics of real household earnings and salary (2007 = 100)

Source: Estimates and forecast of the Institute for Research and Expertise at VEB

We still have to switch over from regional differentiation to a single social standard on the whole territory of Russia, which the regions can change from now on. We must create a sort of single space with regard to healthcare and education.

The moderately optimistic scenario suggests higher indexation of pensions to maintain the incomes of pensioners. The envisioned pension increase by 1,000 rubles in the period to 2024 will make the interrelation between pensions and salaries worse. That is why we ought to come back to the peg of pensions to wage increase (a bit advanced). In the active variant of social policy, this measure will make it possible to raise the replacement ratio from 32% in 2024 to 35% by

2035 (against the stable replacement ratio of 32–33% in basic scenario).

In case the current structure of population distribution by income level remains the same, the share of people with incomes lower than subsistence minimum is to drop by almost 2.7 times in the projection period. In optimistic scenario, the share of people with incomes lower than subsistence minimum is reducing from 13.2% in 2017 to 7.1% in 2024 and 4.8% in 2035 (against 5.8% in basic scenario). The share of middle class will rise from 21% in 2017 to 29% in 2024 and 50% in 2035 (against 40% in basic scenario). The active policy aimed at changing the parameters of population distribution by income level may reduce the share of the poor even more and allow for ranking over a half of population among the middle class.

Along with industry-based and social, the spatial vector of development is very important for Russia. Is there an opportunity for capitalization of Russian space, or we should predominantly focus on cities and agglomerations? We place the emphasis on institutions, monetary policy and industries, but forget that Russia is a unique country in terms of space, which is not a curse, but a serious advantage. Yet, how to use it?

All our spatial development (in 1990s and 2000s) was marked by the drop in population on the territory beyond the Urals, except for Yakutia, Tyumen, and Khanty-Mansi Autonomous Area. The relative share of all mid-Siberian and East-Siberian regions in the country's economy is also reducing. Instead of growing by way of taking advantage of Siberia and Arctic Ocean, as Mikhail Lomonosov bequeathed, we focus on Moscow, Saint Petersburg, and Tyumen. This is the existing model that prevents us from making an economic breakthrough. Moscow and Saint Petersburg are the key centers of innovations and finance, the exam-

ples of urban environment quality to a large extent, yet they are very capital-intensive and do not care about what happens beyond their boundaries.

The turn to the East means not only the one to China and Asian markets, but a turn to Siberia as well. Without creating new centers and growth engines there, the outstripping development of Russia is impossible in general. Moreover, the matter in question is not only about selective development (of cities), but integrated development of territories, making them the ones that people want to live in. The residents of small towns and villages should also have decent conditions for living and work. This task will require creating the mechanism of resource maneuver and interregional coordination on the level of macro-regions.

That is why the combination (as I believe) of the abovementioned and new fiscal policy, new technological and structural one, as well as the new spatial and regional policy will enable us to create new economy and new image of Russia.

One cannot “join the unjoinable” within the framework of market mechanisms alone. Over the past years, we failed to create an operational system of strategic control over development. To a large extent, the strategic approach is rejected by our system of management designed for the accomplishment of focused, operational tasks. To make Russia competitive, we must come to the level of strategic management, more effective than the one in China and other countries, which plan their development for the long term.

Irrespective of our defeats and achievement over the past years, Russia has all that is required for economic growth and new “Russian miracle.”

ДЕЛОВОЙ КЛИМАТ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЫВКА

BUSINESS CLIMATE IN RUSSIA: OPPORTUNITIES FOR BREAKTHROUGH

А.Н. ШОХИН

Член Президиума ВЭО России, президент
Общероссийской общественной организации
«Российский союз промышленников
и предпринимателей», д.э.н., профессор

A.N. SHOKHIN

Member of Presidium at the VEO of Russia,
President of All-Russian Public Organization
Russian Union of Industrialists and
Entrepreneurs (RUIE), Doctors of economics,
professor

АННОТАЦИЯ

В статье представлены тезисы, содержащие анализ направлений улучшения делового климата, в изменении формата взаимодействия с государством в инвестиционной сфере, а также в изменении подходов к формированию стратегических документов.

ABSTRACT

The article presents three areas for improving business climate, which is indispensable for accomplishment of ambitious tasks set by the Russian President for ensuring economic growth rate. Above all, business is interested in predictability of business climate, changes in format of interaction with the state in investment sphere, as well as approaches to drawing up strategic documents.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Деловой климат, нагрузка на бизнес, планирование, инвестиционная стратегия, специнвестконтракт, капиталовложения, инвестпроекты, стратегические документы.

KEYWORDS

Business climate, burden on business, planning, investment strategy, special investment contract, investments, investment projects, strategic documents

Президент России в майском указе поставил и перед властью, и перед бизнесом амбициозные задачи:

- вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира и обеспечение темпов экономического роста выше мировых;
- снижение в два раза уровня бедности;
- ускоренное внедрение цифровых технологий и ряд других задач.

Их нельзя решить без улучшения качества делового климата и радикального повышения качества государственного управления.

Россия в Doing business**Рис. 1.** Рейтинг Doing business

Многое уже удалось сделать, что признается не только российскими, но и международными экспертами. Например, в рейтинге Doing business Россия хотя и не вышла на целевое 20-е место, но прогресс колоссальный (рис. 1).

Однако многие ограничители развития для компаний на протяжении того же периода времени не утратили, а даже увеличили свою значимость для бизнеса (рис. 2).

Остановлюсь на трех системных направлениях, которые могли бы дать максимальный результат с точки зрения расшивки традиционных «узких мест» делового климата.

Повышение предсказуемости делового климата.

В условиях неопределенности с дальнейшим расширением санкций со стороны западных стран важна предска-

зуюмость государства, которую компании ценят даже выше прямых льгот и стимулов (рис. 3).

Ограничения для компаний

Рис. 2. Ограничители развития для компаний

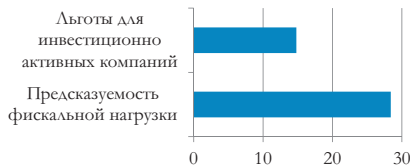
«Внезапные» решения по увеличению нагрузки на бизнес и изменения «правил игры» серьезно ограничивают «глубину» планирования компаний, не говоря об их инвестиционных стратегиях.

Например, в рыбохозяйственной отрасли простое обсуждение предложений по изменению принципов регулирования привело к частичной заморозке инвестиционных программ. А если эти решения будут приняты, то негативные последствия и для отрасли, и для смежных секторов, включая судостроительный, будут намного серьезнее.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо как можно быстрее довести до конца работу над законопроектами по совершенствованию специнвестконтрактов и созданию нового механизма соглашений о защите и поощрении капиталовложений.

Бизнес: запрос на предсказуемость

Ключевые направления политики в фискальной сфере (% ответов)

Наличие в компании стратегических документов (% ответов)

Рис. 3. Опрос РСПП

Используемый в них принцип «стабильность в обмен на инвестиции» (фактически «регуляторный контракт») позволит защитить добросовестных инвесторов от избыточных рисков радикального изменения принципов регулирования.

Надеемся, что проводимая Минэкономразвития России оценка эффективности инструментов и механизмов стиму-

лирования подтвердит их значимость для развития экономики и отсутствие угроз для добросовестной конкуренции.

Тем более что многие инструменты, включая СПИК, успешно используются при локализации высокотехнологичных производств даже компаниями из стран, которые ввели в отношении России санкции. Не хотелось бы лишать партнеров привычного и прозрачного механизма поддержки.

Переход на новый формат взаимодействия государства и бизнеса в инвестиционной сфере.

В сентябре прошлого года была создана Рабочая группа по содействию реализации новых инвестиционных проектов, на площадке которой бизнесу предлагаются инвестиционные проекты, инициированные федеральными органами власти, регионами, госкорпорациями и компаниями с госучастием.

Первые итоги таких road-show для бизнеса показывают, что есть интересные проекты, но необходимо наращивать компетенции в инвестиционной сфере в большинстве органов власти.

В этом случае деятельность рабочей группы не только обеспечит приток частных средств в конкретные проекты, но и позволит выработать системные «правила игры», на основе которых будет увеличено привлечение внебюджетных средств, повышена эффективность реализуемых госпроектов и ликвидированы некоторые «застарелые» регуляторные отраслевые барьеры (рис. 4).

Изменение подходов к формированию стратегических документов.

Обсуждения, в том числе на площадке РСПП, показали, что:

Рабочая группа по содействию реализации новым инвестиционным проектам

Создана в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2018 г. № 1093

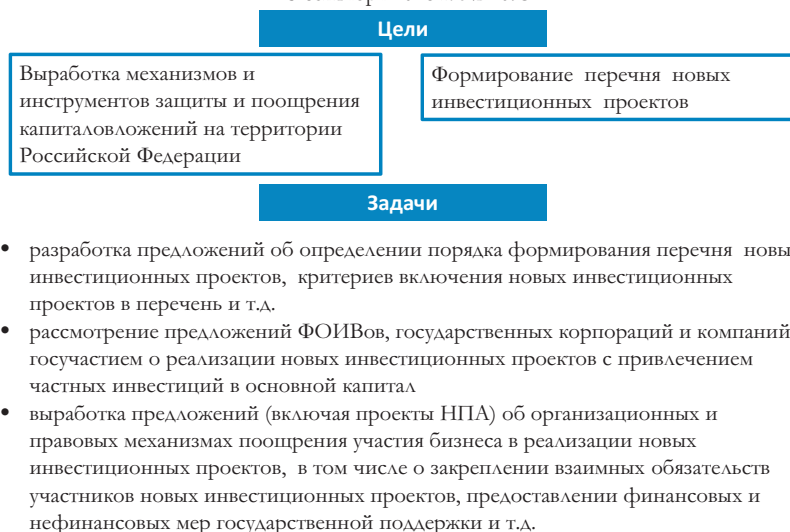

Рис. 4. Цели и задачи рабочей группы по содействию реализации новым инвестиционным проектам

- недостаточное внимание уделяется координации стратегических документов между собой и оценке влияния положений одних документов на достижение значимых целевых показателей других. Ряд сквозных задач, таких как цифровизация или подготовка квалифицированных кадров, нередко включается в отраслевые документы формально, без детального анализа тех возможностей, которые открывают новые технологии (рис. 5);
- редко заранее готовятся альтернативные стратегии. Например, из-за негативной оценки бизнесом неко-

Стратегические документы: выборка

Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года

Паспорта национальных проектов

Проекты паспортов федеральных проектов, входящих в состав национальных проектов

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года

План действий по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал и повышению до 25 процентов их доли в валовом внутреннем продукте

Проект перечня мероприятий по улучшению предпринимательской среды «Трансформация делового климата»

торых тарифных предложений сейчас анализируются иные варианты решения задач развития инфраструктуры, но из-за сжатых сроков и сложности расчетов сразу пришлось отказаться от рассмотрения ряда возможных и потенциально эффективных альтернатив;

- требуется определиться с критически важными для бизнеса направлениями работы по улучшению инвестиционного климата, особенно не вошедшими в национальные проекты. Проект перечня мероприятий по улучшению предпринимательской среды «Трансформация делового климата» пока не стал полноценной заменой нацпроектам. В текущую версию ТДК вошли только меры, не вызывающие у профильных ФОИВов вопросов, т.е. небольшая часть предложений бизнеса;

- не все проекты стратегических документов проходят полноценное публичное обсуждение — в отличие от нормативных правовых актов там нет жестко зафиксированной процедуры, аналогичной оценке регулирующего воздействия.

* * *

In his May decree, the President of Russia set very ambitious tasks to the authorities and business:

- Russia should join the Top5 major economies of the world and ensure economic growth rate higher if compared to the global level;
- Twofold reduction in poverty rate;
- Accelerated introduction of digital technologies and a number of other tasks.

It is impossible to accomplish these tasks without improving the quality of business climate and dramatic increase in quality of state governance.

Much has already been done, which is recognized by not only Russian, but foreign experts as well. For instance, Russia demonstrates serious progress in rating Doing Business, though has failed to ascend to the target 20th position so far (Figure 1).

However, many factors restraining development for the companies have not lost their importance for business over the same period of time, and even increased in significance. (Figure 2).

Let me dwell upon three systemic areas that could produce the maximum result from the point of view of liquidating traditional bottlenecks of business climate.

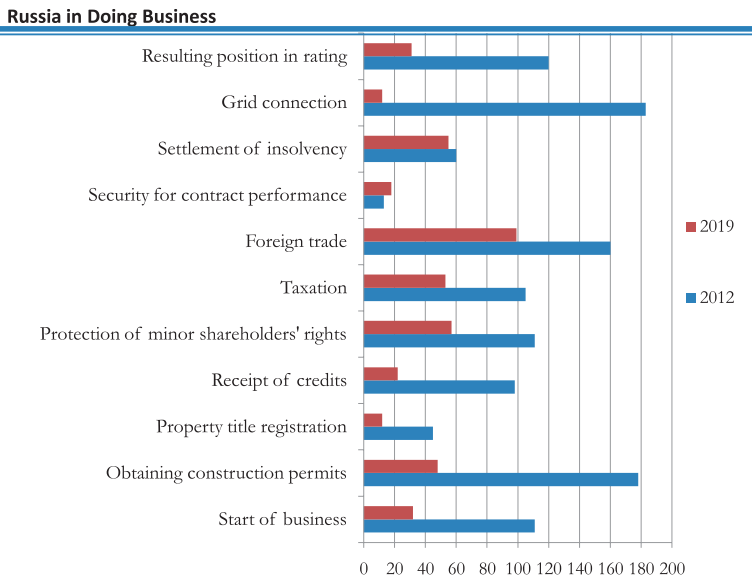

Figure 1. Doing Business Rating

1. RAISING THE PREDICTABILITY OF BUSINESS CLIMATE

In conditions of uncertainty due to extension of sanctions on the part of western countries, the predictability of state policy becomes very important, and companies value it more than direct benefits and incentives (Figure 3).

“Abrupt” decisions to raise the tax burden on business and change the “rules of the game” seriously limit the “depth” of planning for the companies, not to speak about their investment strategies.

For instance, the mere discussion of suggestions dealing with changing the principles of regulation in the fishing industry has led to investment programs being partially frozen. If such decisions are approved, the negative consequences for both the industry and allied sectors, including the shipbuilding one, will be by far more serious.

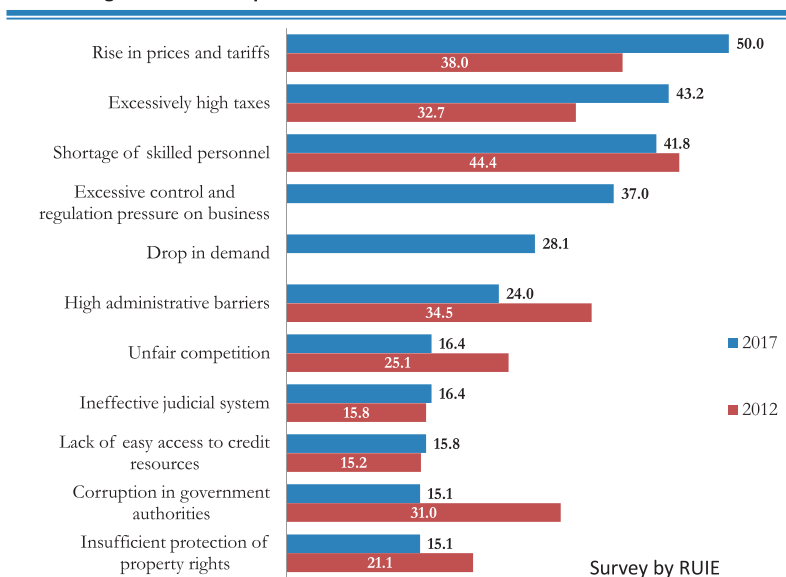
Restraining factors for companies

Figure 2. Development restraining factors for companies

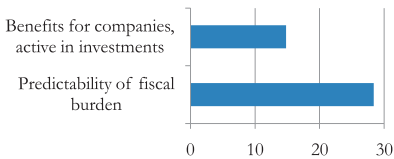
That is why we think that the work dealing with development of draft bills on upgrading special investment contracts and creating a new mechanism of agreements on protection and encouragement of investments should be accomplished as soon as possible.

The principle of “stability in exchange for investments” (actually regulatory contract) used in them will allow for protecting bona-fide investors from excessive risks of dramatic changes in regulatory rules.

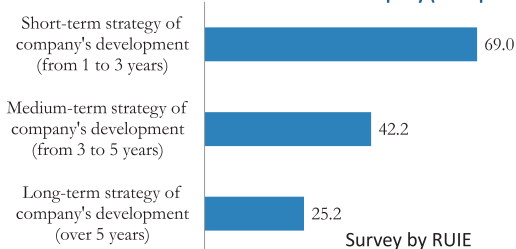
We hope that the estimation by the Russian Ministry of Industry and Trade as to the efficiency of stimulating instruments and mechanisms will confirm their importance for economic development and absence of threats to bona-fide competition.

Business: demand for predictability

Key lines of policy in fiscal sphere (% of responses)

Availability of strategic documents in the company (% responses)

Survey by RUIE

Figure 3. Survey by RUIE

All the more so, as many instruments including special investment contracts (SPICs) are successfully used for localization of high-tech production even by the companies from countries that have imposed sanctions on Russia. It would be unwise to deprive the partners of a familiar and transparent support mechanism.

2. TRANSITION TO NEW FORMAT OF INTERACTION BETWEEN STATE AND BUSINESS IN INVESTMENT SPHERE

In September last year, the Working Group for Promoting Implementation of New Investment Projects was formed. It is the site used to suggest investment projects initiated by federal authorities, regions, state corporations and partially public-owned companies to business.

The first results of such road-shows for business indicate that interesting projects are available, yet the majority of state authority agencies have to build up their competencies in investment sphere.

In this case, the activities of the Working Group will not only ensure the inflow of private funds in specific projects, but allow for working out systemic “rules of the game” as well. The introduction of these rules is to raise the amount of attracted extra-budgetary funds, increase the efficiency of state projects implemented and liquidate some “outdated” regulatory barriers (Figure 4).

Working group for promoting implementation of new investment projects

Formed in accordance with Decree of Russian Government No.1093 dated September 15, 2018

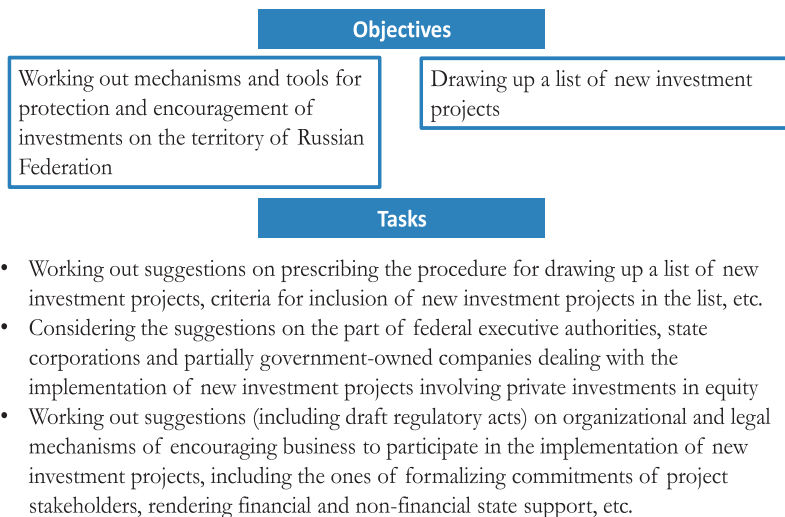

Figure 4. Tasks and objectives of Working Group for Promoting Implementation of New Investment Projects

3. CHANGE OF APPROACHES TO DRAWING UP STRATEGIC DOCUMENTS

The discussions, including the ones in RUIE, have shown that:

- Insufficient attention is paid to coordination of strategic documents and assessment of the impact that the provisions of some documents have on meeting the targets of other ones. Some cross-cutting tasks, like digitization or training skilled personnel, are often included into industrial documents formally, without detailed analysis of the opportunities that advanced technologies offer (Figure 5);
- Alternative strategies are seldom being prepared. For instance, due to negative assessment of some tariff suggestions on the part of business, different variants of solutions dealing with development of infrastructure are being analyzed today, yet we have had to abandon the discussion of some possible alternatives that look potentially efficient, due to tight deadlines and complexity of calculations;
- We have to finalize the areas of activities essential for business that are aimed at improving business climate, especially the ones that are not listed in national projects. The draft list of activities aimed at improving business environment “Transformation of Business Climate (TBC)” has not become a full-fledged substitute for national projects so far. The current version of TBC includes only measures that trigger no questions on the part of the respective federal executive authorities, i.e. a small part of suggestions made by business;
- Not all of the draft strategic documents are subjected to full-fledged public discussion — unlike the regulatory acts, they contain no fixed procedure similar to assessment of regulating impact.

Figure 5. Strategic documents

In general, there is obvious demand for serious amendments to law “On Strategic Planning in the Russian Federation,” including the very system of strategic documents with its refocusing on national projects taken into account.

Business is concerned about other problems as well — shortage of skilled personnel and loan-based financing, heavy fiscal burden, administrative barriers, and instability of tariffs, which are derived to a large extent from systemic restrictions. As evidenced in practice, these problems can be solved even in conditions of serious external constraints.

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

TRENDS OF SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT OF ULYANOVSK REGION

С.И. МОРОЗОВ

Губернатор Ульяновской области, кандидат экономических наук

S.I. MOROZOV

Governor of Ulyanovsk Region, Candidate of Economic Sciences

Е.А. ИЛЬДУТОВ

Ведущий специалист центра развития отраслей экономики и региональной политики, планирования и прогнозирования Центра стратегических исследований Ульяновской области, кандидат экономических наук

E.A. ILDUTOV

Leading specialist of the Center for Development of Economic Sectors and Regional Policy, Planning and Forecasting of the Center for Strategic Studies of Ulyanovsk Region, Candidate of Economic Sciences

А.В. МИХНЕВ

Руководитель центра развития отраслей экономики и региональной политики, планирования и прогнозирования Центра стратегических исследований Ульяновской области

A.V. MIKHNEV

Head of the Center for Economic Development and Regional Policy, Planning and Forecasting of the Center for Strategic Studies of Ulyanovsk Region

АННОТАЦИЯ

В статье представлено описание основных тенденций социально-экономического развития Ульяновской области с начала 2000-х годов, определены позиции региона по отдельным показателям социально-экономического развития в сравнении с субъектами Приволжского федерального округа, приведена характеристика наиболее актуальных проблем регионального развития и определены направления государственной социально-экономической политики, ориентированные на решение основополагающих социальных задач и обеспечение экономического роста.

ABSTRACT

The article describes the main trends in the socio-economic development of Ulyanovsk Region since the beginning of the 2000s, identifies the position of the region on certain indicators of socio-economic development in comparison with the subjects of Volga Federal District, presents the characteristics of the most pressing problems of regional development and determines the direction of the state socio-economic policy, focused on the solution of fundamental social problems and economic growth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инвестиции, валовой региональный продукт, бюджет, добавленная стоимость, производительность труда, экономический рост, дифференциация развития.

KEYWORDS

Investments, gross regional product, budget, value added, labor productivity, economic growth, differentiation of development.

Ульяновская область представляет собой регион, который в силу объективных исторических причин очень тяжело переходил на «рыночные рельсы». И во многом экспертная оценка экономических проблем и процессов, экспертное мнение профессиональных экономистов, которое является основой принятых ключевых решений, позволили добиться тех результатов, которые регион имеет сегодня.

Это сейчас перед регионом ставятся амбициозные задачи по выходу на лидирующие позиции в Приволжском федеральном округе (ПФО), а 10–15 лет назад ситуация была совершенно иной. Тогда Ульяновская область наряду с республиками Чечня и Ингушетия относилась к депрессивным регионам с низким уровнем социально-экономического развития и находилась ниже 80-го места среди всех субъектов Российской Федерации.

Для экономики Ульяновской области были характерны низкий уровень заработной платы и высокая безработица, уровень которой по методологии МОТ составлял 10%. У наших соседей эти показатели были в 2 раза ниже. Спад промышленного производства составлял 50% от уровня 1990 года. На 90% объем промышленного производства формировался 3–4 предприятиями региона. Объем жилищного

строительства составлял чуть более 150 тыс. кв. метров. Это 8,5% от объемов ввода жилья в Республике Татарстан и 20% в Самарской области.

Для исправления ситуации основная ставка была сделана на увеличение инвестиционной составляющей в экономике региона и улучшение делового климата.

Результатом принятых тогда решений является стабильное вхождение Ульяновской области в настоящее время в десятку наиболее инвестиционно привлекательных субъектов Российской Федерации. Это подтверждается и самими инвесторами, которые по итогам 2017 года вложили в экономику Ульяновской области практически 92 млрд рублей инвестиций (рис. 1). Для нашего региона это рекордный объем инвестиций в российской истории, который оценивается в 27% валового регионального продукта (ВРП).

Объем ВРП с середины 2000-х годов вырос практически в 5 раз. Темп роста ВРП в основных ценах за последние 5 лет не опускался ниже 5%, а индекс промышленного производства не опускался ниже 100%.

Именно такие задачи были зафиксированы в Стратегии социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года.

Доходная часть областного бюджета выросла в 8 раз, что позволило значительно увеличить расходы на социальную сферу и повысить уровень жизни населения.

Одним из главнейших достижений можно считать построение действительно диверсифицированной региональной экономики, которая, по оценкам экспертов, имеет европейскую структуру и характеризуется ориентацией на производство конечного продукта. В Ульяновской области

нет зависимости целой отрасли от одного-двух предприятий, как это было в середине 2000-х годов.

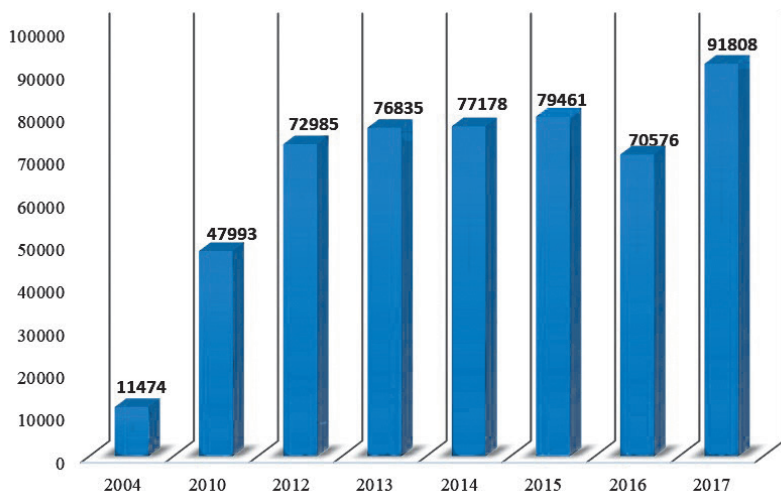

Рис. 1. Динамика объема инвестиций в основной капитал в Ульяновской области, млн руб.

Figure 1. Dynamics of fixed capital investments in Ulyanovsk Region, million rubles

Основной объем валовой добавленной стоимости формируется именно в обрабатывающих отраслях, доля которых составляет более 26% (рис. 2).

В строительной отрасли регионом ежегодно обеспечивается прирост количества вводимого жилья. По итогам 2017 года объемы жилищного строительства в Ульяновской области увеличились относительно уровня 2004 года более чем в шесть раз, вплотную приблизившись к 1 млн кв. метров (рис. 3).

Real estate transactions — 11.4%

Financial activities — 0.4%

Transport and communication — 9.8%

Education — 4.4%

Hotels and restaurants — 0.8%

Healthcare and social services — 4.6%

Trade, repair of motor vehicles, motorcycles, household appliances and personal demand items — 13.1%

Other services — 1.5%

Agriculture, hunting and forestry — 8.3%

Mineral production — 2.1%

Manufacturing industries — 26.3%

Production and distribution of electric power, gas and water — 4.1%

Construction — 6.0%

Рис. 2. Структура валовой добавленной стоимости в Ульяновской области (данные 2016 года), %

Figure 2. Structure of gross value added in Ulyanovsk Region (data for 2016), % (State governance and military security assurance; social insurance — 7.2%)

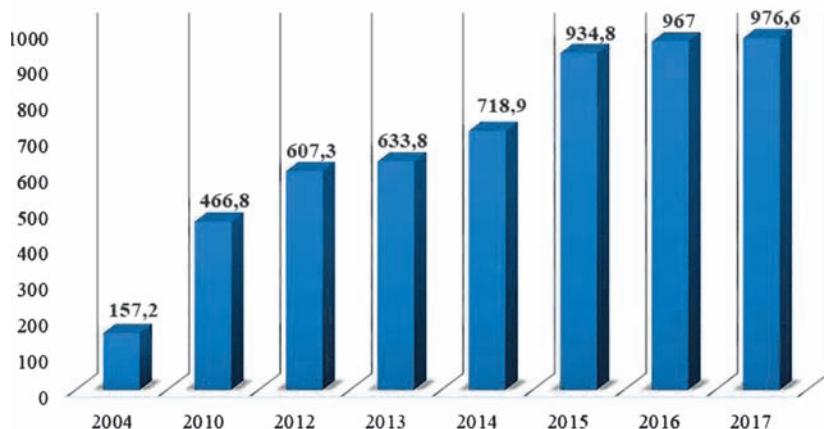

Рис. 3. Динамика объемов жилищного строительства в Ульяновской области, тыс. кв. м

Figure 3. Dynamics of housing construction in Ulyanovsk Region, thousand m²

Рост спроса в жилищном строительстве подтверждается увеличением количества выданных ипотечных кредитов, которое, по данным Центрального банка Российской Федерации за 2017 год, в Ульяновской области составило 11947 единиц, или 135% относительно уровня 2012 года (рис. 4).

Ульяновская область имеет большой потенциал в реализации сложных технологических и наукоемких проектов. Экономика региона ориентирована на инновационный путь развития, об этом свидетельствует высокая доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП (рис. 5).

По доле высокотехнологичной и наукоемкой продукции в ВРП Ульяновская область является лидером в ПФО и занимает 3-е место в Российской Федерации, незначительно уступая Тульской (35,3%) и Калужской (34,4%) областям.

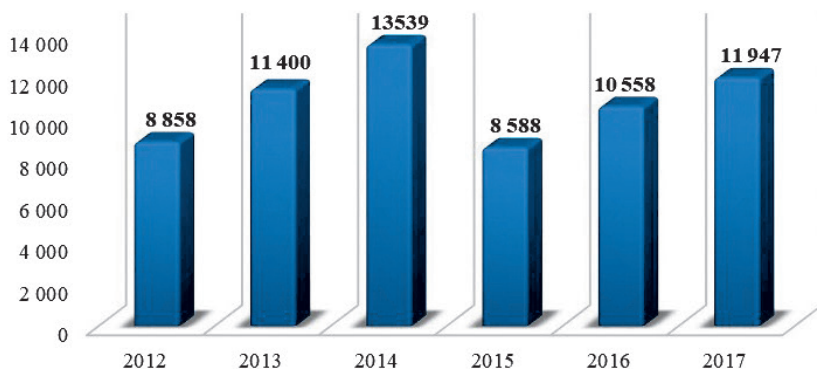
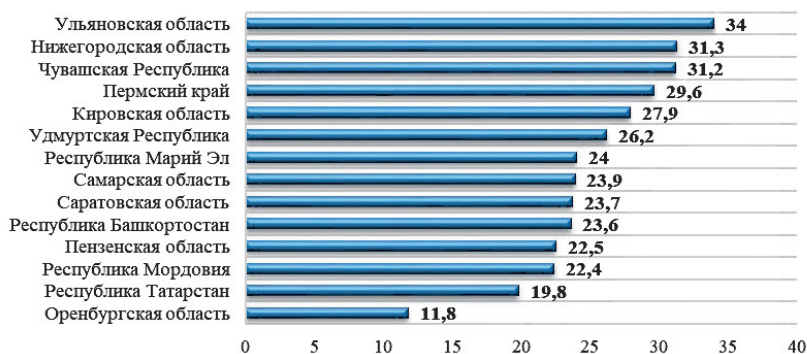

Рис. 4. Динамика количества выданных ипотечных кредитов в Ульяновской области, единиц

Figure 4. Dynamics of the number of mortgage loans given in Ulyanovsk Region, units

(Ulyanovsk Region, Nizhny Novgorod Region, Chuvashia, Perm Territory, Kirov Region, Udmurtia, Mariy-El, Samara Region, Saratov Region, Bashkortostan, Penza Region, Mordovia, Tatarstan, Orenburg Region)

Рис. 5. Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП (данные 2016 года), %

Figure 5. Share of high-tech and knowledge-intensive industries in GRP (data for 2016), %

Ульяновская область располагает высококвалифицированными трудовыми ресурсами, доля которых в общей численности квалифицированных работников составляет более 26%.

Успешно развивается в регионе и такая базовая отрасль сельского хозяйства, как производство зерна. Ульяновская область входит в 20-ку крупнейших производителей зерна в Российской Федерации. В последние 2 года урожай зерновых в регионе превышает 1 млн тонн (рис. 6).

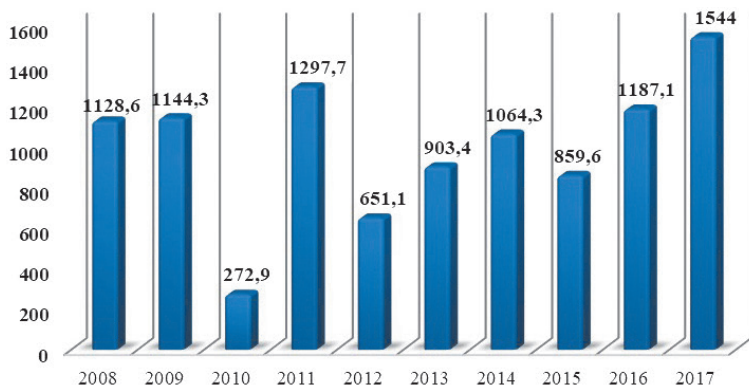
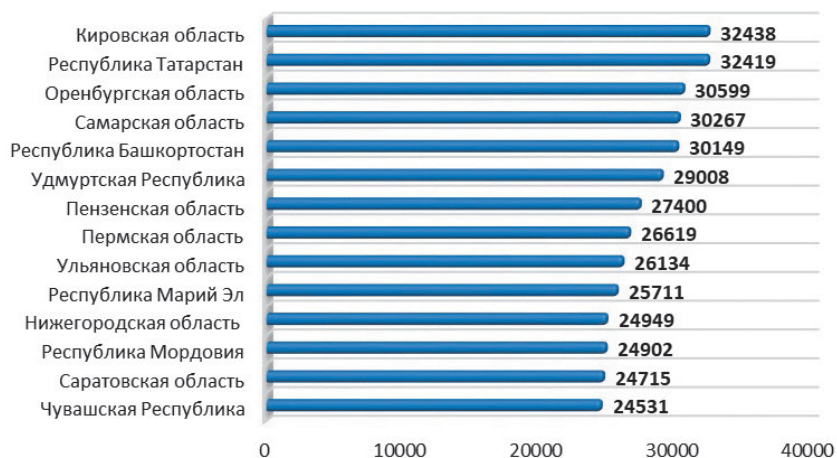

Рис. 6. Динамика валового сбора зерновых (в весе после доработки), тыс. т
Figure 6. Dynamics of gross cereals output (in terms of weight after reprocessing), thousand tons

Вместе с тем было бы не совсем правильным говорить, что в Ульяновской области решены все проблемы.

С одной стороны, региону удалось преодолеть «пропасть» в уровне заработных плат, которая наблюдалась в середине 2000-х годов. Однако несмотря на то, что относительно уровня 2004 года средняя заработная плата в Ульяновской области выросла практически шестикратно, мы находимся только на 9 месте среди регионов ПФО (рис. 7).

(Kirov Region, Tatarstan, Orenburg Region, Samara Region, Bashkortostan, Udmurtia, Penza Region, Perm Region, Ulyanovsk Region, Mariy-El, Nizhny Novgorod Region, Mordovia, Saratov Region, Chuvashia)

Рис. 7. Среднемесячная заработная плата работников в 2017 году в разрезе субъектов ПФО, рублей

Figure 7. Average monthly salary of workers in 2017 across entities of Volga Federal District, rubles

Один из самых низких в ПФО показателей средней заработной платы безусловно отрицательно сказывается на демографической ситуации в регионе и способствует миграционному оттоку населения. Положение осложняется соседством с такими «мощными» в социально-экономическом плане регионами, как Татарстан и Самарская область, а также не так далеко расположенной Москвой.

Кроме того, необходимо учитывать специфику становления региона в советское время. Так, например, численность населения Ульяновской области в силу миграционных процессов в 80-х годах прошлого века увеличилась более чем

на 100 тысяч человек практически за 3–5 лет. Этим людям тогда было по 20–30 лет, сейчас им под 60, и они массово уходят на пенсию.

Закономерным следствием сложившейся ситуации стало кардинальное изменение половозрастной структуры населения и сокращение численности экономически активного населения за два последних года на 0,6%.

Проблема старения населения в настоящее время очень актуальна для Ульяновской области. Так, доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 15,9% от всего населения региона. Это много даже по мировым меркам, поскольку, согласно международным критериям, население считается старым, если доля в нем людей в возрасте 65 лет и более превышает 7%. Среди субъектов ПФО Ульяновская область является самым «старым» регионом.

Именно по этой причине население Ульяновской области более остро воспринимает пенсионную реформу, поэтому особенно актуальными для региона являются вопросы повышения производительности труда и удержания на территории региона молодежи.

Индекс производительности труда в Ульяновской области с 2012 по 2016 год вырос на 5,4 процентных пункта и составил 107,4% относительно уровня 2011 года. При этом три региона ПФО, вошедшие в Федеральную программу повышения производительности труда, значительно опережают Ульяновскую область — это Республика Татарстан с индексом производительности труда в 114% относительно уровня 2011 года, Республика Башкортостан с индексом в 112,1% и Самарская область с индексом в 110,6%.

Следует отметить, что наиболее проблемными с точки зрения производительности труда отраслями для Ульянов-

ской области являются текстильное и швейное производства, обработка древесины и производство изделий из нее, издательско-полиграфическая деятельность, производство резины и пластмасс. В данных отраслях производительность труда существенно ниже среднеотраслевого значения по Ульяновской области.

Еще одной не менее актуальной для региона проблемой является высокая дифференциация в уровне развития как регионов, так и, в нашем случае, муниципальных образований.

В Российской Федерации лишь 10 субъектов из 85-ти производят 55% валового внутреннего продукта, остальные субъекты производят менее 50%. То есть остальные 75 субъектов вместе производят продукции меньше, чем первые 10.

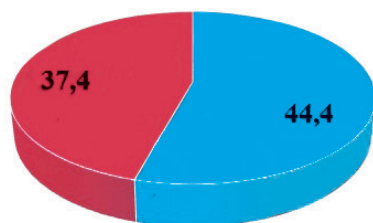
Аналогичная картина наблюдается и в экономике Ульяновской области, когда пять районов-лидеров вместе производят продукции больше, чем остальные 16 сельских муниципальных районов вместе взятых (рис. 8).

Но регион, как и страна, не может быть устойчивым, если присутствует дифференциация в уровне развития составляющих территорий.

Именно поэтому определяющими направлениями государственной социально-экономической политики в Ульяновской области являются:

- развитие производственной инфраструктуры на всей территории региона и обеспечение роста производительности труда;
- развитие предпринимательской деятельности и улучшение инвестиционного климата;
- увеличение собственных доходов консолидированного бюджета региона и бюджетов муниципальных образований;

- развитие высокотехнологичных и наукоемких производств;
- создание условий для повышения квалификации работников региональных предприятий и организаций и, соответственно, увеличение численности высококвалифицированных работников;
- обеспечение доступности жилья в регионе и сокращение площади ветхого и аварийного жилищного фонда.

- 5 МО (Чердаклинский, Новоспасский, Ульяновский, Мелекесский, Сенгилеевский)
- 16 МО (остальные)

(■ 5 municipal entities (Cherdaklinsky, Novospassky, Ulyanovsky, Melekessky and Sengileevsky districts

■ 16 municipal entities (the remaining ones))

Рис. 8. Оборот организаций по итогам 2017 года, млрд рублей

Figure 8. Turnover of organizations following the results of 2017, billion rules

Реализация обозначенных направлений позволит решить важные социальные задачи по снижению уровня бедности и повышению качества жизни в регионе, а также обеспечит интенсификацию экономического роста и нивелирование последствий кризиса начала и середины 2000-х годов.

Due to objective historical reasons, it was hard for Ulyanovsk Region to switch over to the market “footing.” To a large extent, it were the expert appraisal of economic problems and processes, expert opinion of professional economists forming the basis for making key decisions that enabled the region to achieve the results we observe today.

Today, the regional authorities set ambitious tasks dealing with taking up the leading positions in Volga Federal District, while some 10–15 years ago the situation was different. At that time, Ulyanovsk Region, like Chechnya and Ingushetia, belonged to the group of depressed areas with low level of socio-economic development being 80th in the list of constituent entities of the Russian Federation.

Low level of salaries and high unemployment (10% according to the ILO’s methodology) were typical for the region at that time. The neighboring areas could boast of these indicators being 2 times lower. The drop in industrial output amounted to 50% of the level observed in 1990. 3–4 local enterprises accounted for 90% of industrial output. The volume of housing construction was estimated at slightly over 150,000 m² — only 8.5 and 20% of new builds delivered in Tatarstan and Samara Region respectively.

In order to remedy the situation, the main emphasis was placed on increasing the investment element in the regional economy and improving business climate.

The results of decisions made at that time include stable position among the Top10 Russian regions in terms of investment attractiveness. The evidence lies in the activities of investors who have invested almost 92 billion rubles in local economy following the results of 2017 (figure 1). It is a record investment volume for our region estimated at 27% of gross regional product (GRP).

Since mid-2000s, GRP has grown by almost 5 times. Over the past 5 years, GRP growth rate has never dropped lower than 5%, while industrial production index has not gone lower than 100%.

These very tasks were fixed in the Economic Development Strategy of Ulyanovsk Region till 2030.

The revenue part of regional budget has grown 8-fold, which allowed the increase in expenditures for social sphere and raising of living standards.

One of the main achievements lies in the construction of really diversified economy, which, according to the experts' estimates, can boast of European structure and is focused on manufacturing end products. In Ulyanovsk Region today, there is no dependence of the whole industry upon two-three enterprises, like it was in mid-2000s.

The main part of gross value added (GVA) is formed in manufacturing industries. Their share is about 26% (figure 2).

The regional construction industry annually ensures the gain in deliverable housing. Following the results of 2017, the volumes of housing construction have increased by over 6-fold if compared to the level of 2004 coming close to 1,000,000 square meters (figure 3).

The growth in demand in housing construction is illustrated by the rise in number of mortgage loans given — 11,947 in 2017 or 135% if compared to the level of 2012, according to the data of Central Bank (figure 4).

Ulyanovsk Region can boast of having high potential in implementing complex technological and knowledge-intensive projects. The regional economy is focused on innovative development. The evidence of it can be found in high share of high-tech and knowledge-intensive industries in GRP (figure 5).

In terms of manufacturing high-tech and knowledge-intensive products, Ulyanovsk Region leads in Volga Federal District and is third in the Russian Federation falling behind Tula (35.3%) and Kaluga (34.4%) regions.

Ulyanovsk Region has highly skilled labor resources. They account for over 26% of the total qualified workers' number.

Such basic branch of agriculture as grain production demonstrates successful development. Ulyanovsk Region is among the Top20 major grain producers in the Russian Federation. Over the past two years, cereal harvest in the region has exceeded 1 million tons (figure 6).

However, it would be wrong to say that all problems have been solved in Ulyanovsk Region.

On the one hand, the region has managed to overcome the "gap" in salaries level, which was observed in mid-2000s. Though the average salary has grown almost 6-fold in Ulyanovsk Region if compared to the level of 2004, the area is only 9th among the regions of Volga Federal District (figure 7).

Naturally, the indicator of average salary, one of the lowest in Volga Federal District, has a negative effect on demographic situation in the region and leads to migration outflow of the population. What makes the situation even worse is the neighborhood of such socio-economically "powerful" areas as Tatarstan and Samara Region, as well as Moscow, which is not so far away.

Besides, one should take into account the specifics as to the establishment of the region in the Soviet time. Due to migration processes, the population of Ulyanovsk Region increased by over 100,000 people in 3–5 years in the 1980s. At that time, these people were 20–30 years old, while now they are almost 60 and retire on a massive scale.

The natural consequence of the present situation lies in the radical changes in the sex-age structure of local population and the reduction of economically active residents by 0.6% over the past two years.

The problem of population ageing is very relevant for Ulyanovsk Region at present. The people of 65 and older account for 15.9% of the local population. It is too much even by the world standards, as the population is considered old, according to international criteria, if the share of people at the age of 65 and older exceeds 7%. Ulyanovsk Region is the “oldest” among the areas of Volga Federal District.

Due to this very reason, the population of Ulyanovsk Region is more sensitive to pension reform. That is why the issues of raising labor productivity and retaining youth on its territory are especially relevant for the region.

The index of labor productivity has risen by 5.4 percent points in Ulyanovsk Region over the period between 2012 and 2016 to 107.4% if compared to the level of 2011. Three regions of Volga Federal District participating in the Federal Program of Raising Labor Productivity seriously outpace Ulyanovsk Region. These are Tatarstan with the index of labor productivity of 114% if compared to the level of 2011, Bashkortostan (112.1%) and Samara Region (110.6%).

It stands to mention that textile and apparel production, wood working and manufacture of products from wood, publishing and printing activities, production of rubber and plastic are the most problem-plagued industries in terms of labor productivity. In these industries, the labor productivity is substantially lower if compared to industry-average value for Ulyanovsk Region.

One more problem, equally relevant for the region, lies in the high differentiation of areas and municipalities in development level.

In the Russian Federation, only 10 out of 86 constituent entities produce 55% of gross domestic product. Others produce less than 50% of GDP. It means that the remaining 75 entities produce less products than the first 10 ones.

Similar picture is observed in the economy of Ulyanovsk Region, as five leading districts manufacture more products than all the remaining 16 rural municipalities taken together (figure 8).

However, the region, like the country, cannot boast of stable situation, if there is differentiation in the development of its territories.

That is why the key areas of state socio-economic policy in Ulyanovsk Region include:

- Development of production infrastructure on the region's territory and promotion of labor productivity growth;
- Development of entrepreneurship and improvement of investment climate;
- Increase in own revenues of consolidated regional budget and budgets of municipalities;
- Development of high-tech and knowledge-intensive production facilities;
- Creation of conditions for advanced training of workers of regional enterprises and organizations, and raising the number of highly skilled personnel;
- Promotion of housing availability in the region and reducing the area of dilapidated housing.

The fulfilment of tasks mentioned above will make it possible to resolve important social issues dealing with poverty

reduction and improvement of living standards in the region, as well as ensure intensification of economic growth and levelling the consequences of crisis that broke out in early and mid-2000s.

Библиографический список:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.
3. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области: http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/statistics/standards_of_life/.

Reference list:

1. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017. R32 Collection of statistical articles. Rosstat. M., 2017, p. 1402
2. Official website of the Federal State Statistics Service http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.
3. Official website of the Territorial Office of Federal State Statistics Service for Ulyanovsk Region http://uln.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/uln/ru/statistics/standards_of_life/.

Контактная информация:

Ильдутов Евгений Анатольевич 432071, г. Ульяновск, ул. Радищева, 116А, телефон 8 (8422) 24-06-10, электронная почта 73niieconomukaz@mail.ru

Михеев Александр Вячеславович 432071 г. Ульяновск ул. Радищева, 116А, телефон 8 (8422) 24-06-10, электронная почта 73niieconomukaz@mail.ru

Contacts:

Ildutov, Evgeniy Anatolyevich 432071 Ulyanovsk ul. Radischeva,
116A, phone 8(8422)24-06-10, email 73niiconom-ukaz@mail.ru

Mikheev, Aleksandr Vyacheslavovich 432071 Ulyanovsk ul. Radischeva,
116A, phone 8(8422)24-06-10, email 73niiconom-ukaz@mail.ru

СТРАННОСТИ РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

IRREGULARITIES OF RUSSIA'S ECONOMIC DEVELOPMENT AND METHODS OF RAISING ECONOMIC GROWTH RATE

В.В. ИВАНТЕР

Действительный член Сената
ВЭО России, научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозирования
РАН, заместитель академика-секретаря,
руководитель секции экономики отделения
общественных наук РАН, академик РАН, д.э.н.,
профессор

V.V. IVANTER

Full Member of the Senate at the VEO of
Russia, Academic Supervisor at the Institute

for Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary, Head of Economic Section at the Division of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, Doctor of economics, professor

АННОТАЦИЯ

Автор статьи остро ставит вопрос о стратегии экономического развития страны. Приводит примеры решений, влияющих на экономическое поведение как людей, так и бизнеса. Обращает внимание на отсутствие четкой политики экономического роста. Предлагает способы решения поставленной президентом страны задачи по темпам экономического роста.

ABSTRACT

The author puts the problem of economic development strategy point-blank, and suggests examples of solutions that impact the behavior of both individuals and business. The article pays attention to the absence of a clear policy aimed at economic growth and suggests the methods of accomplishing the task of raising economic growth rate set by the President.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономическое развитие, экономический рост, ВВП, инфляция, валютные резервы, инфляционные ожидания, ставки по кредитам, экспорт, производственные мощности, сельское хозяйство, оборонная промышленность.

KEYWORDS

Economic development, economic growth, GDP, inflation, foreign currency reserves, inflation expectations, loan interest rates, export, production assets, agriculture, defense industry

Хочу поделиться соображениями по поводу экономического развития. Что странно? У нас огромное количество ресурсов, а темпы экономического роста, по версии Миниэкономразвития России, будут падать. Так какая же у нас должна быть стратегия развития? Мне кажется, она определена в послании президента довольно внятно. Правильнее в этом вопросе больше опираться на послание президента, чем на указы, потому что указы можно отменить, изменить, а послание уже не изменится.

В послании сказано, что для России необходим экономический рост в 5%, для того чтобы выйти на объем доходов по паритету покупательной способности на душу населения. Валовой внутренний продукт нужно увеличить. А почему надо его увеличивать? Потому что валовой внутренний продукт — это, если отбросить макроэкономическое словоблудие, рост доходов. Есть два варианта лучше жить: должно быть больше доходов или у кого-то что-то забрать. Относительно второго варианта большое количество специалистов твердо уверено, что если у этих взять и у тех забрать, то будет лучше. Но мы с вами помним, как появились коммунальные квартиры. Из-за желания справедливости. Поэтому 10-комнатную квартиру забирали у этого человека, который несправедливо ее получил, и делили между всеми остальными, и получали результат. Понимаете?

Чтобы жить хорошо (совершенно точно), надо больше производить. У нас рыночная экономика, значит, для того чтобы больше производить, нужно два фактора. Первый: нужно иметь мощности для производства. Второй: надо иметь спрос на то, чтобы это произвести. Кроме того, у нас приводятся довольно серьезные претензии к финансовой

и денежно-кредитной политике. Я хочу сейчас оправдать и Министерство финансов, и Центральный банк.

Если спросить студента, какая у нас денежно-кредитная политика, он ответит, что у нас политика крепкой валюты и, прежде всего, низкой инфляции. Понятно. Значит, если у вас спросят, какая денежно-кредитная политика, то ответ очевиден — это политика бездефицитного бюджета и экономии расходов. Опустим вопрос, хорошо это или плохо, это хотя бы понятно. Но давайте спросим студента: «А какая у нас экономическая политика?» И тут... Нет, вообще она такая хорошая, правильная. Она не формулирована. А в действительности денежно-кредитная политика и финансовая — это не самостоятельные политики, они обеспечивающие. Значит, проблема в том, какую проводить(?) экономическую политику.

Внятная экономическая политика — это политика экономического роста, а рост мы измеряем в доходах. Но сказать, что у нас нет экономической политики, — неверно. У нас есть то, что мы называем латентной экономической политикой. Значит, мы применяем совершенно конкретные решения. Мы строим мост или дорогу, или вкладываем, или строим какое-то производство, и в этом смысле денежно-кредитная политика этому не мешает. Уверяю, что когда принималось решение по строительству Крымского моста, никто не обсуждал вопрос, какая это будет кредитная ставка. Обсуждали: строить, не строить, кто будет строить. То же самое, когда речь идет о нашей оборонной промышленности, правда, здесь есть свои странности относительно финансирования оборотных средств за счет кредита. В основном, это решается.

Но у нас, кроме этого, есть свободная экономика — бизнес. У нас его любят так, как в свое время любили рабочий

класс. Но кроме любви надо другое. «Нет, мы тех любим, этих тоже. Во-первых, не будем их сажать без надобности(?). Второе, не будем их проверять».

Но, хорошо, вы не будете их проверять, а у них стимул. Они зачем это делают? Что они хотят делать? Они хотят вкладывать. Нет, получать доход. А как нормальный бизнесмен узнает, имеет ли смысл вкладывать? Странно, если цены на его продукцию растут (растут, да), то в этом случае он вкладывает, а если не растут, не вкладывает. Что мы сделали? Мы с вами чего добились? Мы боремся за что? За снижение цен. Значит, мы взяли и разбили градусник. И что? Что будем делать? Еще раз скажу: нет человека, который любил бы рост цен. А в демократической системе есть выборы, есть электорат, и он не любит, когда цены растут. Но бизнес любит, чтобы цены росли, это индикатор, куда двигаться.

Есть у нас успехи в инфляции? Есть. Она действительно снизилась. Поэтому бессмысленно вести разговоры о том, что она 3,8, или 3,9%, или 4,5%. Ведь это рост розничных цен по всей стране от пива до автомобиля, да, от Калининграда до Магадана. Неужели, вы полагаете, что можно вообще заметить эти изменения, отличить 4,3 от 4,1%? В действительности есть недопустимый уровень инфляции. Двухзначная инфляция абсолютно недопустима. Еще раз повторюсь, если у меня доходы растут быстрее цен, то это меня удовлетворяет. Это не значит, что мне нравится повышение цен, повышение цен никому не нравится (я о потребителе), но это безусловный индикатор, для того чтобы вкладывать деньги.

Проблема в так называемых инфляционных ожиданиях. Вы знаете, что странно? Странно, что инфляционные ожидания российского потребителя совершенно не в росте цен на хлеб и молоко, они в росте цен на бензин и курсе к долла-

ру, причем это ожидания людей, которые никогда долларов в руках не держали и ни на каких автомобилях не ездят, но это факт, и с этим следует считаться. Что мы здесь делаем? У нас плавающий курс рубля. Но есть разница между пловцом и утопленником. У нас есть денежно-кредитные власти, у них есть валютные резервы около полтриллиона. Так? Минимальный государственный внешний долг. Очень удачные цены для внешнеэкономических видов деятельности. И в этих условиях под плаванием понимается девальвация на 20% национальной валюты. Что произошло? А почему рубль девальвировался? Какие-то журналисты (наглые, американские) написали, что США и ЕС введут какие-то санкции. И тогда на нашем рынке облигаций нерезиденты начали сбрасывать облигации, и все обрушилось. Значит, кто виноват? Внешние враги виноваты. А, может, все-таки мы виноваты?

Во-первых, нужно было вводить определенные правила, и этого можно было бы избежать. Вопрос: а зачем мы вообще продаем облигации, чтобы что получить? Мы продаем их, чтобы получить валюту. Правильно? Правильно, и процентов так от 7 до 9% за это платим. Что делаем с этими деньгами? Мы их отдаем им, но уже не под 8%. Под 7% никто не берет, и под 8% не берет. Под 3%. Интересный бизнес!? При этом если бы эти инвесторы действительно покупали бы на свои деньги, ничего бы не было, а они же в кредит покупают, они же играют. Значит, совершенно понятно, что для них болезненны любые колебания, и они сбрасывают деньги. Но зачем же мы сами себя подставляем? Зачем? Самое главное, что мы с собственными деньгами не знаем, что делать, избыточными валютными ресурсами.

Теперь по поводу резервов, которые необходимы для экономического роста. У нас есть главный резерв для экономического роста — свободные мощности. Да, они не всегда комплектны, но сейчас у нас загрузка не более 60%. В среднем. Но это не значит, что можно на 40% все увеличить, но 20% точно можем. Безынвестиционный рост. Первое движение, безынвестиционное, и это вполне реализуемо.

Но в каком виде? Мы говорим: «Зачем нам нужны резервы?» Потому что нас могут эти обидеть. Да? А чем они могут обидеть? Нас отключат от расчетов, перестанут давать кредиты... Но они же перестали давать. И где беда? Да беды ж нет, выяснилось, что справились. И, безусловно, по нашей оценке, критический импорт, который зафиксировали(?), — это порядка 120–150 миллиардов долларов. Если у нас с вами 450, это значит, что можно три года ничего не продавать, ни одной копейки не получать — ни одной копейки! — и нормально жить.

Зачем это нужно? Кому? Для чего нужны эти деньги? Эти деньги нужны, прежде всего, для нашего экспорта. Если бы мы объявили, что готовы предоставить порядка 50 миллиардов долларов кредитов для высокотехнологичного экспорта, я думаю, что бизнес заинтересовался бы. А скажете, что на это мы выделяем 20 миллиардов рублей, то это пустой разговор.

Наше экономическое развитие имеет только недостатки? Считаю, что в нашей стране случилось экономическое чудо. Чудо, которое является, я бы сказал, централизованно управляемым результатом, — это наша оборонная промышленность. Рекомендую прочитать интервью Юрия Маслюкова, когда он стал вице-премьером, что он говорил о шансах на возрождение этой отрасли. И не надо рассуждать «вот это

не взлетело, а это упало, а то». У Королева все, что ли, летало? Что мы дурака валяем? Совершенно понятно, что есть недостатки, но в целом мы восстановили вполне приличный оборонный потенциал. В централизованном порядке.

Но у нас и фантастический успех в сельском хозяйстве. Это успех не перестроечный, не постсоветский. Это успех вообще. Российская империя действительно экспортировала зерно в большом количестве (это правда, да), но время от времени был голод. Мы сейчас реально экспортируем избытки продовольствия, полностью себя обеспечиваем. Это безусловное чудо. И вы помните (часть публики помнит) о том эмбарго на поставки зерна, которое было, никто не собирается этого делать. А как это произошло? В отношении сельского хозяйства мы вели себя совершенно адекватно. Там были совершенно нормальные кредитные ставки, нормальные экономические условия, и возник экономический рост.

Но не нужно путать две вещи. Да, мы действительно имеем успех в сельском хозяйстве, или то, что Витте называл сельской промышленностью, но это не значит, успех села. Проблема сельского уклада жизни, безусловно, осталась, и мы должны внятно сами себе сказать, что мы хотим сохранить среднюю Россию как базу нашего национального развития, или мы, так сказать, перейдем к агрогородам и т.п. Это стоит денег, это не экономика, но у этого есть последствия.

Немного оптимизма. По нашим расчетам, если мы будем вести адекватную экономическую политику (а именно ту политику, которая определена посланием президента), у нас есть полная возможность решить те задачи, которые поставлены в послании президента. Для этого нужно перестать играть в прятки и в слова. «Нет, — говорят, — мы будем

их догонять». Быстрее их? Но если они будут двигаться медленно 2%, то нам надо 2,2%. А если они будут падать, то и мы будем падать, но медленнее. Надо перестать играть в эти игры, нужно внятно объяснить, какими образом мы собираемся двигаться. У нас есть не только успешные отрасли, у нас есть успешные регионы, давайте тиражировать успехи, а не жаловаться на всякие безобразия.

* * *

I would like to share my insights with you with regards to economic development. What looks strange? We have lots of resources, while the economic growth rate will fall down according to the Russian Ministry of Economic Development. What kind of development strategy should we have? It seems to me that this strategy has been clearly highlighted in the presidential message. It would be more accurate to rely on the presidential message in this subject, instead of decrees, as decrees may be amended or annulled, while the message will remain the same.

The document says that Russia needs economic growth of 5% to reach the required per-capita income at consumer purchasing power. The gross domestic product (GDP) should be increased. Why do we have to raise it? Putting aside the macroeconomic phrase-mongering, GDP means growth in revenues. There are two variants of changing our life for the better — we must either increase incomes, or take away something from somebody. As far as the latter variant is concerned, the majority of specialists are sure that it would be better if we take something from some people and give it to other ones. However, we remember how shared apartments have come into existence. Out of concern for justice. Thus, the authorities took a 10-room apartment away from some

person as ill-gotten gains and shared it among other people. All of you know the result of it. Is it clear?

We should (for certain) produce more to live better. We have market economy in the country, so two factors are required to raise the output. The first one deals with having the required capacity for production. Second, there should be a demand for producing these goods. Besides, people lodge serious complaints about the financial and monetary policy today. Now, I would like to vindicate both the Finance Ministry and the Central Bank.

If you ask a student about “what monetary policy we pursue,” he/she will answer that it is the policy of strong currency and low inflation. Good. It means that the answer to the question about the current monetary policy is obvious — it is the policy of deficit-free budget and cost cutting. Let us omit the question of whether it is good or bad. Anyway, it is clear. But let us ask the student: “What kind of economic policy do we have?” Here, we see... No, it looks proper and good. However, it has not been formulated. Actually, the monetary policy and financial one are not independent types of policy, but supporting ones. Thus, the problem is what kind of economic policy the state should pursue.

Comprehensible economic policy is the one of economic growth, which is measured in incomes. However, it would be wrong to say that we have no economic policy. We have what we call “latent economic policy.” Thus, we take and put into effect specific decisions. We build a bridge or road, invest money in a project, create a production facility, etc. In this context, the monetary policy does not interfere with these activities. I can assure you that nobody raised the question about interest rate, when the decision on building the Crimean Bridge was taken. They discussed the issues of whether to build it, and what company was going to implement the project. The situation is the

same, when the matter in question is about the development of our defense industry. However, we have certain irregularities here with regards to current asset financing on account of loans, but the respective problems are solved in general.

However, we have free economy — business — as well. The authorities are fond of it, as they have been fond of working class before. Yet, we need other things apart from love. “No, we love these and those as well. First, we will not put them in prison unnecessarily (?). Second, we will not inspect them.”

Well, good, you will not inspect them, and they have an incentive. Yet, what are they doing it for? What do they want to do? They want to invest and gain income. How can a common businessman know whether it makes sense to invest? If the prices of his/her products are rising (yes, they are rising), the businessman invests. On the other hand, no businessman will invest if the prices are not rising. What have we done? What have we achieved? What are we looking forward to? Price cuts. It means that we have broken the “thermometer.” So what? What shall we do? I can assure you that nobody likes growth in prices. Any democratic system is about elections, and the electorate would not like the prices to rise. However, business likes growth in prices, as it is the indicator of where to go.

Can we boast of success with regards to inflation? We can. It has really declined. That is why it makes no sense talking about whether it is estimated at 3.8%, 3.9%, or 4.5%. Anyway, it means the rise in retail prices — from the ones of beer to the ones of cars, from Kaliningrad to Magadan. Do you really believe that one can notice these changes, distinguish between 4.3% and 4.1%? Actually, there is such a thing as unacceptable rate of inflation. Two-digit inflation rate is absolutely unacceptable. Let me repeat once again that I am satisfied when the incomes grow

faster than prices. It does not mean that I like the rise in prices, as nobody likes it (I mean the consumers), but it is a certain indicator of where to invest money.

The problem lies in the so-called inflation expectations. Do you know what looks strange? It looks strange that the inflation expectations of Russian consumers are not about the rise in prices of bread or milk. They are about the growth in petrol prices and exchange rate of ruble against US dollar. Moreover, these are the expectations of people who neither have US dollars in their pockets nor drive cars. However, it is an accepted fact, and we should take it into account. What are we doing? We have floating exchange rate of ruble. However, there is a certain difference between a swimmer and drowned person. There are monetary authorities in the country, and they have about \$500 billion of currency reserves. Is it so? The foreign national debt is minimal. The prices are good for foreign economic activity. In these conditions, floating means 20% devaluation of national currency. What has happened? Why did ruble become devaluated? Some magazines (impudent American ones) reported that the USA and the EU would introduce some sanctions. In our bond market, the nonresidents immediately started selling their bonds, and the market collapsed. Who is to blame? Foreign enemies are. Yet, don't you think that it is our own fault?

First, we could have avoided it by way of introducing certain rules. Another question arises. What do we sell bonds for? What do we want to gain? We sell bonds to get hard currency. Is it so? Yes, it is, and we pay the price of 7–8% for it. What do we do with this money? We lend it, yet at the interest rate of lower than 7–8%, as nobody would take a loan at such an interest. We lend it at 3%. This kind of business looks interesting, isn't it!? Moreover, if these investors bought bonds with their own money,

nothing would happen. Yet, they take loans to buy them. They gamble. Thus, it is clear that any fluctuations are very painful for them, and they unload securities. Why do we set ourselves up? Why? The main thing is that we do not know what to do with our own money, with excessive currency resources.

Now, let us talk about reserves that are required for economic growth. We have the key reserve for economic growth — free production capacities. Yes, they are not always complete, yet the current level of capacity utilization is estimated at 60% at the average in Russia. It does not mean that it is possible to raise the figure by 40%, but we can raise it by 20% for sure. Investment-free growth. The first step does not require investments, and the result looks quite attainable.

Yet, in what form? We say: “What do we need reserves for?” The foreign enemies may offend us. Is it so? How can they offend us? Will they isolate us from SWIFT system or stop giving credits to us? Yet, they have stopped giving loans to us anyway. Is it a trouble? It has turned out that it is no trouble, as we have coped with the problem. Naturally, the critical import is estimated at about \$120-150 billion, according to our estimates. If we have the reserves of \$450 billion, it means that we can sell and gain nothing for three years, and still live a normal life.

What do we need it for? Who needs it? What do we need this money for? This money is required for our export first of all. If we said that the country is ready to give about \$50 billion worth of loans for high-tech export, I think that business would be interested. If we say about allocating 20 billion rubles for this purpose, it looks like idle talk.

Is it that our economic development has only weaknesses? I think that Russia has worked a real economic miracle. I would say that this miracle lies in the result controlled in a centralized

manner. I mean the defense industry. In this context, I recommend studying the interview by Yuri Maslyukov. He gave this interview, after being promoted to the position of Vice Premier, and talked about our chances of recovering the sector. It makes no sense talking about “something having failed to take off or fallen down.” Did all rockets take off and land successfully, when Korolev was in charge of the space industry? What is the use of making ass of ourselves? It is quite clear that there are drawbacks, yet we have built good enough defense potential in a centralized manner.

Besides, we can boast of fantastic achievements in agriculture. It is not post-perestroika or post-soviet success. It is success in general. Russian Empire would really export grain in large quantities, yet there were outbreaks of hunger in the country from time to time. Now, we are self-sufficient in producing food, and export the excess quantities. It is definitely a miracle. Do you remember (some of you should remember) about the grain supplies embargo? Nobody intended to impose it. How did it happen? We demonstrated adequate enough behavior with regards to agriculture. Good interest rates and favorable economic conditions resulted in economic growth.

Do not mix up two things. Yes, we have really succeeded in the field of agriculture, or rural industry, as Vitte called it. Yet, it does not mean the prosperity of rural areas. Naturally, the problems of rural lifestyle have remained, and we should make it clear about whether we want to retain the rural Russia, as the basis of our national development, or switch over to agricultural towns. It costs a pretty penny and has nothing to do with economics, yet this approach has certain consequences.

Now I would like to add a bit of optimism. According to our estimates, if we pursue proper economic policy (the one identified

in the presidential message), Russia stands a good chance to accomplish the tasks set by the President. To do it, we should stop playing hide-and-seek and quibbling. “No,” they say, “We will catch up with them.” Shall we try to outpace them? Yet, if they grow at the rate of 2%, does it mean that we need only 2.2% of growth? If they demonstrate economic decline, does it mean that we will decline slower? It is high time to stop playing these games. We should make it clear about what way of development is to be chosen. We have not only successful industries, but successful regions as well. Let us replicate achievements, instead of complaining about troubles.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: СТРАТЕГИЯ ПРОРЫВА

RUSSIAN ECONOMY: A BREAKTHROUGH STRATEGY

А.В. МУРЫЧЕВ

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России, доктор экономических наук, кандидат исторических наук

A.V. MURYSHEV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Executive Vice President of the Russian Public Organization Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Chairman of Association of Regional Banks of Russia, Ph.D. in Economics, Candidate of historical sciences

АННОТАЦИЯ

Состояние экономики, инвестиционной активности бизнеса, взаимодействие бизнеса и власти: застарелые проблемы, новый формат отношений.

ABSTRACT

State of economy, investment activity of business, interaction of business and authorities: old problems, new format of relations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономика, инвестиции, бизнес, бизнес и власть.

KEYWORDS

Economy, investments, business, business and authorities.

Уважаемые коллеги, я от души поздравляю всех нас со столь важным праздником, Днем экономиста. Заслуга всех нас. Сергей Дмитриевич, прежде всего, Ваша заслуга, Вы инициировали этот процесс, мы его поддержали. Поэтому мы каждый год собираемся в столь ответственной, уважаемой, квалифицированной компании и обсуждаем действительно насущные проблемы жизни нашей страны.

Начну с того, что проблемы экономики, бизнеса в России остаются застарелые, многие годы очень медленно решаются. При этом сегодня, безо всякого сомнения, надо их решать быстро, чтобы выйти из этого замкнутого круга инвестиционно непривлекательного российского рынка. Это, конечно же, очевидно для бизнеса. И мы понимаем, чтобы решить, тем более претворить в жизнь, приоритетные задачи, которые поставил президент в своих майских указах, по вхождению России в пятерку крупнейших экономик мира и снижению в два раза уровень бедности в стране, конечно же, не решить без совершенно новой переоценки того, что мы имеем, радикальных изменений условий ведения бизнеса в России.

И пора уже переходить от декларативных документов (тома исписали по поддержке бизнеса, снятию административных барьеров) к реальным, практическим действиям, которые бы раскрепостили ведение бизнеса, создавали бы условия, для того чтобы бизнес наконец-то стал национально ориентированным и работал на российскую экономику в полном объеме. Я, конечно, сейчас говорю о крупном рос-

сийском бизнесе. Есть надежда, что мы с правительством наконец-то стали разговаривать на одном языке. Правда, я пока так неуверенно это говорю, но тем не менее. Сейчас формируется документ по трансформации делового климата, где фактически собраны все предложения, которые бизнес создал за последнее время, прежде всего по линии Российского союза промышленников и предпринимателей.

И наши предложения в достаточно большой части вошли в этот документ под названием «Трансформация делового климата». Это механизм, который, по нашему разумению, обеспечивает оперативное реагирование на запросы бизнес-сообщества от принятия в рамках экспертных заключений того или иного нормативного документа до контроля за его реализацией и оценки регулирующего воздействия и реализации заложенных в этом документе мероприятий. То есть для нас как для бизнеса очень важен не сам документ, а документ, который формируется вместе с правительством. И, самое главное, чтобы мы имели рычаги влияния на мониторинг, контроль, который обеспечивал бы реальную реализацию этого документа. Все, что было до этого, к сожалению (я уже начал с этого), не приносило достигаемые результаты, и поэтому мы имеем то, что на сегодня мы с вами имеем.

Мы поднялись достаточно уверенно в рейтинге Doing Business и сейчас находимся на 31-м месте. Это, конечно же, очень показательный результат последних лет работы. Правда, президент настаивал, чтобы мы вошли в двадцатку лучших практик по ведению бизнеса в мире, но тем не менее 31-е место — достаточно благоприятная позиция. Мы, кстати, очень хорошо преуспели по подключению к электросетям, по открытию проектов программ, связанных со строительством, по вопросам, связанным с международной

торговой деятельностью, по вопросам, связанным со сбором налогов, и ряд других позиций, которые были заложены в этих важных критериях, по которым Российская Федерация сильно преуспела и занимает сейчас 31-е позиции из свыше чем 140 стран, которые рейтингуются по линии Всемирного банка в программе Doing Business.

Но здесь стоит очень серьезное «но», потому что когда начинаешь анализировать, у нас остаются очень большие проблемы с инвестиционной деятельностью и, прежде всего, по вопросам инвестиций в основной капитал. Дает ли результаты вот это рейтингование, эта большая работа, связанная с преуспеванием и попаданием в ту или иную строчку? Дает. Но тем не менее в главном пока мы, к сожалению, не можем похвастаться, у нас очень медленно увеличивается объем инвестирования в основной капитал.

Застарелые проблемы, о которых мы постоянно говорим, касаются не денег. Деньги, я соглашусь с тем, что коллеги уже отмечали, в стране-то есть, тем более у крупного бизнеса, у банков. Триллионы лежат на депозитах, они никак не задействованы, в том числе остатки средств предприятий, депозиты кредитных учреждений, они совершенно не задействованы по разным причинам. Первая и главная причина связана с тем, что нет предсказуемости, куда вкладывать эти средства, нет защищенности этим частным инвестициям, которые могли бы сыграть действительно свою значительную роль и преуспеть в рамках частно-государственного партнерства, в том числе и в реализации стратегически важных направлений, которые были заложены в указе.

Несмотря на наши успехи в налоговой реформе, так называемая непредсказуемость в ведении политики нена-

логовых платежей сильно сдерживает инвестиционную активность компаний.

Мы говорили о стабилизационной оговорке, связанной, прежде всего, с инвестиционными проектами, которые крупный бизнес пытается раскручивать. Но когда мы говорим о предсказуемости, я в первую очередь говорю о том, чтобы стабилизационная оговорка действовала на крупные проекты, которые предпринимают наши компании, в том числе с государственным участием, и чтобы условия ведения бизнеса, заложенные первично в этих договорах и соглашениях, не менялись на срок реализации этого закона. И чтобы государство само не спрыгивало с вагона до завершения реализации совместных программ.

И, кстати, предложение Андрея Рэмовича Белоусова сильно возбудило все бизнес-сообщество, изначально связанное, помните, по тому, чтобы сверхприбыли, которые происходили несколько месяцев тому назад в связи с девальвацией рубля, перенаправлять на развитие и поддержку тех программ, которые заложены в указе президента. Тем не менее мы вышли на согласованные мероприятия, связанные прежде всего с более тесным сотрудничеством с правительством в создании мотивированных условий для реализации крупных проектов, вовлечения частного капитала, прежде всего крупного капитала, в реализацию этих стратегически важных программ, которые заложены в указе президента в рамках частно-государственного партнерства.

Вы знаете (а кто не знает, я проинформирую вас), что работает рабочая группа по содействию реализации новых инвестиционных проектов, куда вошли все профильные министры российского правительства и все крупные предприниматели. Возглавили эту рабочую группу: со сто-

роны правительства — А.Г. Силуанов, со стороны бизнеса — А.Н. Шохин. И рабочая группа активно начала работать. И ведомства начинают предоставлять свои проекты для рассмотрения на этой рабочей группе (в том числе и в рамках Проектного комитета, который создан при этой рабочей группе) тех или иных программ, куда правительство в лице отраслевых ведомств, министерств готово пригласить крупный частный бизнес для соинвестирования тех или иных проектов.

Мы при этом говорим, что задача этой рабочей группы — и она должна быть четко понятной для всех — не отбирать проекты, проекты будет отбирать Внешэкономбанк, естественно, там есть достаточно сильная экспертная база. А задача этой рабочей группы — создать системные правила игры с привлечением всех внебюджетных возможностей, средств и повысить эффективность реализации государственных проектов через совершенствование регуляторики как таковой и создание дополнительных или отсутствующих инструментов мотивации, для того чтобы частный бизнес мог вкладывать средства. Но и при этом самое главное: не просто вкладывать, не просто создавать мотивацию, но и защищать те средства, которые бизнес будет вкладывать в те или иные проекты.

Наверное, это будет очень трудный процесс согласования интересов, но тем не менее через формирование вот этого доверительного отношения между правительством и бизнесом, создание стабилизационного режима хотя бы на 6 лет можно добиться деловой активности компаний.

И, наконец, конечно же, стержневая задача текущего момента, на наш взгляд, это, конечно, защита внутреннего российского рынка. Для этого есть много причин, уже много

об этом говорилось, я не буду повторяться. Но тем не менее для нас важна защита внутреннего рынка даже не столько от прямых санкций, которые, возможно, будут сейчас усиливаться, в том числе по банкам. Это не беда, но проблема, которая встанет, прежде всего, с внедрением этих так называемых вторичных санкций, которые могут ударить по целой группе крупных компаний, клиентской сети этих коммерческих банков и государственных банков, если на них будут наложены такие санкции со стороны Соединенных Штатов Америки.

Поэтому главное сейчас, конечно же, включение в полном объеме рублевой среды. Дедолларизация российской экономики должна осуществляться, мне кажется, в рамках какого-то созданного межведомственного органа, который должен методически, через «дорожную карту» осуществлять эту важную задачу. Потому что когда спросишь, «а кто за это отвечает, если мы говорим, от доллара надо избавляться, так сказать, уходить в рубль или расчеты вести в национальных валютах, даже в рамках ЕАЭС», оказывается, никто за это не отвечает сейчас в стране.

Поэтому, конечно же, нужно создание такого органа, где бы целенаправленно, через принятые решения, «дорожную карту» осуществлялась программа дедолларизации нашей экономики, и тем самым мы бы, наверное, несколько обезопасили свое будущее, которое должно быть в меньшей степени зависимо от самого доллара. По официальному прогнозу ЦБ, который таргетирует инфляцию, вы знаете, на уровне 4%, в 2018-м году ожидается рост цен где-то 3–4%. При этом ЦБ, я напоминаю, снял все ограничения на невозможность повышения ключевой ставки. А это значит, что ставка, которая является инструментом денежно-кредитной

политики, прямым образом влияющим на процентные ставки в экономике, может и вырасти.

И, скорее всего, она вырастет, если сейчас будут усиливаться санкции и будет наблюдаться нестабильность. Психологически это очень сильно будет давить на сам бизнес, и риски будут возрастать. Скорее всего, что ЦБ будет наращивать эти возможности, я имею в виду, повышать ставку. Напомню, что 16 декабря 2014-го года ставка достигала 17% годовых. Она постепенно снижалась. ЦБ снижал ставку, вот 14 сентября 2018-го года впервые за эти 4 года ЦБ повысил ставку уже до 7,5%, на 0,25 процентных пункта.

Но при этом бизнес всегда настаивал и будет настаивать (даже в этих условиях тем более будет настаивать), чтобы ставка не повышалась, а все-таки снижалась с учетом текущих огромных вызовов, которые сейчас стоят перед российской экономикой. Нужны нестандартные действия, и я за то, чтобы роль ЦБ повышалась в обеспечении роста экономики. Это важнейший институт, который очень сильно влияет на ход событий в экономике, и здесь нужна по-настоящему единая денежно-кредитная политика, которая согласовывалась бы с правительством, с Центральным банком, со всеми регулирующими органами, и бизнес в этом активно принимал бы участие. Благодарю вас за внимание, еще раз с большим праздником.

* * *

Dear colleagues, Let me wholeheartedly congratulate you with such important holiday as the Economist Day. It is the merit of all of us, and, first of all, your merit, Sergey Dmitriyevich. You initiated this process, while we supported it.

That is why we gather every year in this responsible, respected and skilled company, and discuss the vital problems of life in our country.

Let me begin with the fact that the problems of economy and business in Russia remain recurrent and have been solved very slowly for many years. However, they, no doubt, should be solved quickly nowadays, in order to leave the vicious cycle of the Russian market being unattractive for investments. Naturally, it is obvious for business. It is clear to us that it is impossible to solve these problems and bring into reality the priority tasks set by the President in his May decrees that deal with Russia's entry to the Top 5 of countries with largest economies and reducing the poverty level in the country twofold without reappraisal of what we have today, as well as radical changes in the conditions for doing business in Russia.

It is high time to switch over from declarative documents (numerous volumes devoted to the support of business and removal of administrative barriers have been written) to real, practical deeds, which can liberate business, create conditions for business becoming nationally oriented and working for Russia's economy in full measure. Naturally, I speak about the Russian big business. There is a hope that we have finally started speaking the same language with the government. I am not so sure about it so far, however, but all the same. Today, the document devoted to the transformation of business climate is being drawn up. It is actually a collection of all suggestions made by the business over the recent years, mostly through the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs.

Most of our suggestions were also included into this document titled "Transformation of Business Climate." In our opinion, this mechanism ensures quick response to the requests of

business community — from adoption of some regulatory document within the framework of expert conclusions, to control over its implementation, appraisal of its regulatory effect, and implementation of measures listed in it. For us as businessmen, it is not the document itself that is important, but the document that is being drawn up jointly with the government. The main thing for us is to have the levers of influence on monitoring and control capable of promoting the implementation of this document. All what we had before unfortunately (I have started with it) would not lead to attainable results, so we have now what we have.

We have ascended to a stable 31st position in the Doing Business rating. Naturally, it is a serious and representative result of the last years of work. Though the President insisted on joining the Top 20 best economies in terms of doing business, I think that being 31st is a good enough position. By the way, we have seriously succeeded in grid connection, programs dealing with construction, issues dealing with international trade activities, tax collection, and number of other positions that were included into these criteria. So Russia now holds the 31st position in the rating of over 140 countries drawn by the World Bank within the framework of the Doing Business program.

However, here we see a very serious “if”, as when we start analyzing the situation, we come across some serious problems in the field of investment activities, fixed capital investments in the first turn. Does this rating, this work aimed at succeeding and holding this or that position produce the intended result? It does. Nevertheless, we cannot unfortunately boast of solving the main problems so far, as the volume of fixed capital investments is growing very slowly.

The recurrent problems that we talk about all the time are not about money. I agree with my colleagues saying that there is enough money in the country. Big business and banks have plenty of it. Trillions of rubles are on deposit accounts. They are not involved in the economic process. I mean the fund balances of enterprises, and deposits of credit institutions. They are not involved for different reasons. The first and the main reason behind it lies in the lack of predictability as to where to invest these funds in, the low level of protection for these private investments that could succeed within the framework of private-public partnership, and play a serious role in the implementation of strategically important goals listed in the decree.

Despite our success in the tax reform, the so-called unpredictability in pursuing the policy of non-tax payments seriously restrains the investment activity of companies.

We have talked about stabilization reservation dealing, first of all, with investment projects that big business tries to build up. Talking about predictability, I mean, first of all, that stabilization reservation should be valid for major projects undertaken by our companies, including the ones with participation of the state. No amendments ought to be made to the conditions of doing business initially listed in these agreements for the whole period of this law implementation. Besides, the state should not “get off the train” until the completion of joint programs.

By the way, business community got excited about the suggestion of Andrey Removich Belousov. Initially, it dealt with the fact of redirecting super profits that formed up due to the devaluation of ruble several months ago to the development and support of programs, which the presidential decree speaks about. Nevertheless, we have started some coordinated activities aimed

at a closer cooperation with the government in creating motivating conditions for the implementation of major projects and engagement of private, first of all big capital in the implementation of these strategically important programs that are mentioned in the presidential decree within the framework of private-public partnership.

You know (I will inform those who do not) about the activities of a working group for assistance to implementing new investment projects, which includes all specialized ministers of the Russian cabinet and all business leaders. A.G. Siluanov is at the head of this group on behalf of the government, while A.N. Shokhin is in charge of it on behalf of business. This group started working actively. The ministries begin presenting their projects for consideration by this working group (including the consideration by the Project Committee formed under this working group), these or that programs that the government represented by industrial ministries is ready to invite private business to for co-investing some projects.

At the same time, we say that the task of this working group — it should be clear to us — lies not in selecting projects (Vnesheconombank will do it, as it has strong enough expert base). The task of this group lies in creating systemic rules of the game with involvement of all non-budget opportunities and funds, as well as raising the efficiency of implementing state projects through the upgrade of regulation as such, and creation of additional motivation tools enabling big business to invest money. The main thing is that only investment and motivation are not enough. The task is to protect the funds invested by business in various projects.

It will probably be a very hard process of coordinating interests, yet we can make business more active via forming this trust

relationship between the government and business, as well as creating a stabilizing regime for at least 6 years.

Finally, the main task of the current moment lies in the protection of domestic market, in our opinion. There are many reasons behind it, yet I would not repeat them, as they have been described well enough. Nevertheless, it is very important for us to protect the domestic market, and not so much from direct sanctions, which would probably be ramped up, including the ones imposed on banks. It is not a trouble, yet a problem that will arise in the period of so-called secondary sanctions that can hit a whole group of large companies, and the client network of commercial and state banks in case of being imposed by the USA.

That is why the main thing today is to “switch on” the ruble environment in full measure. It seems to me that the de-dollarization of the Russian economy should be performed within the framework of some special interdepartmental body, which is to perform this task systematically through the respective roadmap. However, when we ask who is responsible for de-dollarization aimed at making settlements in rubles or national currencies in EEU, it turns out that nobody is now responsible for it.

Thus, we have to form a body for implementing the de-dollarization program purposefully through the decision-making process and roadmap, thus having protected our future that should be less dependent upon the US dollar. According to the official forecast of the Central Bank, which targets inflation on the level of 4%, the rise in prices of 3–4% is expected in 2018. Let me remind you that the Central Bank has lifted all restrictions on the impossibility of raising the key interest rate. It means that the key interest rate, which is a tool of monetary policy having direct effect on interest rates in the economy, may grow.

And it is likely to rise, if the sanctions are ramped up, and instability is observed. Psychologically, the pressure on business will increase, and the risks will become higher. The Central Bank is likely to build up this capacity, I mean, to raise the interest rate. Let me remind you that the interest rate reached 17% as of December 16, 2014. However, it was gradually reducing. The Central Bank would decrease it. On September 14, 2018, the Central Bank raised the interest rate for the first time in four years by 0.25 percent points to 7.5%.

However, business has always insisted and will insist (even more in these conditions) on reducing the interest rate instead of raising it taking into account the serious challenges that the Russian economy is currently facing. We need non-standard steps, and I back the idea of bolstering the Central Bank's role in promoting economic growth. It is a very important institute that wields a major influence on the economic situation, so we need a single monetary policy coordinated with the government, the Central Bank, and all regulators, with business taking an active part in this process. Thank you for attention and let me congratulate you with the holiday once again.

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДИКТАНТ: ИНТЕЛЛЕКТ
КАК ОСНОВА СИЛЬНОЙ
И ПРОЦВЕТАЮЩЕЙ
ЭКОНОМИКИ**
**RUSSIAN NATIONAL
ECONOMIC TEST:
MENTAL CAPACITY
AS A BASIS OF STRONG
AND PROSPEROUS
ECONOMY**

Р.С. ГОЛОВ

Заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», член Президиума Вольного экономического общества России, Главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», доктор экономических наук, профессор.

R.S. GOLOV

Head of Department for Management and Marketing of High-Tech Industries at Moscow Aviation Institute (National Research University), Presidium Member of the Free Economic Society of Russia, Chief Editor of Economics and Management in Mechanical Engineering magazine, Doctor of Economics, Professor.

АННОТАЦИЯ

Авторское исследование посвящено анализу результатов Всероссийского экономического диктанта – общероссийской образовательной акции, проведенной Вольным экономическим обществом России в 2018 году. Авторами обосновывается актуальность и важность данной образовательной акции как единственного всероссийского мероприятия по изучению экономической грамотности широких слоев общества и стимулированию граждан к приобретению необходимых экономических компетенций. Исследуются количественные и качественные показатели Диктанта, проводится их сравнительный анализ с результатами Диктанта, состоявшегося в 2017 году.

ABSTRACT

The author's research is devoted to the analysis of the results of the Russian National Economic Test as the all-Russian educational event arranged by the Free Economic Society of Russia in 2018. The authors prove the relevance and importance of this educational campaign as the only all-Russian event to study the grass-roots economic competence and encourage people to acquire the necessary economic knowledge. The research is aimed at studying the quantitative and qualitative indicators of the Test and giving their comparative analysis with the results of the Test held in 2017.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вольное экономическое общество России, Всероссийский экономический диктант, экономическая компетентность, подготовка кадров, статистический анализ.

KEYWORDS

Free Economic Society of Russia, Russian National Economic Test, economic competence, personnel training, statistical analysis.

В условиях глубокого кризиса одним из важнейших аспектов социальной стабильности и экономическо-го благополучия общества выступает способность его участников рационально и эффективно использовать имеющиеся у них ресурсы. Ограниченность этих ресурсов при неизменных базовых потребностях требует от них понимания экономических основ тех решений, которые они принимают повседневно, зачастую даже не задумываясь об их последствиях в средне- и долгосрочной перспективах. Приобретение товаров, вложение средств, получение кредитов, покупка недвижимости — вот лишь немногие действия, которые требуют от человека экономической грамотности. И ее наличие особенно важно, когда сокращаются доходы и растет уровень безработицы.

До последнего времени ни государством, ни научными или общественными организациями не проводился анализ экономической грамотности населения в масштабах всей страны. Впервые в российской истории решение этой задачи взяла на себя Общероссийская общественная организация «Вольное экономическое общество России», проведя в 2017 году Общероссийскую образовательную акцию «Всероссийский экономический диктант» (далее — Диктант). Как показал опыт ее проведения, граждане активно откликнулись на

данную инициативу. В Диктанте приняли участие более 60 тыс. человек по всей России представители самых разных возрастов и социальных и профессиональных категорий. Благодаря его проведению впервые удалось получить детализированную картину экономической компетентности различных слоев общества, выявить возможности оптимизации российского экономического образования, позволить участникам узнать о своих сильных и слабых сторонах этой компетентности и зародить в них стремление к ее повышению — вот лишь некоторые задачи, на которые направлен Всероссийский экономический диктант.

Проведенный в 2017 году Диктант позволил достичь сразу ряда стратегически важных целей. Впервые в российской истории было проведено столь масштабное исследование экономической грамотности населения, ценное как для государственных министерств и ведомств, общественных и образовательных организаций, национальных аналитических агентств, ведущих экспертов, так и для самого общества. Полученные результаты позволили выявить недочеты в университетских образовательных программах экономического профиля и стали основой для разработки рекомендаций по их совершенствованию. Кроме того, как заявили впоследствии многие его участники, Диктант стал для них тем опытом, который пробудил в них интерес к самой экономической науке и дал им мотивацию к изучению ее основ. Четкое понимание своей роли как участника экономических отношений позволило им совершенно иначе взглянуть на экономику, увидеть в ней не только теорию, но и инструменты улучшения собственного благосостояния. Возникший в итоге синергетический эффект стал важным для ВЭО России шагом

по объединению российского общества на ниве экономического просвещения, связывая поколения единой целью созидания сильной экономики как залога процветания нашей Родины.

4 октября 2018 года состоялся второй по счету Диктант на тему «Сильная экономика — процветающая Россия!». В число организаторов Диктанта вошли Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Московский авиационный институт, РЭУ имени Г.В. Плеханова и ряд других ведущих вузов России, а также администрации субъектов Российской Федерации.

Генеральным партнером акции выступило ТАСС, а официальным партнером — «Российская газета». Площадки для его проведения были организованы в 83 субъектах Российской Федерации, а всего в нем приняло участие 98 538 человек — людей самых разных возрастов и профессий. Среди них очное участие в Диктанте приняли 77 382 человека, а 21 156 человек выполнили Диктант в онлайн-версии на официальном сайте акции — <https://diktant.org>.

В рамках данного исследования авторами систематизированы основные результаты Диктанта, состоявшегося в 2018 году, а также проведен их сравнительный анализ с результатами предыдущей образовательной акции.

Обратимся к анализу конкретных результатов проведенного Диктанта. Прежде всего следует отметить значительное увеличение количества региональных площадок по сравнению с предыдущим Диктантом. Так, если в 2017 году их было 637, то в этом году было зарегистрировано 1294, то есть произошло увеличение более чем в 2 раза. Важной отличительной особенностью нынешнего Диктанта является то, что в этом году он вышел на международный уровень:

был организован ряд зарубежных площадок, благодаря чему в мероприятия приняли участие граждане Монголии, Приднестровья и Таджикистана. Выделим те регионы, которые стали лидерами по числу действующих в них региональных площадок.

Абсолютным лидером по увеличению числа региональных площадок является Республика Крым, где в 2017-м году работало 14 площадок, а в этом — зарегистрировано 93. В частности, стоит отметить, что более чем в 6 раз увеличилось число площадок в Архангельской области — с 6 до 40, в Краснодарском крае увеличение составило также более 6 раз, с 14 до 89, в Ленинградской области — вместо 4 площадок в прошлом году в нынешнем году действовали уже 27. В Тульской области рост количества площадок и вовсе составил 8,5 раз: вместо двух площадок, действовавших в прошлом году, в рамках нынешнего Диктанта работали уже 17 площадок.

На практике создание даже одной новой площадки означает приток десятков и сотен новых участников — учащихся, профессионалов из разных сфер, ученых и преподавателей, а также представителей иных слоев общества. И каждый из этих людей — активный участник российской экономики, так или иначе играющий в ней определенную роль. Отсюда можно сделать вывод о том, что в российском обществе происходит интеллектуальная самоорганизация. Люди все больше осознают: рост объема их экономических знаний и компетенций напрямую влияет на их благосостояние. Нынешний кризис — тот период, когда ошибки при управлении личным и семейным капиталом обходятся особенно дорого. И Диктант в этом смысле стал для них тем опытом, который позволил им узнать уровень способности принимать эффективные экономические решения.

Еще одним важным показателем, наравне с динамикой увеличения числа региональных площадок, является распределение регионов по степени массовости участников, принявших участие в написании Диктанта (табл. 1).

Рассмотрим один из основополагающих показателей Диктанта — гендерное распределение его участников (рис. 1).

Согласно данным диаграммы на рис. 1, чуть менее двух третей аудитории Диктанта, а именно — 63,98%, составляют участники женского пола. Доля мужчин среди его участников — 36,02%. Эти данные практически совпадают с гендерным распределением аудитории Диктанта 2017 года (рис. 2).

Доля женщин, принявших участие в Диктанте 2017 года, была равна 63%, а мужчин — 37% соответственно.

По показателю возраста участников аудитория Диктанта распределилась следующим образом (рис. 3).

Наибольшую долю величиной в 65,99% составили молодые люди от 14 до 18 лет — учащиеся школ, техникумов и колледжей. Второе по числу участников место занимает категория лиц от 19 до 25 лет — 29,16%. Прежде всего, в нее входят студенты, обучающиеся в экономических, технических и гуманитарных университетах. При этом доля участников от 26 до 35 лет составила лишь 1,35% от общей аудитории Диктанта, а лиц от 36 до 53 лет — 2,68%. Наименьшие значения по данному показателю наблюдаются у людей от 54 до 65 лет, их доля равна 0,67%, а также у людей от 66 лет и выше — 0,16% соответственно. Стоит отметить, что распределение по возрастным категориям в значительной степени соответствует данным Диктанта 2017 года (рис. 4).

Таблица 1 / Table 1

**Рейтинг регионов по степени массовости жителей, принявших участие в Диктанте /
Ranking of Regions by level of participants to the Test**

№	Наименование региона или города / Region or City	Кол-во участников / Participants
	Москва / Moscow	6616
	Санкт-Петербург и Ленинградская область / St. Petersburg and Leningrad Oblast	4183
	Краснодарский край / Krasnodar Krai	4048
	Московская область / Moscow Oblast	3306
	Воронежская область / Voronezh Oblast	3205
	Свердловская область / Sverdlovsk Oblast	1769
	Республика Крым / Republic of Crimea	1723
	Белгородская область / Belgorod Oblast	1547
	Самарская область / Samara Oblast	1539
	Челябинская область / Chelyabinsk Oblast	1394
	Курская область / Kursk Oblast	1319
	Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	1261
	Владимирская область / Vladimir Oblast	1176
	Омская область / Omsk Oblast	1044
	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	1041
	Саратовская область / Saratov Oblast	1039
	Кировская область / Kirov Oblast	1037
	Смоленская область / Smolensk Oblast	1033
	Тульская область / Tula Oblast	1030
	Республика Саха (Якутия) / Sakha Republic (Yakutia)	1029

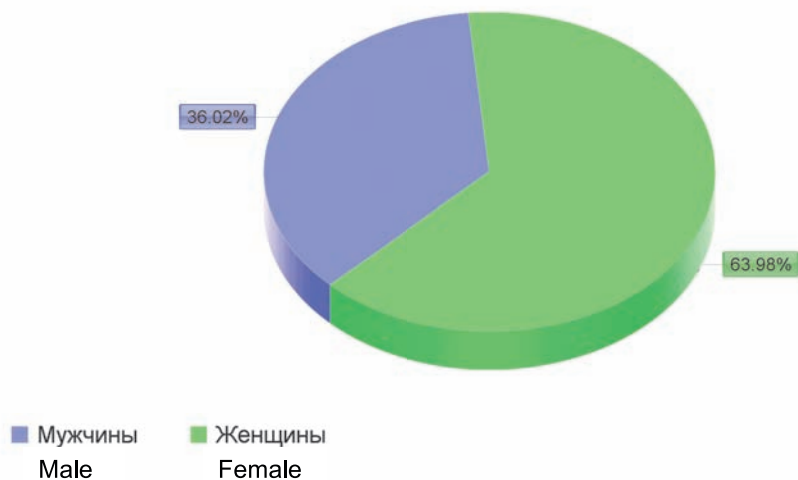

Рис. 1. Гендерное распределение аудитории Диктанта в 2018 году

Fig. 1. Gender distribution of the 2018 Test participants

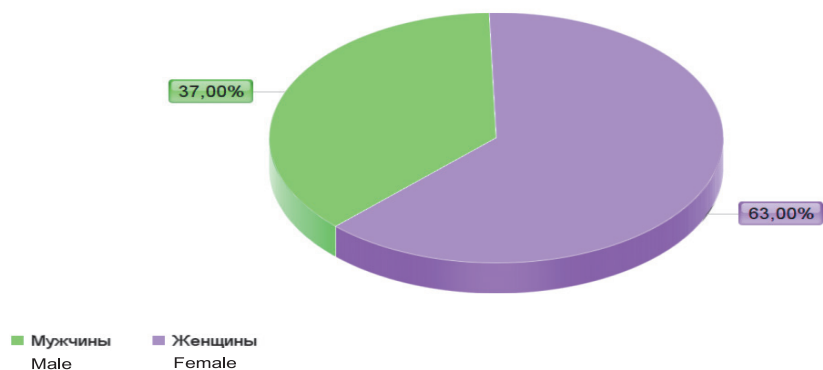

Рис. 2. Гендерное распределение среди участников Диктанта в 2017 году

Fig. 2. Gender distribution of the 2017 Test participants

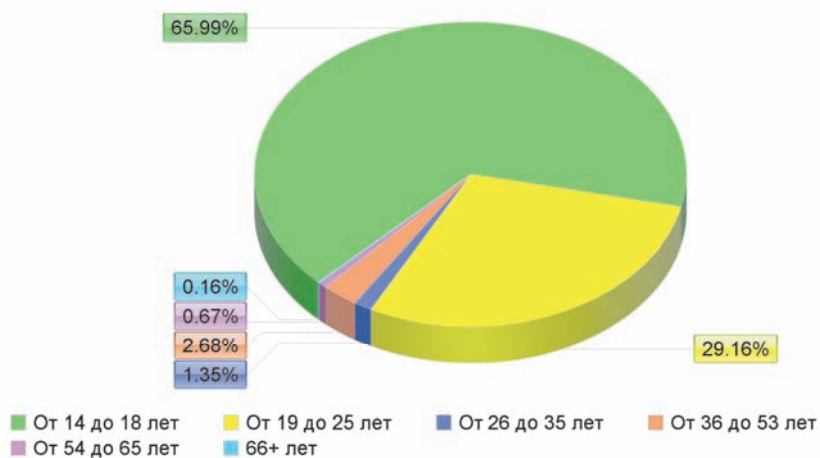

Рис. 3. Возрастные категории участников Диктанта в 2018 году
Fig. 3. Age of the 2018 Test participants

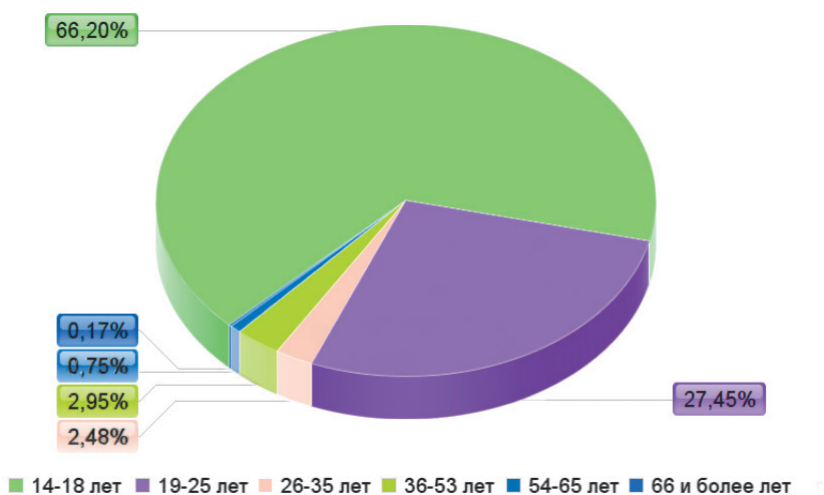

Рис. 4. Возрастные категории участников Диктанта 2017 года
Fig. 4. Age of the 2017 Test participants

Как можно видеть на диаграмме на рис. 4, в прошлогоднем Диктанте доля участников от 14 до 18 лет составляла 66,2%, а участников от 19 до 25 лет — 27,45%. При этом доля лиц в возрасте от 26 до 35 лет составляла 2,95%, а в возрасте от 36 до 53 лет — 2,48%.

Другим важным показателем является уровень образования аудитории Диктанта (рис. 5). Как видно из данных приведенной диаграммы, основную часть его аудитории с долей в 67,37% составили лица со средним (полным) общим образованием, обучающиеся в общеобразовательных школах. На втором месте с долей в 19,19% находятся студенты вузов. Доля принявших участие в Диктанте учащихся техникумов и колледжей составляет 7,69%. Лица, обладающие высшим образованием, а также ученой степенью, представлены в со-

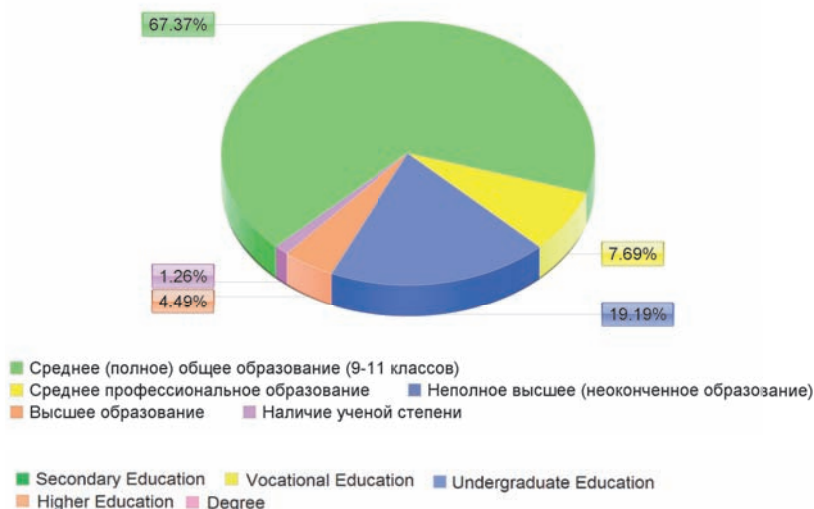

Рис. 5. Уровень образования участников Диктанта в 2018 году

Fig. 5. Educational level of the 2018 Test participants

ставе аудитории Диктанта в меньшей степени долями 4,49% и 1,26% соответственно. Сравним эти показатели с аналогичными за 2017 год (рис. 6).

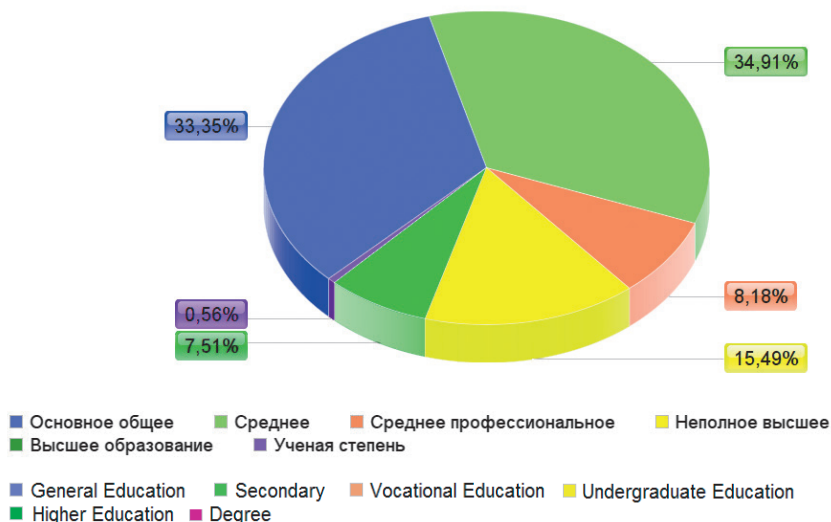

Рис. 6. Уровень образования участников Диктанта в 2017 году

Fig. 6. Educational level of the 2017 Test participants

Можно отметить, что по сравнению с данными диаграммы на рис. 6 в 2018 году увеличились доли участников с неполным высшим образованием (в предыдущий год их доля равнялась 15,49%), а также обладающих ученой степенью (в аудитории прошлого Диктанта они составляли 0,56% от всего числа участников).

По критерию «Род занятий» аудитория Диктанта распределилась следующим образом (рис. 7).

Наибольший вес в совокупной выборке величиной в 57,61% принадлежит категории учащихся общеобразова-

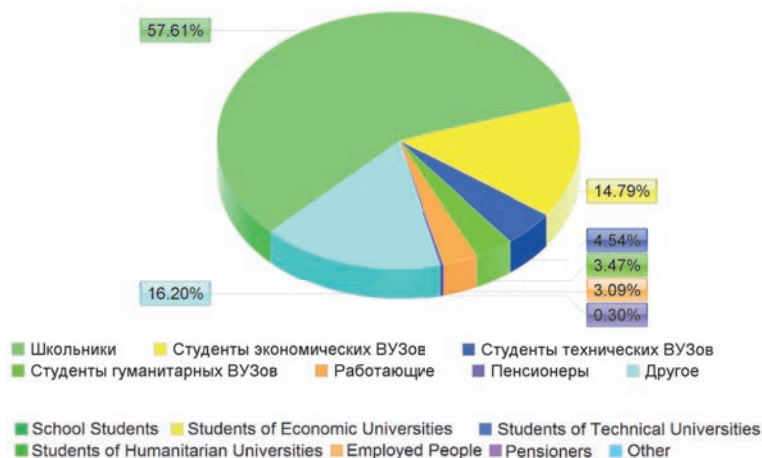

Рис. 7. Род занятий участников Диктанта в 2018 году

Fig. 7. Occupation of the 2018 Test participants

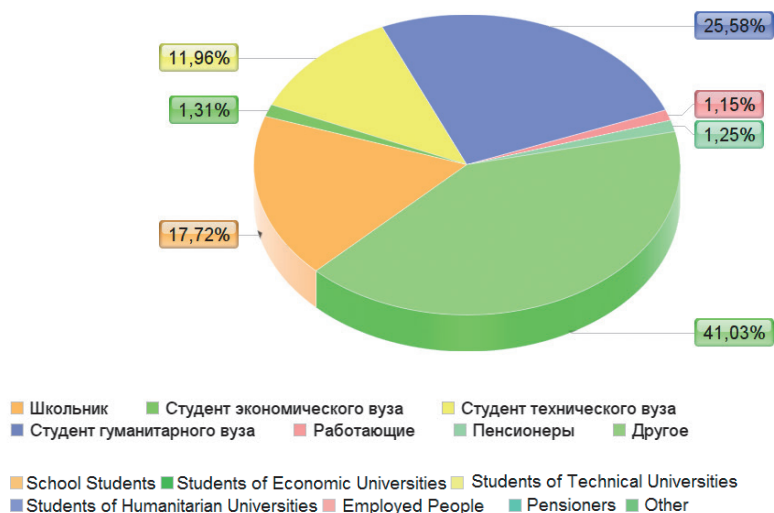

Рис. 8. Род занятий участников Диктанта в 2017 году

Fig. 8. Occupation of the 2017 Test participants

тельных школ. На втором месте с долей в 16,2% располагается категория участников, отметивших в качестве рода занятий «Другое». Участие в Диктанте студентов экономических вузов характеризуется долей в 14,79%, а студентов технических вузов — величиной в 4,54%. В меньшей степени в нем участвовали студенты гуманитарных вузов — в общей выборке они составляют лишь 3,47%, работающие, чья доля составила 3,09%, а также люди пенсионного возраста — лишь 0,3%.

По рассмотренному выше показателю можно отметить существенные отличия по сравнению с Диктантом 2017 года (рис. 8).

Согласно данным диаграммы на рис. 8, в Диктанте, проведенном в 2017 году, наибольшую долю величиной в 41,3% составили студенты экономических вузов, а на втором по количеству участников месте расположилась категория студентов гуманитарных вузов — 25,58%. Школьники в рамках предыдущего Диктанта составляли лишь 17,72%. Подобное изменение пропорций между его категориями является положительным фактором, поскольку именно в школах сегодня закладываются базовые экономические знания и формируется профессиональная ориентация учащихся. Столь высокий интерес к Диктанту свидетельствует о формировании правильного экономического самосознания у подрастающего поколения, а также об их стремлении к повышению собственной экономической грамотности.

Рассмотрим распределение аудитории участников Диктанта в рамках категории сферы деятельности (рис. 9).

Согласно представленной на рис. 9 диаграмме, наибольшую долю величиной в 32,68% в выборке составляют пред-

ставители сферы образования и науки. На втором месте располагается категория участников, относящихся к экономической сфере — 28,92%. Как комментируют этот показатель представители региональных площадок, в нее входят студенты вузов, идентифицирующие себя с будущей работой по различным специальностям экономического профиля, а также уже работающие специалисты. На третьем месте с долей в 27,93% располагается категория участников, выбравших в анкете вариант «Другое». Значительную ее часть составляют школьники, пока не определившие для себя профессиональную сферу, а также пенсионеры. С меньшим удельным весом в выборке присутствуют представители финансовой сферы (3,73%), сферы услуг (2,6%), промышленной сферы (1,59%), сферы торговли (1,41%) и сельского хозяйства (1,15%).

Рис. 9. Сфера деятельности участников Диктанта в 2018 году

Fig. 9. Spheres of activities of the 2018 Test participants

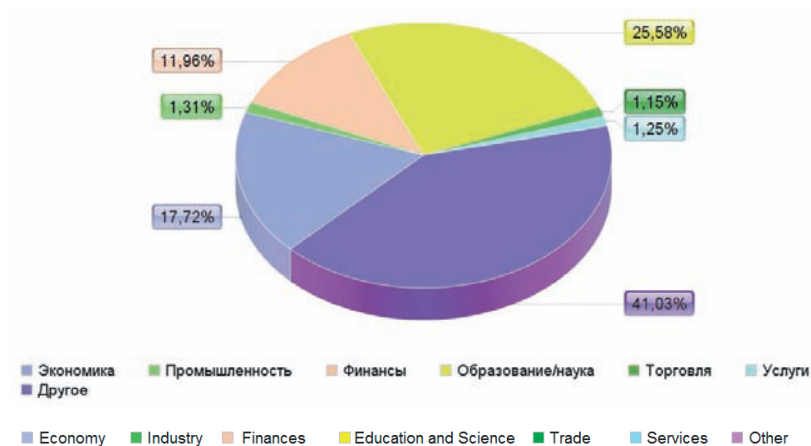

Рис. 10. Сфера деятельности участников, написавших Диктант в 2017 году

Fig. 10. Spheres of activities of the 2017 Test participants

Проанализируем распределение участников в зависимости от сферы деятельности в рамках Диктанта, проведенного в прошлом году (рис. 10).

Сравнивая указанные результаты с прошедшим в 2017 году Диктантом, можно отметить, что тогда наибольший удельный вес был у категории «Другое» — 41,03%, а доля участников из сферы образования и науки была на втором месте и составляла 25,58%. При этом участники, ориентированные на построение карьеры в экономике, занимали третье место с величиной в 17,72%.

Рассмотрев сферы деятельности участников Диктанта, проанализируем их отношение к экономике (рис. 11).

Наибольший вес в рамках данного показателя занимают лица, проявляющие интерес к экономике. Их доля равна 44,21% от общего числа участников. Как отмечают специ-

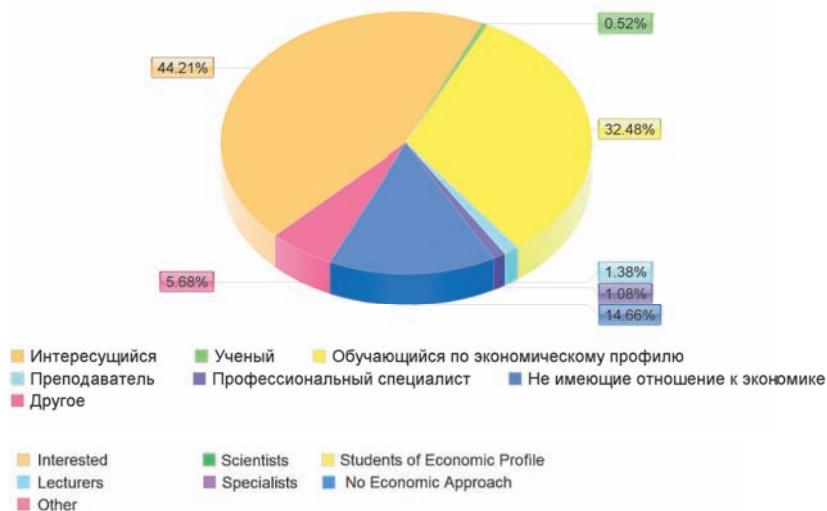

Рис. 11. Отношение участников Диктанта к экономике в 2018 году

Fig. 11. Approach of the 2018 Test participants to the economy

алисты региональных площадок, значительную ее часть составляют школьники и учащиеся средних профессиональных учебных заведений, изучающие экономику на факультативной основе, планируя связать с ней дальнейшее обучение и карьеру. Вторую по величине долю в 32,48% в выборке занимают лица, обучающиеся по экономическому профилю. К ним относятся, прежде всего, учащиеся средних профессиональных и высших учебных заведений. Третьей по величине категорией являются лица, не имеющие отношения к экономике — 14,66%. В нее входят учащиеся, не идентифицирующие себя в качестве будущих экономистов, а также учащиеся техникумов, колледжей и вузов, а также специалисты отраслей, не связанных с экономикой. Подобные специалисты также в значительной степени составляют категорию «Другое», имеющую в выборке 5,68%. В мень-

шей степени в Диктанте приняли участие преподаватели (1,38%), профессиональные специалисты (1,08%) и ученые (0,52%).

Сравним рассмотренные выше значения с показателями Диктанта, проведенного в 2017 году (рис. 12).

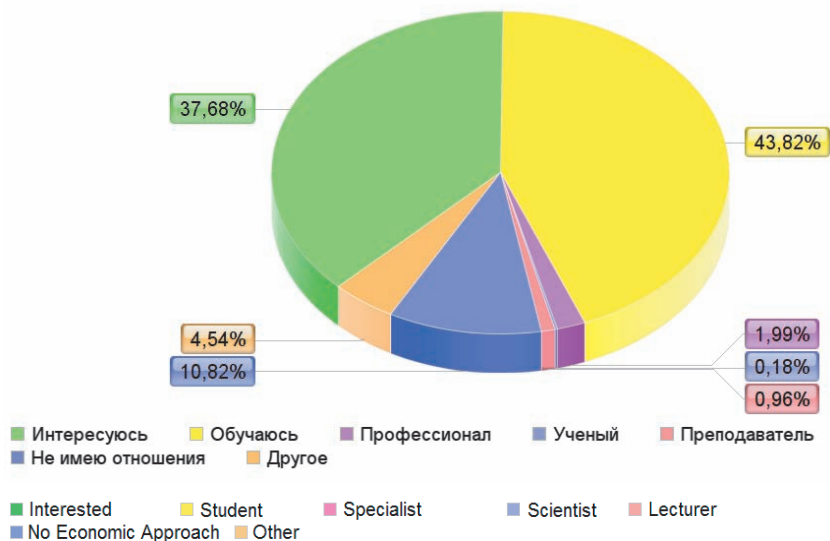

Рис. 12. Отношение участников Диктанта 2017 года к экономике

Fig. 12. Approach of the 2018 Test Participants to the economy

Обращаясь к результатам Диктанта, прошедшего в 2017 году, следует, как и выше, отметить более высокую долю в нем студентов: 43,82% от общей выборки. При этом доля учащихся средних профессиональных и общеобразовательных учреждений была несколько меньше — 37,68%, равно как и доля лиц, не имеющих отношения к экономике — 10,82%.

Обратимся к показателям результативности написания Диктанта. Оценка уровня знаний участников проводилась нами с применением 100-балльной шкалы, разделенной на 3 уровня по количеству набранных баллов: уровень от 0 до 30 баллов соответствует начальному уровню знаний в сфере экономики, уровень от 31 до 50 баллов характеризуется как удовлетворительный уровень экономических знаний, а от 51 до 100 баллов — относит участника к группе «Экономический авторитет».

Особо стоит отметить, что в 2018 году количество отличников Всероссийского экономического диктанта, то есть лиц, набравших от 80 до 100 баллов, составило 745 человек или 0,76% от общего числа участников.

Рассмотрим распределение результатов написания Диктанта участниками из различных категорий. С позиции гендерного распределения аудитории участников анализ их ответов дал следующие результаты (рис. 13).

Согласно данным диаграммы на рис. 13, среди мужчин базового результата до 30 баллов достигли 23,84%, а среди женщин — 21,4%. Уровня от 31 до 50 баллов смогли достичь 48,49% мужчин и 47,22% женщин. При этом в категорию «Экономический авторитет», набрав от 51 до 100 баллов, вошли 31,37% женской и 27,67% мужской аудитории.

Сравним полученные результаты с данными Диктанта, проведенного в 2017 году (рис. 14). Следует отметить серьезный прогресс в уровне результатов участников по сравнению с Диктантом 2017 года. Тогда базовый результат до 30 баллов был получен 48,24% мужской и 43,99% женской аудитории. Доля набравших от 31 до 50 баллов мужчин составила 41,16%, а женщин — 43,65% соответственно. На уровне от 51 до 100 баллов Диктант написали 12,37% женской и 10,59% мужской аудитории.

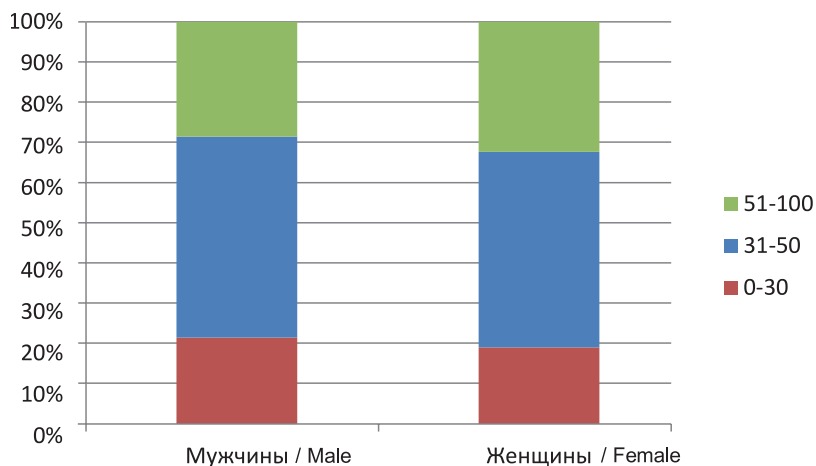

Рис. 13. Результаты выполнения Диктанта в соответствии с гендерным распределением участников в 2018 году

Fig. 13. 2018 Test results by gender distribution of the participants

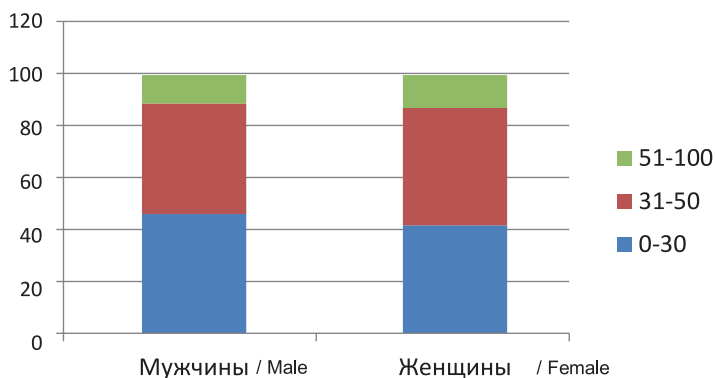

Рис. 14. Результаты выполнения Диктанта 2017 года в соответствии с гендерным распределением участников

Fig. 14. 2017 Test results by gender distribution of the participants

По критерию возраста участников распределение полученных результатов Диктанта представлено на рисунке 15.

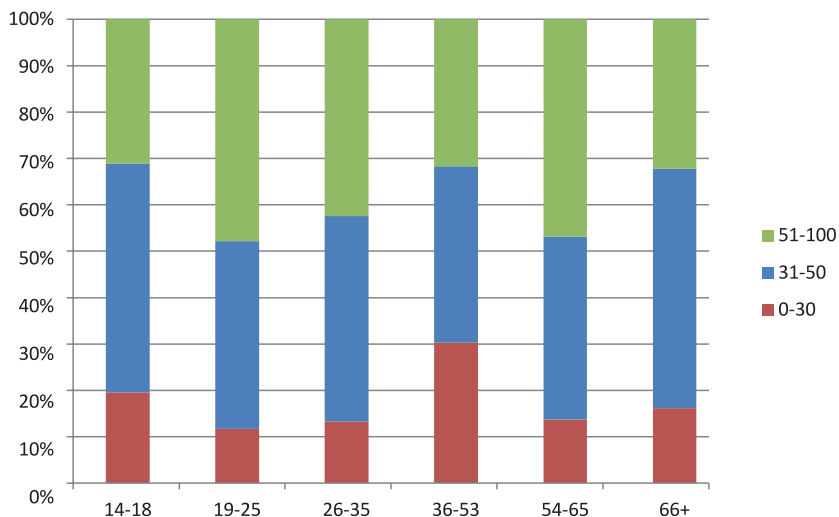

Рис. 15. Результаты написания Диктанта 2018 года различными возрастными группами

Fig. 15. Results of the 2018 Test by different age groups

Как можно видеть из данных диаграммы, наибольшая доля участников, чьи результаты написания Диктанта находятся в границах от 0 до 30 баллов, соответствует возрастным группам от 36 до 53 лет (32,45%) и от 14 до 18 лет (22,02%). В данные группы входят, прежде всего, учащиеся школ, а также часть тех лиц, которые не связаны напрямую с экономикой. Наименьшее число респондентов, написавших Диктант с результатом до 30 баллов, приходится на категории от 19 до 25 лет (14,45%), а также от 26 до 35 лет (15,94%).

Среди групп участников, написавших Диктант с результатом от 31 до 50 баллов наибольшую долю (47,75%) имеют лица в возрасте от 14 до 18 лет, на втором месте (42,99%) располагается категория респондентов в возрасте от 26 до 35 лет, а на третьем месте (39,15%) — лица от 19 до 25 лет.

В категории «Экономический авторитет» с результатом от 51 до 100 баллов наибольшую долю (46,83%) имеют участники в возрасте от 19 до 25 лет, в меньшей степени (45,45%) в нее вошли респонденты из возрастной группы от 54 до 65 лет, а третье место (41,06%) занимают участники в возрасте от 26 до 35 лет.

Сравним результаты по данному показателю с данными Диктанта 2017 года (рис. 16).

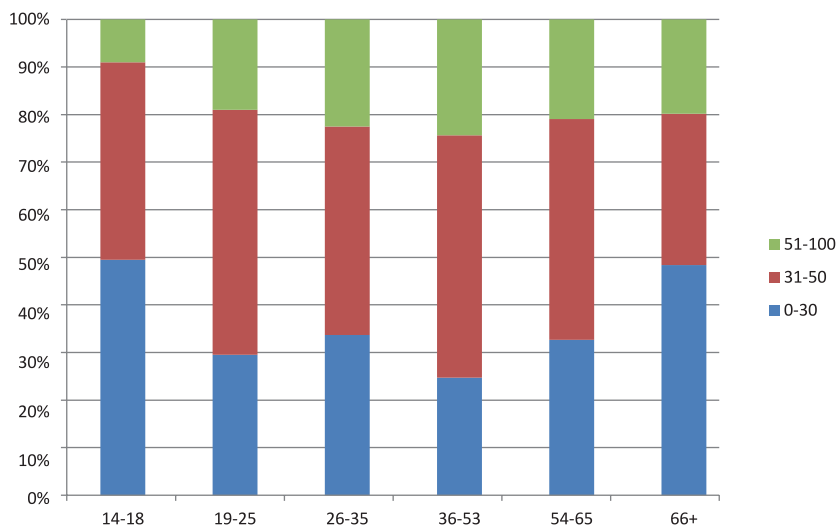

Рис. 16. Результаты написания Диктанта в 2017 году различными возрастными группами

Fig. 16. Results of the 2017 Test by different age groups

Исходя из данных диаграммы на рис. 16, можно отметить рост экономической грамотности по большинству групп. Так, в прошлом году среди молодых людей от 14 до 18 в категорию до 30 баллов вошли 51,03% респондентов, а среди лиц старше 66 лет — 50% участников. В то же время в верхней категории от 51 до 100 баллов самым большим был результат группы от 36 до 53 лет, составлявший всего лишь 23%, а на втором месте были респонденты в возрасте от 26 до 35 лет с результатом 21,77%.

Далее рассмотрим распределение результатов участников Диктанта по критерию уровня их образования (рис. 17).

Согласно представленной на рис. 17 диаграмме, наибольшую долю участников, набравших до 30 баллов, составляют учащиеся средних профессиональных учебных заведений (43,58%), в значительной степени уступая по числу правильных ответов в этой балльной категории учащимся вузов (21,71%) и школьникам (21,46%). В категории лиц, написавших Диктант с результатом от 31 до 50 баллов, наибольший вес имеют группы учащихся средних общеобразовательных учреждений (49,2%), студентов (47,78%) и лиц с высшим образованием (38,83%). Максимальными долями с результатами от 51 до 100 баллов обладают участники, имеющие ученую степень (54,39%), лица с высшим образованием (41,91%), а также школьники (29,34%).

Сопоставим результаты участников нынешнего Диктанта по критерию образования с результатами прошлогоднего (рис. 18).

Из данных приведенной на рис. 18 диаграммы можно увидеть повышение результативности по большинству подгрупп участников. Так, в целом по всем подгруппам по ре-

результатам прошлого Диктанта до 30 баллов набрали 38,89% аудитории, от 31 до 50 баллов — 43,54%, а от 51 до 100 — лишь 17,55%. В текущем году доля участников, набравших до 30 баллов равна 23,65%, от 31 до 50 баллов — 40,41%, а от 51 до 100 баллов — 35,93%. Итого, количество ответов в интер-

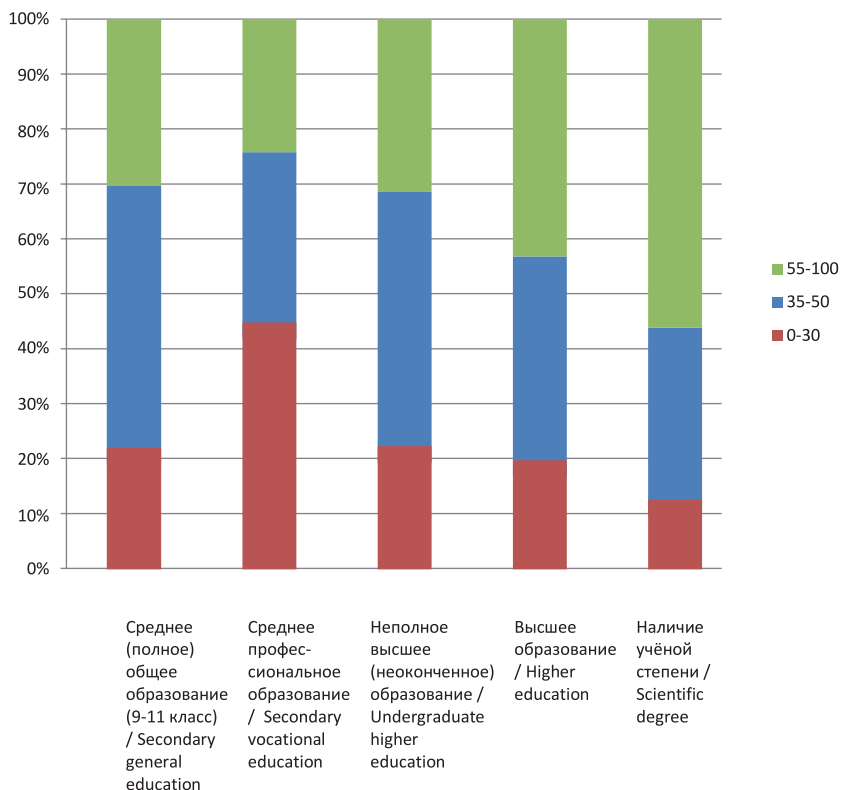

Рис. 17. Распределение результатов выполнения Диктанта 2018 года по критерию образования участников

Fig. 17. Distribution of the 2018 Test the results according to the education level

вале до 30 баллов сократилось в 1,6 раза, а в интервале от 51 до 100 баллов — увеличилось более чем в 2 раза.

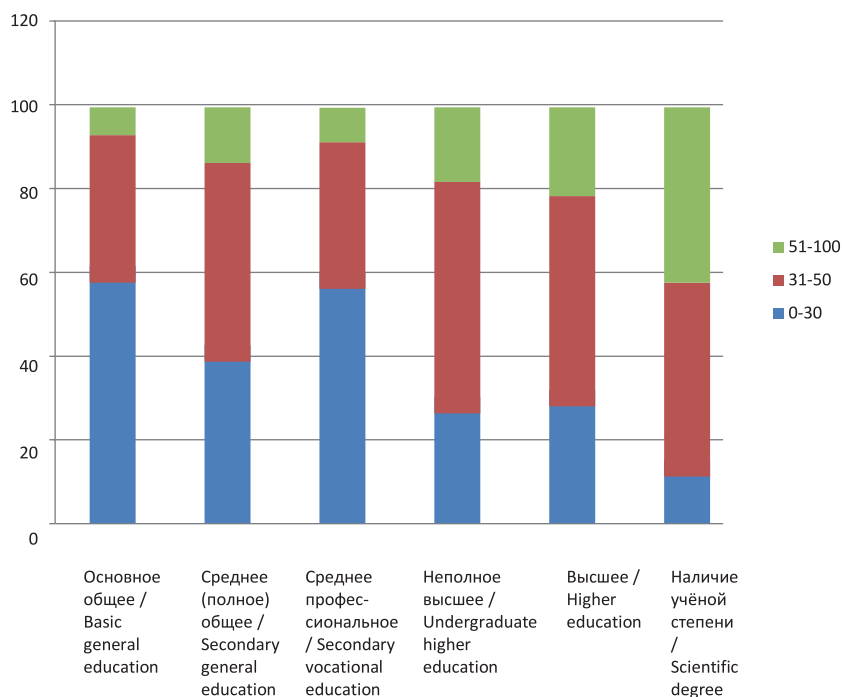

Рис. 18. Распределение результатов выполнения Диктанта 2017 года по критерию образования участников

Fig. 18. Distribution of the 2017 Test the results according to the education level

Как было отмечено выше, одной из целей Диктанта является определение существующих пробелов в современных образовательных программах по экономике в средних общеобразовательных и высших учебных заведениях с выработ-

кой конкретных рекомендаций по их совершенствованию. Анализ полученных результатов показал, что у студентов наибольшую сложность вызвали вопросы, связанные с макроэкономической статистикой, экономической историей, отдельными аспектами теории финансов. Также часть студентов испытывала сложность при ответах на вопросы, имеющие отношение к бюджетной и налоговой системам, экономике государственного сектора. В этой связи можно рекомендовать специалистам вузов совершенствование и расширение таких образовательных программ как «Макроэкономика», «Финансовый менеджмент», «Налоговое право», «Экономика общественного сектора».

Касаясь результатов выполнения Диктанта учащимися школ, необходимо отметить, что для большинства школьников наиболее сложными стали вопросы, связанные с выбором оптимального типа ценных бумаг и реализацией процедуры банкротства. Также значительное число ошибок молодые люди сделали в вопросах о государственном бюджетном регулировании и бюджетном финансировании отдельных типов учреждений. В указанных рамках организаторы Диктанта рекомендуют Министерству просвещения РФ расширить экономический блок курса «Обществознание», обеспечив тем самым учеников системными компетенциями начального уровня, которые станут для них опорой при дальнейшем поступлении в вузы и в целом как для субъектов экономической системы государства.

В рамках исследования уровня экономической грамотности среди студентов важным показателем является анализ результатов выполнения Диктанта учащимися экономических, технических и гуманитарных вузов (рис. 19).

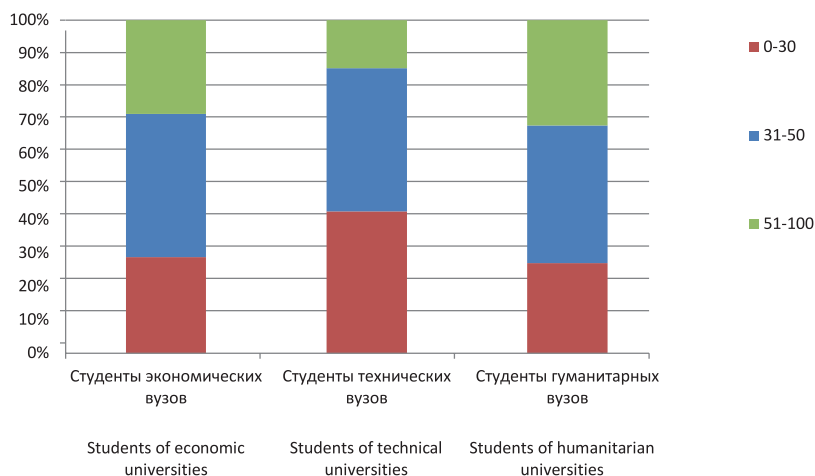

Рис. 19. Распределение результатов выполнения Диктанта в 2018 году между студентами экономических, технических и гуманитарных вузов
Fig. 19. Distribution of the 2018 Test results reached by students of economic, technical and humanitarian universities

Согласно данным диаграммы, наибольшую долю в 42,59% в категории до 30 баллов занимают студенты технических вузов, в то время как доля в ней студентов экономических вузов составляет 28,82%, а гуманитарных — 27,08%. В категории от 31 до 50 баллов результаты трех групп различаются незначительно: доля студентов экономических вузов составляет 43,03%, студентов технических вузов — 42,98%, а учащихся гуманитарных вузов — 41,28%. Уровня «Экономический авторитет», в свою очередь, достигли 31,62% учащихся гуманитарных вузов, 28,14% студентов экономических вузов и 14,41% студентов технических вузов.

Сравним эти результаты указанных категорий участников с результатами, полученными в 2017 году (рис. 20).

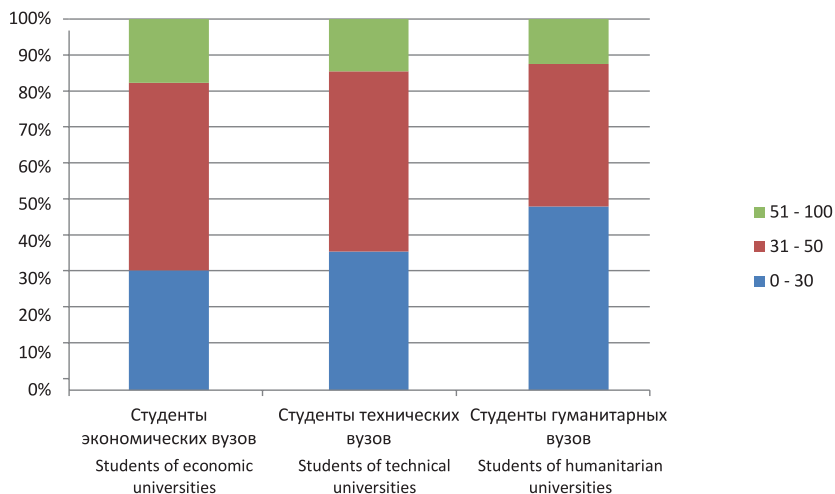

Рис. 20. Распределение результатов выполнения Диктанта 2017 года между студентами экономических, технических и гуманитарных вузов

Fig. 20. Distribution of the 2017 Test results reached by students of economic, technical and humanitarian universities

Анализируя данные диаграммы на рис. 20, можно отметить определенный рост показателей результативности. Так, в 2017 году доля студентов гуманитарных вузов, выполнивших Диктант с результатом до 30 баллов, составляла 50%, а набравших более 50 баллов — и вовсе 12%. Доля учащихся экономических вузов, чей результат был не выше 30 баллов, составляла 32%, а тех, кто смог преодолеть рубеж в 50 баллов — лишь 17%.

По показателю сферы деятельности участников Диктанта результаты распределились следующим образом (рис. 21).

Наибольшее количество набравших до 30 баллов приходится на участников из промышленной сферы — 53,65%. Также достаточно много результатов в нижней оценочной категории у представителей сферы сельского хозяйства

(40,38%) и сферы услуг (35,94%). Наименьшие доли респондентов, набравших до 30 баллов включительно, приходятся на участников финансовой (21,2%), экономической (24,81%) сфер, а также лиц, которые отметили в графе «Сфера деятельности» пункт «Другое» (21,2%).

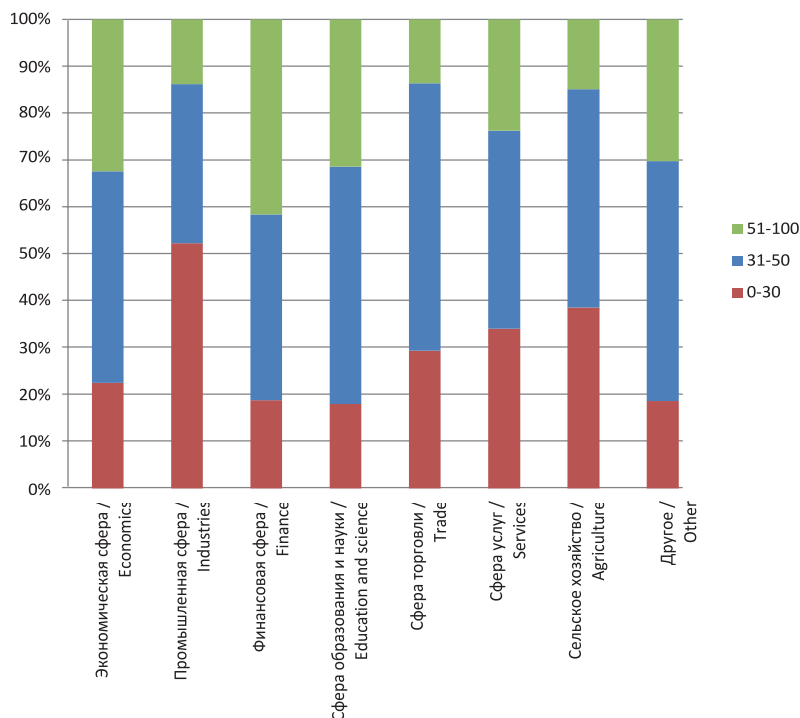

Рис. 21. Результаты выполнения заданий Диктанта в 2018 году по критерию сферы деятельности респондентов

Fig. 21. The 2018 Test results reached by sphere of activity

В рамках оценочной категории от 31 до 50 баллов наибольшую долю составляют представители сфер торговли

(55,37%), образования (49,1%) и группы «Другое» (49,64%). В числе лидеров, набрав более 50 баллов, оказались представители финансовой сферы (40,4%), экономической сферы (31,43%) и категории «Другое» (29,35%).

Сопоставим показатели этой категории с показателями, достигнутыми в 2017-м году (рис. 22).

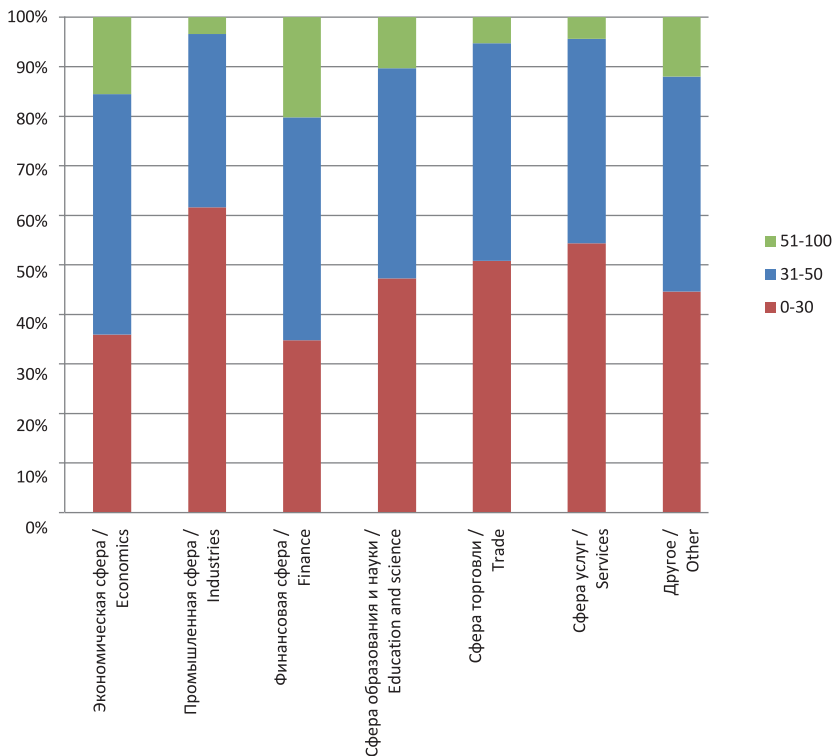

Рис. 22. Результаты выполнения заданий Диктанта 2017 года по критерию сферы деятельности респондентов

Fig. 22. The 2017 Test results reached by sphere of activity

Проводя сравнительный анализ с результатами Диктанта, прошедшего в 2017 году, можно также отметить рост результативности участников. Так, в прошлом году количество респондентов, получивших до 30 баллов, значительно превышало текущий уровень. В частности, доля участников из промышленной сферы, написавших Диктант с результатом до 30 баллов, составляла 62,82%, из сферы услуг — 55,75%, а из сферы торговли — 52,33%. В то же время, уровня «Экономический авторитет» смогли достичь лишь 19,6% представителей финансовой сферы, 15,1% участников из экономической сферы, 10,1% респондентов из сферы образования и науки.

Проанализировав ответы участников по показателю сферы деятельности участников Диктанта, рассмотрим распределение его результатов в зависимости от отношения респондентов к экономике (рис. 23).

Рассматривая результаты участников Диктанта в зависимости от их отношения к экономике, можно отметить, что наибольшую долю лиц, набравших до 30 баллов включительно, занимают профессиональные специалисты — 31,08%. Также значительные доли в этом интервале имеют респонденты, отметившие в анкете пункты «Не имею отношения» (27,98%) и «Другое» (28,3%). В рамках интервала от 31 до 50 баллов по величине доли верхние позиции занимают, опять же, респонденты, не имеющие прямого отношения к экономике (50,79%), а также интересующиеся (49,31%) и категория ученых (47,89%). В интервале от 51 до 100 баллов первую по размеру доли позицию заняли профессиональные специалисты (35,81%). Чуть меньшие доли у преподавателей (34,3%) и ученых (29,58%).

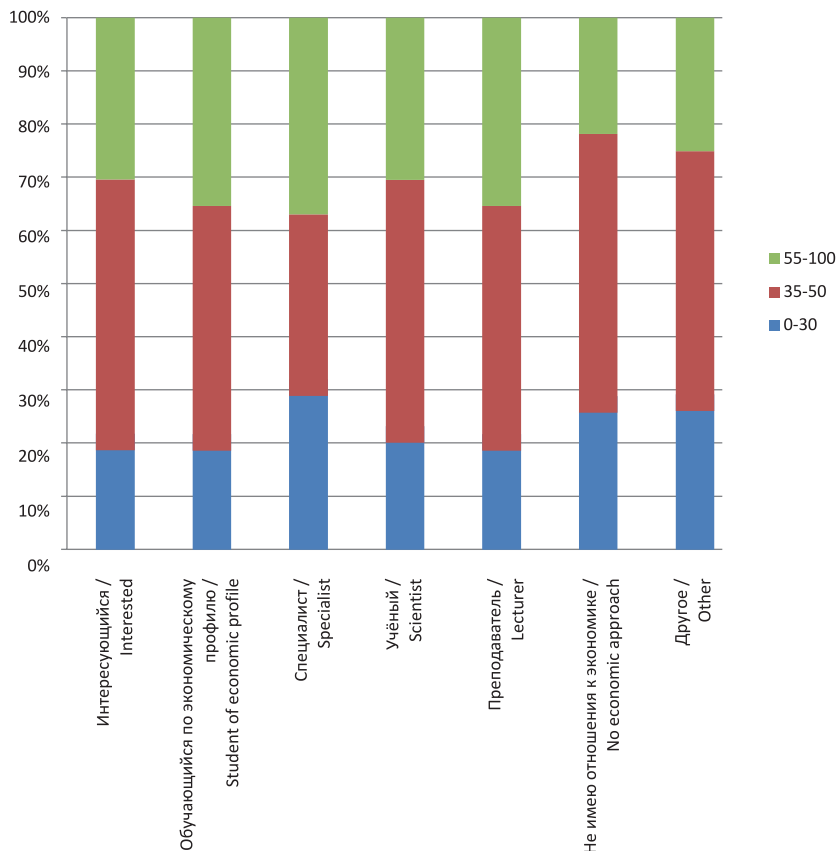

Рис. 23. Распределение результатов выполнения Диктанта в 2018 году по критерию отношения респондентов к экономике

Fig. 23. Distribution of the 2018 Test results by approach of the participants to the economy

Проведем сравнение уровня результатов участников по сравнению с результатами, полученными в данной категории в рамках Диктанта 2017 года (рис. 24).

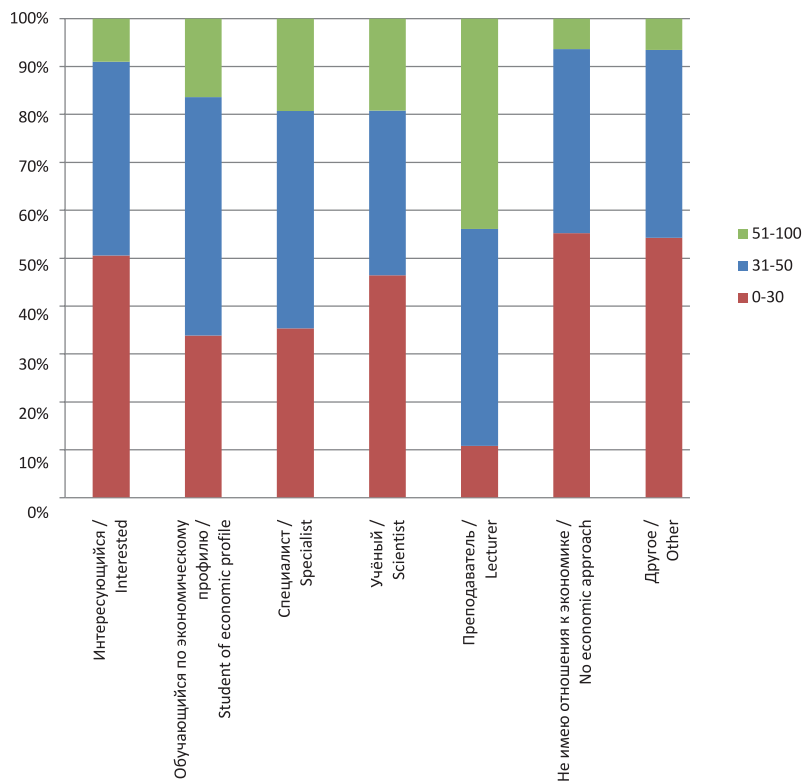

Рис. 24. Распределение результатов выполнения Диктанта 2017 года по критерию отношения респондентов к экономике

Fig. 24. Distribution of the 2017 Test results by approach of the participants to the economy

Касаясь результатов Диктанта 2017 года, можно отметить значительное улучшение показателей у большинства категорий участников. Анализируя результаты прошлогоднего мероприятия, следует отметить высокий процент лиц, получивших до 30 баллов: среди интересующихся экономикой

он составлял 52,2%, у не имеющих к ней прямого отношения — 56,94%, у выбравших в анкете категорию «Другое» — 55,67%, а у ученых — 48,15%. Также существенно ниже была доля респондентов, достигших уровня «Экономический авторитет» и получивших от 51 до 100 баллов: среди интересующихся экономикой их было лишь 8,54%, у обучающихся по экономическому профилю — 15,9%, у не имеющих отношения к экономике — 8,22%, а у респондентов из категории «Другое» — и вовсе 6,35%.

В качестве заключения можно отметить, что проведенный Диктант стал важным событием для сфер экономики, образования, науки и в целом для российского общества. Будучи первым и единственным в России национальным общественно-образовательным мероприятием подобного рода, он смог консолидировать десятки тысяч людей самых разных возрастов и профессий. Одной из его основных целей, как это было отмечено выше, является стимулирование экономического образования и самообразования граждан. Сравнивая результаты нынешнего Диктанта с результатами предыдущего, можно твердо сказать: эта цель достигнута. Причем значительно улучшили свои предыдущие результаты практически все категории участников.

Отсюда следует важный вывод: проведенный в 2018 году Диктант принес значительные практические результаты. Благодаря его проведению было достигнуто объективное повышение экономической грамотности участников, они стали лучше ориентироваться в различных разделах экономики, возросла скорость решения ими экономических задач. Учитывая масштаб аудитории и географии Диктанта, можно сделать вывод о достижении главной его цели — построении прочного фундамента как основы сильной и процветающей

экономики, в которой каждый активный гражданин является ее полноценным участником, способным внести свой вклад в созидание подлинного величия России.

* * *

One of the most important aspects of social stability and economic well-being of society during deep crisis is the ability of its participants to rationally and effectively use existing resources. The limited nature of these resources under unchanged basic needs requires understanding the economic bases of daily decisions made by them, often without even thinking about their medium and long term consequences. Purchasing goods, investing money, getting loans, buying real estate — these are just a few actions that require economic competence of a person. It is especially important when incomes are reduced and the unemployment rate increases.

Until recently, neither the state, nor scientific or public organizations analyzed the economic competence of the population within the country. For the first time in Russian history, the All-Russian Public Organization Free Economic Society of Russia undertook the solution of this task, having conducted in 2017 the Russian National Economic Test (hereinafter — the Test). This experience showed that people gave active feedback to the initiative: more than 60 thousand people all over Russia took part in the Test. Representatives of various ages, social and professional categories participated in the Test. Thanks to it, for the first time we managed to get a detailed picture of the economic competence of various society sectors, identify opportunities to optimize Russian economic education, allow partici-

pants to learn about their strengths and weaknesses to this end and engender a desire to improve their competence. These are just some of the tasks that the Russian National Economic Test is aimed at.

The Test of 2017 allowed immediate achievement of a number of strategic goals. For the first time in Russian history, such a large-scale study of the economic competence of the population was conducted, which is valuable for government ministries and departments, public and educational organizations, national analytical agencies, leading experts, and for society itself. The results obtained made it possible to identify shortcomings in curricula of economic profile and became the basis for developing recommendations for their improvement. In addition, as many of its participants later stated, the Test gave them the experience that had aroused their interest in economics and motivated them to learn its fundamentals. A clear understanding of their role as participants in economic relations allowed them to take a completely different look at the economy, to see in it not only theory, but also tools for improving their own well-being. The resulting synergistic effect was an important step for the VEO of Russia to unite Russian society in the field of economic education, linking generations with the single goal of creating a strong economy as a guarantee of the prosperity of our Motherland.

On October 4, 2018, the second Test was held on the topic “Strong Economy — Prosperous Russia!” The Test was arranged among others by the Financial University under the Government of the Russian Federation, the Moscow Aviation Institute, G.V. Plekhanov Russian University of Economics and several leading Russian universities, as well as by the local authorities of the constituent entities of the Russian Federation.

The general media partner of the event was TASS Information Agency and Rossiyskaya Gazeta became its official partner. It was held in 83 regions of the Russian Federation with total number of participants amounting to 98,538 people of different age and background. Among them, 77,382 people participated in the Test on-site, and 21,156 used the official website <https://diktant.org>.

As part of this study, the authors systematized the main results of the Test held in 2018, and also carried out a comparative analysis of them with the results of the previous educational campaign. Let us turn to the analysis of the specific results of the Test. First of all, it should be noted a significant increase in the number of regional sites in comparison with the previous Test. So, if there were 637 sites in 2017, this year 1,294 sites were registered, that is, there was an increase of more than 2 times. An important distinguishing feature of this Test is its international level: several sites were opened abroad; therefore, people from Mongolia, Pridnestrovie, and Tajikistan took part in the event. Let us mark the regions that became leaders in the number of regional sites.

The absolute leader in increasing the number of regional sites is the Republic of Crimea with 14 sites in 2017, and 93 in 2018. In particular, it is worth noting that the number of sites in Arkhangelsk Oblast increased from 6 to 40, the increase was also marked in Krasnodar Krai making more than 6 times, from 14 to 89, and number of sites in Leningrad Oblast has increased from 4 sites last year to 27 in 2018. The number of sites in Tula Oblast increased by 8.5 times, from 2 sites to 17 sites.

In practice, every new site means the attraction of tens and hundreds of new participants — students, professionals from different fields, scientists and teachers, as well as represen-

tatives of other sectors of society. And each of these people is an active participant in the Russian economy somehow playing a certain role in it. Here, we can conclude that intellectual self-management is taking place in Russian society. The following understanding is growing: the increase in people's economic knowledge and competencies directly affects their well-being. The current crisis is a period when mistakes in managing personal and family capital are especially costly. And the Test in this sense became for them the experience that allowed them to find out the level of ability to make effective economic decisions.

Another important indicator, along with the dynamics of the increase in the number of regional sites, is the distribution of regions by level of participants to the Test (Table 1).

Let's consider one of the fundamental indicators of the Test — the gender distribution of its participants (Fig. 1).

According to the diagram in Fig. 1, slightly less than two-thirds of the Test participants, namely, 63.98%, are female participants. The proportion of men among the participants is 36.02%. These data almost coincide with the gender distribution of the 2017 Test (Fig. 2).

The proportion of women who took part in the 2017 Test was 63%, and men — 37%, respectively.

The age of the Test participants can be presented as follows (Fig. 3).

The largest proportion of 65.99% was represented by teenagers aged 14 to 18 — students of schools, vocational schools and colleges. The second place in terms of the number of participants took people aged 19 to 25—29.16%. First of all, this category includes students of economic, technical and humanitarian universities. At the same time, the share of participants aged 26 to 35 made up only 1.35% of the total audience of the Test, and

people aged 36 to 53 — 2.68%. The lowest age group is represented by people aged 54 to 65, 0.67%, and also by people aged over 66 — 0.16%, respectively. It should be noted that the distribution by age largely corresponds to the data of the 2017 Test (Fig. 4).

As the diagram in Fig. 4 shows, in 2017, the proportion of participants aged 14 to 18 was 66.2%, and participants aged 19 to 25 — 27.45%. The share of persons aged 26 to 35 was 2.95%, and persons aged 36 to 53 — 2.48%.

Another important indicator is the level of education of the Test participants (Fig. 5).

As it can be seen from the diagram, the main part of participants (67.37%) has secondary (complete) general education, studying in secondary schools. The second place (19.19%) is taken by university students. The share of vocational schools and colleges is 7.69%. People with a higher education, as well as with a degree, are represented in the Test audience to a lesser extent (4.49% and 1.26% respectively). Let us compare these figures with those in 2017 (Fig. 6).

It can be noted that, in comparison with the data of the diagram in Fig. 6, in 2018, the share of participants with undergraduate education increased (15.49% in 2017), as well as those with the degree (they accounted for 0.56% of the total number of participants in 2017).

The distribution of the participants by employment is as follows (Fig. 7).

The largest share in the aggregate sample of 57.61% belongs to the category of secondary school students. Participants who have tagged the “Other” as the type of occupation took the second place (16.2%). Participation of students of economic universities amounted to 14.79%, and students of technical universities — 4.54%. Lesser number of students of humanitarian universities

made up only 3.47% in the total sample, working people with a share of 3.09%, and also retirement-age people – only 0.3%.

According to the above indicator, significant differences can be seen compared with the 2017 Test (Fig. 8).

According to the diagram in Fig. 8, in 2017, the largest share of 41.3% was made up of students from economic universities, while the second largest number of participants included the category of students from humanitarian universities – 25.58%. Schoolchildren in 2017 amounted to only 17.72%. This change in the proportions between the categories is a positive factor, since basic economic knowledge is now laid down and the professional orientation of students is formed particularly in schools. Such a high interest in the Test demonstrates the development of the right economic self-identity among the younger generation, as well as youth's desire to improve own economic competence.

Let's consider the distribution of the Test participants within the category of the spheres of activities (Fig. 9).

According to the diagram presented in Fig. 9, the largest part of representatives (32.68%) in the sample is employed in education and science. Participants from the economic sphere (28.92%) are in second place. As this indicator is commented on by representatives of regional sites, it includes university students who identify themselves with future work in various economic specialties, as well as already working professionals. The third place with a share of 27.93% took participants who chose the questionnaire option "Other". A significant part of this category is made up by schoolchildren, who have not yet determined their professional sphere, as well as pensioners. Representatives of the financial sector (3.73%), the services (2.6%), the industrial sector (1.59%), the trade (1.41%) and agriculture (1.15 %) have a lower share in the sample.

Let us analyze the distribution of participants depending on the sphere of activities within the framework of the Test held last year (Fig. 10).

Comparing these results with the Test in 2017, it can be noted that the category “Other” had the largest share (41.03%) at that time, and the share of participants from education and science was the second largest amounting to 25.58 %. At the same time, participants focused on building a career in the economy, ranked third with 17.72%.

Having considered the spheres of activity of the Test participants, let us analyze their approach to the economy (Fig. 11).

The biggest part by this indicator is represented by people who are interested in the economy. Their share is equal to 44.21% of the total number of participants. According to experts from regional sites, a significant part of this category is made up of schoolchildren and students of secondary vocational schools, who study economics on an optional basis, planning to commit further education and career to it. The second largest share of 32.48% in the sample is represented by people who study economics. First of all, they are students of secondary vocational and higher educational institutions. The third largest category is made up of people who are not related to the economy — 14.66%. It includes students who do not identify themselves as future economists, as well as students of technical schools, colleges and universities, and specialists from non-economic sectors. Such specialists also largely make up the “Other” category (5.68%). Teachers (1.38%), professional specialists (1.08%) and scientists (0.52%) took part in the Test to a lesser extent.

Let us compare the values discussed above with the indicators of the Test in 2017 (Fig. 12).

Referring to the results of the Test held in 2017, it is necessary, as above, to note a higher participation of students: 43.82% of the total sample. At the same time, the share of students from secondary vocational and educational institutions was slightly less — 37.68%, and the share of people who are not related to the economy — 10.82%.

Let us turn to the Test performance indicators. We evaluated the participants' knowledge using a 100-point scale divided into 3 levels by the number of points scored: 0 to 30 points corresponds to the initial level of knowledge in economics, 31 to 50 points is characterized as a satisfactory level of economic knowledge, and 51 to 100 points — the participant belongs to the group “Economic Authority”.

It is worth noting that in 2018 the number of people who scored from 80 to 100 points amounted to 745 people or 0.76% of the total number of participants.

Let us consider the distribution of the results by participants from various categories. From the position of the participant gender distribution, we have the following results (Fig. 13).

According to the diagram in Fig. 13, the basic result up to 30 points was reached by 23.84% of men and 21.4% of women. The level from 31 to 50 points could reach 48.49% of men and 47.22% of women. At the same time, the category “Economic Authority” included 31.37% of the female and 27.67% of the male participants.

Let us compare the obtained results with the 2017 Test (Fig. 14).

It should be noted that serious progress has been made in the level of participants' results in comparison with 2017. In 2017, the basic result to 30 points was reached by 48.24% of the male participants and 43.99% of the female participants. The share

of men who scored from 31 to 50 points was 41.16%, and women — 43.65%, respectively. The level from 51 to 100 points was reached by 12.37% of women and 10.59% of men.

According to the criterion of the participant age, the distribution of the results is presented below (Fig. 15).

As you can see from the diagram, the largest proportion of participants, whose results are in the range from 0 to 30 points, corresponds to the age groups from 36 to 53 (32.45%) and from 14 to 18 (22.02%). These groups include, above all, students of schools, as well as some of those who are not directly engaged in the economy. The smallest number of respondents with a score of up to 30 points falls in the category from 19 to 25 years (14.45%), as well as from 26 to 35 years (15.94%).

Among the groups of participants with a score from 31 to 50 points, the largest proportion (47.75%) is made up of participants aged 14 to 18, the second place (42.99%) is the category of respondents aged 26 to 35, and the third place (39.15%) is taken by people aged 19 to 25.

The largest share (46.83%) in the category “Economic Authority” is held by participants aged 19 to 25, to a lesser extent (45.45%) it includes respondents from age group 54 to 65, and the third place (41.06%) is occupied by participants aged 26 to 35.

Let us compare the results for this indicator with 2017 (Fig. 16).

Based on the diagram in Fig. 16, it can be noted that economic competence has increased in most groups. So, last year, among young people aged 14 to 18, 51.03% of respondents were in the category up to 30 points, and 50% of the participants among those who are over 66 years old. At the same time, the most significant result in the group aged 36 to 53 was reached

in the upper category from 51 to 100 points (only 23%), and the respondents aged 26 to 35 ranked second having shown the result of 21.77%.

Next, we consider the distribution of the results with regard to the Test performance according to the level of education (Fig. 17).

According to the diagram presented in Fig. 17, the largest share of participants, who scored up to 30 points, are students of secondary vocational schools (43.58%) being significantly behind the number of correct answers given by university students (21.71%) and schoolchildren (21.46%). Among the participants scored from 31 to 50 points, the groups of students of secondary educational institutions (49.2%), university students (47.78%) and people with higher education (38.83%) have the greatest weight. Participants with a scientific degree (54.39%), people with a higher education (41.91%), and also schoolchildren (29.34%) have the maximum shares among participants who have scored from 51 to 100 points.

Let us compare the results of the participants in 2018 with the results of last year (Fig. 18).

The diagram in Fig. 18 shows an increase in performance within most subgroups of participants. Thus, in general, according to the results of the past Test, 38.89% of participants in all subgroups scored up to 30 points, 43.54% of participants – from 31 to 50 points, and only 17.55% of participants – from 51 to 100. In 2018, the share of participants who scored up to 30 points is 23.65%, 40.41% of participants – from 31 to 50 points, and 35.93% of participants – from 51 to 100 points. Overall, the number of answers in the range up to 30 points decreased 1.6 times, and the number of answers in the range from 51 to 100 points increased by more than 2 times.

As noted above, one of the goals of the Test is to identify existing gaps in modern economics curricula of secondary general education and higher education institutions with the development of specific recommendations for their improvement. Analysis of the results showed that the students had the greatest difficulty in questions related to macroeconomic statistics, economic history, and certain aspects of the theory of finance. Also, some students experienced difficulty in answering questions related to the budget and tax systems, and the public sector economy. In this regard, it is possible to recommend to specialists of higher education institutions to improve and expand such educational programs as Macroeconomics, Financial Management, Tax Law, and Economics of the Public Sector.

Regarding the results of the Test performance by school students, it should be noted that for most schoolchildren the most difficult questions were related to the choice of the optimal type of securities and the implementation of the bankruptcy procedure. Also, significant mistakes were made by young people when answering the questions on the state budget regulation and budget financing of certain types of institutions.

To this end, the Test facilitators recommend the Ministry of Education of the Russian Federation to expand the economic block of the social studies, thereby providing students with system competencies of entry-level that will support their further admission to universities and in general as being subjects of the national economic system.

As part of the study of the level of economic competence among students, an important indicator is the analysis of the Test results reached by students of economic, technical and humanitarian universities (Fig. 19).

According to the diagram, the largest share of participants (42.59%), who scored up to 30 points, are students of technical universities, while the share of students of economic universities amounts to 28.82%, and the share of humanitarian students is 27.08%. The results of the three groups in the category from 31 to 50 points differ slightly: the share of students of economic universities is 43.03%, students of technical universities – 42.98%, and students of humanitarian universities – 41.28%. The level of “Economic Authority”, in turn, reached 31.62% among students of humanitarian universities, 28.14% among students of economic universities and 14.41% among students of technical universities.

Let us compare these results of the indicated participant categories with the results obtained in 2017 (Fig. 20).

Analyzing the data in Fig. 20, a certain increase in performance indicators can be seen. So, in 2017, the share of students of humanitarian universities who completed the Test within the range up to 30 points was 50%, and only 12% of those who scored more than 50 points. The share of students of economic universities, whose result was not higher than 30 points, amounted to 32%, and those who could overcome 50 points – only 17%.

According to the indicator of participant activities, the results were as follows (Fig. 21).

The largest number of those who scored up to 30 points falls on participants from the industrial sector (53.65%). There are also quite a lot of representatives of the agricultural sector (40.38%) and the service sector (35.94%) who showed results in the lower assessment category. The smallest shares of respondents, who scored up to 30 points, fall on the participants engaged in the financial sector (21.2%), economic sphere (24.81%), as well as individuals who tagged the box “Other” (21.2 %).

Within the evaluation category from 31 to 50 points, the largest share is made up of representatives of the trade (55.37%), education (49.1%) and the “Other” group (49.64%). Representatives of the financial sector (40.4%), the economic sector (31.43%) and the category “Other” (29.35%) were among the leaders with more than 50 points.

Let us compare the results of this category with the indicators obtained in 2017 (Fig. 22).

A comparative analysis of the results reached in 2018 and in 2017 showed increase in the participant scoring. So, last year the number of respondents who received up to 30 points significantly exceeded the current level. In particular, the share of participants from the industrial sector with a score of up to 30 points was 62.82%, the share of participants from the services sector was 55.75%, and the share of participants from the trade sphere was 52.33%. At the same time, only 19.6% of representatives of the financial sector, 15.1% of participants from the economic sphere, 10.1% of respondents from education and science were able to reach the level of “Economic Authority”.

After analyzing the participants’ responses in terms of their activities, let’s consider the distribution of the Test results depending on the respondents’ approach towards the economy (Fig. 23).

Considering the results of the participants depending on their approach to the economy, it can be noted that the largest share (31.08%) of people who score up to 30 points are professional specialists. Also, a significant part within this range is represented by the respondents who tagged in the questionnaire boxes “I have no approach” (27.98%) and “Other” (28.3%). The top positions within the range from 31 to 50 points are taken, again, by respondents who have no direct relation to the econ-

omy (50.79%), as well as those who are interested in the economy (49.31%) and scientists (47.89%). The first position in the interval from 51 to 100 points is taken by professional specialists (35.81%). The share of teachers (34.3%) and scientists (29.58%) is slightly smaller.

We will compare the level of participants' results in 2017 with the results obtained in this category in 2017 (Fig. 24).

Regarding the results of the 2017 Test, we can note a significant improvement in the performance within most categories of participants. Analyzing the results of last year's event, a high percentage of those who received up to 30 points should be noted: 52.2% among people who are interested in the economy, 56.94% among people without direct approach, 67% among people who tagged the box "Other", and 48.15% among scientists. Also, the share of respondents who reached the level of "Economic Authority" and received 51 to 100 points was significantly lower: only 8.54% among people who are interested in the economy, 15.9% among students of economic profile, 8.22% among non-economists, and 6.35% among respondents from the "Other" category.

As a conclusion, it can be noted that the Test has become an important event for the economy, education, science and in general for Russian society. As the first and only national public educational event of this kind in Russia, it consolidated tens of thousands of people of all ages and professions. One of its main objectives, as noted above, is to stimulate economic education and self-education of people. Comparing the results of this Test with the results of the previous one, we can firmly say: this goal has been achieved. Moreover, almost all categories of participants significantly improved their previous results.

This leads to an important conclusion: in 2018, the Test brought significant practical results. Thanks to it, an objective increase in

the economic competence of the participants was achieved, they got better orientation in different areas of the economy, and they increased the speed of solving economic problems. Given the scale of the audience and the geography of the Test, it can be concluded that its main goal has been achieved – building a solid foundation as the basis of a strong and prosperous economy, where every active person is a full-fledged participant who can contribute to the Russia’s true greatness.

Список литературы:

1. Бодрунов С.Д. Ноономика. СПб.: Издательство Института индустриального развития им. С.Ю.Витте, 2018.
2. Голов Р.С., Мыльник А.В. Инновационно-синергетическое развитие промышленных организаций // М.: ИТК «Дашков и КО», 2012. 420 с.
3. Голов Р.С., Мыльник А.В. Концептуальные основы формирования инновационно-инвестиционных кластерных сред в условиях модернизации экономики // Ж-л «Экономика и управление в машиностроении». № 1. 2014. С. 32–38.
4. «Всероссийский экономический диктант выявил слабые места образования» // «Российская газета», 09.11.2017. URL: <https://rg.ru/2017/11/09/vserossijskij-ekonomicheskij-diktant-vyjavil-slabye-mesta-obrazovaniia.html>.
5. «Хороший результат. Второй диктант показал рост экономической грамотности» // «Российская газета», 11.11.2018. URL: <https://rg.ru/2018/11/11/vtoroj-diktant-pokazal-rost-ekonomicheskoy-gramotnosti.html>.

References:

1. S.D. Bodrunov. Noonomics. St. Petersburg: Publisher at S.Y. Vitte Institute for Industrial Development, 2018.

2. R.S. Golov, A.V. Mylnik. Innovative Synergistic Development of Industrial Organizations // Moscow: Dashkov & Co. Publisher, 2012, page 420.
3. R.S. Golov, A.V. Mylnik. Conceptual Basis for the Development of Innovative Investment Cluster Environment under the Economic Modernization // Economics and Management in Mechanical Engineering magazine, No. 1, 2014, page 32–38.
4. Russian National Economic Test Revealed the Weak Points of Education // Rossiyskaya Gazeta, 09.11.2017. URL: <https://rg.ru/2017/11/09/vserossijskij-ekonomicheskij-diktant-vyjavil-slabye-mesta-obrazovaniia.html>.
5. Good Result. Second Test Showed Increase in Economic Competence // Rossiyskaya Gazeta, 11.11.2018. URL: <https://rg.ru/2018/11/11/vtoroj-diktant-pokazal-rost-ekonomicheskij-gramotnosti.html>.

НАУЧНЫЙ ФОРУМ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ: АБАЛКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

SCIENTIFIC FORUM OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA: ABALKIN READINGS

20 декабря 2018 года состоялось Совместное заседание научного форума Вольного экономического общества России: Абалкинские чтения и секции экономики Отделения общественных наук РАН.

Модератор: Сорокин Дмитрий Евгеньевич, вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН.

В настоящем разделе представлены статьи, в основу которых легли доклады спикеров Абалкинских чтений.

On December 20, 2018, the Free Economic Society (VEO) of Russia held the joint meeting of its Scientific Forum: Abalkin Readings and economic sections of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences.

Moderator: Dmitry Yevgenyevich Sorokin, Vice President at the VEO of Russia, Chairman of the Academic Council at the VEO of Russia, Academic Supervisor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences.

This section presents the articles based on the reports made by the speakers of Abalkin Readings.

О НАСТРОЙКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА РОСТ SETTING OF ECONOMIC POLICY TO GROWTH

А.А.ШИРОВ

Член Правления ВЭО России, заместитель директора, заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, д.э.н., профессор

A.A. SHIROV

Member of Executive Board at the VEO of Russia, Deputy Director, Chief of Laboratory at the Institute for Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Doctor of economics, professor

АННОТАЦИЯ

Реализация пакета национальных проектов в области развития экономики должна сопровождаться соответствующей настройкой мер регулярной экономической политики. Текущая конфигурация денежно-кредитной и бюджетной политики сдерживает экономический рост и будет негативно влиять на эффективность действий в рамках национальных проектов. Одной из важнейших проблем текущей экономической ситуации является опережающий рост цен на сырьевую продукцию.

ABSTRACT

The implementation of a package of national projects in the field of economic development should be accompanied by appropriate setting of regular economic policy measures. The current configuration of monetary and fiscal policies is holding back economic growth and will have a negative impact on the effectiveness of national projects. One of the most important problems of the current economic situation is the outstripping growth of prices for raw materials.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический рост, экономическая политика, цены на сырьевые товары, национальные проекты.

KEYWORDS

Economic growth, economic policy, commodity prices, national projects.

О том, кто виноват, что экономическая реальность нас не очень удовлетворяет, действительно, очень много сказано. Гораздо меньше говорится о том, что нужно делать. Главная проблема, на мой взгляд, — мы упустили то, что текущие меры регулярной экономической политики — денежно-кредитные, налоговые, бюджетные и так далее, не соответствуют задачам экономического развития, которые поставлены перед страной. Более того, они входят в диссонанс со всеми теми мерами экономической политики, которые сейчас реализуются [1]. Прежде всего, имеются в виду национальные проекты. Соответственно, нужно, прежде всего, донастроить регулярную экономическую политику с целью того, чтобы она, наконец, стала вместе с теми дополнительными действиями, которые сейчас предпринимает государство, позитивно воздействовать на экономическую динамику.

Ключевой вопрос текущей регулярной экономической политики — это проблема внутренних цен. Ситуация с ценообразованием на первичные виды продукции сейчас нетерпима. Мы попали в треугольник, который определяется параметрами бюджетного правила, механизмами ценообразования на сырьевую продукцию на принципах экспортного паритета и инфляционным таргетированием. Соответственно, все эти три механизма по отдельности вроде бы правильные, разумные и обоснованные [2]. Но вместе в условиях 2018 г. они работали на опережающий рост первичных издержек по отношению к ценам на конечную продукцию. Они привели к тому, что инфляция цен производителей достигла уже двухзначных цифр. В конце концов государство вынуждено и денежно-кредитную политику выстраивать таким образом, чтобы сдерживать этот рост цен, что, в свою очередь, угнетает экономическую динамику [3].

Поэтому, с одной стороны, нужно понимать, что дальнейший опережающий рост цен на сырьевые ресурсы невозможен, а конфигурация бюджетного правила, которая существует, должна быть смягчена в целях выравнивания ценовых дисбалансов. Что речь идет не только о бюджетной системе, но о формировании общей макроэкономической среды. Никто не говорит про отмену бюджетного правила, но его смягчение необходимо. И вообще нужно задуматься о том, как должно быть устроено внутреннее ценообразование на сырьевую продукцию, прежде всего, имеется в виду топливно-энергетический комплекс, металлургия, химия, сельское хозяйство с точки зрения формирования наиболее благоприятных условий для роста экономики.

Второй момент, это, безусловно, сами национальные проекты. Как мы знаем, их 12, плюс национальный план по

развитию магистральной инфраструктуры, 13-й проект. По-видимому, этого недостаточно, потому что на самом деле эти проекты, с одной стороны, в достаточно слабой мере затрагивают базовые сектора российской экономики. Соответственно, мы получаем экономику, в которой выстроены каналы проектного финансирования, но в целом на конкурентоспособность базовых секторов экономики это не влияет. С другой стороны, при более глубоком рассмотрении всех направлений затрат в рамках национальных проектов выходит, что, к сожалению, они не имеют пока реального наполнения. По сути, в 3-летнем бюджете до 2021 года несколько сот миллиардов средств не распределены, они зарезервированы. На самом деле, это означает, что в следующем году, в 2019-м, мы от этих национальных проектов, скорее всего, мало что получим. И тот спад темпов экономического роста, примерно до 1,3%, который получается у большинства экономических групп, свидетельствует о том, что, с одной стороны, мы вроде бы сформировали вот эти национальные проекты, а с другой стороны, наполнения реального нет, а меры регулярной экономической политики продолжают сдерживать экономический рост.

В итоге следующий год получается хуже текущего. А сможем ли мы в 2020 году с этих низких темпов обеспечить ускорение экономического роста, совершенно непонятно.

* * *

Actually, much has been said about who is to blame for the fact that we are not so much satisfied with the economic reality. The issue as to what is to be done is currently being discussed much less. The key problem, in my point of

view, lies in the fact that we have blundered away the issue of current regulatory economic policy measures — monetary, tax, budgetary, etc. — being inconsistent with the tasks of economic development that have been set to the country. Moreover, they discord with all those measures of economic policy that are being implemented today [1]. First of all, I mean national projects. Consequently, we should, first of all, further adjust the regulatory economic policy for the purpose of making it have a positive impact on economic dynamics in combination with the follow-up steps taken currently by the state.

The key issue of the current regulatory economic policy lies in the problem of domestic prices. The situation related to the prices of primary categories of products looks unbearable today. We have been stuck in the triangle limited by the parameters of budget rule, mechanisms of forming the prices of raw materials on the principles of export parity, and inflation targeting. Taken in isolation from one another, these three mechanisms actually look reasonable and sound [2]. Yet taken together, they promoted the outstripping growth in primary costs in relation to the prices of end products in the conditions of 2018. They have led to the fact that the inflation of manufacturers' prices has reached double-digit figures. Eventually, it results in the state being forced to build the monetary policy so as to curb the rise in prices, which, in its turn, is suppressing economic dynamics [3].

That is why we should understand that, on the one hand, further outstripping growth in prices of raw materials is impossible, while, on the other hand, the existing configuration of budget rule ought to be eased down for the purpose of leveling off the imbalance. The matter in question is not only about budget system, but about forming common macroeconomic en-

vironment as well. Nobody talks about cancellation of budget rule, yet it requires being eased down. In general, one ought to reflect on how the domestic price formation as to raw materials is to look like. First of all, I mean such industries as fuel and energy complex, metallurgy, chemistry, and agriculture from the perspective of ensuring the most favorable conditions for economic growth.

The second moment naturally is about the very national projects. As we know, there are 12 of them, plus the national plan on development of mainline infrastructure, i.e. the 13th project. It appears that these projects are not enough, because, on the one hand, they insufficiently affect the basic sectors of Russia's economy. Consequently, we see the economy with channels of project financing being built, yet it has no impact on the competitiveness of basic economic sectors in general. On the other hand, in case of in-depth analysis of all costs related to national projects, it unfortunately appears that they have no real content so far. Fundamentally, in the 3-year budget for the period to 2021, several hundreds of billions of rubles have not been distributed so far. They have just been earmarked. Actually, it means that we are likely to gain little from these national projects in 2019. Moreover, the decline in economic growth rate to about 1.3% for the majority of economic groups indicates that, on the one hand, we seem to have worked out these national projects, yet, on the other hand, they have no real content, while the measures of regulatory economic policy continue to hold back economic growth.

Eventually, the next year appears to be inferior to the current one. Moreover, it is not clear whether we will be able to ensure the acceleration of economic growth starting from such a low level of rates.

Список литературы

1. Д.Б.Кувалин, А.К.Моисеев, П.А.Лавриненко. Российские предприятия весной 2018 г.: скепсис по поводу качества экономической политики государства и усложнение ситуации с трудовыми ресурсами // Проблемы прогнозирования. — 2018. — № 6. — С. 130–139
2. Кудрин А.Л., Соколов И.А. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. — 2017. — № 9. — С. 5–27.
3. Ивантер В.В. и др. Система мер по восстановлению экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. — 2018. — № 1. — С. 3–9.

Bibliographical references

1. D.B. Kuvalin, A.K. Moiseyev, P.A. Lavrinenko. Russian Enterprises in Spring 2018: Skepticism about Quality of State Economic Policy and Aggravation of Situation Related to Labor Resources // Problemy Prognozirovaniya. — 2018. — No 6. — P. 130–139
2. A.L. Kudrin, I.A. Sokolov. Budgetary Maneuver and Structural Reconstruction of Russian Economy // Voprosy Ekonomiki. — 2017. — No 9. — P. 5–27.
3. V.V. Ivanter et al. System of Measures for Recovery of Economic Growth in Russia // Problemy Prognozirovaniya. — 2018. — No 1. — P. 3–9.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

RUSSIAN ECONOMIC MODEL

Я.М. МИРКИН

Член Правления ВЭО России, заведующий отделом международных рынков капитала исследовательского Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН), д.э.н., профессор

Y.M. MIRKIN

Member of the Board of VEO of Russia, Head of International Capital Markets, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Doctor of economics, professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена модель экономики, сложившаяся в России как на развивающемся рынке. Основные черты: сверхконцентрация, избыточная роль государства, тяжелое налоговое бремя, деформированный финансовый сектор, низкая финансовая глубина, проблемная модель бюджетной системы, упрощение структуры экономики, искажения в демографической и социальной структуре. Указано на необходимость выработки альтернативной экономической политики.

ABSTRACT

The article considers the model of the economy that has developed in Russia as an emerging market. Main features: overconcentration, excessive role of the state, heavy tax burden, deformed financial sector, low financial depth, problem model of the budget system, simplification of the economy, distortions in the demographic and social structure. The author indicates the need to develop alternative economic policy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государство развития, демографическая структура, национальная модель экономики, развивающийся рынок, социальная рыночная экономика, финансовая политика, финансовый сектор.

KEY WORDS

Demographic structure, developmental state, emerging market, financial policy, financial sector, national model of economy, social market economy.

Диагноз: БЮДЖЕТНАЯ ЭКОНОМИКА

Мы строим уникальную модель бюджетной, «костыльной» экономики, когда на бюджет возлагается ответственность за все. И за социалку (выполнение президентских указов), и за рост производства и промышленного потенциала, и за оборону и безопасность, да еще и за создание резервов на черный день и за удержание низкого государственного долга. Минфин не хотел бы его наращивать, даже на цели развития. Бюджет должен делать все это сразу. И масло, и пушки, и новые станки, и ракеты, и деньги под матрас.

В любом регионе или отрасли сегодня рост зависит от федеральных денег и проектов из центра. Все остальное — не нормализовано. Нет общедоступного — по всей территории России — кредита под умеренный процент. На мелком и спе-

кулятивном финансовом рынке деньги массовому бизнесу получить невозможно. Все жалуются, что налоги избыточны и растут. Налоговая нагрузка выше, чем в США (МВФ). Курс рубля мало стимулирует рост. Очень тяжелое административное бремя. Если в 2005 г. в России было принято 5,5 тыс. федеральных нормативных актов, то в 2010 г. — 12 тыс., в 2016 г. — 17,5 тыс., в 2017 г. — 18,9 тыс. актов¹. Рост по экспоненте. Местные бюджеты, способность регионов к развитию на местах сегодня функционально зависят от денег сверху. Бюджетный федерализм не очень сложился в России. Слишком много денег и доходов забирается наверх.

Но все-таки ведь быстрый экономический рост есть? Да, есть, но только в отдельных ярких точках — регионах или отраслях. Их можно перечислить по пальцам. И только там, где государство дает преференции. А, точнее, деньги из бюджета — снизить процент за кредит, возместить часть затрат бизнеса, заплатить меньше налогов и пошлин, просто получить деньги и не вернуть. Все ищут только одного — как получить бюджетную поддержку. Или загородиться таможенными пошлинами. Все жалобы промышленности — только к государству: дайте, дайте, дайте. На банки и финансовый рынок уже не надеются. Подставьте костыли!

Модель экономики и ее роста, где все сосредоточено вокруг федерального бюджета и его дележки, — тупиковая. Бюджет ведь не резиновый. Он не может один решить задачу быстрых темпов роста. Да еще питать население, оборонять, резервировать на черный день. Такая бюджетная экономика обречена быть медленной и хромой. Перегруженной правилами, надзором и санкциями — за бюджетными деньгами

¹ Рассчитано на основе базы данных справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ведь еще нужно следить. С министерствами, медленно превращающимися в совокупный Госплан, когда они пытаются лично заполнить пустоты в промышленном пространстве, создать заказы, но непременно — за счет бюджетных денег и льгот.

НАЛОГИ, РЕЗЕРВЫ, БЮДЖЕТНЫЕ РАСХОДЫ

Двадцать пять лет высоких, на «европейском» уровне, налогов и «квази-налогов», с которыми очень тяжело расти. С начала 2000-х годов бюджет работает по принципу: взять больше, отправить значимую часть взятого в резервы, в валюту, за рубеж. Перед кризисом, в конце 2013 г., внебюджетные резервные фонды приближались к 200 млрд долл., составляли более 20% годовых расходов бюджета, более трети международных резервов (Минфин РФ). Все это — вычет из денег населения и бизнеса, вместо инвестиций, вместо роста спроса.

Нужны ли резервы? Да, конечно! Но их не напасешься, если экономика стагнирует. А если она быстро растет, не нужно запасаться с таким отчаянием. Достаточно лишь подстраховки. Сегодня мы быстро возобновляем резервы. Фонд национального благосостояния достиг 4,6–5 трлн руб. Да, это нужно, но в каком размере?

Еще один принцип нашего бюджета: медленно, но верно сжимать все то, что называют «социальные обязательства». Не мытьем, так катаньем. Не оптимизацией сети, так сокращением пенсионного возраста. Замораживанием выплат. И облагать все больше — все, все, все, пусть по мелочам. Взять денег больше в центр. Создать финансовые вертикали — у нас только там точки роста, где на местах есть преференции из центра и федеральные проекты. Налого-

вые льготы? Вот их большей частью отправить вниз. Пусть регионы — там, где недостаток денег — решат, кому их раздавать. Держать один из самых низких в мире госдолг. Его нельзя наращивать, а если на инвестиции, то по чуть-чуть. Собственно, это бюджет безрыбья, не роста, полностью зависящий от мировых цен и спроса на сырье.

СВЕРХКОНЦЕНТРАЦИИ

Пирамиды, все большее стягивание в вертикали — как это измерить? Косвенно. Хотя бы через роль Москвы. За четверть века население Москвы выросло больше, чем на 40%. В 1990 г. 6% россиян жили в Москве, сегодня 8,5%. В 1990-х годах Москва создавала примерно 14% ВВП России, сегодня — 21% (Росстат). Почти 20% российских компаний зарегистрированы в Москве — и примерно 20% налогов собирается в столице (ФНС).

Ну и слава Богу, почему бы нет? Но есть еще индикатор — деньги. Он показывает, что в столице — сверхконцентрация богатства, могущества, собственности. В начале 2001 г. продажи банками в Москве наличной валюты населению составляли 19% от «итога» по России. В апреле 2018 г. — 53%. Это значит, что примерно половина наличной валюты (долларов и евро), пришедшей в Россию, находится в Москве (ЦБР).

В 1997 г. доля Московского региона в средствах на счетах банков в ЦБР составляла 47%. Сегодня — 85–87%. В Москве и Московской области сосредоточены 91% активов банков. В начале 2001 г. вклады в Москве — 38% от их объема по России, а в июле 2018 г. — 54% (ЦБР).

Денежные доходы на душу населения в Москве в 2017 г. — 59 тыс. руб. в месяц, в Псковской области — 22 тыс. руб., в Тыве — 14 тыс. руб. (Росстат).

За этим сверхконцентрация денег и собственности. Но в вертикалях мало свободы для бизнеса. И такая экономика очень хрупка. На длинной дорожке она обязательно отстает. Как ни старается, не может успеть за инновациями. Ее все опережают. И еще из нее вымываются умные — им плохо в тесных стенах. Хуже работают социальные лифты. Общество стареет, делает ошибки — и проигрывает.

Мирового опыта — сколько хочешь. Десятки стран. Спрятались, съезились, взяли все внутри под прямое управление — стали сильнее? Да, может быть, вначале и сильнее, и быстрее, и мощнее. А потом энергия неизбежно вымывается — и остаются хрупкость и слабость. А что становится сильнее? Способность со временем надломиться от внешних шоков. Проверено, как летная инструкция.

Нужно нам это? Конечно, нет. А под растущим внешним давлением — точно не нужно.

Сесть бы нам всем вместе — и поговорить. Что искать? Какую модель общества? Англо-саксонскую? Общество эмигрантов, любящих новенькое и риски? С минимальным участием государства во всем? Нет, не получится. Мы — другие. Азиатскую экономику особого пути? Всей кожей мы чувствуем, что и здесь — мы другие. Такого соединения прилежности, дешевизны, умеренности, желания учиться и подчинения — нет, не получится. Скандинавскую экономику? Мы и так гнемся от тяжести налогов. И как добиться — уникальной способности расходовать экономно, спокойно и аккуратно в пользу каждого? Германскую модель? Экономику благосостояния для всех, по Людвигу Эрхарду? Было бы замечательно, но точности и дисциплины может не хватить. Методичности.

Скорее, «средиземноморскую» модель. Испания? Италия или даже Франция? Это тоже социальная рыночная экономика. Тоже «континентальная» — не англо-саксонская модель. В ней всегда будет больше государства, чем в Нью-Йорке или Лондоне. Выше его роль в экономике, в имуществе, в потреблении. Всегда больше банков, кредита и долгов, чем финансовых рынков.

В такой модели объемнее семейная собственность. Это не «народный капитализм» — скорее, экономика «держателей крупных стейков» в капиталах. У нас уже сегодня абсолютное большинство компаний в собственности у двух-трех владельцев. И никого они к себе не пустят.

Есть в Испании что-то неуловимо похожее на Россию. Бывшая империя. Рывки к модернизации. Тоталитарный режим как ядро XX века. Женщины — красивы и экзотичны. Особенный путь, комплексы — всегда великие. И тот же неуловимый привкус хаоса, приправленного порядком. Или наоборот. Талантливы, но не без ленцы. И климат — у одних мороз и печка, у других — жара, сушь и сиеста.

Италия, Испания и Португалия смогли ответить на свои вызовы. Идеологически расколотые нации стали едиными. Совершили свое экономическое чудо. Италия — в 1960-х годах, Испания — в 1960-х — середине 1970-х, Португалия — вдогонку. Из технологически отсталых, сырьевых — пришли в современность. А дальше с 1980-х шли уже вровень со всеми.

В Испании в начале 1960-х годов ожидаемая продолжительность жизни была ниже, чем у нас. Сегодня Испания — на 4-м месте в мире, Италия — на 6-м. Живут 83 года. В Португалии — больше 81 года. ВВП на душу населения в Испании и Италии примерно в 3 раза больше, чем в России, в Порту-

галии — в 2 раза. По паритету покупательной способности — на треть выше, в Португалии — на 10%.

Так сделаем? Поставим цель не на словах — а на деле? Спросим себя — как совершить? И, как наконец, начать быстро расти? В 2018 году ВВП США рос гораздо быстрее, чем в России. А мы — когда и как? Самое главное, как?

НАЛОГОВОЕ ВРЕМЯ

Не нужно быть большим экономистом, чтобы понять, что слишком высокие налоги могут угнетать рост и даже исподволь разрушать государства. Нельзя овец стричь дважды. А если даже стричь, то стадо может разбежаться, перестать платить, забиться куда-нибудь подальше. Тому великое множество примеров из мировой истории. Причем неважно, как называются налоги. Любые обязательные платежи — сборы, пошлины, взносы на что угодно. В международной практике им даже есть имя — «квази-налоги», платить обязаны, а если не заплатишь — тебя накажут и все равно возьмут.

С точки зрения роста — у нас избыточное налоговое бремя. Все страны сверхбыстрого роста с динамикой реального ВВП выше 5% в год (развивающиеся экономики), имеют сегодня фискальную нагрузку ниже, чем в России. У них, как правило, кратно выше монетизация, насыщенность деньгами. Гораздо больше доступность кредитов. Намного меньше процент по кредитам (5–6% и ниже). Они часто намеренно ослабляют свою национальную валюту, чтобы стимулировать рост, товарный экспорт, импорт капитала. Сегодня в этом обвиняют Китай. Обычно выше, чем в России, госдолг, он может тратиться на цели инвестиций. Дешевле, чем в России, государство. В больших быстрорастущих странах (Китай, Индия) крупнее, чем у нас, финансовые рынки. У них

обычно меньше денежных, бюджетных резервов — все для роста.

А результаты? Взлетает вверх норма инвестиций («Инвестиции / ВВП»). В Китае — 44%, в Индии — 32%, у нас — 24% (2017, МВФ). Как за этим угнаться?

ФИНАНСЫ ТОРМОЖЕНИЯ

Финансы могут стимулировать рост экономики. Они могут быть настроены так, чтобы быстрее двигаться, подстегивать всех тех, кто хотел бы стать впереди планеты всей.

Но финансы могут и тормозить рост. Четверть века мы давим рост через финансы. Двадцать пять лет холодного кредита и сверхвысокого процента. У нас очень низкая насыщенность кредитами. «Кредиты нефинансовым организациям / ВВП» в 2016 г. — 35,1%, в 2017 г. — 32,8%. «Кредиты населению / ВВП» в 2016 г. — 12,6%, в 2017 г. — 13,2% (ЦБР). Это очень уныло, холодно, низко, на уровне бедных стагнирующих стран. В Китае все вместе это зашкаливает за 200%. Даже у Вьетнама, растущего с годовой скоростью в 6,5% реального ВВП, насыщенность кредитами экономике в районе 100% ВВП.

Процент по ссудам? Десятилетиями один из самых высоких в мире. Стыдно перед молодыми семьями в Чехии и Польше, берущими ипотеку под 2,5–3%, а то и ниже. Средние проценты по кредитам населению в России? Всегда двузначны! (ЦБР).

Двадцать пять лет экспорта капитала куда угодно. Чистого вывоза только частного капитала — примерно 800 млрд долл. за это время. Четверть века мелкого, спекулятивного финансового рынка, на котором кэрри-трейд и все что угодно есть, а длинных инвестиций очень мало. Когда-то

в 2006–2007 годах капитализация российского рынка акций к ВВП составляла 120–140%. В 2017 г. — 39% (ЦБР).

Рядом — работающий в убыток центральный банк (минус 0,4 трлн руб. в 2017 г.). Прошедшийся по коммерческим банкам (минус 45% банков за четыре с половиной года). Эмитировавший более 3 трлн рублей, чтобы покрыть убытки в банках и выплаты вкладчикам (Годовой отчет ЦБР, АСВ). Все эти деньги — не инвестиции, это — затычка черных дыр. Все укрупнить, в Москву собрать все деньги. Более 50% кредитов экономике выдается в Москве и Московской области. Более 80% средств коммерческих банков на счетах в Банке России находится в Московском регионе (ЦБР).

Вы думаете, мы подавили инфляцию? Четверть века не могли, а два последних года — вот она, миленькая, ползет, нижайшая? Но вообще-то в 2017 г. индекс цен производителей промышленных товаров составил 7,6%. А в январе — июле 2018 г. — 16,6%. И рано или поздно все это прорвется в розницу, особенно на фоне девальвации рубля, как ни сдерживай цены и тарифы, регулируемые государством.

Кстати, о девальвациях. У нас было четыре взрывных (1994, 1998, 2008/2009, 2014 годы). И, наконец, наступила пятая. С начала года рубль подешевел по отношению к доллару больше, чем на 20%. Все это было задолго ясно. Заранее предупреждали, что в очередной раз кэрри-трейд и финансовые инфекции послужат спусковым крючком («РГ», 27.12.2016). И это будет повторяться снова и снова — мелкий, спекулятивный финансовый рынок, верх нестабильности, удары из финансов, сносящие экономику, недоступность кредита, если... Если что? Если не запретить? Ни в коем случае не запрещать! Но побуждать, стимулировать, насыщать деньгами, нормализовать, строить большую финансовую машину.

Может быть, заграница нам поможет деньгами? О нет, там — не мед. Санкции, ограничения на доступ к международным рынкам капитала. Накопленный вывоз капиталов из России превышает на 300 млрд долл. запас инвестиций, полученных нами из-за рубежа (ЦБР, июнь 2018 г.). Эти деньги изъяты из России. Еще 10 лет тому назад картина была обратной. Это мир получает от нас инвестиции, а не наоборот.

Так что это такое? Только не финансы роста. Скорее формула: кредитный холод, высокий процент (Банк России) плюс бюджетная консолидация (больше фискальной нагрузки, минимум налоговых стимулов, резать расходы) (Минфин) плюс крупные проекты, финансовые преференции, особые режимы по вертикали, из центра сверху — вниз, как базовая модель экономики.

Последствия? По-прежнему огромная зависимость от мировых цен и спроса на сырье. Вне «денежных пятен» Москвы, ряда крупных городов (на 100–300 километров) и особых зон (ТОРЫ, ОЭЗ и т.п.) — недолеченные города и дороги. Там громадный дефицит денег, инвестиций. Пространство — в заплатках. Уход в черный оборот отчаявшихся добраться до пенсии. Вы — у нас, а мы — у вас. По оценке, до 50–60% частных платежей и услуг в глубинке — безналоговые. Окуливание регионов.

И какой здесь рост? Как оценивает Банк России наше будущее? По его прогнозу, темпы роста реального ВВП в России в 2018–2020 годах — 1,5–2%². А Минфин? В 2019 г. — 2,1%, в 2020 г. — 2,2%, в 2021 г. — 2,3%³. Ну и что, так и будем жить? Радость-то какая...

² Bank of Russia. Russian Financial Sector. Investor Presentation. May 2018.

³ Минфин России. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов.

ЭКОНОМИКА И РЕАЛЬНЫЕ ВЕЩИ

На российском рынке обуви импорт занимает 85%. Это — простая истина, и не нужно иметь диплома, чтобы сказать — это ненормально для страны в 148 млн человек. Должны найтись и сапожники, и кожа, и сырье с оборудованием, чтобы хотя бы 40–50% огромного рынка занять своим, местным. Или в экономике устроено что-то не так.

Четверть века мы не можем сделать нормальным процент по кредитам. Для миллионов семей он — двузначный. Четверть века! Скажите, что не так в том, как мы управляем экономикой? За три десятилетия Южная Корея из лачуг выбилась в развитые страны, Китай стал тем, на кого оглядываются с завистью. А в Восточной Европе, в бывших странах «соцлагеря» сверстники наших 30-летних получают ипотеку под 2,5–3%.

Что не так? Почему после стольких призывов к инновациям в России в 2017 г. было сделано компьютеров на 4 с лишним доллара на душу населения? Почему уже из года в год 300–350 штук металлорежущих станков в месяц — предел мечтаний? Что это за экономика, в которой за год на 148 млн человек выпустили 15 тысяч зонтиков для дождя и солнца? Росстат нам утверждает, что в июле 2018 г. у нас произведено 67 штук детских колясок, а за 2017 г. на всю Россию — 760 штук. Как это может быть в такой наполненной людьми и ресурсами стране?

У нас огромные рынки для роста экономики. Обувь, одежда, простейшие предметы обихода. Триллионы рублей. Они уже заполнены — только кем? Доля импортных лекарств на рынке по стоимости снизилась до 68% (DSM Group, март 2018 г.). Успех? Еще недавно была далеко за 80%. Но ведь все равно годами, четверть века складывавшаяся деформа-

ция. И так сектор за сектором — этого нет, то не производят, а если есть, то не то.

Но насколько свое — это «свое»? Когда говоришь с промышленниками, они только машут руками. Масса исходников — импортные. В фармацевтике, в аграрном секторе, в легкой промышленности, в «умных компонентах» оборудования, в микроэлектронике. Только что Минпромторг рассказал, что микроэлектронику размером 28 нанометров и менее Россия заказывает у крупных фабрик Юго-Восточной Азии («РГ», 27 августа 2018 г.).

Так что же не так в экономической политике, если через четверть века импортозамещением пришлось заниматься насильно, под ударом санкций? Почему глупейший лозунг «все купим за сырье» так долго был абсолютной истиной в стране с населением в 148 млн человек? Или почему так согласно все кивали головой, что мол, «голландская болезнь», нечего делать, обречены.

Четверть века разбалансированной, нестабильной экономики, ставшей из большой индустриальной — сырьевой! Не хватит ли? Не страшновато ли, когда экономические ведомства в один голос твердят, что впереди, если рост, то еле-еле, старческий. А разгонимся когда-нибудь — лет через пять.

Заранее известно, что экономика вертикалей, сверхкрупной собственности, при государстве — доминанте во всем, это — тупиковый путь. Заранее ясно, что экономика, опирающаяся больше всего на бюджет, на отдельные проекты «федералов», пусть самые крупные, — не сможет быстро, устойчиво расти, если только не переродится в мобилизационную.

Для роста, инноваций и модернизации нужна живая, легкая, денежная почва для всех, а не только для котлованов.

Когда доля среднего и малого бизнеса — не 20–25%, как сейчас, а хотя бы 40–50%. Все то же самое — доступный кредит, низкий процент, чуть ослабленный рубль, большой внутренний финансовый рынок, налоги ниже, сильные налоговые стимулы за рост и модернизацию, легкое административное бремя, таможенные пошлины, защищающие внутренний рынок. Побуждать иностранцев переносить производство в Россию, а не вбрасывать нам готовые товары за сырье. По всем несырьевым секторам. Когда все это будет? Еще через 25 лет?

Мы вздохнем спорим о темпах роста. Никому не нравится, что реальный ВВП России в 2017 г. был меньше, чем в 2013 г., на 0,5%. А ВВП по паритету покупательной способности увеличился за четыре года всего лишь на 5,6%. Уныло как-то. Другие страны двигаются намного быстрее.

Но все-таки экономика состоит из реальных вещей. Люди, здания, оборудование, продукция. И всегда кто-то рвется вперед, как «азиатский тигр», а кто-то падает, как камень, вызывая шум и треск. Где у нас точки сверхбыстрого роста? Или, наоборот, особенно острого падения? Что, собственно, происходит с реальными вещами? Хотя бы примеры — пусть разнородные, из очень разных отраслей.

Большой прирост в производстве мяса — не в деньгах, а в тоннах. Домашняя птица — плюс 38% за пять лет (июнь 2018 г. к июню 2013 г.), почти по 7% каждый год. Это нужно уважать. Или «консервы рыбные в масле». Нужны они нам? Очень. Прирост за пять лет, в миллионах банок, почти на 60%, скорость — примерно 10% в год. Подсолнечное масло? Здесь просто чудо. В июне 2013 года произвели 197 тыс. тонн, в июне 2018 года — 351 тыс. тонн, почти на 80% больше, ежегодные темпы роста — 12%.

Берем в руки карандаш и начинаем искать другие «точки роста». У нас есть абсолютное чудо. Рекорд для России. В июне 2018 г. мужской спецодежды («производственной и профессиональной») произвели 3,6 млн штук, ровно в два раза больше, чем в июне 2013 г. (Росстат). Никакого кризиса, среднегодовые темпы роста — 15%. Китаю и Индии, мировым рекордсменам по скорости роста — и не снилось! А вот «спецодежда прочая» — и такая тоже есть — только за год выросла в 2,3 раза (в рублях, июнь 2018 г. к июню 2017 г.). Такое экономическое чудо — это острые ощущения для наблюдателя, ничем не хуже солнечного затмения. Его причины? Младший персонал повсеместно переодевают в униформу. А еще камуфляж, комбинезон — дешево, не джинсы, используются по всей стране, чтобы возиться в доме и на огороде.

Ткани? Подспудно ждешь падения, ужасов в текстильном производстве. Но нет — рост за пять лет (июнь к июню) в производстве тканей больше, чем на 40%, с темпами в 7% в год. Что ж, отлично, переворачиваем еще одну страницу. А вот и шины для легковых автомобилей. В июне 2013 г. — 2,8 млн шт., в июне 2018 г. — 4,2 млн шт., рост на 50%.

Такие острова благоденствия, удачи для нас очень важны. Каждый раз хочется разобраться — «кто виноват». Особые условия? Удачная динамика цен, вызывающая рост производства? Внешний спрос? Девальвация рубля, вытесняющая импорт или, наоборот, стимулирующая экспорт? Или идеи вполне конкретных людей, собственников бизнеса, которые хотят — вперед и дальше? А может быть, особые преференции государства, государственные закупки, кредит под низкий процент и процентные субсидии? В любом случае условия успеха, как и неудачи — всегда очень конкретны.

Российское хозяйство пронизано «золотыми кусочками», за каждым из которых — промышленники, личности. Примеры? Добыча крабов, десятки компаний, быстрорастущая после 2014 г. экспортная отрасль на Дальнем Востоке и на Баренцевом море. В начале 1960-х годов был проведен сумасшедший, уникальный эксперимент: через всю страну, самолетами краба переместили на Северо-Запад. Сделали подарок себе и норвежцам — там сейчас промышленная добыча. Экспорт в США, Японию, Южную Корею, в растущий Китай. Собираются тотально модернизироваться — заказ судов на многие миллиарды у себя дома, в России. Такие «клеточки» российской экономики — национальное достояние. Мы их должны видеть, с них пылинки сдувать, а государство — опекать — лишь бы росли.

Но все-таки в нашей экономике, если она растет такими низкими темпами, много историй неуспеха. В них тоже нужно разбираться — почему так плохо и отчего такое отставание годами? Как и чем власти могут помочь? Что неправильно и что нужно изменить в макроэкономических условиях? После девальвации рубля, вспышки цен и роста стоимости импортных компонентов производство вычислительной техники в июне 2013 г. — 2,1 млрд руб. в текущих ценах, а в нынешнем июне — тоже 2,1 млрд руб. (Росстат). Как это может быть через пять лет? Строим мы инновационную экономику или нет? Ноутбуки, вы где?

Ладно, что-то попроще. Автобусы? В июне 2013 г. — 4,8 тыс. шт., через пять лет — 2,4 тыс. шт. Легковые автомобили, соответственно — 161 и 139 тыс. шт. Гораздо меньше грузовых автомобилей. Обычные холодильники — 342 и 312 тыс. шт. Падение. Стиральные машины? 287

и 290 тыс. шт. Газовые плиты — 31 и 39 тыс. шт. Ну наконец-то, рост! Пять лет прошло — мы двигаемся или нет?

В июне 2013 г. в разгар летних строительных работ в России было произведено 395 млн. кирпичей из цемента, бетона или искусственного камня. В июне 2018 г. — 219 млн шт. Падение за 5 лет — на 45%. Кирпич керамический неогнеупорный в июне 2013 г. — 629 млн шт., через пять лет — 499 млн шт., минус 21%. Портландцемент и другие цементы в июне 2013 г. — 7,1 млн тонн, в июне 2018 г. — 5,9 млн тонн, на 17% меньше. Шифер пять лет назад, в июне — 68 млн плиток, сегодня — 46 млн плиток, почти на треть меньше. Объем строительной деятельности в сопоставимых ценах в июне 2018 года на 15% ниже, чем в июне 2013 года.

Разве мы не должны это обсуждать? Разве не обязаны смотреть не только на короткую дистанцию, но и на длинные негативные тенденции и спорить по поводу того, как оживить инвестиции. Чего именно им не хватает? Как отразятся на них изменения — а их миллион — в кредитной, налоговой, процентной, бюджетной, валютной политике? Фискальное давление на бизнес имеет свои границы.

СОЦИАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Будет ли у нас национальный проект «Бедность»? Нет, не помощь, не подавание, не обучение — это само собой, а год за годом оживление самых бедных, заброшенных уголков нашей страны. Десятки тысяч поселений стоят недокормленными, с огромным дефицитом денег, с яркими заплатками, но в целом — с закрытыми глазами. Речь идет, прежде всего, о более 800 средних и малых городов — в них живут 27 млн чел., о почти 1200 поселках городского типа с 7 млн чел.,

о более, чем 18 тысяч сельских поселений с 34 млн чел. Это целые страны!

Число малых поселений быстро сокращается. Да, в денежном пятне Москвы, до 200–300 км от нее — все более-менее пристойно. Такие же пятна, до 50–100 км есть у Петербурга, пары десятков крупнейших городов, по сокращающейся. Есть считанное количество успешных регионов — сырьевых, аграрных. Но дальше-то что? Даже внутри крупнейших городов ясно видны очаги бедности.

Как бы в них проникнуть настоящим деньгам — сверху, сбоку, откуда угодно. Именно там — самая низкая продолжительность жизни. Когда к 60–65 годам оглянешься по соседям — скольких уже нет. Именно там — бедность, из которой не выбраться. Не временная — а бедность по убеждению, что так пройдет вся жизнь, и только так. В большинстве этих поселений численность населения снизилась на 20–30% в сравнении с рубежом 1990-х.

Емба с разрушенным механическим заводом. Объявлен ТОРом (территорией опережающего развития). Ищет инвесторов — найдет ли? Старица. Город, который мог бы стать туристической жемчужиной. Пучеж, на берегу Волги. Падение численности населения с начала 1990-х — 45%. В районе 37% дорог не отвечают нормативам. Зарплата учителя — 13,7 тыс. руб., в культуре — 15,1 тыс. руб. Средняя зарплата по стране — больше 40 тыс. руб. Смертность в городе выше рождаемости. Глубочайшая зависимость от бюджетов «сверху». Юрвец. Сокращение населения за 25 лет в два раза.

Кирилск. Знаете, что пишут в его программе развития на 2017–2022 годы? Проблема ЖКХ — меньше 85% населения платежеспособно. Неполноценность питания большинства населения. В городе нет химчистки. Высокий уровень без-

работицы. Смертность превышает рождаемость. 70% предпринимательства — торговля. А что производить? И чем торговать? Чем обмениваться с другими городами и весями России?

В этих и множестве других городов — великолепные люди. Они влюблены в свою малую родину. Но они не обойдутся без помощи. В эти и тысячи других поселений нужны финансовые вливания. Оставить больше бюджетных денег на местах. Обновить малую инфраструктуру. Нужны соглашения с бизнесом — какие новые мощности станут «градообразующими», как сделать, чтобы город стал зарабатывать и дышать сам, без вечных дефицитов бюджета. По сути, специальные «инъекции» в каждое такое поселение, в судьбе которого внимательно разбираться. Ценить его, не выбрасывать на помойку.

И еще — самая отчаянная борьба с бедностью. Не погрязнуть в мегапроектах размером с космос. «Малые и средние поселения России» — это и есть мегапроект. Это унижительно, что зарплата почтальона, медсестры или даже врача — 11–13 тысяч руб. Мастер в рабочей профессии — 25 тыс. руб. Уборщик и бухгалтер — 11 тыс. руб. Все это реальные вакансии, объявленные в малых городах. А пенсионеры? Та же размерность доходов.

Какой массовый способ жизни скрывается за этими доходами? Бедность. Когда без сада и огорода жить нельзя. И то, что выращиваешь своими руками, — большая часть семейного бюджета. В 2017 году 77% картофеля, 63% овощей, больше 40% молока дали личные хозяйства населения (Росстат).

Семьи прямо вовлекаются в безналоговую серую экономику. А что им еще делать? Вне крупных городов до 60% платежей, по оценке, делаются населением прямо в руки,

минуя очи государевы и любые налоги. И еще в натуре, ты — мне, а я — тебе.

Что еще? Вечная зависимость от государства. Жизнь с позицией «Дай бесплатно, дай больше, и почему ты не даешь». Любой первый шок — болезнь, потеря работы — выводит семью из строя.

Что делать? Уход в Москву и другие большие города на заработки. Кочевая жизнь вахтовым методом. А если не можешь — почти крепостное право. Из места, где живешь, далеко не уехать. Добраться до Петербурга или отдохнуть в Сочи, не говоря уже о загранице, пожить там — невыносимо дорого. Только авиабилеты — месячная зарплата.

Одежду? С такими зарплатами не купить, большей частью — донашивать. Не ремонтировать жилье. Не вложиться в образование. Дипломы вузов стоят сейчас сотни тысяч рублей, а бюджетных мест — все меньше. Чувство прилипшей бедности, которую никак не скинуть.

Что говорят опросы? Более 60% населения не имеют банковских сбережений (НАФИ, 2017). У 40% едва хватает денег на еду и одежду. В аграрных поселениях эта доля — 46%, у пенсионеров — 54% (ВЦИОМ, июнь 2017 г.). В 2017 году радикально, почти на 80%, выросло число заемщиков по микрокредитам. Там, где нужно перехватить до получки. По таким кредитам — больше 8 млн заемщиков (Банк России), и за большинством из них — семьи, живущие с постоянной нехваткой средств. По этим займам нужно платить от десятков до нескольких сот процентов годовых. По 30% потребительских микрозаймов — невозвраты сроком больше, чем три месяца. Можно быть уверенным, что несколько миллионов семей в России построили свои личные финансовые пирамиды.

Как лучше почувствовать такую жизнь? Тверская область — пространство малых и средних поселений. Численность населения за 25 лет сократилась почти на четверть. Эта область — 73–74-е место в России по продолжительности жизни, доходы на душу населения — 51-е место по стране, по числу врачей на душу населения — 48-е место, ветхое и аварийное жилье — в 2 раза выше, чем по стране, преступность — самая высокая в Центральном федеральном округе (Росстат, 2016). Водопровод, отопление, канализация — все это хуже, чем в других областях ЦФО и гораздо хуже, чем по стране в среднем. Абсолютное большинство местных бюджетов дефицитно.

Выводы? С бедностью, опустыниванием им самим не справиться. Будь они хоть семи пядей во лбу. И другим регионам тоже. Нужен мегапроект по борьбе с бедностью в России, как с чрезвычайной ситуацией. Хотя бы 200–300 малых городов, ставших новыми национальными жемчужинами.

ДЕМОГРАФИЯ И РОСТ

Чем же еще оживить российское хозяйство? Демография? Когда население сокращается и стареет — всегда грозит стагнация. Посмотрите на Японию, на тихоходный ЕС. Только рост населения в России, жизнь кипящая, миллионы семей, прирастающих благополучием, могут удержать в сохранности дарованную им самую большую в мире землю обетованную. Сладкую пашней, лесами, дарами недр. И пусть только кто-нибудь посмеет сказать: «Зачем плодить бездельников, когда и тем, кто есть, не хватает рабочих мест?»

С демографией у нас — не очень. Кто-то вспомнит о демографических волнах, о «втором переходе» в падении рождаемости. Другой помянет проклятые 1990-е годы. Сегодня

рожают они — из 1990-х, а их гораздо меньше. Плюс кризис 2014–2016 годов, риски, неуверенность в будущем. Но ясно одно — мы опять вошли в минусы.

В 1950 г. послевоенный бэби-бум, 17 новых душ на каждую тысячу человек. Школы были забиты. В 1990 г. — уже только два свежих младенца на тысячу. В начале 2000-х годов началось то, что бесстрастно называется «естественная убыль». Каждый год мы теряли 6 человек из тысячи. В 2013–2015 гг. — снова плюсы. Пусть только по одному новорожденному на пять тысяч человек, но все-таки. А в последние годы — чистая потеря населения каждый год. В 2017 г. население России уменьшилось на 136 тыс. человек, снова один на тысячу.

Что же делать, куда деваться? Так говорят в российских деревнях, когда силы — не преодолимы. Но так ли это? Нам очень нужны оптимизм, уверенность в том, что можно строить семейное имущество — дома, земли, накопления на 2–3 поколения вперед. Спокойствие, нормальность. Ведь есть же развитые страны, в которых рождаемость выше, чем у нас. В России коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину) — 1,6, в Чехии — 1,7, в Дании, США, Великобритании, Ирландии — 1,8, в холодных Исландии и Швеции, где кровь никогда не разогреется — 1,8, во Франции — 1,9. Это все развитые страны, с продолжительностью жизни от 79 лет и выше. И наконец, в Израиле — 3,1! Плодитесь и размножайтесь! Традиции, патриотизм, религия, высокий уровень жизни — все работает на рост (Population Reference Bureau).

В сотый раз хочется сказать — давайте обсуждать, может быть, даже кричать о главном. Как быть дальше? Как обогащать население? Как придать экономике резвость и молодость не только в сырье? Как сделать так, чтобы семьи стали

полноводными? И как не сокращаться в населении? Или будем ждать чуда — нефти по 100 долларов, и тогда заживем? Этого чуда может и не быть. Добыча нефти в США, крупнейшем потребителе топлива в мире, только за семь последних лет выросла в 2 раза. Дождемся, когда США взломают рынок нефти и опустят цены «ниже плинтуса».

Что дальше?

Как же расти? Как модернизироваться? А слова все катятся. Один сказал — три процента роста, но когда-нибудь потом. Лет через пять или семь. Другая — нет, поближе, хотя при другом сценарии — попозже. Кто вспомнит эти слова в 2020-х? МВФ обещает в 2019 году 3,6% роста мирового ВВП, а для нас — 1,7%. Это 153-е место в мире по росту. В 2018 году — 166-е. Нам это нужно? Вся Восточная Европа и Центральная Азия будут расти в 2019 году со скоростью экономик в 2,5–5% в год.

Нет смысла спорить о деталях. Лучше обсуждать главное. Может ли большое хозяйство России, в которой все вращается вокруг бюджета, а остальные экономические инструменты — не нормализованы, выполнить свое предназначение — качество жизни, опережающий рост, модернизация, инновации? Мы снова попали в тупиковую экономическую модель?

Нам всем нужно посоветоваться, какую экономику мы строим. Какую модель общества. По-честному поговорить друг с другом. Пока у нас получается все больше пирамидальная структура. Огосударствленная. В ней все больше собственности у немногих. В земле, имуществе, бизнесе, деньгах. Больше прямого управления. И больше закрытости, огораживания. А население всегда торгуется с властями за

кусок — ну дайте хотя бы немного побольше. Выпрашивает, иногда встает на колени. Объективно, в силу логики жизни, а не потому, что мы хотим кому-то зла.

Острота проблем означает только одно — нам всем нужно говорить друг с другом — долго, нудно, остро — о том, что впереди. Действовать исходя из реальностей, рационализма, приоритетов благосостояния и роста — как того, без чего обойтись нельзя.

И, в конце концов, подчиниться идеям, заложенным в Конституции, — отстроить социальную рыночную экономику, создать государство всеобщего благосостояния, государство развития.

Такой выбор нам еще только предстоит сделать.

* * *

DIAGNOSIS: BUDGET ECONOMY

We are building a unique model of budget, “crutch” economy with responsibility for everything being placed on the budget — responsibility for social sphere (execution of presidential decrees), for growth in production and industrial potential, defense and security, as well as for build-up of reserves against a rainy day and maintaining of public debt on a low level. The Finance Ministry would not want to raise it even for the purpose of development. The budget should produce it all at once — oil, guns, rockets, and savings.

In every region and industry, growth currently depends on budget money and projects suggested by the center. All the rest is not standardized. There is no generally accessible credit at reasonable interest rate on the whole territory of Russia. Mass business can hardly obtain loans in a small and specula-

tive financial market. Everybody complains about unreasonably high taxes. The tax burden in Russia is higher than the one in the USA (IMF). The exchange rate of ruble poorly encourages growth. Heavy administrative burden — the number of regulatory acts adopted in Russia amounted to 5,500 in 2005, 12,000 in 2010, 17,500 in 2016 and 18,900 in 2017⁴. Exponential growth. Local budgets and regional development ability depend on the money from the center. The budget federalism has not formed up in Russia, as too much money is taken by the center.

However, we do see some rapid economic growth, don't we? Yes, we do, yet only in individual regions and industries that can be counted on fingers. I mean the ones that the state gives preferences to, i.e. budget subsidies, opportunities for cutting loan interest rates, reimbursing some of the costs, paying lower taxes, or just irretrievable financing. Everybody seeks for budget support or protection by way of customs duties. The industry constantly asks the state for resources. Nobody relies on banks and financial market. Please give us the “crutches!”

The economic growth model built up around the split-up of federal budget looks dead-locked as the budget is not elastic. It cannot solve the problem of rapid growth rate alone, along with the ones of providing food, defending the population and creating backup reserves. This type of economy is doomed to slowdown and looks crippled. It is overloaded with rules, regulations, supervision and sanctions, as budget funds have to be controlled. The ministries slowly turn into a collective State Planning Committee of the Soviet era as they try to fill the gaps in industrial space and create orders (certainly at the expense of budget funds and benefits).

⁴ Calculated on the basis of database of Consultant-Plus reference system

TAXES, RESERVES, BUDGET SPENDING

25 years of high (equal to the European level) taxes and “quasi-taxes” that make it hard for the economy to grow. Since early 2000s, the budget has been working in line with the principle of collecting more money, converting its major part into hard currency and foreign assets. In late 2013, before the crisis, the extra-budgetary reserve funds reached almost \$200 billion amounting to over 20% of annual budget spending, and over one third of international reserves (Russian Finance Ministry). It means that the money was taken away from the population and business, instead of being used for investments and encouraging growth in demand.

Are the reserves needed? Naturally, they are! Yet, they are not enough if the economy is stagnating. If it is rapidly growing, there is no need for creating reserves so desperately. Their amount enabling us just to be safe is quite enough. We replenish the reserves very quickly today. The National Welfare Fund has reached 4.6–5 trillion rubles. Yes, it is required, but what about the size?

One more principle of our budget policy lies in shrinking up “social commitments” slowly, but steadily — by hook or by crook, so to say. It is done by way of optimizing the network, retirement age increase, and freezing payments. Taxes are levied on every little thing. Increasingly more money goes to the center. Financial verticals are being created — the growth areas are the ones with privileges granted by the center and federal projects being implemented. Tax benefits? The majority of them are directed downward. Let the regions (short of money) decide whom they give them to. Keeping the public debt on a low level. It may not be built up, except for a slight increase for the purpose of investments! Actually, it is not a budget of growth, as

it entirely depends on global prices and global demand for raw materials.

OVERCONCENTRATION

Pyramids, constriction in vertical direction — how can they be measured? Well, indirectly, through the role of Moscow at least. Over the past quarter century, the population of Moscow has risen by over 40%. In 1990, 6% of Russians lived in Moscow against 8.5% nowadays. In 1990s, Moscow generated about 14% of Russia's GDP against 21% today (Russian Federal Statistics Agency — Rosstat). Almost 20% of Russian companies are registered in Moscow, and about 20% of taxes are collected there (Federal Tax Service — FTS).

Some people will say: “God be praised! What is so bad about it?” However, there is one more indicator — money. It indicates the overconcentration of wealth, power and property in the capital. In early 2001, the sales of currency in cash by the banks to population in Moscow amounted to 19% of the total figure for Russia in general. In April 2018, this figure reached 53%. It means that over half of the currency in cash (dollars and euro) flowing into Russia is in Moscow (the Central Bank of Russia — CBR).

In 1997, Moscow Region accounted for 47% of funds deposited in the banks' accounts in the Central Bank, against 85–87% today. 91% of banks' assets are concentrated in Moscow and Moscow Region. In early 2001, the bank deposits in Moscow amounted to 38% of their total Russian volume, against 54% in July 2018 (CBR).

In 2017, cash incomes per capita amounted to 59,000 rubles a month for Moscow, 22,000 rubles for Pskov Region, and 14,000 for Tyva (Rosstat).

It stands for overconcentration of money and property. Yet, there is not enough freedom for business in vertical structures. Such economy looks very fragile. It falls behind other economies on a long track and cannot catch up with the innovations. It suffers from brain drain as skilled specialists are leaving. Social lifts work poorly. The society makes mistakes and loses.

There is enough of world experience. The one of dozens of states is at our disposal. Yet, we retired into ourselves and took everything under direct control. Did we become stronger? Well, we did at first. Yet, the energy is washed away, while fragility and weakness remain — it is an age-old truth.

Do we need it? Certainly, not. Moreover, when we are exposed to external pressure.

Let us sit together and discuss the situation. What to look for? Which society model? The Anglo-Saxon? The society of emigrants who like new things and risks? With minimal participation of state? No, it won't do. We are different. Asian economy of special path? Yet, we feel being different again. This combination of diligence, cheapness, temperance, motivation to training and subordination will not do either. Scandinavian economy? The tax burden is too heavy anyway. But how to master the unique capability of efficient spending and equal distribution? German model? Welfare for all, the model of Ludwig Erhard? It would be great, but where can we take accuracy and discipline from?

What about the Mediterranean model? The one of Spain, Italy, or France? It is also the one of socially-oriented market economy. "Continental," not the Anglo-Saxon one. The state's participation is higher than in New York or London in terms of its role in economy, property and consumption. More of banks, loans, and debts than of financial markets.

Family property is more extensive in such a model. It is not “people’s capitalism”, but the economy of “major capital stakeholders.” In Russia today, the absolute majority of companies belongs to 2–3 owners, and they will share their property with no one.

Something makes Spain subtly similar to Russia. A former empire. Leap to modernization. Totalitarian regime in the 20th century. Beautiful and exotic women. Special way, superiority complex. Subtle aftertaste of chaos flavored with order, or vice versa. Talented and lazy people. The climate — frosts and ovens for us, heat and siesta for them.

Italy, Spain and Portugal could meet their challenges. Ideologically split nations have become united. They managed to work economic miracle (Italy in 1960s, Spain in 1960s — middle of 1970s, and Portugal later) turning from technologically backward countries into modern ones. Starting from 1980s, they would go abreast with other states.

In early 1960s, life expectancy in Spain was lower if compared to the USSR. Currently, Spain is 4th, while Italy is 6th in the world in terms of life expectancy (83 years). Portugal can boast of over 81 years. Spain and Italy outpace Russia almost 3-fold in terms of GDP per capita, while Portugal — two fold. In terms of GDP at purchasing power parity, the first two states outpace Russia by one third, while Portugal — by 10%.

Can we make it setting the goal in fact, not in word? How to do it? How to start growing rapidly? In 2018, the GDP of the USA was growing much faster than the one of Russia. So when and how? The main thing is how.

TAX BURDEN

One does not have to be an expert in economics to understand that excessively high taxes may suppress growth and even de-

stroy the state indirectly. One must not shear sheep twice. Otherwise, the flock may disperse, hide somewhere and stop paying. There are many respective examples in human history. Moreover, it does not matter what you call these taxes — charges, duties, payments, etc. They are called “quasi-taxes” in international practice — one has to pay them, otherwise he/she will be punished and still have to pay.

We have excessive tax burden in terms of growth. All rapidly developing countries with real GDP growth rate of over 5% annually have fiscal burden lower than the one in Russia today. They can boast of higher monetization, saturation with cash, as a rule, availability of credits, and lower interest rate (5–6% maximum). They often impair their currency deliberately to encourage growth, export and import of capital. Today, many people accuse China in such activities. The state debt is usually higher than the one in Russia, and it may be spent for investments. The state looks cheaper than the one in Russia. In rapidly developing countries (China, India), financial markets are larger than Russia’ one. They have lower monetary and budget reserves — for the purpose of growth.

What does it result in? The rate of investment jumps up (“Investments/GDP”) — 44% in China, 32% in India, and only 24% in Russia (2017, IMF). How can we catch up with them?

FINANCE OF SLOWDOWN

The finance may encourage economic growth. The system can be adjusted so as to move faster, and spur up all those who want to be ahead of others.

Yet, the finance may slowdown economic growth as well. We have been suppressing growth through finance over a quarter of a century. 25 years of “cold” credit and unreasonably high

interest rate. We have very low loan saturation. “Loans given to non-financial entities / GDP” — 35.1% in 2016, and 32.8% in 2017. “Loans given to households / GDP” — 12.6% in 2016, and 13.2% in 2017 (CBR). It looks bleak, on the level of poor stagnating countries. In China, this figure is over 200%. Even in Vietnam having annual GDP growth rate of 6.5%, the credit saturation is about 100% of GDP.

Loan interest? One of the highest in the world for decades. We must feel ashamed, as young families in Czech Republic and Poland take mortgage loans at 2.5–3% maximum. Average interest on consumer loans in Russia? Always a double-digit one (CBR)!

25 years of export of capital. The outflow of private capital has amounted to almost \$800 billion. A quarter of a century of speculative financial market, where we can see carry-trade, etc., while long-term investments are almost missing. The capitalization of Russian stock market against GDP was estimated at 120–140% in 2006–2007, and 39% in 2017 (CBR).

Plus, the loss-making Central Bank (-0.4 trillion rubles in 2017), which has decimated the commercial banking sector (-45% of banks over 4.5 years). It has issued over 3 trillion rubles to cover the debts of banks and payments to depositors (Annual report of CBR, Deposit Insurance Agency — DIA). These are not investments, it is plugging holes. Everything is enlarged, while money goes to Moscow. Over 50% of loans for economic purposes are provided in Moscow and Moscow Region. Over 80% of commercial banks’ funds on deposits in the Central bank are concentrated in Moscow area (CBR).

Do you think that we have suppressed the inflation? We could not do it for 25 years, but now defeated the inflation, didn’t we? However, the Producer Price Index (PPI) for industrial manu-

facturers amounted to 7.6% in 2017, and 16.6% in January-July 2016. No matter how we restrain the prices and tariffs regulated by the state, sooner or later, the trend will burst into retail, especially on the background of ruble devaluation.

Let us take devaluation, by the way. We had four outbreaks of it (1994, 1998, 2008 / 2009, 2014). Finally, the fifth one broke out. Since early this year, ruble has become cheaper against USD by over 20%. The trend was clear long ago. The experts warned that carry-trade and financial infections would trigger it (*Rossiyskaya Gazeta*, 27.12.2016). Moreover, it will repeat again — speculative financial market, high instability, financial blows destroying the economy, poor access to loans, if... If what? If we do not introduce bans? No, banning is impossible! We should encourage, stimulate, saturate with cash and build a large financial machine.

May foreign countries render financial help to us? Oh, no — sanctions and restrictions on access to international capital markets. The aggregate outflow of capital exceeds the investments obtained from abroad by \$300 billion (CBR, June 2018). This money has been taken away from Russia. It is the world that gets investments from us, not vice versa.

This is not a financial system of growth. It rather looks like the following formula — credit “cold,” high interest (Bank of Russia), plus budget consolidation (higher fiscal burden, minimum of tax incentives, cuts in spending) (Finance Ministry), plus major projects, financial privileges, special vertical regimes (from the center, from top to bottom) — as a basic economic model.

Consequences? Serious dependence on world prices and demand for raw materials. Cities and roads failed to be renovated outside (within a radius of 100–300 km) Moscow, some major cities and special areas (SEZ, PDA, etc.). Huge deficit of cash and investments. Those desperately looking forward to reach-

ing pension age join the “gray” market. You steal from us, we steal from you. According to estimates, 50–60% of private payments and services in the province are tax-free. Encapsulation of regions.

Is it growth? What does the Bank of Russia think about our future? According to its forecast, the growth rate of real GDP in Russia will amount to 1.5–2% in 2018–2020⁵. What about the Finance Ministry? 2.1% in 2019, 2.2% in 2020, 2.3% in 2021⁶. Is it how we are going to live? Looks “splendid,” isn’t it?

ECONOMICS AND REAL THINGS

Import of footwear is estimated at 85% in the Russian market. It is the simple truth. One does not have to be an expert to say that it is not good for a country with the population of 148 million people. There should be shoemakers, leather and equipment for the domestic products to account for at least 40–50% of the market. Is something wrong in our economy?

We have been unable to offer reasonable credit interest over the past 25 years. Millions of families have to take loans at a double-digit interest rate. A quarter of a century! What is so wrong with our economic management? South Korea has joined the ranks of developed countries over the past three decades. China has become a country that many states eye with jealousy. In the countries of Eastern Europe, young people take mortgage loans at 2.5–3%.

What is wrong? Why did we make only \$4 per capita worth of computers in Russia after so many calls for innovations? Why is the output of 300–350 machine tools a month still an ultimate

⁵ Bank of Russia. Russian Financial Sector. Investor Presentation. May 2018.

⁶ Russian Finance Ministry. Main guidelines for budget, fiscal, customs and tariff policy for 2018 and target period of 2019 and 2020.

dream for us? What kind of economy do we have, if the output of umbrellas has amounted to only 15,000 pieces for 148 million people over the past year? Rosstat says that the output of baby carriages amounted to 67 units in 2018 and 760 in 2017 for the entire Russia. How can it be in the country so rich in manpower and other resources?

We have huge markets for economic growth. Footwear, clothes, articles of daily use. Trillions of rubles. The market is flooded with goods. Yet, who did it? The share of imported drugs in terms of cost dropped to 68% (DSM Group, March 2018). Success, isn't it? This figure was recently estimated at over 80%. The deformation has been forming up over the past 25 years. It is sector after sector — this product is missing, that one has been discontinued, the third one is of a wrong model.

Moreover, to what extent can we call domestic products “domestic”? The industrialists say that many products are made of foreign parts and ingredients. It is true for pharmaceuticals, agriculture, textile industry, and microelectronics. The Ministry of Industry and Trade has recently mentioned that Russia orders microelectronic devices with the maximum size of 28 nanometers from large factories of Southeast Asia (Rossiyskaya Gazeta, August 27, 2018).

What is so wrong with the economic policy, if the import phase-out was enforced due to sanctions? Why was the stupid slogan “we will buy everything for raw materials” considered an absolute truth for so long in the country with population of 148 million? Why did everybody signify consent with a nod while hearing statements that it is “Dutch disease”, there is no getting around it, and we are doomed to pursuing this type of economic policy?

A quarter-century of disequilibrium and unstable economy that has turned from industrial into resource-based one! Isn't it

high time to change the order of things? Isn't it frightful, when economic ministries and departments repeat in all sharps and flats that there is only slight growth ahead, if any, while the acceleration will become tangible only with time — in some five years?

It has been known beforehand that the economy of verticals, extremely large property owned by the state, which is dominating, is a dead-end track. It has been clear in advance that the economy relying mostly on the budget and individual projects of federal authorities, though major ones, cannot demonstrate rapid and steady growth, unless it is transformed into mobilization economy.

The economic growth, innovations and modernization require live, easy environment, as well as favorable monetary conditions for all, not only large corporations. The share of small and medium business should reach at least 40–50%, instead of 20–25% that we see now. The requirements are the same — available credit, low interest rates, slightly weak ruble, large domestic financial market, lower taxes, strong tax incentives for growth and modernization, lightweight administrative burden, customs duties protecting the domestic market, etc. We should encourage foreigners to localize production in Russia, instead of supplying finished goods in exchange for raw materials. Moreover, it is true for all non-resource-based sectors. When will we have it all? In another 25 years?

We passionately debate on growth rate. Nobody is happy about the real GDP of Russia in 2017 being lower by 0.5% than the one in 2013. On the other hand, GDP at purchasing power parity increased only by 5.6% over the four years. Looks depressing, isn't it? Other countries demonstrate much faster growth.

However, the economy is about real things — people, buildings, equipment, products, etc. Some states always strive for-

ward, like “Asian tiger countries,” while others fall down with loud noise and rattle. Where can we find the areas of rapid growth? Or, on the contrary, the ones of collapse? What actually happens to real things? Let me quote examples, though probably heterogeneous ones, taken from different industries.

Serious gain in production of meat, yet not in terms of money, but in terms of tons. The growth in production of poultry by 38% over five years (June 2018 if compared to June 2013) — growth by almost 7% annually. These achievements deserve respect. What about “canned fish in oil?” Do we need this product? We do. The gain in production in million cans amounted to almost 60% over five years — about 10% annually. Sunflower oil? Here, a real miracle is observed. The oil output amounted to 197,000 tons in June 2013 and 351,000 tons in June 2018, i.e. almost by 80% more. Thus the annual growth rate reached 12%.

Let us take a pencil and start looking for other growth points. It turns out that we have worked an absolute miracle. It is a record for Russia. In June 2018, the output of workwear for men (industrial and professional overalls) reached 3.6 million pairs — two times more if compared to June 2013 (Rosstat). No crisis is observed, the average annual growth rate is estimated at 15%. China and India, world record holders in growth rate, cannot even dream about such results! Let us take category “other workwear” (we have such a category). The output in rubles rose 2-fold over a year (June 2018 against June 2017). It is an economic miracle comparable in effect to solar eclipse. What are the reasons behind it? The management of companies placed junior personnel under the obligation to wear overalls. Besides, camouflage overalls are cheap and good to do the household work and plough the vegetable garden. Thus, workwear is in general use.

What about fabrics? If secret thoughts are taken, one expects recession and other terrible things in textile industry. No, nothing of the kind! The growth in textile production amounted to 40% over five years (June against June), i.e. 7% a year. Well, perfect, let us turn the page. What about tires for cars? The output reached 2.8 million pieces in 2013 and 4.2 million pieces in 2018. The growth by 50%, isn't it?

Such islands of prosperity and luck are very important for us. Each time, one would like to find out “who is to blame,” what the reason behind it is. Special conditions? Lucky dynamics of prices causing growth in production? External demand? Devaluation of ruble forcing out import, or, on the contrary, encouraging export? Or is it the idea of specific people, owners of business, who are eager to strive forward? What about special privileges granted by the state, state purchases, low loan interest rate or subsidies? Anyway, the reasons behind both success and failure are very specific.

These “golden spots” with industrialists, personalities behind them run through the whole structure of Russia's economy. Do you want examples? The industry of catching crabs — dozens of companies, the sector that is rapidly growing after 2014, production for export in the Far East and the Barents Sea. In early 1960s, a crazy, unique experiment was made — crabs were moved to the Northeast by airplanes. A sort of gift to us and Norwegians. Now, we see commercial production in this area. Export to the USA, Japan, South Korea and rapidly growing China. The companies expect to accomplish serious upgrade and order vessels worth many billions of rubles both in Russia and abroad. Such “cells” of Russian economy constitute a national asset. We must dance attendance on them, while the state is to take care of these growth areas.

However, as our economy is growing at such a low rate, there are very many stories of failure. These should be studied carefully as well — as to what the reasons behind these problems and backwardness are. What aid can the authorities render? What is wrong, and what can be changed in macroeconomic conditions? After the devaluation of ruble, price hikes and growth in cost of imported components, the output of computing equipment amounted to 2.1 billion rubles in terms of current prices in June 2013 and also 2.1 billion rubles in June 2018 (Rosstat). How can it be like that in five years? Are we building innovative economy or not? Where are you, notebooks?

Okay, let us proceed to some simpler matters. Let us take buses. Their output amounted to 4,800 vehicles in June 2013 and 2,400 five years later. As far as cars are concerned, the output amounted to 161,000 and 139,000 units respectively. The production was much lower if compared to trucks. As for refrigerators, we see the figures of 342,000 and 312,000 units respectively. Obvious drop. Washing machines? 287,000 and 290,000 units. The output of gas stoves amounted to 31,000 and 39,000 units respectively. It is growth at last, isn't it? Five years have passed. Are we moving forward or not?

In June 2013, during the peak in summer construction, 395 million bricks made of cement, concrete or man-made stone were produced in Russia. In June 2018, the output amounted to 219 million pieces — a drop by 45% over five years. The output of ceramic non-fireproof bricks was estimated at 629 million pieces in June 2013 and 499 million pieces five years later. We see a drop by 21%. The figures for production of Portland cement and other types of cement are 7.1 million tons and 5.9 million tons respectively — the reduction by 17%. The production of roofing slates dropped by almost one third — from 68 million to 46 million

pieces. The volume of construction activities in comparable prices reduced by 15% in June 2018 if compared to June 2013.

Shouldn't we discuss these issues? Shouldn't we study the long-term negative trends as well and debate on the issues of encouraging investments? What are we short of with regards to investments? What impact will the changes (there are millions of them) in credit, tax, monetary, budget and currency policy have on them? The fiscal pressure on business has its own limits.

SOCIAL AND REGIONAL INEQUALITY

Will we ever launch the national project on combating poverty? No, I do not mean aid, alms, or training — these are taken for granted. I mean the recovery of the poorest and most abandoned corners of our country. Dozens of thousands of settlements suffer from shortage of food and cash, yet we close our eyes to them. These are over 800 medium and small towns with total population of 27 million, almost 1,200 urban-type localities with population of 7 million people, and over 18,000 rural municipalities with population of 34 million people. Taken together, they can be compared to countries in terms of population!

The small settlements rapidly reduce in number. Yes, the situation looks more or less fine in rich Moscow and the area located within the radial distance of 200–300 km from the capital. Such areas are also located within 50–100 km radius of Saint Petersburg and about 20 large cities. There are several prosperous regions dealing with extraction of mineral resources and agriculture. Yet, what will happen to other ones? One can find hotbeds of poverty even on the territory of large cities.

How can the investments reach them — from above, from the side, from anywhere? These areas feature the lowest life expectancy. Many people die by the age of 60–65. These are the ter-

ritories of real poverty that is impossible to get out of. It is not temporary poverty, but the one by default. Local residents know that they will have such living standards to the end of their life. In the majority of these settlements, the population has reduced by 20–30% if compared to 1990s.

The town of Yemva with destroyed mechanical plant. The authorities assigned a status of PDA (priority development area) to it. The town is now looking for investors. Will it find them? The town of Staritsa that could have become a pearl of tourism industry. The town of Puchezh located on the bank of Volga. Its population has dropped by 45% since early 1990s. 37% of roads in the respective district do not comply with the standards. The salary is 13,700 rubles for teachers, and 15,100 rubles for the employees of cultural institutions. For comparison, the average salary nationwide is 40,000 rubles. The death rate in the town is much higher than its birth rate. Serious dependence on the federal and regional budgets The town of Yuriyevets — a twofold drop in population over 25 years.

Kirensk. Do you know what they write about the program of its development for 2017–2022? The problem of housing and utility infrastructure is very urgent there — 85% of local households cannot afford the tariffs. The majority of local population suffers from poor nutrition. There is no dry cleaning facility in the town. High rate of unemployment. Its death rate exceeds the birth rate. Trade accounts for 70% of business. What can they produce and sell? What can they exchange with other Russian towns?

Nice people live in these towns and other ones. They love their small motherland. Yet, they cannot do without help. These towns require financial injections. We must leave more budgetary funds locally and renovate infrastructure. Agreements with business are required — as to what new enterprises will become

the “town-forming” ones, and how to let the towns earn money, “breathe freely,” and forget about budget deficit. In fact, we should study thoroughly the situation in each of these towns and plan special “injections.” These settlements must be valued, instead of being thrown in the trash.

Serious program on combating poverty is required. We should not get stuck in megaprojects. “Medium and small settlements” — this is a real megaproject. It looks humiliating, when the salary of a postman, nurse and even physician amounts to just 10,000–13,000 rubles. Foreman earns 25,000 rubles, while cleaner and accountant — 11,000 rubles each. These are open job positions in small towns. What about pensioners? The same level of incomes is observed.

What living standards are behind such incomes? Grim poverty. Local residents cannot earn their living without a vegetable garden. The fruit and vegetables grown account for a major part of the family budget. In 2017, private farm households accounted for 77% of output for potatoes, 63% for vegetables and over 40% for milk (Rosstat).

The households have to be involved in tax-free “gray” economy. What shall they do? Outside large cities, up to 60% of payments are tax-free. Barter is very popular there.

What else? Everlasting dependence on the state. The local residents live according to principle “give me more and free of charge.” Any first shock — like a serious disease or a job loss — knocks the household out of action.

What is to be done? The people leave for Moscow and other large cities to work there on a rotation basis. Vagrancy. Those who cannot leave have to live in the conditions similar to serfdom. Moreover, it is hard to leave. Traveling to Saint Petersburg, and spending a vacation in Sochi or abroad are too expensive,

and they cannot afford it. The cost of air flight alone is equal to monthly salary.

What about clothes? Their salaries are not enough to buy new ones, so they have to wear out the garments they have. The certificates of higher educational establishments cost hundreds of thousands of rubles, while state-financed openings reduce in number. The sense of everlasting poverty that is impossible to forget.

What do surveys say? Over 60% of Russians do not have deposits in banks (NAFI, 2017). 40% of people can hardly afford buying food and clothes. Moreover, this figure amounts to 46% for residents of agrarian areas, and 54% for pensioners (VCI-OM, June 2017). In 2017, the microloan borrowers dramatically grew in number — by almost 80%. As far as these credits are concerned, there are over 8 million such borrowers in Russia (Bank of Russia). The majority of them have families living in permanent conditions of money shortage. These people have to pay interest rates of several dozens or hundreds per cent. Credit defaults of over 3 months account for 30% of consumer microloans. One can be sure that several million of Russian households have built their personal financial pyramids.

How can one feel about such a life? Let us take Tver Region — the territory of small and medium settlements. The population has dropped by almost one fourth over the past 25 years. The region holds 73rd-74th positions in Russia in terms of life expectancy, it is 51st in terms of incomes per capita, and 48th in number of physicians per capita. The local figure for dilapidated housing exceeds the average nationwide one twofold, while the criminal rate here is the highest in the Central Federal District (Rosstat, 2016). The region is inferior to other areas of the Central Federal District in terms of water supply, heating, sewage and drain-

age systems. Moreover, the state of these systems is much worse than the average one for the country in general. The majority of local districts have budget deficit.

What are the conclusions? They cannot cope with poverty and desertification on their own, even if local people are as wise as Solomon. The same is true for other regions as well. We need a megaproject on combating poverty in Russia. At least 200–300 small towns should be turned into national pearls.

DEMOGRAPHICS AND GROWTH

How can we recover Russia's economy? What about demographics? There is always a threat of stagnation, when the population is reducing and ageing. Look at Japan and the EU. Only growth in population, millions of families living in prosperity will enable us to keep our vast territory safe and sound. Our country is rich in arable land, forests and mineral resources. No one dares to say: "What should we multiply the number of idlers for, when there are not enough of jobs for existing residents?"

In terms of demographics, the situation in Russia is not so good. Some people may remember demographic waves and the "second advent" of drop in birth rate. Others will recall damned 1990s. Today, people born in 1990s, which are few, give birth to babies. We can also lay the blame on the crisis of 2014–2016, risks, the sense of insecurity of the future. However, one thing is clear — we are in the red again.

Let us take the postwar baby boom — 17 babies per each 1,000 people. The schools were packed. In 1990s, the figure was only 2 babies per 1,000 people. In early 2000s, we saw the phenomenon that is called "natural decline in population." We would lose 6 people out of each 1,000 every year. In 2013–2015, the popu-

lation started growing again. Let it be one baby per each 1,000 people, but still. As for the past years, the population has started to reduce again. In 2017, it dropped by 136,000 people — one per thousand again.

What is to be done about it? Is it like water under the bridge, as people in Russian villages say facing force majeure circumstances? Yet, is the situation really so bad? We badly need optimism, self-confidence, assurance that we are able to build up property — houses, land plots, savings — for 2–3 generations ahead. We need peace and standard living conditions. There are developed countries with birth rate higher than in Russia, aren't there? The total fertility rate (number of kids per 1 woman) is estimated at 1.6 for Russia, 1.7 for the Czech Republic, 1.8 for Denmark, the USA, the UK, and Ireland, 1.8 for the cold Iceland and Sweden, 1.9 for France. These are developed countries with life expectancy of 79 years minimum. Finally, let us take Israel — 3.1! Go forth and multiply! Traditions, patriotism, religion, high living standards — everything promotes growth in population (Population Reference Bureau).

I would like to repeat for the hundredth time — let us discuss the main problems, even shout out loud about them. What shall we do? How can we make the households richer? How can we make economy young and active, not only with regards to raw materials? How to make families large again? How to stop the decline in population? Should we wait for a miracle, like the rise in oil price to \$100 per barrel? This miracle may fail to happen. The oil production in the USA, the major consumer of fuel in the world, has grown twofold over the past 7 years alone. Shall we wait for the USA to turn the oil market upside down and drop the prices below the ground level?

WHAT IS TO BE DONE NEXT?

How can we promote growth and upgrade? Much has been said about it. One official promised 3% of growth, yet some time later, in some five or seven years. Another one said that it can be achieved sooner, yet in case of a favorable scenario. Who will remember these statements in 2020s? The IMF forecasts 3.6% growth in global GDP in 2019, and 1.7% for Russia. It is 153rd position in the world in terms of economic growth. In 2018, we were the 166th in the world. Is this what we need? The whole of Eastern Europe and Central Asia will grow at the rate of 2.5–5% annually in 2019.

It makes no sense to wrangle over details. We should better discuss the key issues. Can the large economy of Russia succeed in terms of the quality of life, outstripping growth, modernization and innovations, if everything in it centers around the budget, while the state of all other economic instruments is poor? Have we chosen a dead-end economic model again?

First, we have to decide what economy we are building. What kind of social model do we want? We should organize honest discussion. So far, the structure we have looks still more like a pyramid. A pyramid regulated by the state. Few people have a lot of property in terms of land, real estate, business and money. More of direct rule is observed. The society is closed. The people are negotiating every little thing with the authorities — please give us a larger slice. They beg and kneel down sometimes. It is not that we intend harm to anybody. It is just the logic of our life.

The acuteness of the problems we face calls for talking to each other about what we have ahead. We should act proceeding from realities, rationalism, welfare priorities and economic growth. These are the things that we cannot do without.

Finally, we must follow the principles listed in the Constitution, which means building socially oriented market economy and creating a welfare state, the state focused on development.

This is the choice that is still ahead, that we are still to make.

Список литературы

1. Миркин Я.М., Кудинова М.М., Левченко А.В., Бахтараева К.Б., Жукова Т.В., Бунатян А.Г. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика. — М.: Магистр, 2014. 494 с.
2. Миркин Я.М., Жукова Т.В., Левченко А.В., Бахтараева К.Б. Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика. — М.: Магистр, 2018. 480 с.
3. Russian Federation: Financial System Stability Assessment. Wash.: IMF. Country Report № 16/271. July 13, 2016. 49 p.
4. Selected Issues. Russian Federation. Wash.: IMF. Country Report № 18/276. September 12, 2018. 34 p.
5. Tyll, L. Pernica, K., & Arltová, M. (2018). The Impact of Economic Sanctions on.
6. Russian Economy and the RUB/USD Exchange Rate. Journal of International Studies Vol.11, №.1. 2018. PP. 21–33.

Bibliographical References

1. Ya.M. Mirkin, M.M. Kudinova, A.V. Levchenko, K.B. Bakhtarayeva, T.V. Zhukova, A.G. Bunatian. Financial Strategies of Economic Modernization: World Practice. — М.: Магистр, 2014. 494 p.
2. Ya.M. Mirkin, T.V. Zhukova, A.V. Levchenko, K.B. Bakhtarayeva. Mechanisms of Encouraging Rapid Growth: World Practice. — М.: Магистр, 2018. 480 p.
3. Russian Federation: Financial System Stability Assessment. Wash.: IMF. Country Report #16/271. July 13, 2016. 49 p.

4. Selected Issues. Russian Federation. Wash.: IMF. Country Report #18/276. September 12, 2018. 34 p.
5. Tyll L. Pernica K., & Arltová M. (2018). The Impact of Economic Sanctions on.
6. Russian Economy and the RUB/USD Exchange Rate. Journal of International Studies Vol.11, #1. 2018. PP. 21–33.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ВОЗМОЖНОСТЯХ УСКОРЕНИЯ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

SOME REFLECTIONS ON POSSIBILITIES OF ACCELERATING GROWTH OF RUSSIAN ECONOMY

А.Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор
Московской Школы Экономики
МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН, д.э.н.,
профессор

A.D. NEKIPELOV

Free Economic Society, Vice President; Moscow
School of Economics of M.V. Lomonosov Moscow
State University, Director; Full member of the
Russian Academy of Sciences, Dr. of economics,
professor

АННОТАЦИЯ

Избыточные международные резервы рассматриваются в качестве одной из причин низкой экономической динамики в России. Автор негативно относится к предложениям о существенном смягчении денежно-кредитной политики как средстве стимулирования экономического

роста. В то же время он выступает за использование одной из разновидностей налога Тобина для существенного снижения волатильности трансграничных потоков спекулятивного капитала и обменного курса рубля. По мнению автора, реализация рассчитанного на несколько десятилетий мегапроекта по развитию транспортной инфраструктуры «Единая Евразия: ТЕПР – ИЕТС» («Транс-Евразийский пояс развития» (ТЕПР) и «Интегральная евразийская транспортная система» (ИЕТС)) способствовала бы выходу российской экономики на принципиально новую траекторию развития.

ABSTRACT

Excess international reserves are considered as one of the reasons for the low economic dynamics in Russia. The author has a negative attitude towards proposals for a substantial easing of monetary policy as a means of stimulating economic growth. At the same time, he advocates the use of a variety of Tobin tax to significantly reduce the volatility of cross-border speculative capital flows and the ruble exchange rate. According to the author, the implementation of a megaproject on the development of transport infrastructure “United Eurasia: TEDB – IETS” (Trans-Eurasian Development Belt (TEDB) and Integral Eurasian Transportation System (IETS)), which was designed for several decades, would contribute to the Russian economy’s development on a fundamentally new trajectory.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Платежный баланс, избыточные резервы, денежно-кредитная политика, трансграничные потоки спекулятивного капитала, мегапроект «Единая Евразия: ТЕПР – ИЕТС»

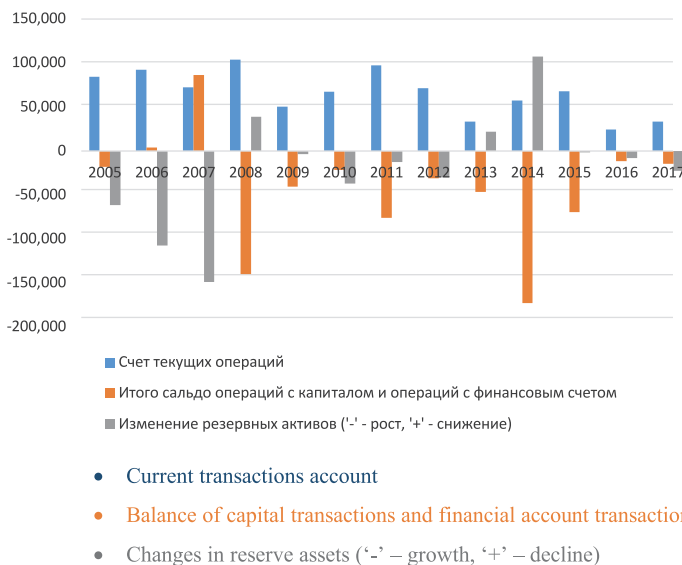
KEYWORDS

Balance of payments, excess international reserves, monetary and credit policy, cross-border speculative capital flows, “United Eurasia: TEDB – IETS” megaproject

Клепач А.Н. сделал следующий несложный, но очень показательный расчет. Оказалось, что за весь период радикальных реформ — то есть более, чем за четверть века — средний темп роста валового внутреннего продукта в России составил примерно 1%. Конечно, на наше экономическое развитие серьезное влияние оказывала высокая волатильность мировых цен на топливно-сырьевые ресурсы, а внутри этого большого отрезка времени были разные периоды. В 90-е годы экономика упала примерно в два раза, затем — вплоть до мирового финансово-экономического кризиса — во столько же раз выросла, а в оставшийся период как раз и показала упомянутый однопроцентный среднегодовой рост. Но, как ни крути, результат крайне неутешительный.

У меня нет возможности подвергать здесь сколько-нибудь серьезному анализу проводившиеся институциональные преобразования, особенности макроэкономической политики. Однако не могу не подчеркнуть следующее обстоятельство: низкие темпы экономического роста являются прямым результатом неспособности использовать имеющиеся в распоряжении страны ресурсы. Данные платежного баланса свидетельствуют, что только с 2005-го года суммарный актив по его текущим статьям составил 855,7 млрд долл. США. Иными словами, ежегодно частный бизнес и государство выводили из страны свыше 65,8 млрд долл. США. Это один из факторов (второй — постоянно поддерживавшийся по 2008 год профицит государственного бюджета), приведших к тому, что относительный уровень инвестиций (в процентах к ВВП) у нас существенно ниже, чем уровень сбережений.

Динамика сальдо текущих статей, операций с капиталом и изменений резервных активов /
Dynamics of surplus on current account, capital transactions, and changes in reserve assets

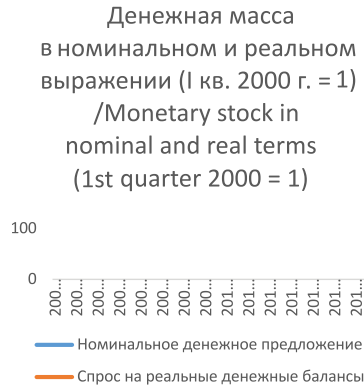
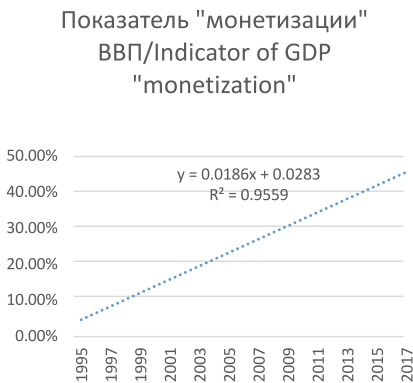

Источник данных / Source: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs>

Конечно, формируя крупные международные резервы, власти исходили из важности создания страхового фонда («подушки безопасности»), призванного амортизировать негативное влияние высокой волатильности сырьевых (в первую очередь — нефтяных) цен на мировом рынке на развитие российской экономики. Однако я полностью поддерживаю позицию академика А.Г. Аганбегяна о том, что эти резервы были явно избыточными. Максимальное суммарное отклонение в нижнюю сторону от тренда доходов бюджета наблюдалось в 2011–2014 гг. и составляло 130 млрд

долл. США (рассчитано на базе данных, опубликованных на сайте Минфина РФ: <https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/>). С учетом того, что в другие годы отклонения от тренда были положительными, несложно прийти к выводу об отсутствии необходимости иметь резерв, превышающий 200—250 млрд долл. (включая сюда и классические валютные резервы, призванные обеспечивать возможность эффективного противодействия спекулятивным атакам на валютном рынке).

Касаясь вопроса о насущных изменениях в экономической политике, хотел бы отметить следующее. Полагаю, что в нынешних условиях следует с осторожностью подходить к рекомендациям активно использовать денежную эмиссию для стимулирования экономического роста. Считаю упрощенными ссылки на низкий «уровень монетизации» российской экономики. Во-первых, уровень монетизации у нас устойчиво растет. Во-вторых, увеличение этого показателя должно происходить естественным путем, в соответствии с ростом спроса экономических агентов на деньги; в противном случае ни к чему, кроме роста уровня цен, это привести не может (см. приводимые ниже графики). Наконец, в-третьих, рекомендации перейти к мягкой денежной политике выглядят весьма странно в условиях структурного профицита ликвидности в банковском секторе и наличия значительных денежных накоплений в реальном секторе экономики, которые их владельцы не спешат превращать в инвестиции. И кстати, действуют достаточно рационально, поскольку не так-то легко найти такие сферы применения капитала, которые давали бы отдачу, превышающую нынешний уровень процентной ставки.

- Nominal money supply
- Demand for real cash balances

Источники данных / Sources: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtd=dkfs>, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm

В то же время считаю ошибочным полный отказ от регулирования денежных потоков по капитальным статьям платежного баланса. Высокая волатильность «денежных приливов и отливов» именно по этим каналам приводит к непрогнозируемости изменений обменного курса рубля. В условиях сохраняющейся существенной зависимости российской экономики от процессов, происходящих на мировом рынке, это оказывает дезориентирующее влияние на хозяйствующих субъектов и, тем самым, серьезно препятствует нормальному развитию нашей экономики. Полагаю, что существенному изменению этого положения содействовало бы использования одной из разновидностей налога Тобина, ставку которого денежные власти могли бы изменять с учетом ситуации, складывающейся с трансграничными

перемещениями краткосрочного капитала. Разумеется, одновременно необходимо было бы принять меры, направленные на недопущение ущерба от этой меры для населения, импортеров и стратегических инвесторов (резидентов — за границей, нерезидентов — в России).

И, наконец, последнее. Сегодняшней России явно недостает видения в отношении перспектив долгосрочного, на несколько десятилетий вперед развития национальной экономики. С моей точки зрения, крайне привлекательной в этом плане является идея мегапроекта «Единая Евразия: ТЕПР — ИЕТС», в центре которого находится комплексное развитие на самом современном уровне транспортной инфраструктуры страны. Его реализация могла бы принципиальным образом изменить перспективы хозяйственного развития страны.

* * *

Кlepach A.N. has made simple enough, yet very illustrative calculations. It turned out that the average growth rate of GDP in Russia amounted to approximately 1% over the whole period of radical reforms, i.e. for more than a quarter-century. Naturally, the high volatility of fuel and energy prices seriously affected Russia's economic development, while this long enough space of time included different periods. The economy declined almost twofold in 1990s, then grew equivalently until the global financial and economic crisis, and demonstrated the above mentioned 1% growth in the remaining period. By any reckoning, however, the result looks very disappointing.

I have no time to subject to serious analysis the institutional reforms that were carried out, especially in the field of macro-

economic policy. However, I cannot help emphasizing the following circumstance: the low economic growth rate is the direct result of failure to use the resources that the country has at its disposal. The data in the balance of payments shows that the total assets on its current account have amounted to \$855.7 billion since 2015 alone. Put it differently, the private business and state would withdraw over \$65.8 billion from the country annually. It is one of the factors (the other one lies in the state budget surplus steadily maintained until 2008) that has led to the relative level of investments (as a percentage of GDP) being substantially lower than the one of savings.

Setting up ample international reserves, the authorities naturally proceeded from the importance of insurance fund (“safety airbag”) aimed at cushioning the negative effect of high volatility of commodity prices (oil ones in the first turn) in the global market on Russia’s economic development. However, I fully agree with the position of Academician A.G. Aganbegian, who believes these reserves to be obviously excessive. The maximum total downward deviation from the trend of budget revenues was observed in 2011-2014 and amounted to \$130 billion (calculated on the basis of data published on the website of Russian Finance Ministry: <https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/>). Taking into account that deviations from the trend were positive in other years, one can easily come to the conclusion that it is not necessary to have reserves exceeding \$200-250 billion (including the classic currency reserves aimed at providing the opportunities for effective counteraction of speculative attacks in the currency market).

Touching upon the vital changes in economic policy, I would like to emphasize the following thing. I believe that in the present conditions, we should treat with caution the recommendations

dealing with active use of money emission for encouraging economic growth. In my point of view, the reference to low “monetization level” of Russia’s economy is oversimplified. First, the level of monetization is growing steadily in Russia. Second, the rise in this indicator should happen naturally, in line with the growth in demand of economic agents for money. Otherwise, it will lead to nothing, but increase in prices (see diagrams below). Third, the recommendations of switching over to soft monetary policy look rather strange in conditions of structural liquidity surplus in the banking sector and availability of substantial money savings in the real sector, the savings that their owners are not in a hurry to turn into investments. By the way, the owners of this money act rationally enough, as it is not easy to find such spheres of application for their savings that can yield returns exceeding the present level of interest rate.

At the same time, I believe that it is wrong to refuse fully from regulating cash flows on capital accounts of payment balance. High volatility of “cash inflows and outflows” via these very channels leads to unpredictable changes in the exchange rate of ruble. In conditions of persisting serious dependence upon the processes in the global market on the part of Russian economy, it makes a misleading impact on the economic entities, thus hindering the healthy growth of our economy. I think that using one of the versions of Tobin tax would promote substantial changes in this situation. The monetary policy could amend the rate of this tax taking into account the situation in the field of trans-border movement of short-term capital. Naturally, it would be necessary to take simultaneous measures aimed at preventing the damages that the abovementioned step may cause for households, importers and strategic investors (both residents — abroad, and nonresidents — in Russia).

And finally, the last consideration. Today, Russia lacks vision as to the prospects of long-term economic development (for several decades ahead). From my point of view, the idea of “United Eurasia: TEDB — IETS” (Trans-Eurasian Development Belt (TEDB) and Integral Eurasian Transportation System (IETS)) megaproject looks very attractive in this respect, as it centers around the overall development of the country’s transport infrastructure on the most advanced level. The implementation of this project could make fundamental amendments to the outlook of Russia’s economic development.

Библиография

Аганбегян А.Г. Финансы, бюджет и банки в новой России. — Дело, 2018

Bibliographical References

Aganbegian A.G. Finance, Budget and Banks in New Russia. — Delo, 2018

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УСКОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

STRATEGIC PLANNING AS A TOOL TO ACCELERATE ECONOMIC GROWTH

Е.Б. ЛЕНЧУК

Член Правления ВЭО России, директор
Института экономики РАН, д.э.н., профессор

YE.B. LENCHUK

Member of the Board at the VEO of Russia,
Director at the Institute of Economics of
the Russian Academy of Sciences, Doctor of
economics, professor

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются перспективы преодоления сложившегося негативного тренда «стагнационной стабильности» в экономическом развитии в рамках выполнения майского Указа Президента РФ № 204 и перехода к новой инновационной модели развития. Обосновывается важность реализации последовательной экономической политики государства, направленной на усиления целеполагания, системы распре-

ления ресурсов, формирование соответствующей институциональной среды. Ядром такой институциональной среды должно выступать стратегическое планирование, способное сформировать сквозной вектор социально-экономического развития страны. В этой связи разработаны предложения по ускорению имплементации инструмента стратегического планирования в разработку экономической политики страны.

ABSTRACT

The article analyzes the prospects for overcoming the current negative trend of «stagnation stability» in economic development in the framework of the implementation of the May Presidential Decree No. 204 and the transition to a new innovative development model. It justifies the importance of implementing a consistent state economic policy aimed at strengthening goal-setting, the system of resource allocation, and the creation of an appropriate institutional environment. The core of this institutional environment should be strategic planning. It can form a cross-cutting vector of the country's socio-economic development. In this regard, proposals have been developed to accelerate the implementation of a strategic planning tool in the development of a country's economic policy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Стратегическое планирование, модель экономического роста, экономическая динамика, государственное управление, технологическая модернизация, национальные проекты.

KEYWORDS

Strategic planning, model of economic growth, economic dynamics, public administration, technological modernization, national projects.

Вольном экономическом обществе России существует старая добрая традиция, когда собираются известные экономисты для подведения итогов прошедшего года и оценки перспектив развития отечественной экономики на

будущее. К сожалению, стоит заметить, что сделанные ими оценки в последние годы довольно пессимистичны. В 2017 г. Россия вышла из рецессии, но экономический рост был незначительным и составил порядка 1,6% ВВП. В российской прессе такой рост сравнивали с «нитивидным» пульсом экономики. Практически не изменилась ситуация и в 2018 г. — по прогнозным оценкам годовые темпы экономического роста составят 1,7% ВВП. Оценивая перспективы страны на будущее, нельзя не видеть, что для России и в ближайшие годы остается реальная угроза зависания страны в нынешнем состоянии, близком к стагнации. Об этом свидетельствует трехгодичный прогноз Российской Федерации, в рамках которого не предусматривается никаких серьезных подвижек в сторону развития. Все сценарии, предлагаемые Минэкономразвития РФ, лежат в плоскости сложившейся модели развития, от чего складывается впечатление, что оно рассматривает экономическую ситуацию в стране как вполне приемлемую.

Сегодня становится все более тревожно, что не только в 2019 г., но и в последующие 2–3 года серьезных перемен в динамике экономического роста не произойдет. На это указывают прогнозные оценки темпов экономического роста Минэкономразвития РФ на 2018–2024 г., которые составляют 2,7–3%, в зависимости от сценария развития.

Вместе с тем следует отметить, что преодоление сложившегося негативного тренда стагнационной «стабильности» на основе сохранения прежнего курса экономической и финансовой политики вряд ли возможно в принципе. Однако и изменения такой политики таят серьезные риски. Выбор в таких случаях обычно носит политический характер.

Такой выбор был, по сути, сделан. Прошедший 2018 год ознаменовался таким важным событием, как принятие Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», который определил целевые установки развития экономики на новый политический цикл. Впервые в качестве ключевых ориентиров развития были названы повышение качества жизни и освоение достижений современной научно-технологической революции. Рост качества жизни, безусловно, предопределяет целевой ориентир на ускорение темпов экономического роста до уровня, превышающего среднемировой. При этом установленные ключевые целевые ориентиры предполагается достичь за счет реализации 12 нацпроектов.

Вместе с тем в рамках сложившейся экспортно-сырьевой модели развития представляется практически невыполнимым достижение целого ряда экономических показателей, предусмотренных в майском указе № 204. Так, например, в условиях сохранения высокой доли традиционных отраслей экономики, таких как энергетика, транспорт, ЖКХ, невозможно увеличить показатель инновационной активности с 10 до 50%, характерный для развитых стран мира с высокой долей высокотехнологичных производств.

Не достижимым представляется и показатель ежегодного пятипроцентного роста производительности труда. В рамках действующего трехгодичного бюджета серьезных затрат на поддержку технологической модернизации крупной промышленности не предусмотрено. Очевидно, что при росте показателя производительности труда в 2018–2020 гг. на 2–3% поднять его до 6–7% за оставшиеся 4 года вряд ли возможно.

Крайне проблематичной является и возможность увеличения неэнергетического и несырьевого экспорта с 170 до 250 млрд долл., в том числе машиностроения и сельского хозяйства — вдвое. Это требует очень крупных инвестиций, изыскать которые в условиях санкций против России и ситуации на нефтяном и энергетическом рынке крайне сложно. Необходимо мобилизовать внутренние источники инвестиций, однако этому препятствует проводимая правительством денежно-кредитная политика, основная цель которой сводится к таргетированию инфляции, обеспечению макроэкономической стабилизации и поддержанию бюджетной сбалансированности. В такой модели бюджетная политика выступает приоритетом по отношению к задачам экономического роста и структурной модернизации экономики, без реализации которых у российской экономики нет шансов для рывка, что ставит под сомнение достижение целевых показателей, обозначенных в майском указе № 204.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что изменение динамики экономического роста с выходом на 4–5%, на которые нас ориентирует Указ Президента РФ № 204, возможно только в рамках смены модели развития. Контуры новой модели вполне очевидны: она предполагает структурную перестройку экономики, возрождение реального сектора на основе самых передовых технологических нововведений. Только переориентировав экономику на инновационное развитие, можно наращивать темпы экономического роста, обеспечивать рост производительности труда, налаживать выпуск конкурентоспособной продукции и соответственно увеличивать несырьевой экспорт, завоевывать новые рынки. Раскручивая эту цепочку, можно реально повышать качество жизни населения.

Чтобы осуществить структурный разворот и выйти на траекторию развития с учетом разворачивающейся научно-технологической революции, стране нужен достаточно мощный импульс. Решение этой глобальной задачи возможно только в рамках последовательной экономической политики государства, при четком целеполагании, ресурсном обеспечении, формировании под заданные цели соответствующей институциональной среды. Речь идет о новом качестве государственного управления — главном системообразующем факторе, без которого все конкурентные преимущества страны не способны дать ожидаемый результат.

Усиление государственного регулирования предполагает в первую очередь укрепление стратегических и проектных начал в экономике, их ядра — стратегического планирования. Следует отметить, что осознание необходимости использования такого инструмента экономической политики для решения долгосрочных задач социально-экономического развития в стране пришло к середине второго десятилетия двухтысячных, результатом которого стала разработка и принятие в 2014 г. ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 172). Несмотря на то, что данный закон носит рамочный характер, его принятие было направлено на разработку новых управленческих инструментов, которые позволяли бы решить следующие управленческие задачи¹:

- расширить временную глубину государственного прогнозирования и планирования, выйдя за рамки бюджетного цикла (более 3-х лет), предусматривая реализацию

¹ Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование — путь к устойчивому развитию экономики России //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018, Том 11, № 4, с. 38.

долгосрочных решений (со сроком реализации 6 и более лет) в рамках взаимосвязанных средне- и краткосрочных задач, подчиненных общей цели;

- увязать долгосрочные и среднесрочные документы государственного стратегического планирования по целям и приоритетам, регламентировав периодичность их разработки и корректировки;
- определить последовательность разработки долгосрочных и среднесрочных документов государственного стратегического планирования, обеспечив их внутреннюю преемственность;
- сбалансировать планируемые мероприятия, требующие значительных затрат, по ресурсным и организационным возможностям (проекты в энергетике, транспорте, демографии и национальной безопасности);
- четко ориентировать субъекты Российской Федерации на деятельность, отвечающую интересам страны в целом в соответствии с поставленными целями социально-экономического развития Российской Федерации;
- обозначать долгосрочные ориентиры для бизнеса (в области развития науки и технологий, энергетической и минерально-сырьевой баз, производственной инфраструктуры, рынка рабочей силы, социальной инфраструктуры), позволяющие снизить риски при принятии долгосрочных инвестиционных решений.

Вместе с тем имплементация ФЗ № 172 в разработку экономической политики явно затянулась. Спустя четыре года система стратегических документов, предусмотренных данным законом, так и не выстроена. Попытка разработать отдельные прогнозы, стратегии и программы вне

временной и содержательной увязки сделала ФЗ № 172 не работающим.

Складывается впечатление, что в стране сегодня происходит интеллектуальный кризис. С 2014 г. Минэкономразвития РФ так и не смогло представить на суд общественности Стратегию социально-экономического развития страны на долгосрочный период — базовый документ стратегического планирования, который должен сформировать целевой вектор развития страны и определить, какой мы хотим ее видеть через 10–15 лет. Разработка базового документа затягивается и постоянно переносится на более поздние сроки. Вместе с тем уже принята Стратегия научно-технологического развития, активно разрабатываются Стратегия пространственного развития, стратегии и программы развития отдельных отраслей, регионов, муниципалитетов, практически не увязанных между собой, число которых приближается к 40–50 тыс. Не ясно, и под какую модель развития они формируются.

В этой связи принципиально важным становится восстановление соответствующей временной последовательности разработки документов стратегического планирования. Понимая, что в Стратегии долгосрочного социально-экономического развития РФ (до 2030 или 2035 г.) должны быть обоснованы важнейшие долгосрочные структурные приоритеты развития, под которые формируются национальные проекты и государственные программы развития важнейших секторов экономики, сфер деятельности регионов, разработка базового документа, наконец, должна быть завершена. Только после его принятия могут быть сформированы другие документы стратегического планирования, включая стратегии научно-технического и пространствен-

ного развития, отраслевые и региональные стратегии, национальные проекты и программы².

Необходимость формирования национальных проектов также должна определяться логикой и общими задачами базового документа — Стратегии социально-экономического развития страны, а не указами президента. Так, решение о разработке 12 национальных проектов, принятое в майском указе № 204, слабо сопряжено с разработкой других документов стратегического планирования, которые по сути, повисают в воздухе, поскольку практически не решают основных задач повышения темпов экономического роста. В частности, в условиях чрезвычайной важности развития реального сектора экономики вызывает удивление отсутствие нацпроектов, связанных с развитием реального сектора экономики, в рамках которого формируются ключевые предпосылки для экономического роста.

В представленном варианте 12 национальных проектов — это просто перенастройка бюджетной системы и переупаковка тех государственных программ, которые и так реализовывались в нашей стране³. При этом нацпроекты не увязаны между собой. Трудно ожидать, что их реализация сможет выступить мультипликатором экономического развития.

В условиях динамично развивающейся научно-технологической революции особое значение приобретает активизация научно-технологического фактора развития. Развертывание системы стратегического планирования должно обеспечить системное использование имеющихся

² Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование — путь к устойчивому развитию экономики России. //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018, Том 11, №4, с. 43.

³ Широков А.А. Денег в экономике завались.// Эксперт, №1-3, 24 декабря, 2018, с.14.

у государства ресурсов для проведения модернизации и новой индустриализации экономики на базе формирующегося нового технологического уклада. Это требует сквозной увязки Стратегии технологического развития с остальными документами стратегического планирования. Кроме того, представляется целесообразным разработку пятилетней программы модернизации экономики на основе освоения передовых технологий формирующегося нового технологического уклада, предусматривающей меры по опережающему развитию составляющих его производственно-технологических комплексов, созданию благоприятной макроэкономической среды и формирования соответствующих институтов и контуров управления. Логично предположить, что эти задачи могли бы решаться в рамках самостоятельного нацпроекта, направленного на развитие промышленного комплекса на новой технологической основе. И, прежде всего, речь должна идти о развитии отечественного машиностроительного комплекса.

В увязке с задачами технологической модернизации отечественной промышленности и перевода ее на передовую технологическую базу должны разрабатываться и нацпроекты, такие как «Наука», «Цифровая экономика», «Производительность труда». Так, целевые показатели нацпроекта «Наука» не имеют ничего общего с решением задач технологической модернизации и ускорением экономической динамики. Трудно представить, как, например, удвоение количества публикаций или создание 15 научно-образовательных центров мирового уровня непосредственно будут влиять на экономический рост?

Если говорить о задачах технологического рывка и перехода к новой инновационной модели развития, то гораздо

более актуальным в рамках нацпроекта «Наука» было бы решать такие задачи, как создание крупных высокотехнологичных компаний, развитие прикладной науки, создание инжиниринговых центров, подготовка высококвалифицированных кадров под решение задач новой индустриализации.

Учитывая, что научно-инновационная деятельность должна пронизывать все сферы экономики, необходимо акцентировать внимание на создании эффективной системы управления НТП. Как отмечал С.Ю. Глазьев, реализуемый ныне подход к управлению наукой как отдельной отраслью в формате министерства является заведомо неэффективным. Для сквозного стимулирования инновационной активности во всех сферах экономики целесообразно создание специального надведомственного органа, отвечающего за разработку и реализацию государственной научно-технической и инновационной политики, координацию деятельности министерств и ведомств в ее реализации⁴.

Таким образом, использование инструмента стратегического планирования при формировании экономической политики российского государства, открывает возможности системного перехода к новой модели развития и ускорению экономической динамики и создает условия для выполнения целевых установок майского Указа Президента РФ № 204.

* * *

The Free Economic Society (VEO) of Russia follows a good old tradition — famous economists get together to sum up the results of past year and assess the prospects for

⁴ Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. — М., Книжный мир, 2018, с.488.

the future development of Russia's economy. Unfortunately, it stands to mention that their assessments made over the past years have been pessimistic enough. In 2017, Russia got out of the recession, yet the economic growth was inconspicuous – about 1.6% of GDP. Russian media compared this growth with “thread pulse.” The situation has changed little, if at all, and the forecasts say that the annual growth rate will amount to 1.7% of GDP. Analyzing the country's outlook for the future, one is bound to see that the threat of being in a hang state close to stagnation will be relevant for Russia in the years to come. The evidence of it can be found in the three-year forecast for the Russian Federation that envisions no serious shifts towards development. All scenarios suggested by the Russian Economic Development Ministry center around the existing model of development that makes one think that Ministry views the current economic situation in the country as acceptable.

It looks alarming that serious changes in dynamics of economic growth are expected neither in 2019, nor in the next 2–3 years. The evidence of it can be found in predictive estimates of economic growth rate made by the Economic Development Ministry for 2018-2024, which amount to 2.7–3% depending upon the development scenario.

In the meantime, it stands to mention that overcoming the current negative trend of stagnation “stability” is hardly possible, in case the course of economic and financial policy remains the same. However, the changes in this policy are fraught with serious risks as well. In such cases, the choice made is of political nature as a rule

This very choice has actually been made. The past 2018 year was marked by such an important event, as the adoption of Presidential Decree No.204 dated May 7, 2018 “On National

Objectives and Strategic Tasks of Russian Federation's Development for the Period to 2024," which identified the targets of economic development for the new political cycle. Improving the quality of life and mastering the achievements of modern scientific and technological revolution were for the first time chosen as the key development benchmarks. The increase in quality of life naturally predetermines the target of accelerating the economic growth rate to the level that exceeds the worldwide average one. Moreover, it is expected to meet the set key targets by way of implementing 12 national projects.

In the meantime, the achievement of a number of economic goals envisioned in Decree No.204 looks hardly possible within the framework of existing raw-materials export model of development. For instance, it is impossible to raise the innovation activity indicator from 10% to 50%, typical for developed countries with high share of high-tech production, in case the existing high share of traditional economic sectors remains the same.

The target of annual 5% growth in labor productivity also seems unattainable. The current version of 3-year budget envisions no serious spending for support of technological modernization in large-scale industry. Obviously, it can hardly be raised to 6.7% over the remaining 4 years in conditions of growth in labor productivity of 2–3% in 2018–2020.

The task of raising the export that has nothing to do with energy or raw materials from \$170 to \$250 billion (including the twofold one of engineering and agriculture) also looks very challenging. It will require serious investments, which are far from being easy to find in conditions of sanctions imposed on Russia and current situation in the oil and gas markets. It is necessary to mobilize domestic sources of investments, yet the monetary

policy pursued by the state that is aimed at targeting inflation, macroeconomic stabilization and supporting fiscal balance hinders this mobilization. In such a model, the fiscal policy is viewed as priority against the tasks of economic growth and structural upgrade of the economy. However, Russia's economy stands no chance of breakthrough without accomplishment of these tasks, which places in question the possibility of meeting the targets identified in Presidential Decree No.204.

Thus, it may safely be said that the change in dynamics of economic growth and its increase to 4–5% are possible only in case the development model is replaced. The contours of new model are quite obvious — restructuring of economy and recovery of real sector on the basis of the most advanced technological innovations. Only refocusing the economy on innovative development will allow for building up the economic growth rate, ensuring the growth in labor productivity, starting to manufacture competitive products, increasing non-resource exports and entering new markets. Spinning up this chain, we can raise the quality of life for Russian population.

To make this turn and get on development pathway with the pace of technological revolution taken into account, the country needs a powerful enough impetus. The accomplishment of this global task is possible only within the framework of consistent economic policy of the state with clear goal-setting, provision of resources, as well as creation of the respective institutional environment meeting the set targets. The matter in question is about new quality of state governance — the core factor, without which all competitive advantages of the country are incapable of producing the expected result.

Enhancing the state regulation suggests in the first turn the consolidation of strategic and project framework of Russia's

economy, as well as their core — strategic planning. It stands to mention that realization of the need for using this tool of economic policy for accomplishing the long-term tasks of socio-economic development came in the middle of second decade of 2000s, which resulted in development and adoption in 2014 of Federal Law No.172 “On Strategic Planning in the Russian Federation” (hereinafter referred to as FZ-172). Though this document was a framework one in nature, the adoption of it was aimed at development of new management tools which would allow for solving the following problems⁵:

- extending the temporary horizon of state forecasting and planning by way of moving beyond the budget cycle (over 3 years) and implementing long-term decisions (for the period of 6 years minimum) within the framework of short- and medium-term tasks subordinated to the common goal;
- coordinating the long- and medium-term documents of state strategic planning with regards to goals and priorities, having regulated the periodicity of their development and update;
- identifying the sequence as to working out the long- and medium-term documents of state strategic planning, having ensured their internal consistence;
- balancing the planned activities requiring serious spending with regards to resource and organizational capabilities (energy, transport, demographic and national security projects);
- sensitizing constituent entities of the Russian Federation to activities meeting the interests of the country in general

⁵ Ye.B. Lenchuk, V.I. Filatov. Strategic Planning — Way to Sustainable Economic Development of Russia. //Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018, Vol. 11, No 4, P. 38

in line with the set goals of Russia's socio-economic development;

- identifying long-term benchmarks for business (in the fields of scientific and technological development, energy and mineral-resource bases, production and social infrastructure, and labor market) that allow mitigation of the risks while making long-term investment decisions.

In the meantime, the implementation of FZ-172 in the process of economic policy development has evidently become stalled. The system of strategic documents envisioned by this law has failed to be built over the past four years. The attempt of working out individual forecasts, strategies and programs, lacking time reference and inconsistent with the law, has made FZ-172 ineffective.

It seems as if the country suffers from intellectual crisis today. Since 2014, the Economic Development Ministry has failed to submit for public approval the Strategy of Socio-Economic Development for Long-Term Period — the basic document of strategic planning, which is to form the target vector of development and identify what kind of country we want to see in 10-15 years. The development of basic document is delayed and continuously postponed. In the meantime, the Strategy of Scientific and Technological Development has already been approved, while the authorities are active in working out the Strategy of Spatial development, as well as development programs for individual industries, regions and municipalities that are almost not dovetailed with each other. The number of such documents is now close to 40,000-50,000. It is not clear what model they are being developed for.

In this context, the restoration of chronological sequence of working out strategic planning documents becomes

fundamentally important. As the Strategy of Long-Term Socio-Economic Development of Russia (for the period till 2030 or 2035) should substantiate the essential long-term structural priorities of development serving as the basis for national projects and state programs on development of the most important sectors and areas of activities in the regions, the development of basic document must be finally completed. Only after it is approved, we can draw up other documents of strategic planning, including the strategies of technological and spatial development, industrial and regional strategies, national projects and programs⁶.

The need for development of national projects should also be defined by the logic and general objectives of the basic document – the Strategy of Socio-Economic Development – instead of presidential decrees. For instance, the decision on development of 12 national projects taken in Decree No.204 is poorly correlated to other strategic planning documents, and actually hangs in the air, as it does not solve the key problems of raising the economic growth rate. In particular, it looks surprising that the national projects dealing with development of real sector of economy are missing, though the development of real sector is of vital importance, because the key opportunities for economic growth take shape within its framework.

The presented variant including 12 national projects is just about the readjustment of budget system and rearrangement of the state programs that have been implemented in our country anyway⁷. Moreover, the national projects are not correlated to each other. One can hardly expect their implementation to act as multiplier of economic development.

⁶ Ye.B. Lenchuk, V.I. Filatov. Strategic Planning – Way to Sustainable Economic Development of Russia. //Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018, Vol. 11, No 4, P. 43

⁷ A.A. Shirov. There is Plenty of Money in Economy.// Expert, No.1-3, December 24, 2018, P.14

In the conditions of rapid science and technology revolution, the activation of technological development factor takes on special importance. The deployment of strategic planning system is to ensure the systemic use of resources that the state has in its disposal for modernization and new industrialization of economy on the basis of new technological setup that currently takes shape. It requires the pervasive correlation of the Technological Development Strategy to other strategic planning documents. Besides, it looks expedient to work out a 5-year program of economic modernization on the basis of adopting advanced technologies of new technological setup that is taking shape. This program should envision measures aimed at outstripping development of engineering and manufacturing complexes, creation of favorable macroeconomic environment, as well as the respective institutions and management contours. It would be logical to suggest that these tasks could be accomplished within the framework of an independent national project aimed at development of industrial complex on a new technological basis. First of all, the matter in question should be about the development of Russian engineering complex.

Such national projects as “Science,” “Digital Economy” and “Labor Productivity” ought to be implemented in correlation with the tasks dealing with technological upgrade of domestic industry and its switchover to the advanced technological base. For instance, the targets of project “Science” have nothing to do with the tasks dealing with technological modernization and acceleration of economic dynamics. One can hardly understand how, say, the twofold rise in the number of publications or creation of 15 research centers of international level can influence economic growth.

If we take the objectives of technological breakthrough and transition to a new innovative model of development, such tasks, as creation of major high-tech companies, development of applied science, foundation of engineering centers, and training skilled personnel for solving the problems of new industrialization, seem more relevant for being accomplished within the framework of national project “Science.”

Taking into account that scientific activities aimed at innovations should permeate all spheres of economy, we must focus on creating an effective system of control over the scientific and technological progress. As S.Yu. Glaziyev has stressed, the present approach to control over science as an independent sector in ministerial format is knowingly ineffective. The comprehensive encouragement of innovative activity in all economic sectors requires the creation of sub-ministerial authority responsible for working out and pursuing the state technological and innovative policy, as well as coordinating the activities carried out by ministries and agencies pursuing it⁸.

Thus, the use of strategic planning tool for forming the economic policy of the Russian state opens the opportunities of systemic transition to a new model of development and acceleration of economic dynamics, as well as creates conditions for meeting the targets set in Presidential Decree No. 204.

Библиографический список:

1. Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.

⁸ S.Yu. Glaziyev. Leap to the Future. Russia in Conditions of New Technological and Global Economic Setups. M., Knizhny Mir, 2018, P.488

2. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.
3. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Российская экономика: поиск эффективной стратегии. // Мир новой экономики, т. 12, № 1, 2018, с. 6–21
4. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование — путь к устойчивому развитию экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018, Том 11, № 4, с. 35–47.
5. Шилов А.А. Денег в экономике завалились // Эксперт, № 1–3, 24 декабря, 2018, с. 14–16.
6. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. — М., Книжный мир, 2018, с. 488.

Bibliographical references:

1. Presidential Decree No.204 dated May 7, 2018 “On National Objectives and Strategic Tasks of Russian Federation’s Development for the Period till 2024,”// available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.
2. Federal Law “On Strategic Planning in Russian Federation” dated 28.06.2014 No.172-FZ // available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.
3. Ye.B. Lenchuk, V.I. Filatov. Russia’s Economy: Search for Effective Strategy.// The World of New Economy, Vol. 12, No. 1, 2018, P. 6–21.
4. Ye.B. Lenchuk, V.I. Filatov. Strategic Planning — Way to Sustainable Economic Development of Russia. //Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018, Vol. 11, No. 4, P. 35–47.
5. A.A. Shirov. There is Plenty of Money in Economy.// Expert, No. 1–3, December 24, 2018, P. 14–16.
6. S.Yu. Glaziyev. Leap to the Future. Russia in Conditions of New Technological and Global Economic Setups. М., Knizhny Mir, 2018, P. 488.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

EXTERNAL FACTORS OF RUSSIA'S ECONOMIC DYNAMICS AND ECONOMIC POLICY MEASURES

М.Ю. ГОЛОВНИН

Первый заместитель директора Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н.

M.YU. GOLOVNIN

First Deputy Director at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of economics

АННОТАЦИЯ

В работе выделяются ключевые внешние риски для развития российской экономики на современном этапе: повышение волатильности цен на энергоносители на мировом рынке; растущая неопределенность относительно будущей экономической политики ключевых глобальных игроков (прежде всего США) в части развития тенденций протекционизма и ужесточения условий на мировых финансовых

рынках под воздействием роста процентных ставок; неопределенность относительно перспектив санкционного режима в отношении России; угрозы финансовых кризисов в отдельных странах с формирующимися рынками и последующими «эффектами заражения» от них. Делается вывод, что текущая модель экономической политики России не способствует эффективному ответу на имеющиеся внешние вызовы, в том числе связанные с общим повышением степени неопределенности. Предлагаются меры по совершенствованию модели экономической политики России: переход к гибкому инфляционному таргетированию (учитывающему показатели экономического роста и валютного курса); введение отдельных валютных ограничений на трансграничные операции с капиталом; развитие системы институтов развития, основанной на использовании средств бюджета и привлечении дополнительного финансирования при содействии мер денежно-кредитной политики.

ABSTRACT

The article highlights the key external risks for the Russian economic developments at the present stage: an increase in the volatility of energy prices on the world market; the growing uncertainty about the future economic policies of key global players (primarily the United States) in terms of the development of protectionism trends and toughening of conditions on international financial markets under the influence of rising interest rates; uncertainty about the prospects of the sanctions regime in relation to Russia; the threats of financial crises in selected emerging market economies and the ensuing «contagion effects» from them. It is concluded that the current model of economic policy in Russia does not contribute to an effective response to existing external challenges, including those associated with a general increase in the degree of uncertainty. Measures are being proposed to improve the model of Russia's economic policy: a transition to flexible inflation targeting regime (taking into account indicators of economic growth and the ex-

change rate); the introduction of some foreign exchange restrictions on cross-border capital flows; formation of a system of development institutions based on the use of budget funds and attracting additional funding with the assistance of monetary policy measures.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Внешние шоки, экономика России, денежно-кредитная политика, бюджетно-налоговая политика, валютный курс.

KEYWORDS

External shocks, Russian economy, monetary policy, fiscal policy, exchange rate.

В последние годы усиливается воздействие внешних факторов на динамику российской экономики. Если после кризиса 2014–2016 гг. представлялось, что это воздействие снижалось в связи с возобновлением роста цен на нефть и постепенным приспособлением экономических агентов к санкциям, то в 2018 г. ситуация вновь изменилась. Резких внешних шоков не произошло, но проявилось действие ряда рисков, которое может продолжиться и в перспективе.

Среди основных направлений воздействия внешних факторов на развитие российской экономики в последние годы можно выделить следующие:

1. Общая динамика мировой экономики. На протяжении периода 2014–2017 гг. мировая экономика развивалась относительно динамично — темпы прироста реального ВВП не опускались ниже 3% в год (см. таблицу). При этом в 2017 и 2018 гг. (по предварительному прогнозу) экономическая динамика ускорилась по сравнению с 2016 г. Эта тенденция касалась и основных внешнеторговых партнеров России —

Европейского союза и Китая. Правда, в Европейском союзе в 2018 г. прогнозировалось существенное замедление темпов экономического роста по сравнению с 2017 г. (до 2,2%), тогда как замедление в Китае было не столь существенным (до 6,6%).

Таким образом, казалось бы, можно было говорить о благоприятной в целом внешней среде для российской экономики.

2. Однако известно, что для экономики России крайне важную роль играет динамика цен на энергоносители, а волатильность этого показателя в 2018 г. повысилась по сравнению с 2017 г. Тенденция роста цен на нефть, начавшаяся в середине 2017 г., прервалась в начале октября 2018 г. и сменилась резким падением цены (см. рис. 1).

Таблица / Table

Темпы прироста реального ВВП в отдельных странах и группах стран (в %)

Rate of gain in real GDP in individual countries and groups of countries (%)

	2014	2015	2016	2017
Мир в целом / Globally	3,6	3,4	3,2	3,8
США / USA	2,6	2,9	1,5	2,3
Европейский союз / European Union	1,8	2,3	2,0	2,7
Китай / China	7,3	6,9	6,7	6,9
Россия / Russia	0,7	-2,8	-0,2	1,5
Развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками / Developing countries and states with emerging markets	4,7	4,3	4,4	4,8

Источник / Source: World Economic Outlook Database as of October 2018 <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>

Динамика цены на нефть марки Brent в 2016-2018 гг.
(долл. за баррель)

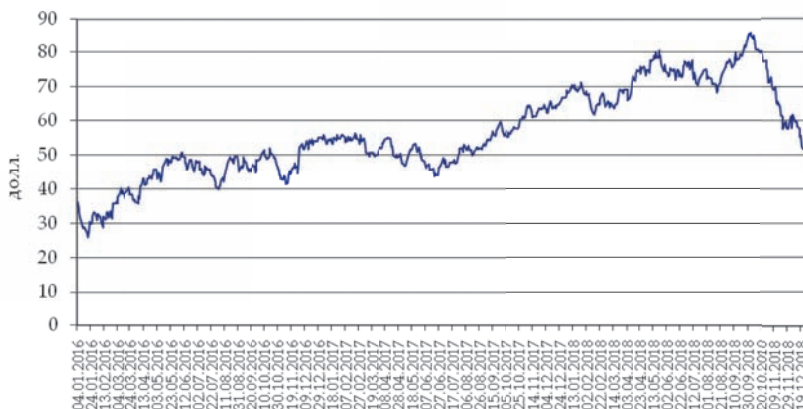

Рис. 1. Динамика цены на нефть марки Brent в 2016–2018 гг. (долл. за баррель)

Figure 1. Dynamics of Brent crude oil price in 2016–2018 (USD per barrel)

Источник / Source: U.S. Energy Information Administration <http://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RBRT&f=D>

3. Еще одним внешним фактором, влияющим как на состояние мировой экономики в целом, так и на потенциал роста российской экономики, является экономическая политика глобальных игроков. В 2018 г. среди значимых направлений подобной политики следует отметить усиление протекционистских тенденций и продолжение политики повышения процентной ставки со стороны США.

США повысили ряд таможенных тарифов и фактически начали торговую войну с Китаем. Существенного прямого воздействия на российскую экономику эта волна протекционизма может не оказать, но косвенное воздействие

может быть весьма значимым. Оно затронет как динамику цен на энергоносители (продолжение их снижения под воздействием сокращения спроса)¹, так и в целом торговлю со странами-соседями (Китаем и ЕС).

В 2018 г. Федеральная резервная система США продолжала политику повышения процентных ставок, начавшуюся в конце 2015 г. При этом по сравнению с 2017 г. количество повышений ставки увеличилось, и в целом за год она выросла на большую величину (1 процентный пункт в 2018 г. против 0,75 процентных пункта в 2017 г.). Европейский центральный банк продолжал в 2018 г. проводить политику количественного смягчения, но он оказывает гораздо меньшее влияние на условия финансирования на глобальных финансовых рынках, которые в 2018 г. ужесточились по сравнению с 2017 г.

4. В результате действия указанных выше факторов возрастают риски снижения темпов экономического роста в ряде стран с формирующимися рынками. Так, МВФ в октябре 2018 г. понизил прогнозы экономического роста для Китая, Ирана, Аргентины, Бразилии, Турции². Некоторые из этих стран зависят от привлечения долгового финансирования с внешних рынков и столкнулись с финансовыми потрясениями во второй половине 2018 г., когда ФРС в очередной раз повысила процентную ставку. Так, в Турции в сентябре 2018 г. по сравнению с январем того же года номинальный эффективный валютный курс снизился на 36,8%, а в Аргентине — на 40,8%³. Продолжение политики повышения процентных ставок и торгового протекционизма со стороны

¹ World Economic Situation and Prospects 2019. New York: United Nations, 2019. P. xix.

² World Economic Outlook. October 2018. Washington DC: International Monetary Fund. P. xvii.

³ Рассчитано на основе данных из <https://www.bis.org/statistics/eer/broad1901.xlsx>.

США угрожает возможным возникновением финансовых кризисов в отдельных странах с формирующимися рынками и последующим распространением от них «эффекта заражения».

5. В отношении России продолжали действовать экономические санкции, установленные в 2014 г. западными странами. Во многом под их влиянием степень участия России в международном движении капитала в 2016–2017 гг. снизилась до минимального уровня за предыдущие 15 лет. Однако в 2018 г. были введены новые санкции (в апреле и августе), и, что более важно, повысилась степень неопределенности относительно будущих санкций (особенно применительно к рынку государственного долга). Как следствие, во втором квартале начался чистый отток портфельных инвестиций из России, за второй-третий кварталы 2018 г. чистый отток по линии пассивов портфельных инвестиций составил 11,2 млрд долл. Доля нерезидентов на внутреннем рынке государственных облигаций снизилась с максимального значения в 34,5% на начало апреля 2018 г. до 24,7% на 1 декабря 2018 г.⁴

Таким образом, ключевыми внешними вызовами для экономического развития России в 2018 г. стали растущая неопределенность относительно цен на нефть и возможностей распространения внешних кризисов, вызванных в первую очередь потрясениями в отдельных странах с формирующимися рынками.

Каким же образом экономическая политика отреагировала на возросшую степень неопределенности?

⁴ По данным Банка России - Доля инвестиций нерезидентов в объеме выпусков облигаций федерального займа (<http://cbr.ru/statistics/?PrId=svs>).

С одной стороны, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. и Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» были заложены цели для долгосрочного экономического развития. Эти цели можно условно объединить в несколько блоков: решение социальных проблем (обеспечение роста численности населения, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, снижение бедности, рост доходов населения, решение жилищной проблемы); технологическая перестройка экономики (ускорение технологического развития, внедрение цифровых технологий, создание высокопроизводительного экспортного сектора) и ускорение экономического развития (вхождение в число пяти крупнейших экономик мира)⁵.

С другой стороны, выстроена текущая модель экономической политики, в рамках которой достижение заявленных в указе от 7 мая 2018 г. целей весьма затруднено, особенно в части повышения темпов экономического роста. В настоящее время распределение ролей между ключевыми игроками в области экономической политики выглядит таким образом, что Центральный банк ориентирован прежде всего на достижение цели по инфляции (в рамках режима инфляционного таргетирования), тогда как основной целью Министерства финансов становится достижение сбалансированного бюджета. Кроме того, выстроенное в настоящее время бюджетное правило дает возможность Министерству финансов регулировать валютный курс (до августа 2018 г. —

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038>).

сдерживать его укрепление при относительно высокой цене на нефть). Однако «ценой» этого регулирования выступает накопление в резервах средств, которые могли бы быть направлены на стимулирование экономической активности.

Центральный банк проводит политику, направленную на поддержание ключевой ставки процента на достаточно высоком уровне в реальном выражении. Хотя при этом с начала 2018 г. происходило постепенное восстановление кредитной активности коммерческих банков, оно еще не носит устойчивого характера (см. рис. 2).

Кроме того, Центральный банк сначала в ответ на внешние шоки в августе-сентябре 2018 г., а затем в конце года в преддверии роста цен под воздействием повышения НДС два раза повысил ключевую ставку до 7,75%.

До середины 2018 г. происходило наращивание средств коммерческих банков на депозитах в Центральном банке, которое свидетельствовало о наличии избыточной ликвидности в банковском секторе. Так, 10 июля 2018 г. объем депозитов коммерческих банков в Банке России превысил 4 трлн руб. Однако затем началось снижение этого объема до показателя, близкого к 1,5 трлн руб. на конец 2018 г.⁶ Отчасти подобная динамика могла бы объясняться ростом кредитования в экономике (см. рис. 2), но в большей степени она отражает ухудшение внешних условий. Показательно, что повышение процентной ставки в конце 2018 г. Центральный банк также, по крайней мере частично, обосновывает ухудшением внешних условий⁷, очевидно, видя в них в первую очередь инфляционные угрозы.

⁶ http://www.cbr.ru/hd_base/ostat_depo_new/.

⁷ Доклад о денежно-кредитной политике. 2018. №4. — М.: Центральный банк Российской Федерации, 2018. С. 2-3.

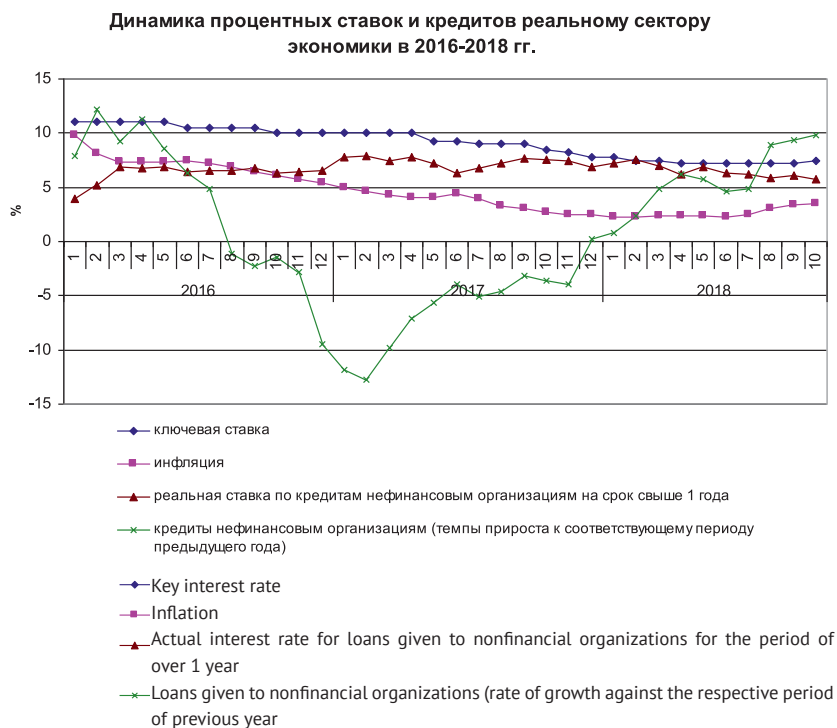

Рис. 2. Динамика процентных ставок и кредитов реальному сектору экономики в 2016–2018 гг.

Figure 2. Dynamics of interest rates and loans in real sector of economy in 2016–2018

Источник: данные Банка России и расчеты на их основе / Source: the data of Bank of Russia and calculations made on its basis

В 2018 г. удалось добиться снижения волатильности динамики валютного курса главным образом за счет покупок иностранной валюты, которые проводились Центральным

банком по поручению Министерства финансов до августа 2018 г. Заметим, что в рамках данной политики не заложено инструмента сдерживания падения курса национальной валюты. Таким инструментом в 2018 г. стал лишь фактический отказ от проведения валютных интервенций в интересах бюджетно-налоговой политики до конца года, но с января 2019 г. эти интервенции возобновились.

Благоприятная внешняя конъюнктура в первые три квартала 2018 г. способствовала росту доходов федерального бюджета, которые в январе — октябре 2018 г. составили 19,1% ВВП по сравнению с 16,6% ВВП за аналогичный период предыдущего года. При этом расходы в относительном выражении сократились с 16,9% ВВП в январе-октябре 2017 г. до 15,4% ВВП в январе — октябре 2018 г.⁸ Осуществляемый в настоящее время «налоговый маневр» приведет к снижению налоговой нагрузки на нефтегазовый сектор, которое не будет в полной мере компенсировано в относительном выражении (к ВВП) ростом ненефтегазовых доходов бюджета в ближайшие три года. При этом темпы роста расходов бюджета в реальном выражении не будут превышать в 2019–2021 гг. 1,5% и будут отставать от экономической динамики⁹.

Таким образом, в 2018 г. фактически проводилась сдерживающая денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политика. Неудивительно, что в условиях отсутствия значительных положительных внешних шоков реальный ВВП за первые три квартала 2018 г. вырос на 1,5%, тогда как за аналогичный период 2017 г. — на 1,8%. Во многом выйти на

⁸ <http://www.eeg.ru/pages/39?PHPSESSID=6227848dfec4749910e76c3f3872ec1d>.

⁹ Лыкова Л., Букина И. Особенности бюджетно-налоговой политики в 2019–2021 гг. // Федерализм. 2018. №4.

траекторию устойчивого экономического роста не удастся в силу слабой динамики реальных располагаемых доходов населения. За январь — октябрь 2018 г. они выросли всего на 1,4%¹⁰, тогда как в течение трех лет до этого происходило их сокращение.

Для повышения эффективности ответа на внешние вызовы экономическому развитию России, на наш взгляд, необходима смена модели экономической политики России. Изменения не могут ограничиться лишь проведением более мягкой денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики. Необходимо выстраивание такой модели их взаимодействия, которая способствовала бы повышению темпов экономического роста при условии дополнения другими видами экономической политики (прежде всего, активной промышленной политики).

1. В сфере денежно-кредитной политики необходимо отойти от жесткого инфляционного таргетирования и учитывать динамику иных макроэкономических показателей (прежде всего — экономического роста и валютного курса). Это можно делать, повышая степень дискреционности денежно-кредитной политики или переходя к гибкому режиму инфляционного таргетирования, который применяют почти все страны с формирующимися рынками.

2. Регулирование валютного курса должно более активно осуществляться усилиями Центрального банка, а не в рамках модели бюджетного правила, в которой оно не может в полной мере реализовывать свой стимулирующий потенциал экономического развития (способствуя замораживанию в форме резервов значительной части финансовых ресур-

¹⁰ Социально-экономическое положение России январь — октябрь 2018 г. — М.: Росстат, 2018. С. 6.

сов). При этом мы не призываем вводить явное таргетирование валютного курса, а лишь сглаживать его значительные колебания, которые негативно сказываются на ожиданиях экономических агентов.

3. Выстроить эффективную модель взаимодействия денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики в современных условиях невозможно без введения отдельных ограничений на трансграничное движение капитала, которые расширят пространство для маневра национальной денежно-кредитной политики, в том числе для снижения процентной ставки. В качестве подобных ограничений могут использоваться разновидности налога на внешние финансовые операции (налога Тобина), повышенные резервные требования¹¹ и т.д.

4. Наконец, для содействия экономическому росту, в первую очередь в части реализации масштабных инфраструктурных проектов и осуществления структурной перестройки национальной экономики, целесообразно усовершенствовать существующую систему институтов развития. Для этого необходимо упорядочить их по выполняемым функциям. Затем требуется провести докапитализацию этих институтов за счет средств бюджета и активно применять привлечение ими долгового финансирования. Для обеспечения этого финансирования целесообразно осуществлять вложения в ценные бумаги этих институтов из резервных фондов, а также использовать эти ценные бумаги в качестве обеспечения по операциям Банка России, что повысит спрос на них со стороны коммерческих банков.

¹¹ Справедливости ради следует отметить, что Банк России применяет более высокие нормы обязательного резервирования по пассивам банков в иностранной валюте с 1 квартала 2016 г.

* * *

Over the recent years, the impact of external factors on dynamics of Russia's economy has become increasingly stronger. While this impact seemed to decline after the crisis of 2014-2016 due to the new growth in oil prices and the fact that economic agents gradually got adjusted to sanctions, the situation changed again in 2018. There were no strong external shocks, yet we saw the effect of a number of risks that can continue to affect the situation in the longer term.

Among the main effects of external factors on the development of Russia's economy, one can identify the following ones:

1. General dynamics of global economy. Over the period between 2014 and 2017, the development of global economy was relatively dynamic — the real GDP growth rate would not decline lower than 3% annually (see Table 1). Moreover, the economic dynamics (according to the tentative forecast) has even accelerated in 2017 and 2018 if compared with 2016. This trend was also true for Russia's main foreign trade partners – the European Union (EU) and China. While substantial slowdown of economic growth rate (up to 2.2%) was expected in EU in 2018 if compared to 2017, this slowdown was not so tangible in China (up to 6.6%).

Thus, it seems that we can speak about the environment that has been favorable for Russian economy in general.

2. However, everybody knows that the dynamics of energy prices plays a very important role for Russia's economy, and the volatility of this indicator has risen in 2018 if compared to 2017. The trend of growth in oil prices that started in mid-2017 broke off in early October 2018 and gave way to dramatic fall in prices (see Figure 1).

3. The economic policy of global players is one more factor having impact on both the global economic climate, and potential of Russian economic growth. Among the important directions of such policy in 2018, it stands to mention the escalation of protectionist trends and continuation of policy aimed at raising the interest rate on the part of the USA.

Washington increased a number of customs tariffs and actually started a trade war against China. Though this wave of protectionism will hardly have a meaningful negative impact on Russia's economy, the indirect adverse effect of it may be serious enough. It will affect both the dynamics of energy prices (they will continue to drop under the weight of reduction in demand)¹², and the trade with neighboring countries (China and EU) in general.

In 2018, the US Federal Reserve System (FRS) continued the policy of raising interest rates that was initiated in late 2015. Moreover, if compared to 2017, the number of times as to the increase in interest rate rose, so it grew by a serious enough value over the year (1 percentage point in 2018 against 0.75 percentage points in 2017). The European Central Bank (ECB) continued pursuing the policy of quantitative easing in 2018, yet it has much lower impact on conditions of financing in the global financial markets, which became tougher in 2018 if compared to 2017.

4. Eventually, the effect of abovementioned factors raises the risks of decline in economic growth rate in a number of countries with emerging markets. For instance, the IMF cut the forecasts of economic growth for China, Iran, Argentina, Brazil and Turkey in October 2018¹³. Some of these states depend upon the attraction

¹² World Economic Situation and Prospects 2019. New York: United Nations, 2019. P. xix.

¹³ World Economic Outlook. October 2018. Washington DC: International Monetary Fund. P. xvii.

of leveraged finance from the outer markets and came across financial shocks in the second half of 2018, when FRS raised the interest rate yet again. For instance, the nominal effective exchange rate dropped by 36.8% in Turkey, and by 40.8% in Argentina in September 2018 if compared to the one observed in January same year¹⁴. The continued policy of raising interest rates and trade protectionism on the part of the USA poses a threat of financial crisis outbreaks in individual countries with emerging markets with subsequent “contagion effect.”

5. The economic sanctions imposed by the western countries on Russia in 2014 have continued being in effect. Due to their impact to a large extent, the degree of Russia’s involvement in the international capital movement in 2016–2017 reduced to the minimum level for the past 15 years. However, new sanctions were introduced in 2018 (in April and August), and – which is even more important – the degree of uncertainty with regards to future sanctions (especially with respect to public debt market) has increased. Consequently, we saw a net outflow of portfolio investments from Russia in the second quarter. Over the second and third quarters of 2018, the net outflow of portfolio investments in terms of liabilities has amounted to \$11.2 billion. In the domestic market of public bonds, the share of nonresidents reduced from the peak level of 34.5% as of early April 2018 to 24.7% as of December 1, 2018¹⁵.

Thus, the growing uncertainty with regards to oil prices and possibility of external crisis transmission, caused by the shocks in individual countries with emerging markets in the first turn, have become the key external challenges for Russia in 2018.

¹⁴ Calculated on the basis of data obtained at <https://www.bis.org/statistics/eer/broad1901.xlsx>.

¹⁵ According to the data of Bank of Russia – Share of nonresidents’ investments in the issues of federal loan bonds (<http://cbr.ru/statistics/?PrId=svs>).

How did the economic policy respond to the growing degree of uncertainty?

On the one hand, the Message of the Russian President to the Federal Assembly dated March 1, 2018 and Presidential Decree “On National Objectives and Strategic Tasks for Development of the Russian Federation for the period to 2024” dated May 7, 2018 identified the goals of long-term economic development. These goals can be conventionally divided into several groups: solving social problems (ensuring growth in population, increase in life expectancy, decline in poverty, rise in incomes of households, and tackling the housing problem); technological restructuring of the economy (acceleration of technological development, adoption of digital technologies, creation of highly-efficient export sector); and acceleration of economic development (joining the Top 5 world-largest economies)¹⁶.

On the other hand, the fulfilment of objectives declared in the Decree dated May 7, 2018 looks challenging enough within the framework of the current model of economic policy that has been built. It is especially true for the section dealing with the increase in economic growth rate. At present, the distribution of roles among the key players in the field of economic policy is the following – the Central Bank is focused first of all on attaining the goals with regards to inflation (within the framework of inflation targeting regime), while the main objective of the Finance Ministry lies in bringing the budget into balance. Besides, the budget rule that has been worked out allows the Finance Ministry to regulate the currency exchange rate (to hold back the appreciation of exchange rate in conditions of relatively high

¹⁶ Presidential Decree No 204 “On National Objectives and Strategic Tasks for Development of the Russian Federation for the period to 2024” dated May 7, 2018 (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038>).

oil price). However, the “price” to be paid for this regulation lies in accumulation of funds in reserves, the funds that could have been allocated for encouragement of economic activity.

The Central Bank pursues the policy aimed at maintaining the key interest rate on a high enough level in real terms. Though we have observed gradual recovery of credit activity among commercial banks since early 2018, this recovery does not look sustainable in nature yet. (see Figure 2).

Besides, the Central Bank raised the key interest rate twice (to 7.75%) — first, in response to external shocks in August-September 2018 and then, on the threshold of rise in prices due to the increase in VAT.

Until mid-2018, we saw the buildup of funds on deposits of commercial banks in the Central Bank, which indicated the availability of excessive liquidity in the banking sector. For instance, the total volume of commercial banks’ deposits in the Bank of Russia exceeded 4 trillion rubles on July 10, 2018. However, this figure started reducing after that and dropped to about 1.5 trillion rubles as of late 2018¹⁷. We can partially explain this dynamics by the growth of crediting in the economy (see Figure 2), yet to a large extent, it reflects the deterioration of external conditions. It is telling that the Central Bank also explains, at least partially, the rise in interest rate in late 2018 by the deterioration of external conditions¹⁸, perhaps believing that they pose inflation threats in the first turn.

In 2018, the authorities managed to reduce the volatility of exchange rate dynamics, mainly by way of purchases of foreign currency by the Central Bank on the instruction of Finance Ministry in the period until August 2018. It stands to mention that

¹⁷ http://www.cbr.ru/hd_base/ostat_depo_new/.

¹⁸ Report on Monetary Policy. 2018. №4. М.: Central Bank of the Russian Federation, 2018. P. 2–3.

this policy does not include a tool for holding back the drop in the exchange rate of national currency. In 2018, such a tool was found in the form of de-facto refusal of pursuing currency interventions in the interest of fiscal policy until the end of the year, yet the interventions resumed in January 2019.

The favorable external market environment observed in the first three quarters of 2018 promoted the growth in revenues of federal budget, which reached 19.1% of GDP in January-October 2018, against 16.6% of GDP over the same period of previous year. Moreover, the spending in relative terms reduced from 16.9% of GDP in January-October 2017 to 15.4% of GDP in January-October 2018¹⁹. The “tax maneuver” executed today is to lead to reduction of tax burden on oil and gas sector, which will not be compensated for in relative terms (against GDP) in full measure by the growth in oil and gas revenues of the budget over the next three years. At the same time, the growth rate of budget spending in real terms is not to exceed 15% in 2019–2021 and will fall behind the economic dynamics²⁰.

Thus, the Russian authorities actually pursued constraining monetary and fiscal policy in 2018. It is little wonder that in conditions of strong positive external shocks missing, real GDP has grown by 1.5% over the first three quarters of 2018 against 1.8% over the same period of previous year. To a large extent, Russia fails to take to the path of sustainable economic growth due to weak dynamics of real household disposable incomes. Over the period between January and October 2018, they have risen by only 1.4%²¹, whereas declining over the previous three years.

¹⁹ <http://www.eeg.ru/pages/39?PHPSESSID=6227848dfec4749910e76c3f3872ec1d>.

²⁰ L. Lykova, I. Bukina. Special Aspects of Fiscal Policy in 2019–2021 // *Federalism*. 2018. No 4.

²¹ Socio-Economic Conditions in Russia, January-October 2018. M.: Rosstat, 2018. P. 6.

In order to raise the efficacy of responding to the external challenges that hinder its economic development, Russia, in our opinion, requires changes in economic policy model. These changes should not be limited to pursuing softer monetary and fiscal policy alone. We ought to build such a model of their engagement and interaction that would promote the increase in economic growth rate, on condition of being supplemented with other types of economic policy (active industrial policy in the first turn).

1. We should abandon tough inflation targeting in the sphere of monetary policy and take into account the dynamics of other macroeconomic indicators (first of all, economic growth and currency exchange rate). It can be done by way of raising the degree of monetary policy discretion or transition to flexible regime of inflation targeting, which is used by all countries with emerging markets.

2. The Central Bank ought to be more active in regulating the currency exchange rate, instead of doing it within the framework of budget rule model, as being carried out within this model, the regulation cannot unlock its potential of encouraging economic development to the full extent (leading to substantial part of financial resources being frozen in the form of reserves). However, we do not call for introducing strong targeting of currency exchange rate. We call for smoothing down its fluctuations that have a negative effect on expectations of economic agents.

3. In the current context, it is impossible to build an effective model of interaction between monetary and fiscal policy lines without introducing individual restrictions on cross-border capital movement, which will expand the room for maneuver of national monetary policy for the sake of reduction in interest rate, among other things. Different variants of the tax on external

financial transactions (Tobin tax), stricter requirements to reserves²², etc. can be used as such restrictions.

4. Finally, it looks expedient to upgrade the existing system of development institutions for promoting economic growth, first of all with regards to implementing major infrastructure projects and restructuring the national economy. To do this, we need to organize them with regards to functions performed. Then, the follow-on capitalization of these institutions at the expense of public funds is required, along with active use of leverage finance attraction. To ensure such financing, it is expedient to invest in securities of these institutions using the money from reserve funds, as well as use these financial credit instruments as security for operations of the Bank of Russia, which will raise the demand for them on the part of commercial banks.

²² It is fair to say, however, that the Bank of Russia is using higher mandatory norms of reserves with regard to banks' liabilities in foreign currency starting from the first quarter of 2016.

О НЕКОТОРЫХ РЫЧАГАХ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ON SOME MECHANISMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

М.В. ЕРШОВ

Член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям «Института энергетики и финансов», профессор Финансового университета при Правительстве РФ, член комиссии по банкам и банковской деятельности Российского Союза промышленников и предпринимателей, д.э.н.

M.V. YERSHOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director General for Financial Research at the Institute of Energy and Finance, Professor of Financial Institute under the Government of the Russian Federation, member of Commission on Banks and Bank Activities of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Ph.D. (Econ.)

АННОТАЦИЯ

Одним из ключевых факторов развития экономики является внутренний спрос. Однако в последние годы в России он значительно подавляется в т.ч. высокими процентными ставками, повышением ставки налогов, высоким абсолютным уровнем цен, а также волатильностью и обесценением курса рубля. Эти проблемы требуют внимания и изменения ряда подходов регуляторов для обеспечения всех необходимых факторов с целью поддержания роста экономики.

ABSTRACT

Domestic demand is one of the key factors of economic growth. In recent years, however, domestic demand in Russian economy is being suppressed by the high interest rates, growth of taxes, high absolute level of prices, devaluation of the ruble, and its volatility. Change of some regulators' approaches is required to provide all the necessary factors that will support economic growth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Внутренний спрос, инфляция, валютный курс, процентные ставки, монетизация экономики.

KEYWORDS

Domestic demand, inflation, exchange rate, interest rate, monetization of economy.

Представляется, что в российской экономике по-прежнему существует немалый потенциал для развития. Одним из ключевых факторов этого роста является внутренний спрос. Однако при этом динамика внутреннего спроса в последние годы находится под давлением таких факторов, как сложившийся высокий уровень цен, высокие реальные процентные ставки, обесценивающийся рубль и повышающиеся налоги.

Согласно октябрьским опросам РСПП (2018 г.), 30% респондентов сказали, что их деятельность ограничивает снижение спроса на производимую ими продукцию [1]. Стоит отметить, что в июле 2018 г. этот фактор был сдерживающим для 15% респондентов.

Инфляция в 2017–2018 гг. действительно снизилась и находилась вблизи целевого уровня (а в 2017 г. достигла исторически низких значений). Однако в целом абсолютный

уровень цен в экономике установился на высоких уровнях. За 2014–2018 гг. абсолютный уровень цен вырос более чем на 40%, а по ряду продовольственных товаров такой рост составил до 90%. Другими словами многие из тех товаров, которые раньше покупались с относительно большей легкостью, становятся теперь менее доступными.

Негативно на внутренний спрос влияют также высокие процентные ставки. Так, реальные ставки в России находятся на уровнях выше, чем во многих странах, как развитых, так и развивающихся (рис. 1). Кроме того, ставки по кредитам для реальной экономики сохраняются на уровнях выше рентабельности многих отраслей.

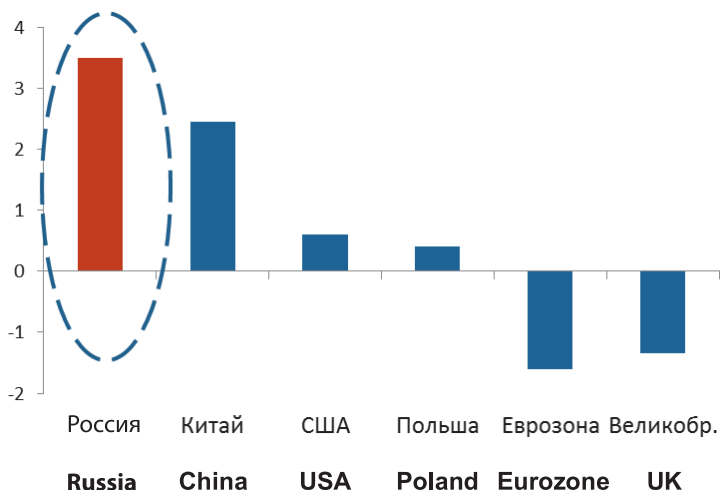

Рис. 1. Реальные основные процентные ставки центральных банков ряда стран, %

Источник: центральные банки соответствующих стран

Figure 1. Real basic interest rates of central banks in some countries, %

Source: Central banks of the respective states

В итоге деньги становятся менее востребованными и не идут в реальную экономику. В т.ч. вследствие этого в банковском секторе накапливается профицит ликвидности. Укажем, что прогноз Банка России, сделанный в октябре 2018 г., предполагал снижение объемов профицита ликвидности до 1,7–2,1 трлн рублей [2]. Сокращение предполагалось «в связи с решением Банка России приостановить до конца года покупку иностранной валюты на внутреннем валютном рынке в рамках реализации механизма бюджетного правила» [3]. Однако, по данным регулятора, по состоянию на конец 2018 г. объем профицита достиг 2,7 трлн рублей, т.е. разница факта с прогнозом составила почти 30%. Более того, приостановление покупок валюты регулятором (которое проводилось в рамках бюджетного правила) не привело к снижению ликвидности (а в начале декабря она даже увеличилась, превысив 3 трлн руб.), что, возможно, говорит о приобретении проблемой более системного характера. В результате глубина финансового рынка не повышается, а ликвидность из финансовой сферы уходит на депозиты в Банк России.

Рубль в 2018 г. продолжил обесцениваться. Удешевление рубля к доллару США составило 17% за год, что позволило рублю попасть в число наиболее подешевевших валют в мире.

Более того, курс рубля в конце 2018 г. по сравнению с курсом рубля, рассчитанным по паритету покупательной способности, занижен более чем в 2,5 раза. Обесценение рубля является фактором роста инфляции, оказывая давление на уже упомянутый внутренний спрос, еще больше усиливая его сжатие. При этом в отдельные периоды наблюдается повышенная волатильность курса. В целом нестабильность

курса подрывает возможности планирования и нормального ведения бизнеса в стране. В октябре 2018 г. более 28% респондентов РСПП назвали курсовую волатильность фактором, сдерживающим деятельность компаний, это почти в два раза выше, чем в июле прошлого года.

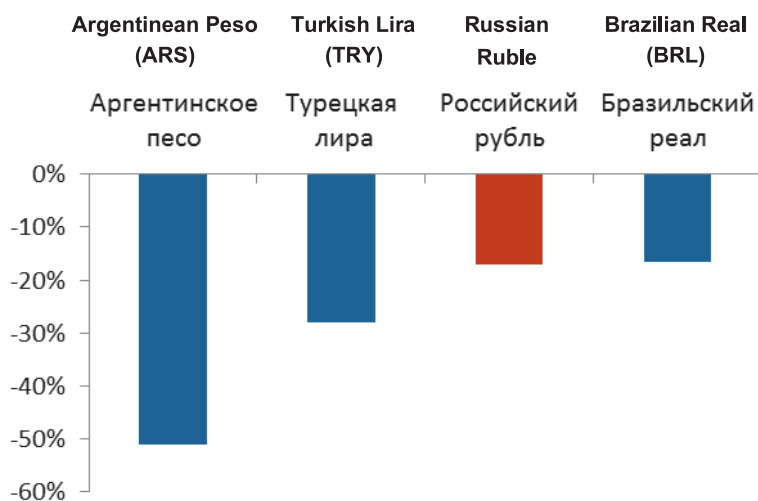

Рис. 2. Динамика ряда валют к доллару США в 2018 г., %

Источник: по данным Thomson Reuters.

Figure 2. Dynamics of currencies against USD in 2018, %

Source: as reported by Thomson Reuters.

Фактором, уменьшающим внутренний спрос, является также рост ставки НДС (с января 2019 г.). Как и любое повышение налогов, это ограничит рост производства, в особенности отраслей с более высокой добавленной стоимостью. Кроме того, повышение НДС вызовет и рост цен, ограничивая в результате внутренний потребительский спрос.

Девальвация и рост НДС, которые приведут к росту инфляции, могут также спровоцировать повышение ключевой ставки Банком России, о чем регулятор неоднократно говорил. В результате спрос еще больше снизится.

Риски негативного влияния на спрос могут также сформироваться в силу особенностей источников монетизации, которая, как и до санкций, базируется на притоке экспортной выручки и поступлении внешних займов. О сохранении таких подходов, по сути, вновь говорится в основных направлениях денежно-кредитной политики Банка России на 2019–2021 годы. Это сохраняет риски волатильности на финансовом рынке, а также сокращения ликвидности, что, естественно, негативно отразится на формировании внутреннего спроса. В таких условиях возрастает актуальность повышения опоры на внутренние национальные механизмы развития.

Более зрелые страны, отметим, формируют основу своей национальной валюты, опираясь на внутренние источники. Так, в США и Японии 85–95% всей эмиссии национальной валюты (денежной базы) сформировано на основе государственных приоритетов. Инструментом для этого являются в первую очередь длинные национальные государственные бумаги — до 30 лет в США, до 40 лет в Японии. Это закладывает прочную основу длинных денег в их экономиках. По сути, у них речь идет о полномасштабной денежно-промышленной политике. Их центральные банки покупают госбумаги, выпущенные своим минфином, и обеспечивают в результате целевую эмиссию — на ипотеку, малый бизнес, региональные программы и др.

В России механизм формирования денежной базы на основе международных инструментов унаследован из ра-

стущей экспортоориентированной экономики 1990-х годов. Всего около 5% денежной базы рубля формировалось на основе национальных госбумаг (2016 г.). Это повышает уязвимость российского финансового сектора и экономики в целом. Чем быстрее российские регуляторы перейдут на более активное применение внутренних основ развития и формирования внутреннего спроса, тем прочнее будет наша экономика и тем шире будут возможности для решения задач, поставленных Президентом РФ.

* * *

It appears that Russia's economy can still boast of serious potential for development. One of the key growth factors lies in domestic demand. Over the recent years, however, the dynamics of domestic demand has been under pressure of such factors as steadily high level of prices, high interest rates depreciating Russian ruble, and rising taxes.

Following the results of surveys conducted by the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RUIE) in October 2018, 30% of respondents say that this influence limits the drop in demand for their products [1]. It stands to mention that this factor was restraining for 15% of respondents in July 2018.

The inflation really dropped in 2017–2018 being close to the target rate (having reached historically low values in 2017). However, the absolute level of prices in the economy in general features high values. Over the period of 2014–2018, the absolute level of prices has grown by over 40%. Moreover, this growth amounted to almost 90% for some food products. Put it differently, many of the goods, easy to buy before, now become less affordable.

High interest rates also make negative impact on domestic demand. For instance, the real rates in Russia are higher than the ones in many countries, both developed and developing ones (Figure 1). Besides, the loan interest rates for real economy remain of a higher level if compared to the profitability of many industries.

Eventually, money becomes less sought-after and would not go to the real economy. It is one of the reasons behind the accumulation of liquidity surplus in the banking sector. It stands to mention that the forecast made by the Bank of Russia in October 2018 suggested the drop in liquidity surplus to 1.7–2.1 trillion rubles [2]. This reduction was assumed “due to the decision by the Bank of Russia to suspend until the end of year the purchase of foreign currency in the domestic market within the framework of implementing the mechanism of budget rule” [3]. According to the regulator, however, the surplus reached 2.7 trillion rubles as of late 2018, i.e. the difference between the actual figure and projected one amounted to almost 30%. Moreover, the suspension of currency purchase by the regulator (under the budget rule) did not lead to the drop in liquidity (that even grew in early December to over 3 trillion rubles), which may be the evidence of the problem being systemic. Eventually, the depth of financial market does not increase, while the cash leaves the financial sphere for the deposits in the Bank of Russia.

The exchange rate of ruble continued falling down in 2018. The depreciation of ruble against the US dollar amounted to 17% annually, which ranked ruble among the currencies leading in terms of going down in value.

Moreover, the exchange rate of ruble in 2018 is undervalued by over 2.5-fold if compared to the one calculated at pur-

chasing power parity. The depreciation of ruble is a factor of inflation growth imposing pressure on the abovementioned domestic demand and aggravating its contraction. At the same time, a higher volatility of exchange rate is observed in certain periods. In general, the unstable exchange rate undermines the planning capacity and makes regular business in the country impossible. In October 2018, over 28% of respondents polled by RUIE quoted ruble volatility as factor restraining the companies' activities — almost twice more of them if compared to July last year.

Another factor reducing the domestic demand is the rise of VAT (starting from January 2019). Like any tax increase, it will cut the growth in production, especially in the industries with high value added. Besides, the increase of VAT will cause a rise in prices, thus restraining the domestic demand.

The devaluation and rise in VAT, which will lead to upturn in inflation, may also provoke the increase of basic interest rate by the Bank of Russia, which the regulator has repeatedly said about. Thus, the demand will become even lower.

The risks of negative impact on the demand may also form up due to special aspects typical of monetization, which is based (like it was before the sanctions) on the inflow of export proceeds and external borrowing. Actually, this approach is again mentioned in the main guidelines of monetary policy developed by the Bank of Russia for 2019–2021. Thus, the risks of volatility in financial market and drop in liquidity remain, which, naturally, will have a negative effect on domestic demand. In these conditions, stronger reliance on national mechanisms of development becomes more relevant.

It stands to mention that more developed countries form the basis for their national currencies relying on internal sources.

If we take the USA and Japan, 85–95% of total national currency emission (monetary base) is formed on the basis of state priorities in these countries, with long-term state securities (redemption period of up to 30 years in the USA and 40 years in Japan) being the primary instrument. It lays a firm groundwork for long-term money. In fact, the matter in question is about full-scale monetary and industrial policy in these countries. Their central banks buy state securities issued by the Finance Ministry thus ensuring targeted emission — for mortgage loans, small business, regional programs, etc.

In Russia, the mechanism of forming monetary base on the basis of international instruments has been inherited from the growing export-oriented economy of 1990s. Only about 5% of the ruble's monetary base was formed on the basis of national state securities (2016). It increases the vulnerability of Russia's financial sector and economy in general. The sooner Russian regulators switch over to more active use of internal development tools and formation of domestic demand, the stronger our economy will become, and the wider the opportunities for accomplishing the tasks set by the President will be.

Библиографический список

1. Состояние российской экономики и деятельность компаний – октябрь 2018 года. РСПП. Интернет-источник: <http://www.rspp.ru/library/view/200?s=10>
2. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов. Банк России. Октябрь 2018 г.
3. Ликвидность банковского сектора и финансовые рынки. Банк России. № 34. Декабрь 2018 г.

List of References

1. Situation in the Russian economy and business activity – October 2018. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. <http://www.rspp.ru/library/view/200?s=10>
2. Single State Monetary Policy Guidelines for 2019 and the period of 2020–2021. Bank of Russia. October 2018.
3. Liquidity in banking sector and financial markets. Bank of Russia. #34. December 2018.

НУЖНЫ ЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ГЛУБОКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ? DOES THE RUSSIAN ECONOMY NEED A DEEP CHANGE?

А.В. БУЗГАЛИН

Вице-президент ВЭО России, координатор Международного Совета ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Института социэкономии Московского финансово-юридического университета МФЮА, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, визит-профессор Кембриджского, Пекинского и Хайнаньского педагогического университетов, д.э.н., профессор

A.V. BUZGALIN

Vice President of the VEO of Russia, Coordinator of the International Council of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Institute of Socio-Economics of the Moscow University of Finance and Law MFUA, Distinguished professor of Lomonosov Moscow State University; Visiting Professor of Cambridge, Beijing, and Hainan Normal Universities; Ph.D. (Econ.), professor

АННОТАЦИЯ

В статье ставится вопрос о необходимости глубоких изменений в системе социально-экономических отношений, сложившейся в России. Подчеркивается важность перехода не просто к экономическому росту, но к социально-экономическому развитию. Подчеркивается важность широкого обсуждения и четкого определения стратегических целей такого развития, дается критика чисто количественного, определяемого через темпы роста ВВП, подхода к этому вопросу. В качестве важнейших средств такого развития предлагаются стратегическое планирование, активная промышленная политика, меры по сокращению социального неравенства.

В основу статьи положено выступление автора на Абалкинских чтениях, состоявшихся 20 декабря 2018 г. в Доме экономиста (общая тема чтений: «2018 год: Потенциал развития»).

ABSTRACT

The article raises the question of the need for profound changes in the system of socio-economic relations prevailing in Russia. The importance of the transition not only to economic growth, but to socio-economic development is emphasized. Also, the importance of a broad discussion and a clear definition of the strategic goals of such development is emphasized, and criticism of a purely quantitative approach to this issue, determined through the growth rate of GDP, is given. Strategic planning, active industrial policy, and measures to reduce social inequality are proposed as the most important means of such development.

The article is based on the author's report at the Abalkin Readings held on December 20, 2018 in the House of Economist (general topic of the readings: "2018: Development Potential").

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономика России, социально-экономическое развитие, социальное неравенство, планирование, активная промышленная политика.

KEYWORDS

Russian economy, socio-economic development, social inequality, planning, active industrial policy.

Когда экономисты заводят речь о реформах, на память большинству граждан России приходит системный кризис начала 1990-х гг. Так сложилось, что в России в настоящее время категория «реформы» имеет сугубо негативную коннотацию. Более того, любые серьезные трансформации — подчеркну — не революционные, а эволюционные по своему содержанию и форме — часто сравнивают с ремонтом и задают риторический вопрос: а хотели бы вы жить в квартире, где идет ремонт?

В качестве введения к своему выступлению я коротко прокомментирую текущую экономическую ситуацию с помощью этого образа ремонта. Я только что проехал по Ивановской, Владимирской, Ярославской и ряду других областей России. И если вы в университетах этих городов, в больницах этих городов и во многих домах этих городов скажете, что делать ремонт — это плохо, то жители этих городов вас, мягко говоря, не поймут. Когда крыша протекает, в квартире холодно из-за неудовлетворительной работы системы отопления, стены облупились, говорить, что ремонт — это плохо, мягко говоря, будет не точно. В экономике РФ, к сожалению, как минимум, ремонт назрел давно. И не косметический, а капитальный.

После такого краткого введения перейдем к конкретным экономическим проблемам. Первое. Если мы хотим иметь экономический рост, то нам надо решить проблему увеличения доли накопления. В странах, которые имеют 6–7% роста, доля накопления составляет 30% и более, в России же

она чуть больше 20%. Как увеличить долю накопления, мы знаем, но это требует серьезных изменений — «ремонта». Если «ремонта» — в данном случае изменений доли накопления — не будет, то и не будет и роста экономики.

Второе. Есть очень интересный вопрос, а для чего нужен рост? И что именно является целью: рост или развитие? Я сошлюсь на нобелевского лауреата Д. Стиглица¹ и президента Вольного экономического общества профессора С.Д. Бодрунова². Есть немало работ других авторов, которые говорят, что развитие и рост существенно различаются и может быть развитие без роста (как ни странно), а может быть и рост без развития³.

Что можно сделать без роста, обеспечивая развитие? Например, смягчить социальное неравенство. Так, если Россия будет в социально-экономической политике ориентироваться на социально-ориентированную модель скандинавских стран, то это приведет к существенному сокращению социального неравенства даже при неизменном объеме валового национального продукта. Чтобы не допустить обострения социальных конфликтов, необходимо, чтобы действующая в стране модель социально-экономической политики позволяла своевременно решать социальные проблемы. К сожалению, чаще всего экономисты на эти проблемы обращают

¹ Стиглиц Д., Сен А., Фитуси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. — М., 2015.

² Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. 2018. №3. С. 5–12; Бодрунов С.Д. Гиперразвитие финансового капитала как цивилизационная угроза // Мир перемен. 2018. № 4. С. 172–181.

³ См., напр.: Теняков И. М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 61–73. Основательный обзор работ по этой проблеме представлен также в монографии: Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество. — М., 2015.

гораздо меньше внимания, чем на вопросы, скажем, налогообложения или кредитования бизнеса. В то время как, на наш взгляд, ключевые проблемы экономики РФ лежат прежде всего в сфере социального неравенства и отсутствия развития.

Следующий вопрос, который мне представляется принципиально важным, если мы хотим иметь экономическое развитие, а не просто рост. В процессе развития не обязательно все показатели должны иметь положительную динамику. Развитие можно обеспечить и в том случае, если только часть ключевых показателей будет расти. Это потребует структурных преобразований, выделения приоритетов, но это возможно. Для того чтобы было развитие, нам необходимо обеспечить приоритеты прогресса, закрепив их через государственную программу. Нам нужен, и я не боюсь этого слова — план на 5 лет, который жестко фиксирует правила игры, в том числе — в области промышленной политики. Такой план должен давать предельно ясные сигналы для бизнеса о том, что определенные приоритетные отрасли в течение ближайших 5 лет будут иметь низкие налоги, будут обеспечиваться доступными кредитами. Также такой план должен содержать конкретные параметры государственных инвестиций и развернуто определять основные параметры деятельности для государственных компаний⁴ (в скобках прокомментирую последний тезис: никто не отрицает, что частный собственник, безусловно, имеет право планировать

⁴ Подробнее см.: Клепач А.Н. Поворот к стратегическому планированию: тернии и перспективы // Вопросы политической экономики. 2016. № 1. С. 44–63; Митяев Д.А. Система стратегического планирования: попытка политэкономического подхода // Вопросы политической экономики. 2016. № 1. С. 64–77; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 63–80; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // Вопросы политической экономики. 2016. № 1. С. 21–43.

деятельность своих собственных компаний. Что касается государственных компаний, то они, вообще говоря, должны работать прежде всего на общенародные цели, и лишь во вторую очередь — на получение прибыли. Тем более, что такое прибыль государственной компании, это очень интересный вопрос, а то, кому она реально достается — вопрос, интересный вдвойне).

Продолжим. Если мы принимаем названные выше правила игры (планирование, активную промышленную политику, снижение социального неравенства), то тогда у нас будет не двенадцать национальных проектов, а один план, принятый парламентом и утвержденный президентом. План, в который могут вноситься изменения лишь при наличии серьезного обоснования. В таком случае у нас будет некоторая гарантия стратегического развития ради стратегических целей.

К сожалению, как я уже отметил, экономические власти нашей страны не спешат зафиксировать долгосрочные стратегические цели развития. Если вы спросите, какие цели у России на 5 лет, то получите набор по преимуществу количественных, экстенсивных ориентиров («удвоение ВВП, войти в пятерку крупнейших по объему ВВП стран») или набор плохо субординированных приоритетов. И это критика в том числе в адрес теоретических установок некоторых экономистов.

Поэтому я бы здесь поставил многоточие и попросил уважаемых коллег поставить вопрос о целях социально-экономического развития, именно социально-экономического развития. В этом контексте неизбежен и вопрос о том, необходимы ли нам достаточно глубокие реформы. Уже после обсуждения этих вопросов о целях можно будет говорить

и о средствах. Потому что когда мы говорим про кредитование, про финансирование, про налоги, мы обсуждаем некоторые тактические средства. А у нас совершенно не ясно, на самом деле, стратегия.

Между тем у экономистов, близких к левому спектру общественной мысли, уже не первое десятилетие развивается система предложений, в которых системно представлены основные цели (более того — дерево целей), средства и ресурсы развития. Именно таким является подготовленный в последней редакции в конце 2017 года автором этого текста и моим товарищем по многочисленным публикациям — А.И. Колгановым — документ «Экономика для человека. Стратегия опережающего развития — 2017». Здесь само имя стратегии указывает на ее цель — гармоничное свободное развитие человека как высшую цель социально-экономического развития. Это не новый, но все более подтверждаемый практиками, жизнью императив, ибо именно креативные качества человека становятся не только ценностью, но и средством прогресса современной экономики.

А подзаголовок указывает на ее отличительное качество — стратегия опережающего развития. Первый вариант этой стратегии был предложен нами еще в 1992 году — четверть века назад⁵. И с той поры мы регулярно обновляем этот документ, опубликованный в многочисленных книгах и журналах⁶. В 2010 году это понятие было использовано

⁵ Бузгалин А.В., Колганов А.И. (ред.) Экономика для человека (Антикризисная программа Демократических левых). Материал для обсуждения: вариант 1а, декабрь 1992. М., 1992.

⁶ См., напр.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Стратегия опережающего развития // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 76–88; Бузгалин А.В., Колганов А.И. О стратегии опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 34–50; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальные, материальные и финансовые ресурсы опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 9. С. 14–26.

С.Ю. Глазьевым⁷. О необходимости стратегии, нацеленной на опережение, но с другим акцентом — на важности технологического прорыва — пишет С.Д. Бодрунов⁸.

И средства такого развития эти ученые, равно как и автор этого текста, видят сходно — в уже упомянутых шагах по развитию активной промышленной политики и стратегического планирования.

Другое дело, что я в этом случае иду дальше «влево», и это не случайно. Левая идея вновь становится востребованной, и этому я хотел бы посвятить заключительную часть текста, обратившись для подкрепления своих выводов к весьма неожиданному источнику. Дело в том, что в своем недавнем интервью журналу *The New Statesman* едва ли не самый известный сторонник неолиберальных идей Фрэнсис Фукуяма заговорил о том, что социализм до конца не исчерпал свой потенциал, а Маркс в определенном смысле был прав⁹. Такая трансформация весьма символична. Более того, она опирается на начавшийся еще в 2012 году медленный поворот этого автора, умеющего точно выражать настроения мирового экономико-политического истеблишмента, влево. Фукуяма, в частности, говорит о важности «закрепить легитимность государства как выразителя общественных интересов», о том, что надо «решительно заявить о необходимости перераспределения благ и представить реалистичный путь к прекращению доминирования групп интересов в политике». И едва ли не самый примечательный в этой связи тезис быв-

⁷ Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М., 2010.

⁸ Бодрунов С.Д. Ноономика. — М., 2018.

⁹ Francis Fukuyama interview: “Socialism ought to come back” by George Eaton. 17 October 2018 / Newstatesman.com Accessed: January 25, 2019. https://www.newstatesman.com/culture/observations/2018/10/francis-fukuyama-interview-socialism-ought-come-back?fbclid=IwAR3iVR4pD6lbzu66j5C_q-ITxmuKeHNJckIPnHCK4AXKzSgq6WTct2SIzK

шего гуру неоллиберализма: «Однако добиться этой цели невозможно без серьезной и последовательной критики основ современной неоклассической экономики, начиная с таких фундаментальных положений, как суверенность индивидуальных предпочтений, а также представление о совокупном доходе как о точном показателе национального благосостояния. Следует отметить, что доходы людей необязательно отражают их реальный вклад в общество. Но нужно идти дальше, признавая, что даже если рынок труда работает эффективно, природное распределение талантов необязательно справедливо, поэтому человек — не суверенная единица, а существо, которое в значительной степени формируется окружающим его обществом»¹⁰.

Я не случайно привел эти выдержки. Они весьма симптоматичны. Конечно же, Фукуяма не стал и никогда не станет марксистом, но то, что о необходимости сдвига «влево» пишет этот автор, и то, что эти тезисы публикуют ведущие журналы мира, символично, ибо речь идет не о запоздалом научном прозрении, а о том, что жизнь вновь заставляет подумать об иной повестке дня.

И это в полной мере касается нашей страны и ее экономики.

* * *

When the economists start talking about reforms, the majority of Russian citizens immediately recall the systemic crisis of early 1990s. It has so happened that the notion of “reforms” has very negative connotation in Russia

¹⁰ Фукуяма Ф. Будущее истории // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 1. С. 19.

nowadays. Moreover, people often compare any serious transformations — even evolutionary, not revolutionary ones — with renovation of apartment and ask rhetorically: “Would you like to live in the apartment being renovated?”

As introduction to my presentation, I would briefly comment on the current economic situation using this image of “renovation.” I have just made a trip around Ivanovo, Vladimir, Yaroslavl and some other regions of Russia. If you say speaking at the universities, hospitals and even houses of these cities that renovation is not a good undertaking, the local residents will not understand you, putting it politely. When the roof is leaking, it is cold in the apartment due to defective heating system, while the wall paint is coming off, the idea of renovation being a bad idea is not true to the fact. Unfortunately, the issue of renovating Russia’s economy has become urgent long ago. Moreover, our economy requires serious refurbishment instead of just renovation.

After such a brief introduction, let us proceed to specific economic problems. First, if we want to see economic growth, we will have to solve the problem of raising the share of accumulation. In the countries having 6–7% of economic growth, the share of accumulation amounts to 30% and more, against slightly over 20% in Russia. We know how to increase the share of accumulation, yet it requires serious changes — the “refurbishment.” If there is no “refurbishment” — the rise in share of accumulation in this case — the economic growth will be impossible.

Second. There is a very interesting question — what do we need growth for? What exactly is the objective — the growth or development? I will refer to Nobel Prize winner D. Stiglitz¹¹ and

¹¹ J. Stiglitz, A. Sen, J-P Fitoussi. *Mismeasuring Our Lives: Why GDP Does Not Add Up. The Report of Commission on Measurement of Economic Performance and Social Progress* / Translated from English by I. Kushnareva; science editing by T. Drobyshevskaya. M., 2015.

President of the Free Economic Society, Professor S.D. Bodrunov¹². There are many papers by other authors, who say that there is a serious difference between development and growth, that development is possible without growth (no matter how strange it seems), and vice versa¹³.

What can one do to ensure development without growth? For instance, it is possible to alleviate social inequality. If Russia is guided by the socially-oriented model of Scandinavian countries in socio-economic policy, it will lead to substantial decrease in social inequality even with unchanged GDP. In order to prevent escalation of social conflicts, the model of socio-economic policy pursued by the country should allow for solving social problems in due time. Unfortunately, the economists pay less attention to these problems, if compared to, say, the issues of taxation or business lending, while the key (in our opinion) problems of Russia's economy lie, above all, in the sphere of social inequality and absence of development.

Here is the next issue, which seems essential to me, if we want to see economic development, instead of just growth. The development can be ensured even in the case of growth only in a part of key indicators. It will require structural reforms and identification of priorities, but it is possible. To achieve development, we are to identify the priorities of progress having fixed them through a state program. I would go as far as to say that we need a plan for 5 years, which will securely fix the rules of the game, including the ones in the field of industrial poli-

¹² S.D. Bodrunov. Transition to Advanced Setup: Analysis from Perspective of NIO.2 and Neonomics Concepts // Economic Revival of Russia. 2018. No.3. P. 5–12; S.D. Bodrunov. Hyper-Development of Financial Capital as Civilizational Threat // Mir Peremen. 2018. No.4. P. 172–181.

¹³ See for instance: I.M. Tenyakov. Approaches to Appraisal of Economic Growth Quality // Issues of Political Economics. 2016. No.4. P. 61–73. Thorough review of papers on this topic also presented in monograph: I.M. Tenyakov. Modern Economic Growth: Sources, Factors, Quality. M., 2015.

cy. This plan should send clear signals to business about low taxes and available credits in certain sectors enjoying priority. Besides, this plan is to indicate specific parameters of state investments and highlight in detail the key parameters of activities for state-owned companies¹⁴ (in brackets, I would comment on the latter thesis: nobody denies the right of private owner for planning the activities of his/her companies. As for state companies, they must place the work aimed at achieving nationwide goals ahead of profit motives. All the more so, as the question about what the profit of a state company is looks very interesting, while the one of whom it really goes to is doubly interesting.).

Let us proceed. If we accept the aforementioned rules of the game (planning, active industrial policy, reduction in social inequality), we will have a single plan, adopted by the parliament and approved by the president, instead of twelve national projects. Any amendments may be introduced to this plan only provided that there are serious grounds for that. In this case, we will have a certain guarantee of strategic development for the sake of strategic goals.

Unfortunately, as I have already mentioned, the economic authorities of our countries are not in a hurry to fix long-term strategic objectives of development. If you ask what goals Russia has for the next 5-year period, you will get either a set of mostly quantitative extensive benchmarks (raising GDP twofold, joining the Top5 countries in terms of GDP size, etc.), or the one of

¹⁴ For more detail see: A.N. Klepach. Turn to Strategic Planning: Problems and Prospects // Issues of Political Economics. 2016. No.1. P. 44–63; D.A. Mityayev. System of Strategic Planning: Attempt of Politico-Economic Approach // Issues of Political Economics. 2016. No.1. P.64–77; A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. Planning: Potential and Role in Market Economy of XXI Century // Voprosy Ekonomiki. 2016. No.1. P. 63–80; A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. Regularity Theory and Tasks of Selective Planning Development in Market Economy // Issues of Political Economics. 2016. No.1. P. 21–45.

priorities poorly subordinated. Here, I criticize the theoretical settings of some economists as well.

That is why I would use ellipsis here and ask my most esteemed colleagues to raise the issue of socio-economic development *goals*, the ones dealing exactly with *socio*-economic development. In this context, the question of whether we really need comprehensive reforms inevitably arises. After having discussed the issues related to ends, we can speak about the means. It is because when we talk about crediting, financing and taxes, we discuss some tactical means, while the strategy is actually not clear.

Meanwhile, a system of suggestions representing in a consistent manner the main objectives (moreover, a tree of objectives), means and resources of development has been being elaborated by the economists leaning toward the left spectrum of social thinking for more than one decade already. The final version of document “Economy for People: Strategy of Outstripping Development — 2017” prepared by A.I. Kolganov, the authors of this text and co-author of my numerous publications, in late 2017 is among such papers. The very type of strategy here indicates its objective — harmonious and free human development as the ultimate goal of socio-economic development. It is not a new, yet still more evidenced in practice imperative, as human creative features become not only the value, but a means of progress in the modern economy.

The subtitle points to its attribute — strategy of *outstripping* development. As for the first variant of this strategy, we suggested it back in 1992 — a quarter-century ago¹⁵. Since that time, we have been regularly updating this document, published in nu-

¹⁵ A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov (editor). Economy for People (Anti-Crisis Program of Left Democrats). Material for discussion: variant 1a, December 1992. M., 1992.

merous books and magazines¹⁶. In 2010, this notion was used by S.Yu. Glaziyev¹⁷. S.D. Bodrunov has also written about the need for proactive strategy, yet focusing on the importance of technological breakthrough¹⁸.

These scientists, like the author of this text, share the views on the means for such development seeing them in the above-mentioned steps aimed at active industrial policy and strategic planning.

It is another matter that I go further to the left, and it is no coincidence. The left idea becomes sought-after again, and I would like to devote the final part of my article to it referring to an expected source in order to substantiate my conclusions. The fact is that Francis Fukuyama, virtually the most famous supporter of neoliberal ideas, said in his recent interview to *The New Statesman* that socialism has not yet exhausted its potential to the end, while Marx was right in a sense¹⁹. Such transformation looks symbolic enough. Moreover, it relies upon the gradual turn to the left that this author, capable of conveying the sentiments of political and economic establishment very accurately, has demonstrated starting from 2012. In particular, Fukuyama says about the importance of “securing the legitimacy of state as the mouthpiece of public interests,” and the necessity to “make it clear about the need for redistribution of benefits and suggest

¹⁶ See for instance: A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. Strategy of Outstripping Growth // Svobodnaya Mysl. 1996. No.9. P. 76–88; A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. On Strategy of Russia's Outstripping Development // Theoretical and Practical Aspects of Management. 2017. No.7. P. 34–50; A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. Social, Material and Financial Resources of Russia's Outstripping Development // Theoretical and Practical Aspects of Management. 2017. No.9. P. 14–26.

¹⁷ S.Yu. Glaziyev. Strategy of Russia's Outstripping Growth in Conditions of Global Crisis. M., 2010.

¹⁸ S.D. Bodrunov. Noonomics. M., 2018.

¹⁹ Francis Fukuyama interview: “Socialism ought to come back” by George Eaton. 17 October 2018 / Newstatesman.com Accessed: January 25, 2019. https://www.newstatesman.com/culture/observations/2018/10/francis-fukuyama-interview-socialism-ought-come-back?fbclid=IwAR3iVR4pD6lbzu66j5C_q-ITxmuKeHNjcklPnHCK4AXKzSgq6WTCt2SIZk

a realistic way to put an end to domination of interest groups in politics.” Here is probably the most notable thesis suggested by the former guru of neoliberalism: “However, it is impossible to accomplish this objective with serious and consistent criticism addressed to the essentials of modern neoclassical economics, starting from such fundamental premises as sovereignty of individual preferences, as well as the idea of aggregate income being an accurate measure of national welfare. It stands to mention that the incomes of people do not necessarily reflect their real contribution to society. Moreover, we should go further and recognize that, even if the labor market works efficiently, the natural distribution of talents is not necessarily fair, so an individual is not a sovereign unit, but a creature being shaped by the society to a large extent.”²⁰

It is not by mere chance that I have quoted these extracts. They look symptomatic enough. Naturally, Fukuyama has not become and will never become a Marxist, but the facts that this very author writes about the necessity of turn to the left, and that world-leading magazines publish these theses, looks very symbolic, as the matter in question is not about a post-hoc insight, but the fact that life makes us consider a different agenda again.

These ideas are relevant to our country and its economy in full measure.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. Гиперразвитие финансового капитала как цивилизационная угроза // Мир перемен. 2018. № 4. С. 172–181.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика. — М., 2018.

²⁰ F. Fukuyama. The Future of History // *Russia in Global Affairs*. 2012. V. 10. No.1. P. 820.

3. Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. 2018. №3. С. 5–12.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. (ред.) Экономика для человека (Антикризисная программа Демократических левых). Материал для обсуждения: вариант 1а, декабрь 1992. — М., 1992.
5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 63–80.
6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальные, материальные и финансовые ресурсы опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 9. С. 14–26.
7. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Стратегия опережающего развития // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 76–88.
8. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 21–43.
9. Бузгалин А.В., Колганов А.И. О стратегии опережающего развития России // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 34–50.
10. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М., 2010.
11. Клепач А.Н. Поворот к стратегическому планированию: тернии и перспективы // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 44–63.
12. Митяев Д.А. Система стратегического планирования: попытка политэкономического подхода // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 64–77.
13. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению

- эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. — М., 2015.
14. Теняков И.М. Подходы к оценке качества экономического роста // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 61–73.
 15. Теняков И.М. Современный экономический рост: источники, факторы, качество. — М., 2015.
 16. Фукуяма Ф. Будущее истории // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 1. С. 820.

Bibliographical References

1. S.D. Bodrunov. Hyper-Development of Financial Capital as Civilizational Threat // Mir Peremen. 2018. No.4. P. 172–181.
2. S.D. Bodrunov. Noonomics. M., 2018.
3. S.D. Bodrunov. Transition to Advanced Setup: Analysis from perspective of NIO.2 and Noonomics Concepts // Economic Revival of Russia. 2018. No.3. P. 5–12.
4. A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov (editor). Economy for People (Anti-Crisis Program of Left Democrats). Material for discussion: variant 1a, December 1992. M., 1992.
5. A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. Planning: Potential and Role in Market Economy of XXI Century // Voprosy Ekonomiki. 2016. No.1. P. 63–80.
6. A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. Social, Material and Financial Resources of Russia's Outstripping Development // Theoretical and Practical Aspects of Management. 2017. No.9. P. 14–26.
7. A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. Strategy of Outstripping Growth // Svobodnaya Mysl. 1996. No.9. P. 76–88.
8. A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. Regularity Theory and Tasks of Selective Planning Development in Market Economy // Issues of Political Economics. 2016. No.1. P. 21–43.

9. A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. On Strategy of Russia's Outstripping Development // Theoretical and Practical Aspects of Management. 2017. No.7. P. 34–50.
10. S.Yu. Glaziyev. Strategy of Russia's Outstripping Growth in Conditions of Global Crisis. M., 2010.
11. A.N. Klepach. Turn to Strategic Planning: Problems and Prospects // Issues of Political Economics. 2016. No.1. P. 44–63.
12. D.A. Mityayev. System of Strategic Planning: Attempt of Politico-Economic Approach // Issues of Political Economics. 2016. No.1. P. 64–77.
13. J. Stiglitz, A. Sen, J-P Fitoussi. Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up. The Report of Commission on Measurement of Economic Performance and Social Progress / Translated from English by I. Kushnareva; science editing by T. Drobyshevskaya. M., 2015.
14. I.M. Tenyakov. Approaches to Appraisal of Economic Growth Quality // Issues of Political Economics. 2016. No.4. P. 61–73.
15. I.M. Tenyakov. Modern Economic Growth: Sources, Factors, Quality. M., 2015.
16. F. Fukuyama. The Future of History // Russia in Global Affairs. 2012. V. 10. No.1. P. 820.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ: ФАКТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ

ECONOMIC GROWTH IN RUSSIAN AGRICULTURE: FACTORS AND PROBLEMS

А.В. ПЕТРИКОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова — филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — академик РАН, д.э.н., профессор

A.V. PETRIKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at the Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics — Branch of the Federal Scientific Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories, Academician of the Russian Academy of Sciences, Ph.D. (Econ.), professor

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются тенденции развития сельского хозяйства за последние 10–15 лет. Отмечаются рост производства в большинстве отраслей аграрной экономики, повышение уровня продовольственной

независимости страны, увеличение экспорта. Одновременно указывается на ограничения и проблемы экономического роста в сельском хозяйстве: неравномерность темпов по отраслям, концентрация роста в узкой группе хозяйств, сильная зависимость от импорта технологий, обострение социальных проблем в российской деревне. На основе проведенного анализа предлагаются направления совершенствования аграрной политики.

ABSTRACT

The article deals with the trends in the development of agriculture over the past 10–15 years. There is increase in production in most sectors of the agricultural economy, increase in the level of food independence of the country, and increase in exports. At the same time, the author points to the limitations and problems of economic growth in agriculture: uneven rates by sectors, the concentration of growth in a narrow group of farms, strong dependence on imports of technology, the aggravation of social problems in the Russian village. On the basis of analysis performed, the directions for the improvement of agrarian policy are offered.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономический рост в сельском хозяйстве, растениеводство, животноводство, продовольственная независимость, развитие сельских территорий, аграрная политика.

KEYWORDS

Economic growth in agriculture, crop production, livestock, food independence, rural development, agricultural policy.

Аграрная отрасль — важнейший сектор российской экономики: доля сельского хозяйства в валовом национальном продукте в 2016 году составила 4,36% и за последние 6 лет несколько возросла при снижении удельного веса в численности занятых, расходах консолиди-

рованного бюджета, но при росте в общем объеме экспорта, что говорит о повышении эффективности отрасли (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Удельный вес сельского хозяйства в экономике, % /
Relative weight of agriculture in economy, %**

	2011	2012	2013	2014	2015	2017
В ВВП / In GDP	3,73	3,51	3,43	3,87	4,33	4,36
В занятом населении / In employment	7,7	7,3	7,0	6,7	6,7	6,7
В основных фондах / In fixed assets	2,9	2,8	2,8	2,7	2,7	2,6
В инвестициях / In investments	4,1	3,8	3,8	3,7	3,6	4,1
В расходах бюджета / In budget spending	1,36	1,19	1,43	1,14	1,22	1,06
В экспорте / In export	2,6	3,2	3,1	3,8	4,7	6,0
В импорте / In import	13,9	12,8	13,7	13,9	14,6	13,7

Положительный тренд в развитии аграрной экономики подтверждается итогами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. в сравнении с данными Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (табл. 2).

Площадь используемых сельскохозяйственных угодий практически была сохранена (снижение 0,5%), а общая площадь посевов увеличена на 4,3 млн га, или на 5,8%.

В животноводстве в наибольшей степени возросло поголовье птицы (на 42,7%); на втором месте по приросту — поголовье свиней (на 36,3%); на 20,9% выросла численность овец и коз. К сожалению, отрицательная динамика характерна для поголовья крупного рогатого скота: минус 17,9%, в том числе коров — минус 16,7%. Вместе с тем отрадно от-

метить четырехкратный рост численности коров мясных пород. В целом условное поголовье основных видов продуктивных животных возросло за 10 лет на 7,5%, то есть в целом ресурсный потенциал животноводства укрепился.

Таблица 2 / Table 2

Изменение объема ресурсов, используемых в сельском хозяйстве по данным Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 г. /

Changes in the volume of resources used in agriculture according to the results of National Agriculture Census taken in 2006 and 2016

	2006 г.	2016 г.	2016 г. к 2006 г.	
			тыс. га / thousand hectares	%
Площадь используемых сельскохозяйственных угодий / Area of agricultural land used	125480,0	124843,0	- 637,0	99,5
Общая посевная площадь / Total cultivated area	74857,07	79199,4	4342,33	105,8
Поголовье продуктивных животных, тыс. голов: / Productive animal livestock, thousand heads:				
Крупный рогатый скот / Cattle	23514,22	19321,99	- 4192,23	82,2
В том числе коровы / Including cows	9569,34	7985,11	- 1584,23	83,4
Из них коровы мясных пород / Beef cows	347,17	1400,2	1053,03	403,3
Свиньи / Pigs	17091,80	23270,93	6179,13	136,2
Овцы и козы / Sheep and goats	22460,82	27218,90	4758,08	121,2
Птица всех видов / Poultry of all species	391160,08	557121	165960,92	142,4
Всего скота и птицы, условных голов / Total cattle and poultry, livestock units	33133,09	35632,83	2499,73	107,5

Для сравнения вспомним период 90-х годов, когда мы потеряли 33 млн посевов, 30,8 млн голов КРС, 21,7 млн свиней, 46,5 млн овец и коз.

При этом численность работников сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств сократилась за десятилетие с 2006 по 2016 год на 49%. Получается, что возросшую площадь посевов и совокупное (условное) поголовье скота и птицы мы обрабатываем меньшим числом работников, что говорит о росте производительности аграрного труда.

В 2017 году завершился этап восстановительного роста в сельском хозяйстве: валовая продукция впервые за постреформенный период превысила уровень 1990 года (на 2,1%), в растениеводстве уровень превышен на 42%, в животноводстве, к сожалению, он еще ниже уровня 1990 года на 28%.

Пороговые значения удельного веса отечественной продукции на внутреннем рынке, установленные «Доктриной продовольственной безопасности», превышены по всем основным продуктам, кроме молока и молокопродуктов (табл. 3).

Правда, с 2014 года стала несколько расти доля затрат на питание в потребительских расходах, но в 2017 г. эта тенденция сменилась на обратную, что содействует росту продовольственной безопасности.

Поступательное развитие сельского хозяйства благоприятно сказалось на внешней торговле продовольствием и сельскохозяйственным сырьем (табл. 5). Экспорт в 2017 году был на 27%, больше, чем в 2013 г., импорт, наоборот, уменьшился на 33%. Внешнеторговое сальдо продолжает оставаться отрицательным, но его величина за последние 5 лет существенно уменьшилась: в 3,3 раза.

Таблица 3 / Table 3

**Удельный вес отечественной продукции в ресурсах внутреннего рынка, % /
Relative weight of Russian products in domestic market resources, %**

	2017	Пороговое значение «Доктрины продовольственной безопасности» / Threshold value set in Doctrine of Food Security
Зерно / Grain	99,3	95,0
Сахар (из сахарной свеклы) / Sugar (produced of beet)	94,6	80,0
Масло растительное / Vegetable oil	84,4	80,0
Картофель / Potatoes	97,0	95,0
Мясо и мясопродукты / Meat and meat products	90,0	90,4
Молоко и молокопродукты / Milk and dairy products	90,0	82,4

Таблица 4 / Table 4

**Доля расходов на питание в потребительских расходах российских семей /
Share of meal expenses in consumer spending of Russian households.**

Годы / Years	%
2013	31,2
2014	31,9
2015	35,4
2016	35,5
IV квартал 2017 / IV quarter of 2017	34,5

Наряду с положительными тенденциями в отрасли отмечается ряд проблем.

Таблица 5 / Table 5

**Экспорт/импорт продовольствием и сельскохозяйственным сырьем,
млн долл. США / Export/import of food and agricultural raw materials,
million USD**

Годы / Years	Экспорт / Export	Импорт / Import	Сальдо / Balance
2008	9278	35189	-25911
2009	9967	30015	-20048
2010	8755	36398	-27643
2011	13330	42535	-29205
2012	16769	40655	-23886
2013	16262	43255	-26993
2014	18982	39957	-20975
2015	16215	26650	-10435
2016	17070	25031	-7961
2017	20706	28819	-8113

Прежде всего, это неравномерность роста по подотраслям. В растениеводстве (табл. 6) лидерами роста являются наиболее востребованные рынком и соответственно, высоко rentабельные зерновые и масличные культуры. Производство кукурузы на зерно в среднем за 2013–2017 годы по сравнению с 1986–1990 годами увеличилось в 3,9 раза, масличных культур — в 3,5 раза. Производство льноволокна, наоборот, в 3 раза уменьшилось.

В животноводстве (табл. 7) — та же неравномерность в величине роста: производство мяса птицы возросло в 2,5 раза, а производство шерсти в 4 раза сократилось.

Вторая не совсем благоприятная тенденция состоит в том, что экономический рост и основная масса прибыли концентрируется в узкой группе хозяйств (табл. 8): в 2014 году на

3% сельскохозяйственных организаций с прибылью на организацию свыше 100 млн рублей приходится 62% всей прибыли и 42% выручки. С 2014 г. (последний год, по которому мы располагали данными) картина принципиально, по всей видимости, не изменилась.

Таблица 6 / Table 6

Валовые сборы сельскохозяйственных культур, млн тонн / Gross output of crops, million tons

	В среднем за год / Yearly average		2013–2017 к / against 1986–1990, %
	1986– 1990	2013– 2017	
Зерновые и зернобобовые / Cereals and grain-legumes	106,0	111,7	105,4
В т.ч. пшеница / Including wheat	43,5	66,5	152,9
Кукуруза на зерно / Grain maize	3,3	12,9	390,9
Сахарная свекла / Sugar beet	33,2	43,7	131,6
Масличные культуры / Oil crops	4,1	14,5	353,7
Льноволокно, тыс. тонн / Flax fiber, thousand tons	124,0	40,3	32,5
Картофель / Potato	35,9	31,2	86,9
Овощи / Vegetables	11,2	15,8	141,1
Плоды и ягоды, тыс. тонн / Fruit and berries, thousand tons	2603,0	3018,9	116,0
Виноград, тыс. тонн / Grapes, thousand tons	686,0	506,3	73,8

Следующая неблагоприятная тенденция состоит в том, что доходность отрасли сильно колеблется по годам (табл. 9). Размах вариации рентабельности организаций в сельском хозяйстве намного выше, чем в среднем по экономике. При-

чем бюджетные субсидии, повышая общий уровень рентабельности, не сглаживают отмеченную дифференциацию.

Таблица 7 / Table 7

Производство основных продуктов животноводства / Output of core livestock products.

	В среднем за год / Yearly average		2013–2017 к / against
	1986– 1990	2013– 2017	1986–1990, %
Скот и птица (в убойном весе, тыс. тонн) / Cattle and poultry (slaughter weight, thousand tons)	9671	9492,7	98,2
Крупный рогатый скот / Cattle	4096	1633,9	39,9
Свиньи / Pigs	3347	3157,3	94,3
Овцы и козы / Sheep and goats	369	206,7	56,0
Птица / Poultry	1747	4417,5	252,9
Молоко, млн тонн / Milk, million tons	54,2	30,8	56,8
Яйца, млрд шт. / Eggs, billion pieces	47,9	42,8	89,4
Шерсть, тыс. тонн / Wool, thousand tons	225	56,0	24,9

Наблюдается существенная зависимость отечественного сельского хозяйства от импорта технологий (табл. 10). С одной стороны, это хорошо — наши предприятия участвуют в международном рынке инноваций, но с другой стороны, не формируется надежной научно-технологической основы для продовольственной безопасности. За период 2005–2015 гг. импорт сельскохозяйственных технологий (в основном покупка лицензий) в 50 раз превысил экспорт.

Уровень жизни на селе продолжает уступать городскому. Совокупный среднемесячный доход на члена домохозяйства на селе — 19 120 руб. (2016 г.) или 63,7% от города. Доля до-

Таблица 8 / Table 8
Группировка сельскохозяйственных организаций по сумме прибыли на организацию / Agricultural organizations by amount of profit per organization.

	Удельный вес / Relative weight							
	В общей численности организаций / In total number of organizations		В численности прибыльных организаций / In number of profit-making organizations		В общей сумме прибыли / In total amount of profit		В объеме выручки / In total sales proceeds	
	2009	2014	2009	2014	2009	2014	2009	2014
Убыточные организации / Loss-making organizations	28,1	19,5	-	-	-	-	12,4	8,8
Прибыльные организации / Profit-making organizations	71,9	80,5	100	100	100	100	87,6	91,2
В т.ч. с суммой прибыли на организацию, млн руб. / Including the ones with profit per organization, of million rubles								
до 10 / Up to 10	60,6	61,8	84,3	76,7	16,8	7,3	30,5	19,6
от 10 до 100 / From 10 to 100	10,4	16,2	14,4	20,2	42,1	30,4	32,4	29,5
Более 100 / Over 100	0,9	2,5	1,3	3,1	41,1	62,3	24,7	42,1

машинных хозяйств, имеющих среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, в сельской местности — 18,5% (2016 г.), в то время как в городе — 5,4%.

Таблица 9 / Table 9

Рентабельность проданных товаров, работ, услуг в организациях, % / Profitability of goods and services sold in organizations %

	В среднем по экономике / Economy average	В сельском хозяйстве (с учетом субсидий) / In agriculture (with subsidies taken into account)
2013	7,0	7,3
2014	7,3	16,1
2015	8,1	20,3
2016	7,6	16,4
2017	7,5	14,3
Размах вариации, п.п. / Variation amplitude, p.p.	1,1	13

Таблица 10 / Table 10

Экспорт/импорт технологий в области сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства за 2005–2015 гг. / Export/import of technologies in agriculture, hunting, and forestry in 2005–2015

Показатели / Indicators	2005–2015
Число соглашений, единиц: Number of agreements, units:	
Экспорт / Export	23
Импорт / Import	70
Стоимость предмета соглашений, млн долл. США: Value of subject of agreement, million USD:	
Экспорт / Export	5,9
Импорт / Import	300,2

Большинство малоимущих российских семей (52,2%) с доходами ниже прожиточного минимума проживают в сельской местности. В 2017 г. среднемесячная номинальная начисленная зарплата в сельском хозяйстве составила 23 529 руб. — 60,1% от средней по экономике.

Уровень безработицы на селе в 2017 г. составил 8,0%, в городе — 4,3%. Сохраняется преимущественно аграрная занятость сельского населения, хотя ее удельный вес постепенно сокращается. В 2017 г. в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве было занято 19,9% трудоспособных сельских жителей, в 2011 г. — 25,6%.

В сельской местности продолжается процесс свертывания сети объектов социальной инфраструктуры, особенно в «сельской глубинке».

Обобщающим показателем уровня и качества жизни является ожидаемая продолжительность жизни при рождении: в городе в 2017 г. она составила 73,16 года, на селе — 71,38 года, т.е. на 1,78 года меньше. С 2015 г. уровень рождаемости в сельской местности стал уступать городскому (в 2017 г. он составил 11,2 промилле против 11,6 промилле в городе).

Все это ведет к миграции молодого сельского населения в города. Как показала Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года (табл. 11), в структуре занятых в сельском хозяйстве уменьшается доля работников молодых возрастов и растет доля пенсионеров.

По прогнозу Росстата, численность сельских жителей к 2030 году уменьшится на 2,8 млн чел., или на 7,3%. Сельское население постепенно концентрируется в пригородных территориях, что приводит к социальному опустыниванию сельских районов, создавая геополитические риски. За пя-

титетный период (2014—2018 гг.) число сельских поселений (сельских муниципальных образований) сократилось с 18,5 до 17,7 тыс. (на 4,2%).

Таблица 11 / Table 11

Возрастная структура постоянных работников сельскохозяйственных организаций (по данным Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг.) / Age pattern of full-time workers employed by agricultural organizations (according to the results of National Agricultural Census of 2006 and 2016).

Возраст / Age	% в общей численности работников / % of total staff headcount	
	2006	2016
15–29 лет / years	17,5	14,5
Старше трудоспособного возраста / Older than working age	4,3	10,0

В целом действующая модель аграрной политики обеспечила рост в сельском хозяйстве, продовольственную независимость страны по ключевым продуктам, постепенное наращивание экспорта. Но одновременно обнаружили недостатки этой политики: неравномерность развития по отраслям производства, волатильность доходов производителей, биполярность аграрной структуры: на одном полюсе сосредоточены высоко рентабельные хозяйства, на другом — хозяйства, работающие на грани окупаемости, зависимость от импорта технологий и т.д.

Необходим переход от политики, обеспечивающей не только экономический рост, но и более высокое качество этого роста, т.е. рост, отвечающий критериям экономической, социальной и экологической эффективности и направленный на ликвидацию структурных, межотраслевых и территориальных диспропорций.

Основными направлениями новой аграрной политики должны стать:

1. Приоритетное развитие экспортно ориентированных отраслей: стоит амбициозная задача увеличить экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья к 2024 году до 45 млрд долл. США и ускорить развитие отраслей, по которым еще не достигнуты пороговые значения продовольственной независимости: молоко, мясо КРС, овощи защищенного грунта, плоды и ягоды.

2. Стимулирование средних и малых сельскохозяйственных организаций, а также фермерских хозяйств посредством включения их в цепочки создания добавленной стоимости и улучшения доступа к субсидиям и кредитам. Для решения первой из этих задач необходимо всемерное развитие вертикальной сельскохозяйственной кооперации — снабженческо-сбытовых, перерабатывающих и обслуживающих кооперативов. Для решения второй задачи — совершенствование бюджетной и кредитной поддержки отрасли.

В настоящее время бюджетные средства и кредиты доступны преимущественно для крупного бизнеса. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г. показала, например, что субсидии и дотации из федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации получали в среднем 69% сельскохозяйственных организаций; у крупных организаций этот показатель выше — почти 76%, у микропредприятий ниже — 56%. У фермеров и индивидуальных предпринимателей еще ниже — около 35%. Аналогичная картина наблюдается по уровню доступности кредитов. Конечно, эти соотношения надо менять.

3. Третье направление — новая научно-технологическая политика, включая интеграцию науки и образования через

создание аграрных исследовательских университетов в основных сельскохозяйственных районах страны; формирование частно-государственной научно-технологической компании по внедрению результатов НИР в производство; развитие федеральной информационно-консультационной службы.

4. Четвертое направление — переход к новой модели сельского развития посредством создания центров развития в малых городах и сельских муниципалитетах, не зависящих от влияния крупных агломераций; реформы сельского самоуправления; стимулирования на селе несельскохозяйственной занятости.

* * *

Agriculture is a very important sector of Russian economy. In 2016, this industry accounted for 4.36% of Russia's GDP. Over the past 6 years, its share has slightly grown, with drop in relative weight in employment and consolidated budget spending, yet its growth in total export, which indicates the increase in the industry's efficiency (Table 1).

The positive trend in the agriculture economy development is confirmed by the results of Russian National Agriculture Census of 2016 if compared to the ones of Russian National Agriculture Census of 2008 (Table 2).

The area of agricultural land used has remained on almost the same level (drop by 0.5%), while the total cultivated area has been raised by 4.3 million hectares or 5.8%.

In animal husbandry, the poultry stock is leading in terms of growth (by 42.7%); pig stock is the second on the list (36.3%); while the livestock of sheep and goats has risen by 20.9%. Un-

fortunately, negative dynamics is typical for cattle livestock — a drop by 17.9% including 16.7% for cows. However, the livestock of beef cows has grown 4-fold. In general, the relative livestock of main productive animal species has risen by 7.5% over the past 10 years boosting the potential of animal husbandry in general.

For comparison, let us take the period of 1990s, when we lost 33 million hectares of cultivated land, 30.8 heads of cattle, 21.7 million pigs and 46.5 million sheep and goats.

The staff headcount of agricultural organizations and farms has dropped by 49% over the period from 2006 to 2016. It appears that fewer workers cultivate larger area of arable land and tend for the total livestock of poultry and cattle, which indicates the rise in labor productivity in agriculture.

In 2017, we saw the end of recovery growth stage in agriculture. The gross output exceeded the level of 1990 (by 2.1%) for the first time in post-reform period. The output has risen by 42% in crop husbandry, while in animal husbandry it is unfortunately still lower than the one of 1990 by 28%.

The threshold values as to the relative weight of Russian products in domestic market set by the Doctrine of Food Security have been surpassed for all main food categories, except for milk and dairy products (Table 3).

The share of meal expenses in consumer spending started slightly growing in 2014, yet this trend reversed in 2017, which enhances the food security.

The steady development of agriculture has positively affected the export/import of agricultural raw materials (Table 5). The export in 2017 exceeded the one of 2013 by 27%, while the import dropped by 33%. The balance of foreign trade still remains negative, yet its size has reduced 3.3-fold over the past 5 years.

Along with positive trends, some problems are still observed in the industry.

First of all, it is the unevenness of growth across sub-industries. In crop husbandry (Table 6), highly profitable cereals and oil plants are the leaders of growth and therefore most sought-after crops. In 2013–2017, the production rose 3.9-fold for grain maize and 3.5-fold for oil crops if compared to 1986–1990, while the output of flax fiber dropped 3 times.

In animal husbandry (Table 7), the growth also looked uneven. The output of poultry meat rose 2.5-fold, while the production of wool dropped 4 times.

The second unfavorable trend lies in the fact that economic growth and the bulk of profits are concentrated in a narrow group of enterprises (Table 8). In 2014, 3% of agricultural companies with profit of over 100 million rubles per organization accounted for 62% of total profit and 42% of total sales proceeds. Moreover, the situation has not seemed to change seriously since 2014 (the last year we have data for).

The next unfavorable trend lies in the high fluctuation of the industry's profit-making power across years (Table 9). The amplitude of variation as to the profitability of organizations in agriculture is much higher than the average figure in Russia's economy. Moreover, the budgetary subsidies though raising the general level of profitability cannot smooth down this differentiation.

We observe a substantial dependence of domestic agriculture on the import of technologies (Table 10). On the one hand, it looks good, as our enterprises participate in the international market of innovations. Yet on the other hand, no reliable technological foundation is laid for food security. Over the period of 2005–2015, the import of agricultural technologies (mostly purchase of licenses) exceeded the export 50-fold.

The rural areas still fall behind urban ones in living standards. The total monthly income per household member in rural areas is estimated at 19,120 rubles (2016), or 63.7% of the urban level. The share of households with average per-capita income lower than subsistence minimum amounts to 18.5% (2016) against 5.4% in the cities.

The majority of economically disadvantaged Russian families (52.2%) with incomes lower than subsistence minimum live in rural areas. In 2017, the average monthly total salary due in agriculture amounted to 23,529 rubles — 60.1 % of the average figure in the Russian economy.

The unemployment rate in rural areas amounted to 8.0% in 2017, against 4.3% in urban areas. Predominantly agricultural employment of population still remains in rural districts, though its relative weight is gradually reducing. In 2017, 19.9% of working age population in rural districts was employed in agriculture, hunting, fishing and fish farming against 25.6% in 2011.

The process of closing down the network of social infrastructure facilities continues in rural districts, especially in remote villages.

Life expectancy at birth is the summarizing indicator of living standards and quality of life. In 2017, it amounted to 73.16 years in urban areas, and 71.38 years in rural districts (by 1.78 years lower). In 2015, the birth rate in rural areas started falling behind the urban level (11.2 per mil against 11.6 per mil in 2017).

These trends lead to migration of young population of rural districts to the cities. As the Russian National Agricultural Census of 2016 (Table 11) showed, the share of young workers is reducing in the structure of employed in agriculture, while the one of pensioners is growing.

According to the Federal State Statistics Service (Rosstat), the number of country dwellers will drop by 2.8 million people or 7.3% by 2030. The rural population is gradually concentrating in suburban areas, which leads to social desertification of rural districts creating geopolitical risks. Over the past 5 years (2014–2018), the number of villages (rural municipalities) has reduced from 18,500 to 17,700 (by 4.2%).

In general, the current model of agricultural policy has ensured growth in agriculture, food independence of the country with regard to key products, and gradual build-up of export. However, this policy has its weaknesses as well — the unevenness of development across industries, volatility of manufacturers' incomes, bipolarity of agrarian structure (highly profitable farms are concentrated at one pole, while farms working on the brink of recoupment — at the other one), dependence upon the import of technologies, etc.

We need a switchover to the policy that ensures not only economic growth, but a higher quality of this growth as well, i.e. the growth meeting the criteria of economic, social and environmental efficiency, as well as aimed at liquidation of structural, inter-sectoral and territorial disproportions.

The main lines of new agrarian policy are to include:

1. Priority development of export-oriented sectors: the country faces an ambitious task of raising the export of food and agricultural raw materials to \$45 billion by 2024, and speed-up the development of industries that have not yet reached threshold values of food security: production of milk, cattle meat, vegetables under glass, fruit and berries.

2. Encouragement of medium and small agricultural enterprises and farms by way of including them into the value added

chains and improving the access to subsidies and loans for them. In order to accomplish the first task, we need a comprehensive development of vertical agricultural cooperation — i.e. cooperatives that deal with procurement, sales, processing and services. The accomplishment of second task requires the improvement of fiscal and credit support of the industry.

Currently, the budget subsidies and loans are predominantly accessible for big business. The National Agricultural Census of 2016 showed that 69% of agricultural organizations at the average have obtained subsidies from the federal budget and budgets of Russia's constituent entities; at that, large organizations can boast of a higher figure — almost 76%, while small companies account for only 56%. As far as farmers and sole proprietors are concerned, the figure is even lower — 35%. Similar picture is observed with regard to loans. Naturally, these proportions should be changed.

3. The third line lies in a new scientific and technological policy, including the integration of science and education through the creation of agrarian research universities in the key agricultural regions of the country; foundation of a public-private technological company for implementing R&D results in production; and development of information and consulting service.

4. The fourth line lies in switchover to new model of territorial development by way of creating development centers in small towns and rural municipalities, independent of large agglomerations' influence; reforms of self-government system in rural areas; encouragement of non-agricultural employment in rural districts.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: РИСКИ 2019 ГОДА ECONOMIC POLICY: RISKS-2019

Н.И. МАСЛЕННИКОВ

Руководитель направления «Финансы и экономика» Института современного развития

N.I. MASLENNIKOV

Head of the Finance and Economics Area at the Institute of Contemporary Development

АННОТАЦИЯ

В статье освещаются экспертные ожидания в плане развития экономики и темпов роста ВВП. Автор отмечает, что тренды основных макроэкономических показателей находятся на нисходящей или стагнационной траектории, и это располагает к большей сдержанности в оценках. По его мнению, эти тенденции, скорее всего, радикально не поменяются по итогам года, а некоторые из них, возможно, проявятся даже более интенсивно. Анализ данных тенденций позволяет сформировать актуальную картину рисков, мешающих достичь плановых показателей роста, изложенных в указах президента. В статье изложена логика экономической политики, разрывы в которой можно основательно уменьшить, возвращая последней ее

подлинный смысл как системы постоянных отношений между государством, бизнесом и гражданским обществом по поводу выработки регулятивных решений и контроля за последующим их исполнением. С точки зрения автора, это на деле означает структурную реформу госуправления.

ABSTRACT

The article describes expert expectations as to economic development and GDP growth rate. The author shows the fact that the trends of key macroeconomic indicators follow a downward or stagnation path, which invites to lower-profile estimates for 2019. According to him, these trends are not likely to change dramatically, while some of them may become even more pronounced. Analysis of these trends makes it possible to draw a relevant picture of risks preventing Russia from meeting the growth targets suggested in presidential decrees. The article highlights the logic of economic policy. The likelihood of economic policy logic being disrupted can be substantially reduced by way of returning to it the genuine meaning of system of permanent relations among the state, business and civil society in the process of working out regulatory decisions and control over their execution. The author believes that it actually means the structural reform of state governance.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономическое развитие, темпы роста ВВП, логика экономической политики, траектория роста, баланс рисков, таргетирование инфляции, бюджетное правило, макроэкономическая стабильность, актуальная картина рисков

KEYWORDS

Economic development, GDP growth rate, logic of economic policy, economic growth path, inflation targeting, budget rule, macroeconomic stability, relevant picture of risks

Консенсус официальных и экспертных ожиданий перспектив роста ВВП РФ, похоже, сложившийся во второй половине 2018 года, отталкиваясь от пределов текущего потенциального выпуска в 1,5–2,0%, предполагает ускорение темпов до 3% и выше с 2021 года при условии последовательных регулятивных усилий, направленных на смягчение/преодоление структурных ограничений перехода к новой модели развития. Под этим углом зрения прошлогодние экономические итоги выглядят примечательно неоднозначными, сгущая неблагоприятные ощущения рисков для макродинамики-2019.

Прирост ВВП, оцененный Минэкономразвития в 2,0% после 1,6% в 2017 году, на первый взгляд, «смотрится» вполне убедительным свидетельством успешности, поступательности, устойчивости и т.п. В то же время большинство прогнозов на текущий год исходят из высокой вероятности реверса со снижением темпа роста на 0,4–0,7 п.п.

Во-первых, вряд ли случится повторение строительного «взлета», вложившего в повышении скорости ВВП 0,4 п.п.¹. Тем более что пересмотр Росстатом оценки перемен в объеме строительных работ (с +0,5% за январь — ноябрь до +5,3% за весь 2018-й) во многом обязан «особенностям» постановления на баланс ранее сданных объектов (стадионов, газопроводов, заводов по производству СПГ на Ямале, автотрассы на Крымском мосту и т.п.). В текущем году эксперты, например, в Infra One Research, напротив, не исключают даже некоторого дефицита качественных стройпроектов, готовых к финансированию².

¹ Минэкономразвития РФ «Картина деловой активности. Январь 2019 года», стр 1, <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/2019250106>

² См. подробнее: «Инфратруктурным деньгам не хватает проектов», Коммерсантъ, № 10 от 22.01.2019, стр. 2, <https://www.kommersant.ru/doc/3860154>

Второе обстоятельство, располагающее к большей сдержанности предположений — 2019 заключается в том, что тренды основных макропоказателей находятся на нисходящей или стагнационной траектории. Инвестиционный и внутренний спрос по итогам-2018 пока так и не восстановились до уровня 2013 года, а реальные располагаемые доходы населения (с учетом единовременной выплаты пенсионерам в январе-2017) отметились сокращением пятый год подряд. Мощь государства (с около 50%-ной долей госсектора в ВВП) не конвертируется в его способность корректировать положение дел в лучшую сторону.

Между тем данные Росстата об использовании ВВП РФ в третьем квартале 2018 года в сравнении с аналогичным периодом — 2017 г. зафиксировали несколько знаковых изменений: доля расходов на конечное потребление снизилась с 69,9 до 65,1% (в том числе у домохозяйств — с 52,0 до 48,3%), госуправления — с 17,7 до 16,6%; доля валового накопления основного капитала уменьшилась с 19,8 до 18,7%; вес материальных запасов сократился с 7,6 до 6,6%; доля же чистого экспорта кратно (!) увеличилась с 2,7 до 9,6%.

По итогам года в целом тенденции, скорее всего, радикально не поменяются. Причем по экспорту, возможно, проявятся даже более интенсивно. По оценке Банка России, профицит торгового баланса в 2018-ом подрос в 1,7 раза до \$194 млрд, причем активное сальдо счета текущих операций достигло максимума за всю историю наблюдений — \$114,9 млрд. Зеркальным отражением процесса, впрочем, стал и существенный отток капитала — \$67,5 млрд после \$25,2 млрд в 2017 году.

Отмеченные тренды складываются между тем в актуальную картину рисков: в целом на весьма неустойчивую ин-

вестактивность накладываемая прогрессирующая слабость потребительского спроса сильно закредитованного населения при значимом усилении уязвимости вклада экспорта от замедления глобального хозяйства. О том, что последнее уверенно превращается в новую реальность мировой экономики, эксперты ОЭСР предупреждали еще осенью прошлого года. В январе эстафету приняли Всемирный банк и МВФ³. Оттенки методологий не помешали общему выводу: в 2019–2020 годах торможение глобального ВВП составит 0,1–0,2 п.п. Умеренно-оптимистический взгляд аналитиков международных экономических организаций, однако, сопровождается оговорками, что баланс рисков смещен в сторону ухудшения, а вероятность более значительных снижений увеличивается, поскольку циклические факторы, ранее способствовавшие уверенному мировому росту, ослабевают быстрее, чем ожидалось.

Одна из главных причин — усиление в последние несколько месяцев взаимосвязанности торгово-политических конфликтов с масштабными коррекциями вниз финансовых рынков, что ведет к нарушениям в цепочках добавленной стоимости, сокращению объемов прямых иностранных инвестиций в мире (по оценке ЮНКТАД, на 19% в 2018 году), нарастанию сложностей в управлении долгами корпораций и государств (по расчетам Institute of International Finance, в 2018-ом их объем достиг 318% мирового ВВП).

³ См подробнее: ОЭСР, Global growth is slowing amid rising trade and financial risks, 22 ноября 2018 года, <http://www.oecd.org/newsroom/global-growth-is-slowing-amid-rising-trade-and-financial-risks.htm>; Всемирный банк, Storm Clouds Are Brewing for the Global Economy, 8 января 2019 года, <http://www.worldbank.org/en/news/immersive-story/2019/01/08/storm-clouds-are-brewing-for-the-global-economy>; Международный валютный фонд, Гита Гопинат, A Weakening Global Expansion Amid Growing Risks, 21 января 2019 года, <https://blogs.imf.org/2019/01/21/a-weakening-global-expansion-amid-growing-risks/>.

Замечу также, что в докладе Всемирного экономического форума о глобальных рисках — 2019 (представлен в январе) первые три места заняли: экономические конфликты между ведущими державами, размывание многосторонних торговых соглашений и геополитическая напряженность. Неудивительно, что на таком фоне аналитики ведущих мировых банков всерьез обсуждают вероятность наступления нового спада в рах есоnотiса, если не в конце текущего года, то к середине следующего.

На мой взгляд, на динамику российского хозяйства в 2019 году общая траектория мирового экономического цикла, безусловно, окажет сильное влияние. Еще важнее — баланс внутренних факторов. Особенность первого полугодия — адаптация к макрошоку от повышения НДС вкупе со снижением неопределенности по поводу заявленных изменений в регулятивных практиках. Задача последующих двух кварталов — старт ускорению государственных и частных инвестиций, благодаря началу исполнения нацпроектов⁴. Вероятность успеха, однако, будет зависеть от того, в какой степени могут реализоваться риски разрыва сложившейся логики экономической политики.

Как известно, денежным и финансовым властям с конца 2014 года удалось осуществить ряд преобразований в институционально-регулятивной среде, позволивших добиться макроэкономической стабилизации. Речь идет, во-первых, о переходе к таргетированию инфляции и плавающему

⁴ Повышение НДС также способно внести в это свой вклад. По оценке департамента исследований и прогнозирования ЦБ РФ, если 50–75% доходов от этой меры будут направлены на инвестиции, то совокупный среднегодовой положительный эффект на рост ВВП составит 0,6–0,7 п.п. (при консолидированном мультипликаторе в 0,55–0,65 п.п.). См. подробнее: Оценка влияния бюджета на рост ВВП в России, Аналитическая записка ДИП ЦБ РФ, ноябрь 2018, http://www.cbr.ru/content/document/file/54558/analytic_note_181119_dip.pdf.

курсу рубля. Во-вторых, об адаптации госфинансов к нефтяной конъюнктуре за счет введения бюджетного правила с ценой отсечения в \$40 за баррель (в ценах 2017 года). В-третьих, о формировании механизма, снижающего влияние волатильности нефтекотировок на внутреннюю экономику (покупки Минфином РФ через Центробанк валюты на рынке для пополнения суверенных резервов).

Новые институты и правила (их формирование в Правительстве РФ определяют как «структурные реформы в макроэкономической политике») привели к ощутимым результатам: годовой темп роста цен сократился с 17% в 2015 году до 2,5% в 2017-ом, коэффициент корреляции курса рубля с динамикой нефтяных цен снизился за это же время более чем в семь раз — с 0,95 до 0,13, вклад роста нефтяных цен в динамику ВВП стабилизировался (по итогам-2017) на уровне 0,3 п.п.

В 2018 году комбинация таргетирования инфляции и бюджетной консолидации позволила адаптироваться к новым внешним шокам и удержать относительную макроэкономическую стабильность. Умеренно жесткая денежно-кредитная политика (даже при ожидаемом в 2019-ом годовом росте индекса потребительских цен в 5,0–5,5%) сохраняет необходимые условия для формирования низкоинфляционной среды. Бюджет-2018 впервые за много лет сведен с профицитом в 2,7% ВВП. Балансирующая цена нефти снизилась с \$67 до \$49 за баррель. При этом применение бюджетного правила позволило нарастить Фонд национального благосостояния до 4,04 трлн рублей. Результат мог быть и выше, но в ноябре и декабре 2018 года из этого источника был профинансирован дефицит Пенсионного фонда России на сумму 1,11 трлн рублей.

Следует, тем не менее, иметь в виду, что монетарно-фискальная синергия усилий регуляторов не оказала заметного воздействия на темпы роста. Профицит госказны, к примеру, практически полностью ушел на покупку валюты. Подкачка «подушки безопасности», бесспорно, дело важное и нужное. Но вопросов к обоснованиям принятых решений меньше не стало.

Многие эксперты усматривают в сверхжесткой бюджетной политике одну из причин вялой и низкокачественной макродинамики. Другая точка зрения, напротив, исходит из того, что нынешняя жесткость уместна и полезна, так как принуждает правительство переходить к активной структурной политике, приступая к перезапуску (с учетом новых правил) российской институционально-регулятивной среды. На деле обе «противоположности» сходятся в том, что правильность ранее сделанного экономико-политического выбора требует доказательства содержанием и скоростью структурных трансформаций. Тем более что и таргетирование, и сдержанность в госрасходах вплотную подвели к этому рубежу. В первом случае — это акцент центральных банкиров на так называемых немонетарных факторах инфляции (низком уровне конкуренции, тарифах естественных монополий, инфраструктурных дефицитах, неразвитости малого и среднего бизнеса и т.п.). Во втором — определение наиболее неэффективных направлений госрасходов⁵ и понимание

⁵ В январе 2019 г. правительство одобрило Концепцию повышения эффективности бюджетных расходов на период 2019–2024 годов. В числе ее ключевых положений: расчет рейтинга долгосрочной финансовой устойчивости регионов, измеряющего потенциал участия в нацпроектах без федеральной помощи; проведение регулярных обзоров бюджетных расходов в целях определения их эффективности и направлений перераспределения в наиболее результативные сферы; реализация госпрограмм на основе проектных подходов; формирование системы управления налоговыми льготами и прочими преференциями; четкая координация госзакупок с годовым и трехлетним планированием расходов бюджетов всех уровней и ряд других решений.

основных причин, к тому ведущих, вкуче с предложениями перераспределения финансовых потоков в пользу секторов, «ответственных» за качество человеческого капитала.

Сложение этих «структурных эффектов» в итоге дало толчок формированию повестки регулятивных действий, исполнение которой должно означать переход к новой модели развития. В прошлые годы в разное время следование по этому вектору называли лечением «голландской болезни», избавлением от углеводородной зависимости, диверсификацией экономики и т.п.

Начало движения по маршруту, на мой взгляд, было положено в конце декабря 2017 г. Указом Президента РФ «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции», которым был утвержден соответствующий национальный план на 2018–2020 годы. Следующим этапом стал майский указ 2018 года. Цели-2024 и нацпроекты вместе с планом модернизации и развития инфраструктуры (с предполагаемым объемом финансовых ресурсов около 28 трлн рублей) придали российской структурной повестке ее нынешний облик, обозначив, таким образом, и экономико-политическую логику достижения устойчивого роста с темпом, соответствующим общемировому.

Риски разрыва этой логики существенным образом будут определять траекторию 2019 года. Главный из них, по моему мнению, заключается в немалой вероятности «провисания» структурной повестки, когда нацпроекты могут оказаться «вещами в себе», к тому же лишь условно скоординированными между собой без поддержки со стороны частных инвестиций. Однако для генерирования устойчивых мотиваций к этому бизнесу требуется радикальное обновление деловой среды. Последствия ее некомфортности уже впечатляют.

По данным ФНС, в 2018 году количество вновь созданных компаний в РФ снизилось на 18,9%, ликвидированных — увеличилось на 9,1%.

Логика политики ускорения социально-экономического развития

К началу 2019 года создание «стимулирующей деловой среды» утвердилось как приоритет в деятельности правительства. Принят шестилетний план (будет обновляться раз в полгода) «Трансформация делового климата», в котором

заложен принцип «двух ключей», когда каждый пункт считается исполненным при подтверждении этого не только профильными министерствами и ведомствами, но и бизнесом⁶. Анонсировано внедрение механизма «регуляторной гильотины», означающей пересмотр к 1 февраля 2020 года устаревших и избыточных требований, содержащихся в почти 9 тыс. ныне действующих нормативно-правовых актах. Вместе с тем сами процедуры и формы участия представителей бизнес-сообщества остались (пока?) без должной конкретизации.

Определенности в том, по каким правилам «жить дальше», не добавляет и полководье других регулятивных новаций: сменяющих друг друга подходов к объявленной реформе господдержки промышленности и индустриального экспорта; методик оценок отраслевых фискальных нагрузок; корректировок налогового маневра в «нефтянке» и т.п. Обилие предложений, конечно, лучше их отсутствия. К сожалению, степень их взаимосвязки в некую систему последующих действий не выглядит убедительно очевидной. В результате риски разрыва внутренней логики реализации сопровождаются практически каждый из пунктов российской структурной повестки.

Свидетельство тому — ход преобразований в пенсионной системе, когда повышение возраста выхода на пенсию оказалось оторванным от воссоздания накопительной компоненты. Между тем ее новая модель в виде «индивидуального пенсионного капитала», призванная сменить предыдущую версию, до конца «замерзшую» в последние пять лет, по рас-

⁶ План содержит 130 пунктов, которыми предусмотрена разработка 33 федеральных законов, 38 актов Правительства России, 21 ведомственного акта. В целях формирования электронного взаимодействия бизнеса и федеральных органов исполнительной власти План предусматривает формирование пяти электронных сервисов.

четам разработчиков, способна поднять коэффициент замещения на 10–15 п.п. с нынешних около 30% и привлечь в экономику в течение 5–7 лет 10–12 трлн рублей «длинных денег». Запуск этой мощности, генерирующей долгосрочную ликвидность и тем самым укрепляющей потенциал развития, отложен в лучшем случае на 2020 год. Следует также иметь в виду, что социальное раздражение, вызванное пенсионной квазиреформой, стало прямым следствием неадекватной политтехнологии, а именно отсутствия серьезного обсуждения в обществе планируемых решений. Тиражирование таких «кейсов» тем не менее остается в числе вызовов 2019 года.

Из бизнес-практики давно и хорошо известно, что в любом распознанном риске содержится подсказка к управлению им. Вероятность разрывов логики экономической политики, на мой взгляд, можно основательно уменьшить, возвращая последней ее подлинный смысл как системы постоянных отношений между государством, бизнесом и гражданским обществом по поводу выработки регулятивных решений и контроля за последующим их исполнением. Путь к этому не близок и не прост, поскольку означает на деле структурную реформу госуправления. Тем не менее 2019 год все еще способен шире открыть для этого окно возможностей.

* * *

Proceeding from the current potential rate of 1.5–2%, the consensus of official and expert expectations as to the outlook for Russia's GDP growth that appears to have taken shape in the second half of 2018 assumes the acceleration of growth rate on the level of up to 3% and more starting from

2021 on condition of consistent regulatory measures aimed at easing/overcoming structural constraints for the transition to a new model of development. From this standpoint, the economic results of the past year look notably ambiguous making the disconcerting sensations of risks for macroeconomic dynamics in 2019 stronger.

At first sight, the gain in GDP estimated by the Russian Economic Development Ministry at 2.0% against 1.6% in 2017 “seems” to be compelling enough evidence of success, advance, sustainability, etc. However, the majority of forecasts made for the current year proceed from high probability of reversal with decline in growth rate by 0.4–0.7 percentage points (p.p.).

First, the construction “boom” that has added 0.4% p.p.⁷ to acceleration of GDP growth will hardly repeat. Moreover, the reason behind the revision by the Federal State Statistics Service (Rosstat) of the estimate as to the changes in construction scope (from +0.5% in January–November to +5.3% for 2018 in general) lies to a large extent in “special aspects” of recognition of facilities commissioned before (stadiums, gas pipelines, LNG plants in Yamal, motor highway of the Crimean Bridge, etc.). In the current year, on the contrary, the experts — the ones of Infra One Research for instance — do not rule out even a certain shortage of major construction projects that are ready for being financed⁸.

The second circumstance inviting to lower-profile estimates for 2019 lies in the fact that the trends of key macroeconomic indicators follow a downward or stagnation path. The investment and domestic demand, estimated following the results of 2018,

⁷ Russian Economic Development Ministry “Picture of Economic Activity. January 2019”, P. 1, <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/2019250106>

⁸ See for details: “Infrastructure Money is Short of Project”, *Kommersant*, No 10 dated 22.01.2019, P. 2, <https://www.kommersant.ru/doc/3860154>

has failed to recover to the level of 2013, while the real disposable household incomes (with lump-sum payment to pensioners in January 2017 taken into account) have demonstrated decline for the fifth year in a row. The might of the state (with public sector accounting for about 50% of GDP) fails to convert into ability to change the situation for the better.

Meanwhile, the data of Rosstat dealing with the use of GDP in the third quarter of 2018 if compared to the same period of 2017 shows several significant changes: the share of final consumption expenditure has dropped from 69.9 to 65.1% (from 52.0 to 48.3% for households, and from 17.7 to 16.6% for public administration); the one of gross fixed capital formation has reduced from 19.8 to 18.7%; the weight of tangible assets has declined from 7.6 to 6.6%; while the share of net export has risen many-fold (!), namely from 2.7 to 9.6%.

Following the results of past year in general, the trends are not likely to change dramatically. Moreover, they may become even more pronounced with regards to export. According to the Bank of Russia, the trade balance surplus has grown 1.7 times to \$194 billion in 2018, while the positive balance of current account positions has reached the maximum value on record — \$114.9 billion. By the way, the mirror reflection of this process can be found in substantial outflow of capital as well — \$67.5 billion against \$25.2 billion in 2017.

Meanwhile, the abovementioned trends fall into a relevant picture of risks: the increasingly weaker consumer demand of debt-ridden households adds to unstable enough investment activity, with the contribution of export becoming even more vulnerable to the slowdown of global economy. The experts of OECD warned about the latter circumstance steadily turning into the new global economic reality back in autumn last year.

In January, the World Bank and IMF picked up the baton⁹. The nuances of methodologies did not prevent the general conclusion from being drawn: in 2019–2020, the slowdown of global GDP will amount to 0.1–0.2 p.p. The moderately optimistic view of analysts from international economic organizations, however, is beset by reservations saying that the balance of risks is tilted toward deterioration, while the likelihood of even more significant decline becomes higher, as cyclic factors promoting steady global growth before languish quicker than expected.

One of the key reasons behind it lies in stronger correlation between trade and political conflicts, on the one hand, and downward trends in financial markets, on the other hand, observed over the past several months, which leads to disorders in value added chain, drop in direct foreign investments globally (by 19% in 2018 according to UNCTAD), and buildup of problems in management of corporations' and states' debts (the amount of debts reached 318% of global GDP in 2018 according to the Institute of International Finance).

It also stands to mention that the report of World Economic Forum devoted to global risks in 2019 (presented in January) awards the first three positions in the list to economic conflicts between leading powers, erosion of multilateral trade agreements, and geopolitical tension. In this context, it is no wonder that analysts of world-leading banks seriously discuss the likelihood of new recession in *pax economica*, which is to happen by the middle of next year, if not at the end of current one.

⁹ See for details: OECD, Global growth is slowing amid rising trade and financial risks, November 22, 2018, <http://www.oecd.org/newsroom/global-growth-is-slowing-amid-rising-trade-and-financial-risks.htm>; World Bank, Storm Clouds Are Brewing for the Global Economy, January 8, 2019, <http://www.worldbank.org/en/news/immersive-story/2019/01/08/storm-clouds-are-brewing-for-the-global-economy>; International Monetary Fund, Gita Gopinath, A Weakening Global Expansion Amid Growing Risks, January 21, 2019, <https://blogs.imf.org/2019/01/21/a-weakening-global-expansion-amid-growing-risks/>

In my point of view, the general pathway of global economic cycle will naturally have a strong impact on the dynamics of Russia's economy in 2019. The balance of internal factors looks even more important. The special aspect of the first half lies in adjustment to macroeconomic shock caused by the rise in VAT in combination with rundown of uncertainty with regards to declared changes in regulatory practice. The task for the two subsequent quarters lies in kicking start to the acceleration of public and private investments thanks to the launch of national projects¹⁰. The likelihood of success, however, will depend upon the fact to what extent the risks of breakup in the logic of existing economic policy may take shape.

As is known, the monetary and financial authorities managed to carry out reforms in institutional and regulatory environment starting from 2014. These measures allowed for achieving macroeconomic stabilization. First, the matter in question is about the switchover to targeting inflation and floating ruble exchange rate. Second, these measures included the adjustment of state finance to oil prices by way of introducing the budget rule with cut-off price of \$40 per barrel (in prices of 2017). Third, it was the creation of mechanism reducing the impact of oil price quotations volatility on domestic economy (purchases of currency in the market by the Finance Ministry through the Central Bank for replenishment of reserves).

The new institutes and rules (The Russian Government defines the introduction of them as “structural reforms in macro-

¹⁰ The rise in VAT is also capable of making its contribution. According to the estimates of the Department for Research and Forecasting at the Central Bank of Russia, if 50-75% of extra incomes generated by this measure are allocated for investments, the net average annual positive effect on GDP growth will reach 0.6-0.7 p.p. (with consolidated multiplier of 0.55-0.65 p.p.). See for details: Estimate as to Impact of Budget on GDP Growth in Russia, Briefing Note of the Department for Research and Forecasting at the Central Bank, November 2018, http://www.cbr.ru/content/document/file/54558/analytic_note_181119_dip.pdf

economic policy”) have led to tangible results: the annual rate of price hikes dropped from 17% in 2015 to 2.5% in 2017, the coefficient of correlation between the exchange rate of ruble and dynamics of oil prices reduced by over 7 times over the same period – from 0.95 to 0.13, while the contribution of growth in oil prices to dynamics of GDP stabilized (following the results of 2017) on the level of 0.3 p.p.

In 2018, the combination of inflation targeting and budget consolidation allowed for getting adjusted to new external shocks and maintaining relative macroeconomic stability. The moderately tough monetary policy (even in conditions of annual rise in consumer price index of 5.0–5.5% expected for 2019) allows for maintaining the required conditions for low-inflation environment. The budget for 2018 has been run with a surplus of 2.7% of GDP for the first time in many years. The balancing oil price dropped from \$67 to \$49 per barrel. That said, the use of budget rule allowed for building up the National Welfare Fund to 4.04 trillion rubles. The figure might have been even higher, yet the government covered the deficit of Russian Pension Fund in the amount of 1.11 trillion rubles from this source in November-December 2018.

Nevertheless, we ought to have in mind that monetary and fiscal synergy of the regulators’ efforts failed to have a notable impact on the growth rate. The total surplus of state treasury, for instance, was used for buying currency. Pumping up the safety airbag is, no doubt, a matter of great importance. However, many questions still arise with regards to rationale of decisions taken.

Many experts believe the ultra tough fiscal policy to be one of the reasons behind the sluggish and low-quality macroeconomic dynamics. Others, on the contrary, proceed from the fact that the present toughness is useful and appropriate, as it makes the

government switch over to active structural policy beginning the reset (with new rules taken into account) of Russian institutional and regulatory environment. Actually, both “opposites” share the view that the correctness of economic and political choice made before requires proofs in the form of content and speed of structural transformations. Moreover, both the targeting and expenditure restraint have brought us right to this very turn. In the former case, I mean the focus of central banks on the so-called nonmonetary factors of inflation (low level of competition, tariffs of natural monopolies, infrastructure shortages, immaturity of small and medium business, etc.). In the second case, it is about identifying the most ineffective areas of public spending¹¹ and understanding the main reasons behind them, in combination with suggestions of redistributing the cash flows in favor of sectors, “responsible” for the quality of human capital.

Eventually, the addition of these “structural effects” gave an impetus to the process of drawing up the agenda of regulatory activities, the implementation of which should mean the transition to a new development model. In different periods over the past years, following this vector was called the treatment for “Dutch disease”, getting rid of hydrocarbon dependence, economic diversification, etc.

In my point of view, the first step in movement along this route was made in late December 2017, when Presidential Decree “On Main Lines of State Policy Aimed at Development of

¹¹ In January 2019, the cabinet approved the Concept of Raising the Efficiency of Budget Spending for the Period of 2019-2024. The list of its key provisions includes: analysis of rating as to the long-term financial sustainability of regions measuring the potential of participation in national projects without federal aid; regular reviews of budget spending for the purpose of identifying its efficiency and areas for redistribution in favor of the most effective spheres; implementation of state programs on the basis of project approaches; building the system of control over tax benefits and other privileges; accurate coordination of state purchases with planning the spending of budgets of all levels for periods of 1 and 3 years; and some other decisions.

Competition” was issued. This document approved the respective national plan for the period of 2018–2020. The “May decree” of 2018 heralded the next stage of the process. The goals for 2024 and national projects in combination with the plan dealing with upgrade and development of infrastructure (with expected financial resources of about 28 trillion rubles) have formed the present image of the structural agenda, thus denoting the economic and political logic of attaining sustainable growth at the rate close to worldwide level.

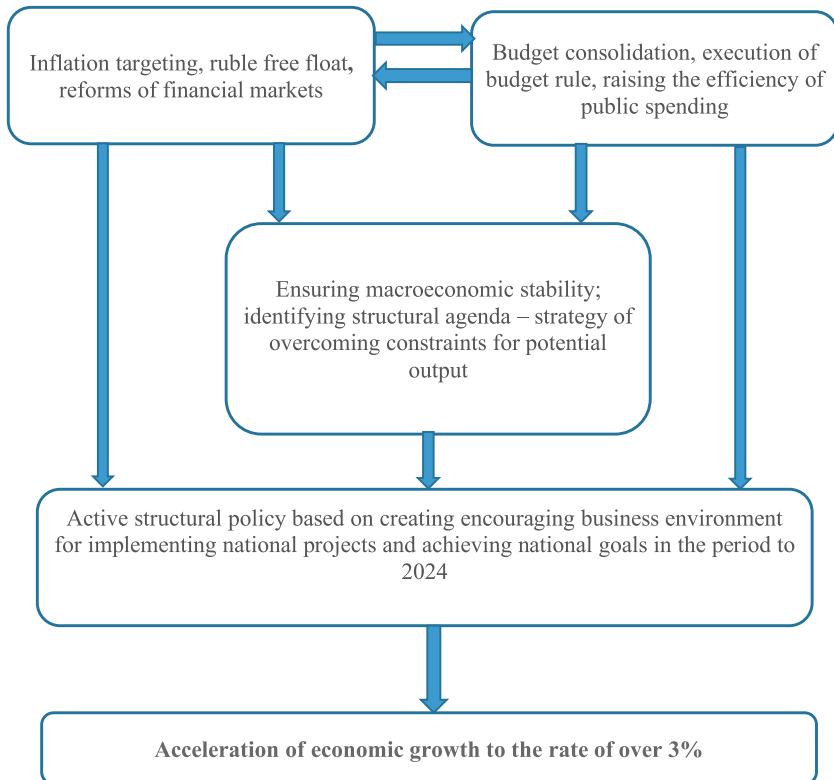
The risks dealing with disruption of this logic will determine the path of development for 2019 to a large extent. In my opinion, the main one of them lies in the slackening of structural agenda being highly likely, when the national projects may turn into “things-in-themselves”, relatively coordinated with each other without support on the part of private investments. To generate stable motivation, however, business requires radical upgrade of entrepreneurial environment. The consequences of it being uncomfortable look impressive. According to the Federal Tax Service (FTS), the number of newly founded companies dropped by 18.9%, while the one of disbanded companies rose by 9.1% in 2018.

By early 2019, the creation of “encouraging business environment” gained a foothold as priority in activities of the government. The cabinet adopted 6-year plan (to be updated twice a year) “Transformation of Business Climate” including the principle of “two keys,” which means that each provision is considered to be fulfilled only in case it is confirmed by not only the relevant ministries and departments, but business as well¹². The plan announced the introduction of “regulatory guillotine” prin-

¹² The plan contains 130 paragraphs that envision the development of 33 federal laws, 38 decrees of the government, and 21 ministerial acts, aimed at building the system of electronic interaction between business and federal authorities. The plan makes provision for creation of five electronic services.

inciple, which means the revision by February 1, 2020 of outdated and excessive requirements listed in about 9,000 effective regulatory acts. Meanwhile, the very procedures and forms of participation on the part of business community have remained (so far?) without due specification.

Logic of policy aimed at acceleration of socio-economic development

The “flood” of other regulatory innovations leaves little room for certainty as to the rules of “how to live on.” These acts deal

with alternating approaches to declared reform of state support to be rendered to industry and industrial export; methods of assessing the fiscal burden on sectors; adjustment of tax maneuver in oil industry; etc. The abundance of suggestions is naturally better than their absence. Unfortunately, the degree of their integration into a certain system of activities does not look convincing and obvious. Consequently, almost each provision of Russian structural agenda is fraught with risks dealing with disruption of inner logic.

The evidence of it can be found in the course of reforms carried out in pension system — the retirement age increase turned out to be out of sync with recreation of investment part of the pension. Meanwhile, its new model in the form of “individual pension capital” intended to replace the previous version, completely “frozen” over the past five years, is capable, according to the authors, of increasing the reproduction rate by 10–15 p.p. — from about 30% that we observe today — and raising 10–12 trillion rubles of long-term investments for the economy within 5–7 years. The launch of this capacity generating long-term liquidity and consolidating the development potential has been postponed to 2020 at best. One should also have in mind that social discontent caused by quasi-reform of pension system has become the direct consequence of inadequate political strategy, namely the fact that serious public discussion of planned decisions was missing. Nevertheless, the replication of such “cases” remains among the challenges of 2019.

It is known from business practice that any recognized risk contains a prompt dealing with the method of its management. In my point of view, the likelihood of economic policy logic being disrupted can be substantially reduced. Moreover, it is possible to return to it the genuine meaning of the system of permanent

relations among the state, business and civil society in the process of working out regulatory decisions and control over their execution. The way to it is long and not easy, as it envisions the structural reform of state governance. Nevertheless, 2019 is still capable of opening the respective window of opportunities wider.

V САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СПЭК-2019)

**«ФОРСАЙТ «РОССИЯ»:
БУДУЩЕЕ ТЕХНОЛОГИЙ, ЭКОНОМИКИ И ЧЕЛОВЕКА»
3 АПРЕЛЯ 2019 ГОДА**

**Институт нового
индустриального
развития
им. С.Ю. Витте**

**Вольное
экономическое
общество России**

**Международный
Союз экономистов**

Организатор СПЭК — Институт нового индустриального развития ИНИР имени С.Ю. Витте при поддержке Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов.

Пленарная сессия Санкт-Петербургского международного экономического конгресса состоится в формате совместного заседания Конгресса, секции экономики Отделения общественных наук РАН и научного форума Вольного экономического общества России «Абалкинские чтения».

В мероприятии примут участие ведущие учёные и эксперты, представители органов государственной власти, администраций субъектов РФ, бизнес-сообщества.

Ход и итоги заседания освещаются генеральным партнером ВЭО России – ТАСС, телеканалом «Россия 24», Общественным телевидением России (ОТР), Российской газетой, другими СМИ, в социальных медиа.

Для участия в Конгрессе необходимо пройти регистрацию на сайте ИНИР им. С.Ю. Витте по ссылке <https://inir.ru/reg/>

Место проведения: Конгресс-Центр Park Inn by Radisson Прибалтийская,
г. Санкт-Петербург, ул. Кораблестроителей д.14.

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

Вольное экономическое общество России (ВЭО России) с 1765 года, став первым институтом гражданского общества страны и установив самые высокие стандарты работы, руководствуется принципами деятельности на благо России, пользу обществу.

Императорское ВЭО основано указом Екатерины II, которая даровала ему девиз и герб, существующий до сих пор: «Пчелы, в улей мед приносящие с надписью: „Полезное“».

Просвещение, научный прогресс, развитие экономики ради благосостояния народа и объединение для этого лучших умов страны — наши главные цели уже более двух с половиной веков.

ВЭО России сегодня:

65 региональных организаций.

Более **300 000** членов: экономистов-практиков, ученых и экспертов, представителей государственной власти, делового сообщества, общественных деятелей.

За 30 лет новейшей истории ВЭО России опубликовано **11 000 000** экземпляров информационно-аналитических, научных и просветительских изданий, которые распространяются на бесплатной основе.

Вольное экономическое общество России, его региональные организации ежегодно проводят более **900** раз-

ноформатных мероприятий, направленных на содействие экономическому и социальному прогрессу страны.

В молодежных проектах ВЭО России ежегодно принимают участие более **3 000** человек из всех регионов России.

В Общероссийской образовательной акции «Всероссийский экономический диктант» приняло участие около 100 тысяч человек из 83 регионов Российской Федерации.

Основные направления деятельности ВЭО России:

Программа «Всероссийские экономические проекты»: Всероссийское экономическое собрание, посвященное профессиональному празднику «День экономиста»; Общероссийская высшая общественная экономическая премия «Экономист года»; Общероссийская образовательная акция «Всероссийский экономический диктант»; Всероссийский конкурс экономической журналистики; Общественная премия «Экономическая книга года».

Программа «Экспертная и аналитическая деятельность»: Всероссийские и региональные конференции, форумы, конгрессы, семинары; Научный форум ВЭО России «Абалкинские чтения»; экспертные сессии Координационного клуба ВЭО России, Совет экспертов ВЭО России и «Российской газеты».

Программа «Развитие творческого потенциала молодежи»: Всероссийский конкурс научных работ молодежи «Экономический рост России», Фестиваль экономической науки, Публичные лекции ВЭО России.

Программа «Просветительская и издательская деятельность»:

- «Научные труды Вольного экономического общества России», которые включены в перечень ведущих научных журналов и изданий;

- Журнал «Вольная экономика»;
- Научно-популярное издание «Беседы об экономике»;
- Приложение «Экономика» к «Российской газете»;
- Цифровая и публичная библиотека ВЭО России;
- Телевизионный проект ВЭО России: цикл телепередач Дом «Э» на Общественном телевидении России (ОТР);
- Таргетированная программа в соцмедиа и др.

Программа «Независимая оценка качества экономического образования».

Программа «Международная деятельность и развитие сотрудничества»: Международный комитет ВЭО России, совместные проекты с Международным Союзом экономистов.

Программа «Региональное развитие ВЭО России, укрепление и развитие структурных подразделений ВЭО России».

ВЭО России консолидирует усилия, чтобы содействовать решению актуальных экономических проблем, сотрудничает с государственными и общественными институтами, научными центрами, вузами, другими организациями.

На мероприятиях в Вольном экономическом обществе России можно встретить сторонников разных взглядов и приверженцев разных концепций экономического развития страны. ВЭО России — авторитетная экспертная площадка, где каждый специалист может высказать свою точку зрения и обсудить ее с коллегами. Гарантом конструктивного диалога выступает многолетний опыт Общества по аккумулярованию и анализу различных мнений, позиций и взглядов, программ и предложений.

ВЭО России открыто для всех, кто разделяет наши цели и готов к интеллектуальному сотрудничеству с прогрессив-

ными силами, нацеленными на опережающее развитие Российской Федерации.

* * *

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Since 1765, the Free Economic Society of Russia (the VEO of Russia) has become the first institution of civil society in the country and has set the highest work standards being guided by the principles of activity for the benefit of Russia and the benefit of society.

The Imperial Economic Society of Russia was founded by the decree of Catherine the Great who bestowed upon it the motto and emblem that still exists: Bees bringing honey to the hive with the inscription „Useful“.

Enlightenment, scientific progress, the development of the economy for the well-being of the people and the consolidation of the country's best minds are our main goals for more than two and a half centuries.

THE VEO OF RUSSIA TODAY:

65 regional offices;

More than 300,000 members including practicing economists, scientists and experts, officials, business community, public figures;

Over 30 years of modern history the VEO of Russia has published 11,000,000 copies of information and analysis, scientific, and educational editions to be distributed for free;

The Free Economic Society of Russia and its regional offices annually hold more than **900** events in different formats aimed at promoting the economic and social progress of the country;

More than **3,000** people from all Russian regions annually take part in youth projects of the VEO of Russia.

The Russian National Economic Test gathered around 100 thousand participants from 83 Russian regions.

MAIN ACTIVITIES OF THE VEO OF RUSSIA:

Russian National Economic Projects (Program): the Russian National Economic Assembly marking the Economist's Day; the Russian National Higher Public Economic Award titled "Economist of the Year"; the Russian National Economic Test Education Event; the Russian National Economic Journalist Contest; Economic Book of the Year Public Prize.

Expert and Analytical Activities (Program): national and regional conferences, forums, congresses, seminars; Abalkin Readings Scientific Forum of the VEO of Russia; expert sessions of the Coordination Club of the VEO of Russia, Council of Experts of the VEO of Russia and Rossiyskaya Gazeta newspaper.

Development of Youth Creativity Potential (Program): the Russian National Youth Scientific Work Contest named "Economic Growth of Russia", Festival of Economics, Public Lectures of the VEO of Russia.

Enlightenment and Publishing Activities (Program):

- Scientific Works of the Free Economic Society of Russia included in the list of main academic periodicals and publications;
- Volnaya ekonomika (Free Economy) magazine;
- Besedy ob ekonomike (Conversations about Economy) popular science edition;

- Ekonomika (Economy), a supplement to Rossiyskaya Gazeta;
- Digital and public library of the VEO of Russia;
- TV project by the VEO of Russia: Dom E (House E) TV programs on Public Television of Russia (OTR);
- Target program in social media, etc.

Independent Assessment of Economic Education Quality (Program).

International Activities and Cooperation Development (Program): International Committee of the VEO of Russia, joint projects with the International Union of Economists.

Regional Development of the VEO of Russia, Strengthening and Developing Structural Units of the VEO of Russia (Program).

The VEO of Russia consolidates efforts to assist in solving urgent economic problems, cooperates with state and public institutions, research centers, universities, and other organizations.

Events by the Free Economic Society of Russia gather people of different views and supporters of different concepts with regard to the country's economic development. The VEO of Russia is a reputable expert platform where any expert can express their own point of view and discuss it with colleagues. The guarantor of the constructive dialogue is the long-term experience of the Society in accumulating and analyzing various opinions, positions and attitudes, programs and proposals.

The VEO of Russia is open to all who share our goals and are ready for intellectual cooperation with progressive forces aimed at advancing the development of the Russian Federation.

Московский академический экономический форум (МАЭФ)

**«ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РОЛЬ
НАУКИ: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС»**

15–16 мая 2019 года

г. Москва, Российская академия наук

Вольное
экономическое
общество России

Российская Академия Наук

Международный
Союз экономистов

Организаторы форума: Вольное экономическое общество России (ВЭО России), Российская академия наук (РАН), Международный Союз экономистов (МСЭ).

Открытие МАЭФ, пленарные сессии и конференции Московского академического экономического форума пройдут 15 мая в Российской академии наук (г. Москва, Ленинский проспект, 32а, зона Д).

Участники МАЭФ: ведущие ученые и эксперты России и мира, молодые исследователи, представители федеральных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, администраций субъектов РФ, представители образовательного сообщества России, деловых кругов, международных и российских общественных организаций.

Официальный партнер МАЭФ: «Российская газета»,
генеральный информационный партнер: ТАСС.
Мероприятия Московского академического экономического форума
будут освещаться каналами ЦТ, ведущими СМИ.

Подробная информация о МАЭФ размещается на сайте ВЭО России
www.veorus.ru/maef

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ (МСЭ)

**ДЕВИЗ:
К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ И СОЦИАЛЬНОМУ
ПРОГРЕССУ – ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ И СОТРУДНИЧЕСТВО**

Международный Союз экономистов — международная независимая неправительственная общественная организация — основан в 1991 году в целях содействия мировому экономическому и социальному прогрессу. В настоящее время объединяет представителей из 48 стран мира — это национальные и региональные союзы и ассоциации экономистов, выдающиеся экономисты — ученые и практики, государственные и общественные деятели, представители делового сообщества.

Международный Союз экономистов имеет генеральный консультативный статус экономического и социального совета организации объединенных наций (ЭКОСОС) с 1999 года; ассоциирован с департаментом общественной информации ООН.

Основные цели и задачи МСЭ:

- содействие экономическим реформам;
- участие в разработке и реализации национальных и международных проектов и программ, направленных на ускорение экономического роста и стабилизацию экономического положения в странах, на

развитие интеграционных процессов в различных регионах мира;

- обеспечение широкого международного обмена информацией в различных областях экономики, науки в целом;
- создание условий для обмена идеями, опытом, знаниями в организации и управлении;
- расширение сотрудничества с национальными и международными организациями, союзами, ассоциациями в сфере социально-экономической и научно-технической мысли;
- поиск и внедрение новых форм международного сотрудничества.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Поздняя осень 1991 года. В Советском Союзе к ноябрю сложилось фактическое двоевластие, уже прошел парад суверенитетов бывших республик СССР, уже два года, как рухнула Берлинская стена, и год Германия живет как единое государство, прошли более или менее «бархатные» революции в бывших соцстранах. Всем мыслящим людям было очевидно, что новое время наступило, но вот очертания будущего пока неочевидны, ясно лишь то, что государственно-бюрократической экономике приходит конец и нужно серьезно думать над тем, по какому пути идти бывшим соцстранам дальше.

Именно в эту пору в Санданске, Болгария, по инициативе Всесоюзного экономического общества (ВЭО — советского предшественника Императорского ВЭО и современного ВЭО России) собрались экономисты, общественные деятели, предприниматели из нескольких стран на Учредительный

съезд Международного Союза экономистов. С самого начала члены нового Союза понимали, что, какими бы ни были политические процессы, необходимо общение экономистов не на идеологической основе, а на сугубо профессиональной, максимально свободной от идеологем.

Сейчас, 27 лет спустя, мы видим, насколько верным было это решение, которое отчасти и помогло сохранить, конечно, во много раз урезанном виде, экономические связи бывших ближайших союзников. В то переходное время Организация Объединенных Наций и другие авторитетные международные структуры поддерживали и содействовали созданию общественных объединений с участием стран с меняющейся экономикой.

Как говорят создатели Союза, они стремились объединить интеллектуальные силы профессионалов разных стран, вовлечь в экспертный диалог по важнейшим проблемам ученых, политиков, деловых людей и представителей общественности, заинтересованных в снижении социальных издержек современного экономического мироустройства.

Международный Союз экономистов быстро набрал вес, с 1995 года — ассоциирован с Департаментом общественной информации секции неправительственных организаций ООН; с 1999 года — имеет Генеральный консультативный статус Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС ООН).

В рамках МСЭ были созданы и эффективно работают научно-исследовательские, образовательные, консультационные структуры. Союз объединяет экономистов-ученых, практиков, общественных деятелей, финансистов и предпринимателей из 48 стран мира, имеет официальные представительства в 21 государстве.

Союз экономистов стремится:

- консолидировать вокруг МСЭ ответственных профессионалов;
- создать форум для обмена мнениями по важнейшим вопросам мировой экономики;
- содействовать формированию культуры независимых экспертных оценок и исследований;
- способствовать формированию культуры глобального мышления;
- содействовать формированию идеологии партнерства и ответственности;
- содействовать просвещению мирового сообщества в сфере глобальных тенденций экономического развития цивилизации;
- влиять на формирование политики посредством непредвзятого и независимого анализа ситуации или проблемы.

За 27 лет МСЭ удалось найти такие оптимальные и эффективные экспертные форматы, которые позволили Союзу стать открытой и независимой интеллектуальной площадкой для экономистов различных стран.

Сегодня на экономической карте наблюдаются фундаментальные изменения. В этих условиях очень важно своевременно предложить мировому сообществу новые формы делового и творческого сотрудничества.

Инициаторами преодоления привычных стереотипов в политике и экономике в XXI веке будут выступать, прежде всего, общественные организации, и ООН избрала приоритетный курс на кардинальное расширение сфер взаимодействия с национальными и международными неправительственными организациями, которые играют

в современном мире огромную роль в стимулировании правительств к разработке новых стратегий развития.

Генеральный консультативный статус в ЭКОСОС позволяет МСЭ с трибуны ООН и других международных авторитетных организаций доносить рекомендации в решении актуальных проблем современности.

Членами Международного Союза экономистов могут быть юридические лица, организации, экономисты и другие специалисты, подавшие письменные заявления о приеме в члены МСЭ, разделяющие цели МСЭ, соблюдающие Устав МСЭ и заинтересованные в участии проводимых Союзом мероприятий.

Подробная информация о МСЭ на официальном сайте — www.iuecon.org

* * *

INTERNATIONAL UNION OF ECONOMISTS (IUE)

**MOTTO:
TO ECONOMIC AND SOCIAL PROGRESS – THROUGH
DIALOGUE AND COOPERATION**

The International Union of Economists (IUE) is an independent international nongovernmental organization founded in 1991 by academic and practicing economists, bankers and entrepreneurs from across the world to facilitate the global economic and social progress. Nowadays it unites the representatives from 48 countries of the world. The IUE mem-

bers are national and regional unions and associations of economists, outstanding economists — scientists and practitioners, public figures, social activists and representatives of business circles.

The International Union of Economists is in the General Consultative Status with the United Nations Economic and Social Council (ECOSOC) since 1999; is associated with the United Nations Department of Public Information, Non-government Organizations (DPI NGO UN).

IUE MAIN OBJECTIVES AND TASKS:

- Promoting economic reforms;
- Participation in the development and implementation of national and international projects and programs, aimed at accelerating economic growth and stabilizing the economic situation in countries, developing integration processes in various regions of the world;
- Providing a broad international exchange of the information in general in various areas of the economy and science;
- Creating conditions for the exchange of ideas, experience, knowledge in organization and management;
- Expanding cooperation with national and international organizations, unions, associations in the field of social and economic and scientific and technical thought;
- Searching and implementing new forms of international cooperation.

HISTORICAL SKETCH

Late autumn 1991. By November, the actual state of dual power had developed in the Soviet Union, the parade of sovereignties of the former Soviet republics had already taken place, the

Berlin Wall had collapsed already two years ago, and Germany had lived as a single state for a year, and velvet revolutions had taken place in the former socialist countries. It was obvious to all thinking people that the new time has come, but the outlines of the future are not yet obvious, it's only clear that the state-bureaucratic economy is coming to an end, and it needs to seriously think about which way the former socialist countries should move on. It was at that time in Sandansk, Bulgaria, at the initiative of the All- Union Economic Society (the soviet successor of the Imperial Free Economic Society and predecessor of the Russian Economic Society), economists, public figures and businessmen from several countries gathered at the Founding Congress of the International Union of Economists (IUE). From the very beginning, the members of the new Union understood that, whatever the political processes, it is necessary for economists to communicate not on an ideological basis, but on a strictly professional basis to be free from ideology.

At present, 27 years later, we see how correct this decision was, which to a certain degree helped to preserve, of course, in significantly reduced form, the economic ties of the former close allies. At that transition time, the United Nations and other authoritative international structures supported and facilitated the creation of public associations with the participation of countries with changing economy.

As the founders of the Union say, they sought to unite the intellectual forces of professionals from different countries, to engage in expert dialogue on the most important problems of scientists, politicians, businessmen and community leaders interested in reducing the social problems of the modern economic world order.

The International Union of Economists quickly gained good reputation; since 1995 — associated with the UN Department of Public Information (Non- Governmental Organization Section); since 1999 — is in the General Consultative Status with the United Nations Economic and Social Council (ECOSOC).

Within the framework of IUE, research, educational and consulting structures have been established and are effectively operating. The Union unites economists, scientists, practitioners, public figures, financial experts and entrepreneurs from 48 countries of the world, has its official representative offices in 21 states.

THE INTERNATIONAL UNION OF ECONOMISTS SEEKS TO:

- consolidate responsible professionals around IUE;
- create a forum for the exchange of views on major issues in the world economy;
- promote the formation of culture of independent expert judgment and research;
- promote the formation of culture of global thinking;
- promote the formation of ideology of partnership and responsibility;
- to promote education of the world community in the field of global trends in the economic development of civilization;
- influence policy making through an unbiased and independent analysis of a situation or problem.

For 27 years, IUE managed to find such optimal and effective expert formats that allowed the Union to become an open and independent intellectual platform for economists from various countries.

Today on the economic map there are fundamental changes. Under these conditions, it is very important to promptly of-

fer the world community new forms of business and creative cooperation.

The initiators of overcoming habitual stereotypes in politics and economics in the 21st century will be primarily public organizations, and the UN has chosen a priority course to radically expand its interaction with national and international nongovernmental organizations that play a huge role in the modern world in encouraging governments to develop new development strategies.

The General Consultative Status in ECOSOC allows IUE from a rostrum of the United Nations and other international authoritative organizations to convey recommendations in solving existing burning problems.

Any entity, organization, as well as any economist and other expert interested in participating in the IUE's events is entitled to have membership of the IUE upon duly made application, on the condition of sharing the goals of the IUE and respecting the Charter of the IUE.

Visit www.iuecon.org for more information on the activity of The International Union of Economists

ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Статья представляется в электронном виде в формате Word с расширением doc или docx.

1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.

1.3. Параметры страницы:

— верхнее и нижнее поля — 20 мм,

— боковые поля: левое поле — 30 мм, правое поле — 20 мм.

1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.

1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.

2. Структура статьи:

— название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;

— название статьи в переводе на английский язык;

— автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;

— информация об авторе(ах) на английском языке: ФИО (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

— краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);

— развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

— на русском языке (до 10);

— на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

— таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;

— иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на английском,

французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации – BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом). Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках] и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи:

- подробные адресные данные автора(ов);
- полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), и e-mail автора(ов).

5. При направлении статьи в электронном виде необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте). Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией первого автора.

6. В первоочередном порядке к публикации принимаются статьи авторов, являющихся членами ВЭО России.

7. Статьи принимаются вместе с оригиналом квитанции о подписке автора на Научные труды ВЭО России на ближай-

шее полугодие (для иногородних квитанция отправляется заказным письмом в Правление ВЭО России, по адресу: Москва, ул. Тверская, д. 22а).

По вопросам публикации статей следует обращаться в ВЭО России по телефону:

+7 (495) 609-07-60, e-mail: info@veorus.ru

REQUIREMENTS FOR SCIENTIFIC ARTICLES TO BE PUBLISHED IN THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA JOURNAL

1. The article is submitted in electronic Word format with the extension .doc or .docx

1.1. A scientific article must consist of at least 5 and no more than 15 pages with charts, references and visuals.

1.2. Text Options: Times New Roman, font size — 12, line style — 1.5, first line indent — 1.25.

1.3. Page Border Options: top and foot — 20 mm, sidebar: left — 30 mm, right — 20 mm.

1.4. Notes: Times New Roman, font size — 11, line style — 1, full-out.

1.5. No automatic hyphenation.

2. Article Structure:

– title of the article in Russian bold capital letters;

– title of the article in English;

author(s) (full name): left align, bold typeface; information about the author (s): academic degree, position, the author's employer (for each co-author if any) in Russian;

– information about the author(s) in English: full name (transliteration), academic degree, position, employer (for each co-author if any).

2.1. Abstract:

– short abstract in Russian (one paragraph, no more than 600 characters) must be informative (reflect the main research goals and methods, summarize the most important results and the

scientific value of the article) and structured (following the logic of the article);

– detailed abstract in English (100–150 words on average) must reflect the main content of the article in literate English using special English terminology.

2.2. Keywords:

– in Russian (no more than 10);

– in English (no more than 10).

2.3. Article text:

– the charts in the text or its annex must be titled, each chart in the text must have a corresponding link. The charts in the electronic version must be given in separate files;

– images must be grouped with sequence number and titles. When writing mathematical formulas, drafting graphs, diagrams, flowcharts, please use font size no less than 10.

3. References:

3.1. It is necessary to give a list of references in the standard format established by the Russian Science Citation Index System. The list of references must be made in Russian and in Latin letters: Russian-speaking sources need transliteration, sources in English, French, German and other languages must be indicated in the original. Automatic transliteration is available at <http://translit.ru> (transliteration standard – BSI; transliteration presetting).

3.2. References in the list must be numbered sequentially, in the order of their first mention in the text (according to GOST). References in the text, charts and figure captions must contain Arabic numerals [in square brackets] and, if necessary, a specific page(s) indication. Only semantic footnotes remain per page (comments, additions, etc.).

4. Contact details for each author must be given in Russian and English at the end of the article: detailed address of the author(s), the full mailing address of the sending organization(s), the author's email.

5. When sending the article in the electronic form, please attach to the article a letter from the organization or supervisor, recommending the article for publication (scanned). The name of the file containing the scientific article must match the name of the first author.

6. Articles by members of the VEO of Russia and the International Union of Economists are published first.

7. Articles must be sent along with the author's original subscription receipt to the Scientific Works of the VEO of Russia for the next six months (Non-residents must send the receipt to the VEO of Russia by registered post at 22A Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia).

Feel free to contact the VEO of Russia regarding any questions on publishing articles:

+7 (495) 609-07-60, email: info@veorus.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
2018**

Том двести четырнадцатый

Информационно-аналитическое издание
для членов Вольного экономического общества России

Опубликовано при поддержке Международного Союза экономистов

Москва, 2018

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России —
125009, Москва, ул. Тверская, 22а

Над выпуском работала:
А.В. Бобина

Подписано в печать 10.12.2018. Заказ № 251. Тираж 1000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.
Лицензия на издательскую деятельность — ИД № 01775 от 11.05.2000.

Подписной индекс — 10920
в Каталоге российской прессы «Почта России»

© Вольное экономическое общество России, 2018

ISBN 978-5-94160-196-7
ISSN 2072-2060

Scientific publication

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
2018

Volume two hundred fourteenth

Information and analytical edition for members
of the Free economic society of Russia

Publication supported by the International Union of Economists

Moscow, 2018

Published by the Free economic society of Russia
#22a, Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Responsible for edition:
A.V. Bobina

Signed for printing on 10.12.2018. Order № 251. Circulation: 1000 copies.

The certificate of Mass-media registration — PI № 77-3786 20.06.2000.
License for publishing activities — ID № 01775 11.05.2000.
Subscription code 10920 in the Catalogue of Russian press by Russian Post.

© The Free economic society of Russia, 2018

ISBN 978-5-94160-196-7
ISSN 2072-2060

